
ПК
45
Ж-40
Жбанков Д. Н.
Телесные наказания в России
М., - 1899 -

ТѢЛЕСНЫЯ НАКАЗАНІЯ

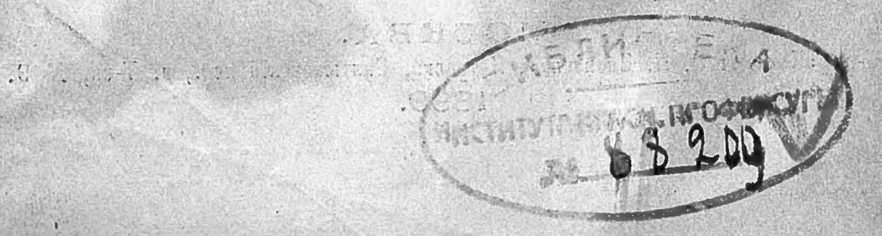
ВЪ РОССІИ

ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

Составили члены коммиссіи, избранной VI съѣздомъ врачей
въ память Н. И. Пирогова,

Д. Н. Жбанковъ и Вл. И. Яковенко.

МОСКВА.
Т-во «Печатня С. П. Яковлева», Петровка, Салтыковскій пер., д. Т-ва, № 9.
1899.

№ 68209

СОДЕРЖАНIЕ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

НАПЕЧАТАНО.	НУЖНО ЧИТАТЬ.
Стр. 2, *снизу* 15-я *строка:* А. Тимофѣева	А. Тимофеева
Стр. 13, *снизу* 8-я *строка:* небывало	не бывало
Стр. 154, *снизу* 16-я *строка:* равнодушныхъ	единодушныхъ
Стр. 180, *сверху* 15-я *строка:* освидѣтельствованiями	освидѣтельствованiя
Стр. 195, въ примѣчанiяхъ, 8)	7)
7)	8)
Стр. 208, *сверху* 5-я *строка:* упрекнувшiй	упрекнувшихъ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Тѣлесныя наказанія, примѣняемыя въ настоящее время еще къ значительной части взрослаго населенія нашего отечества, являются въ современной жизни настолько аномальными, настолько устарѣвшими и въ тоже время настолько возмущаютъ общественную совѣсть, что стоитъ только собраться по какому-либо поводу большей или меньшей общественной группѣ и тотчасъ невольно возникаетъ вопросъ о необходимости добиваться отмѣны тѣлесныхъ наказаній. Уѣздныя и губернскія земскія собранія, засѣданія Вольнаго Экономическаго Общества, съѣзды врачей, засѣданія врачебныхъ обществъ и т. п. не могутъ въ огромномъ числѣ случаевъ обходить молчаніемъ этотъ вопросъ, горячо обсуждаютъ его и ищутъ пути къ уничтоженію позорящаго всѣхъ насъ пятна.

Съѣздъ русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова, бывшій въ 1896 году въ Кіевѣ, также не могъ игнорировать этого вопроса и, согласно предложенію врача Д. Н. Жбанкова, постановилъ: возбудить передъ правительствомъ ходатайство объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.

Для обоснованія этого ходатайства онъ избралъ коммиссію изъ 4 лицъ: врача Д. Н. Жбанкова, проф. М. Я. Капустина, проф. С. С. Корсакова и врача Вл. И. Яковенко. Эта коммиссія съ своей стороны поручила двумъ своимъ членамъ, авторамъ настоящей работы, Д. Н. Жбанкову и Вл. И. Яковенко собрать матеріалы, относящіеся къ вопросу о тѣлесныхъ наказаніяхъ, чтобы дать прочныя основанія для ходатайства.

Насколько намъ удалось выполнить возложенную на насъ задачу, пусть судятъ сами читатели, мы-же съ своей стороны считаемъ необходимымъ по поводу настоящаго труда сказать слѣдующее.

Мы вполнѣ понимаемъ, что благородное чувство лучшихъ представителей администраціи, общества, печати и науки, возмущенное позорностью и несправедливостью тѣлесныхъ наказаній, уже давно

подсказало имъ всѣ доводы, всѣ мотивы, на основаніи которыхъ этотъ видъ наказанія долженъ быть безусловно изъятъ изъ современной намъ жизни. Поэтому, собирая матеріалы для обоснованія ходатайства, мы сознавали, что *ничего новаго* по существу мы не можемъ сказать; тѣмъ не менѣе мы сочли своей обязанностью собрать *воедино* всѣ аргументы, высказанные разными лицами и обществами, чтобы еще лишній разъ напомнить, что тѣлесныя наказанія недопустимы, невозможны, возмутительны. Тамъ, гдѣ общественная совѣсть возмущена и не нашла еще себѣ удовлетворенія, никакое напоминаніе, никакое повтореніе не можетъ быть лишнимъ. При всякомъ случаѣ, на всякомъ мѣстѣ необходимо повторять и повторять: delenda est Carthago!

Матеріалы, которыми мы располагали, троякаго рода: во 1-хъ, научные трактаты, статьи въ журналахъ, учебники и т. п., вполнѣ или отчасти посвященные занимающему насъ вопросу; во 2-хъ, постановленія разныхъ земствъ и обществъ, разсыпанныя въ многочисленныхъ и малодоступныхъ для публики протоколахъ засѣданій; въ 3-хъ, письменныя сообщенія административныхъ и общественныхъ учрежденій, врачей, нѣкоторыхъ юристовъ, литераторовъ и пр., полученныя нами послѣ нашего обращенія въ печати („Врачъ" 1897 г. № 4 и № 29) и частныхъ писемъ ко многимъ компетентнымъ лицамъ—съ просьбою сообщить намъ все, что имъ извѣстно изъ личныхъ наблюденій или въ печати, а также послѣ циркулярнаго обращенія правленія Пироговскаго общества въ губернскія присутствія.

Всѣ эти матеріалы использованы нами не въ одинаковой мѣрѣ; все, что легко доступно читающей публикѣ—сочиненія Бинштока, Гр. Джаншіева, В. И. Семевскаго, А. Тимофѣева, А. Чернова—реферировано нами въ возможно сжатомъ видѣ, а потому всякій, кто имѣетъ возможность прочитать въ подлинникѣ эти обстоятельныя сочиненія, можетъ только просмотрѣть 1 и 2-ю главы настоящей работы, такъ какъ это есть почти-что краткая компиляція работъ вышеупомянутыхъ авторовъ.

Что касается 2-й группы матеріаловъ—постановленій земскихъ собраній, ученыхъ (по преимуществу медицинскихъ) обществъ, дворянскихъ собраній, отзывовъ писателей, частныхъ лицъ и т. д., то хотя многое изъ этого и имѣется въ печати, но недоступно для публики по своей разбросанности, а потому мы сочли необходимымъ помѣстить все это въ настоящей работѣ въ возможно полномъ видѣ (глава 4-я).

Наконецъ, матеріалы, нигдѣ не напечатанные (статистическія данныя о современной практикѣ тѣлесныхъ наказаній, личныя

наблюденія и т. п., сообщенныя намъ письменно)—приведены нами полностью (гл. 3 и 5-я). Въ главѣ 5-й, между прочимъ, въ нѣкоторой степени пополненъ пробѣлъ, существовавшій въ медицинской печати относительно вреднаго вліянія тѣлесныхъ наказаній, а именно собраны нѣкоторые факты относительно вліянія этихъ наказаній на психическое здоровье человѣка.

Послѣ всего сказаннаго вполнѣ понятно, почему въ нашей работѣ отдѣльныя главы вышли не одинаковы по величинѣ и обработкѣ.

Согласно нашимъ обращеніямъ, нами получены журналы, статьи, сообщенія, статистическія данныя отъ слѣдующихъ **учрежденій и лицъ, которымъ и выражаемъ нашу искреннюю признательность за оказанную намъ помощь въ полученіи необходимыхъ свѣдѣній:** *I. Отъ Губернскихъ Земскихъ управъ* — Вологодской, Воронежской, Вятской, Екатеринославской, Казанской (уѣздной), Калужской, Костромской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Орловской, Полтавской, Псковской, Рязанской, Самарской, С.-Петербургской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Таврической, Тамбовской, Уфимской, Харьковской, Херсонской и Черниговской. *II. Губернскихъ Присутствій*: Вологодскаго, Воронежскаго, Екатеринославскаго, Казанскаго, Костромскаго, Курскаго, Нижегородскаго, Новгородскаго, Олонецкаго, Пензенскаго, Пермскаго, Полтавскаго, Саратовскаго, Смоленскаго, Таврическаго, Уфимскаго и Черниговскаго. *III. Отъ врачей и другихъ лицъ*: К. К. Арсеньева, Н. Н. Бахметьева, В. И. Васильева, П. Возіанова, В. М. Вороновскаго, Т. Е. Гаврилова, проф. Г. Ге, Гиккеля, Ив. Гончарова, А. С. Грейденберга, И. С. Грѣхова, И. А. Дмитріева, В. И. Долженкова, Л. С. Зисмана, П. А. Илинскаго, И. Н. Кацаурова, Н. Кедрова, Е. Клевезаля, К. Колуева, В. И. Колюбакина, А. Ф. Кони, П. Н. Коновалова, А. Королько, А. В. Корчакъ-Чепурковскаго, П. П. Крылова, В. Кудрявцева, П. И. Куркина, Е. И. Лебедева, А. И. Метлиной, В. М. Михайлова, С. И. Мицкевича, И. И. Молессона, А. І. Песнячевскаго, Н. И. Попова, М. Путохина, В. Ф. Предтеченскаго, П. Розанова, Г. Сахарова, В. И. Семевскаго, А. В. Смирнова, В. Ф. Соколова, П. А. Соломина, А. З. Танцова, С. А. Удинцева, Я. А. Харкѣевича, Д. Целеритскаго, А. М. Чернова, А. П. Чехова и В. Шилля.

Вл. Яковенко и Д. Жбанковъ.

Гл. I. Краткій историческій обзоръ примѣненія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи.

Тѣлесныя наказанія до нашествія татаръ; періодъ татарскаго ига; вліяніе послѣдняго на усиленіе тѣлесныхъ наказаній; Судебникъ Ивана III-го; тѣлесныя наказанія въ сферѣ семейной жизни, въ воспитаніи и пр. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича (1649 г.). Дальнѣйшій ростъ тѣлесныхъ наказаній въ началѣ XVIII столѣтія. Первые предвѣстники начала вымиранія тѣлесныхъ наказаній въ концѣ XVIII столѣтія. Проникновеніе въ общество идеи позорности тѣлеснаго наказанія. Проекты Уголовнаго Уложенія 1754 и 1766 г.; изъятія отъ тѣлесныхъ наказаній; жалованная грамота дворянству Екатерины II; смягченія тѣлесныхъ наказаній въ смыслѣ уменьшенія жестокости ихъ; распространеніе изъятій на малолѣтнихъ, на духовенство и др. классы населенія. Уничтоженіе кнута, какъ орудія наказанія, и замѣна его плетью; періодъ шпицрутеновъ и палокъ. Изъятіе отъ тѣлесныхъ наказаній для больныхъ нѣкоторыми тяжелыми болѣзнями; роль врачей при экзекуціяхъ. Періодъ господства розги. Рѣзкій переломъ въ исторіи тѣлесныхъ наказаній вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ. Усиленіе процесса изъятій отъ тѣлесныхъ наказаній; Указъ 17-го апрѣля 1863 г.; отмѣна шпицрутеновъ, клейменія, плетей; изъятіе отъ тѣлесныхъ наказаній всѣхъ женщинъ, кромѣ ссыльныхъ. Изданіе уложенія о наказаніяхъ 1886 г. Полная отмѣна тѣлесныхъ наказаній по приговорамъ судовъ, кромѣ волостныхъ. Отмѣна тѣлесныхъ наказаній для ссыльныхъ женщинъ (Законъ 1893 г.).

Арабскій путешественникъ Ибнъ Вакшіа [1]) въ 930 году говоритъ, что русскіе князья отправляли правосудіе и могли казнить разбойниковъ. Въ ближайшій затѣмъ періодъ времени, въ эпоху Владиміра Святого, въ „Русской Правдѣ“ — за разнаго рода преступленія на первомъ планѣ стоитъ *выкупъ* (вира), но упоминается также и о *потокѣ*, который выражался въ заточеніи, изгнаніи, въ преданіи смерти. Византійское духовенство всегда стояло на сторонѣ усиленія княжеской власти и внушало послѣдней необходимость перенесенія на русскую почву византійскихъ правовыхъ началъ; на первыхъ же порахъ своего появленія въ Россіи оно говорило князю Владиміру: „Ты еси поставленъ на казнь злымъ“. Греческіе номоканоны служили для духовенства руковод-

[1]) А. Г. Тимофеевъ «Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Русскомъ Правѣ» 1897 г. Стр. 52. 53, 54.

ствомъ для духовнаго суда, который въ тѣ времена во многихъ случаяхъ простиралъ свою компетенцію и на свѣтскихъ лицъ. Сохранившійся отрывокъ суднаго закона того времени указываетъ, что за многія преступленія уже назначались *тѣлесныя наказанія*. Въ XI вѣкѣ Новгородскій епископъ Лука Жидята приказалъ отрѣзать ложно обвинявшему его холопу обѣ руки и носъ; на такой же манеръ расправлялся въ XII вѣкѣ съ подчиненнымъ духовенствомъ Владимірскій епископъ Феодорецъ. Въ тѣ времена законъ почти не вмѣшивался въ отношенія хозяина къ своему рабу (холопу); послѣдній подвергался тѣлеснымъ наказаніямъ, по усмотрѣнію своего господина, который могъ безнаказанно даже убить своего холопа, такъ какъ „Русская Правда“ гласила: „а въ холопѣ и рабѣ виры нѣтуть“. Но если рабъ ударитъ посторонняго свободнаго человѣка, и хозяинъ не желаетъ выдать его, то платитъ виру хозяинъ, а потерпѣвшій имѣлъ право убить раба, гдѣ его застигнетъ. Однако, при сыновьяхъ Ярослава это право было замѣнено правомъ наказать такого холопа тѣлесно. Тѣлесныя наказанія допускались также и для временно несвободныхъ закуповъ, которыхъ хозяинъ имѣлъ право бить „за дѣло, не въ пьяномъ видѣ“. Въ древнѣйшихъ спискахъ „Русской Правды“ есть неясное упоминаніе о *кнутѣ*: „а у колоколицы бьютъ кнутомъ безъ княжа слова, а за ту муку 80 гривенъ“. Эта статья какъ-бы указываетъ на то, что бить кнутомъ можно только по „княжу слову“, а за самовольное битье назначается штрафъ.

Итакъ, на основаніи, хотя и довольно скудныхъ историческихъ указаній можно однако придти къ тому выводу, что тѣлесныя наказанія существовали въ Россіи до татарскаго погрома, но примѣнялись они только къ рабамъ, холопамъ и къ закупамъ; свободные люди наказывались по преимуществу денежнымъ выкупомъ (вирой). Что тѣлесныя наказанія въ то время еще не были въ большомъ ходу и не считались нормальнымъ явленіемъ, доказываетъ между прочимъ тотъ фактъ, что Новгородцы, при заключеніи договора съ г. Любекомъ не согласились наказывать за воровство розгами и клейменіемъ (что, очевидно, уже практиковалось въ западной Европѣ) и замѣнили это наказаніе выкупомъ [1]. Какъ уже было сказано выше, распространенію идеи тѣлесныхъ наказаній въ до-татарскій періодъ до извѣстной степени содѣйствовало греческое духовенство, старавшееся перенести на русскую почву византійскіе порядки. Съ появленіемъ же въ XIII вѣкѣ татаръ выступаетъ на сцену еще новый факторъ, способствовавшій раз-

[1]) См. Тимофеевъ, стр. 56.

витію тѣлесныхъ наказаній въ Россіи. Такъ какъ татарскіе ханы не вмѣшивались во внутреннее управленіе княжествами, то вліяніе татарскаго ига въ смыслѣ усиленія тѣлесныхъ наказаній было не прямое, а косвенное: во 1-хъ заразителенъ былъ примѣръ жестокостей татаръ въ своей собственной средѣ, гдѣ всякое оскорбленіе и неисполненіе воли начальства каралось тѣлесно: 100 ударовъ большой палкой по спинѣ, отпиливанье камнемъ шеи, разбиваніе камнемъ головы, сдираніе съ живого кожи, сбрасываніе съ горы и т. п. дикости были у татаръ самыми обычными [1]). Во 2-хъ, татары раззорили русскій край, при чемъ особенно пострадала богатая и вліятельная часть населенія, та часть, изъ которой составлялось вѣче, которая умѣла отстаивать свои права и свободу, и съ мнѣніями которой должны были считаться князья. Татарское иго сдѣлало всѣхъ рабами.

Князь, утвержденный въ своихъ правахъ ярлыкомъ изъ Орды, являлся ханскимъ намѣстникомъ, противиться которому никто не рѣшался и не могъ. Такимъ образомъ, благодаря татарскому игу, начался быстрый процессъ закрѣпощенія всѣхъ классовъ населенія на ряду съ усиленіемъ княжеской власти. Какъ прежде хозяинъ по отношенію къ невольному человѣку назывался государемъ, а тотъ его холопомъ, такъ теперь великій князь, называвшійся прежде господиномъ или господаремъ, сталъ называться государемъ, а его служилые люди—холопами [2]).

Рядомъ съ этимъ уже въ XIV столѣтіи, идетъ усиленное распространеніе тѣлесныхъ наказаній, не только по отношенію къ холопамъ, но и къ прежде бывшимъ свободнымъ отъ тѣлесныхъ наказаній классамъ населенія. Въ этотъ періодъ русской исторіи тѣлесныя наказанія не только получаютъ обширное практическое примѣненіе (въ семьѣ, въ отношеніяхъ между собою гражданъ и т. п.), но имѣютъ тенденцію быть оформленными въ законодательныхъ актахъ, каковымъ впервые является „Судебникъ Ивана III“ (1497 годъ) [3]), заимствовавшій у татаръ разные виды тѣлесныхъ наказаній [4]). Какіе быстрые успѣхи дѣлало законодательство въ этомъ направленіи можно видѣть изъ того, что уже въ 1649 году, въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича, тѣлесное наказаніе назначается въ 140 случаяхъ преступленій и подраздѣ-

---

[1]) См. у Тимофеева стр. 57: ссылка на путешествія въ Татарію Марко Поло, Плано Карпини, Асцелина.

[2]) Костомаровъ »Начало единодержавія въ древней Руси», стр. 105.

[3]) Такимъ образомъ, въ прошломъ 1897 году всѣ «кнутофилы» могли праздновать 400-лѣтній юбилей тѣлесныхъ наказаній, оформленныхъ законодателемъ.

[4]) Гр. Джаншіевъ. «Изъ эпохи великихъ реформъ». Изд. 5-е 1894 г. Стр. 160, 161.

ляется уже на нѣсколько видовъ: 1) битье кнутомъ, 2) битье кнутомъ на козлѣ, 3) битье кнутомъ нещадно, чтобы другимъ было не повадно такъ дѣлать, 4) битье кнутомъ на торгу; 5) битье кнутомъ, водя по торгу, иногда по три дня и больше; 6) кромѣ того назначалось отрѣзаніе руки, ноги, ушей, губъ, распарываніе ноздрей; 7) наконецъ, въ 60 случаяхъ преступленій назначалась смертная казнь.

Впрочемъ, бывали случаи смягченія наказаній; напр., въ 1623 г. за неплатежъ таможенныхъ пошлинъ велѣно было чердынцевъ „въ кнута мѣсто" нещадно бить батогами,—это палки или прутья толщиною въ палецъ, которыми били по спинѣ и заднимъ частямъ безъ счета, пока распоряжавшійся экзекуціей не скажетъ „стой". Другой видъ смягченнаго наказанія—это шелепы (родъ веревочныхъ кнутовъ), которые впрочемъ употреблялись только въ духовныхъ судахъ, такъ напр., въ 1695 году нещадно бита шелепами женка Татьяна, поклепавшая на попа въ блудномъ дѣлѣ; въ 1645 г. попъ Федотъ битъ нещадно шелепами „при всѣхъ попѣхъ и при дьяконахъ", и т. п.

Широкое примѣненіе тѣлесныхъ наказаній не ограничивалось сферою свѣтскихъ людей; напротивъ, въ такой же мѣрѣ оно примѣнялось и среди духовныхъ лицъ; такъ напр., коломенскій архіепископъ Іосифъ наказывалъ своихъ подчиненныхъ шелепами, плетьми, держалъ на цѣпи; поповъ били плетьми нагихъ, и самъ архіепископъ приговаривалъ: „бей гораздо, мертвые—наши" [1]).

Господство тѣлесныхъ наказаній въ сферѣ семейныхъ отношеній и въ пріемахъ воспитанія и обученія дѣтей было оформлено въ этотъ же періодъ русской исторіи Домостроемъ Сильвестра, который училъ „смотря по винѣ и по дѣлу наказывать и раны возлагать", а въ случаѣ надобности обращаться къ плети: „не ослабляй бія младенца, но сокруши ему ребра въ юности". Симеонъ Полоцкій, воспитатель дѣтей царя Алексѣя Михайловича, даже написалъ умилительное стихотвореніе въ честь розги, а св. Димитрій Ростовскій писалъ воспитанникамъ своей школы: „Дѣти, дѣти, слышу о васъ худо... Поставляю вамъ сеньора А. Юрьева, чтобы муштровалъ васъ, якъ цыганскихъ лошадей... кто будетъ противъ... пожалованъ будетъ плетью".

Такимъ образомъ—тѣлесныя наказанія, игравшія сравнительно ничтожную роль въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ русской исторіи, стали находить себѣ широкое примѣненіе въ жизни Руси, закрѣпощенной татарами, а потомъ объединенной подъ властью Мос-

[1]) Тимофеевъ. Стр. 63.

ковскихъ князей: законодательство и литература шли въ этомъ отношеніи рука объ руку съ жизнью, пытаясь оформить и урегулировать жестокіе инстинкты, царившіе въ то время кругомъ. Въ эту эпоху расцвѣта тѣлесныхъ наказаній никакое общественное положеніе не спасало отъ нихъ; въ этомъ отношеніи всѣ были равноправны, и рабъ и вельможа.

Начиная съ XV вѣка и вплоть до конца XVIII отъ нихъ не избавлялись ни бояре, ни духовенство, ни высшіе сановники государства: Василій Косой приказалъ отсѣчь руку и ногу князю Переяславскому Роману; въ 1488 г. били кнутомъ на торгу князя Ухтомскаго и Архимандрита Чудова монастыря; въ 1495 г. въ Псковѣ были наказаны кнутомъ два священника; въ 1647 году бояринъ Стрѣшневъ подвергся жестокому тѣлесному наказанію и ссылкѣ въ Сибирь (за знакомство съ вѣдунами!); въ 1714 году биты кнутомъ два сенатора—Волковъ и Опухтинъ, и кромѣ того имъ жгли языки каленымъ желѣзомъ; въ царствованіе Елизаветы Петровны были наказаны кнутомъ двѣ знатныя дамы—Лопухина и Бестужева и т. п. Иностранецъ Барберини говоритъ (1565 г.): „Великій князь приказываетъ сѣчь, растянувъ на землѣ, знатнѣйшихъ бояръ... Нѣтъ почти ни одного невысѣченнаго чиновника“.

Такимъ образомъ, вполнѣ справедливо выражается А. Г. Тимофеевъ [1]), что „мудрено было прожить въ Московскомъ Государствѣ, не испытавъ въ какой либо формѣ тѣлеснаго наказанія“.

Послѣдующіе за Уложеніемъ 1649 года законодательные акты продолжали развивать идею тѣлесныхъ наказаній, разрабатывали ея детали, вводили новые виды орудій наказанія и т. п. Такъ въ царствованіе Петра Великаго появились неслыханныя до тѣхъ поръ въ Россіи наказанія: *шпицрутены* [2]), *кошки*, *линьки*; стали примѣняться въ свѣтскихъ судахъ плети; впервые упомянуто въ законѣ о сѣченіи *лозами* (розгами), а также *клейменіе*. Для военныхъ Петромъ придуманы [3]) слѣд. виды наказаній: 1) ношеніе оружія (нагрузятъ на солдата десятка два ружей, и онъ долженъ стоять неподвижно часовъ 5—6 подрядъ); 2) закованіе въ желѣзо рукъ и ногъ; 3) посаженіе на хлѣбъ и воду; 4) посаженіе на деревяннаго коня; 5) прогулка по деревяннымъ кольямъ; 6) батожья, по усмотрѣнію командира, безъ счета.

Въ 1713 году Якутскій воевода такъ описываетъ наказанія, которымъ онъ подвергъ бунтовщиковъ: „главнаго казнили смертью, товарищей тутъ-же на плахи клали и, снявъ съ плахъ, на козлѣ

---

1) Стр. 49.

2) Стр. 74.

3) Джаншіевъ. Стр. 160.

кнутомъ били и щеки бунтовщикамъ орломъ орлили, а иныхъ бивъ на козлѣ кнутьемъ, и по улицу въ проводку водили... достальныхъ били нагихъ батожьемъ". Въ 30—40 годахъ XVIII столѣтія встрѣчаются случаи сожженія и вкопанія живыхъ въ землю. По Елизаветинскому проекту Уложенія предполагалось ввести новую казнь—разрываніе лошадьми [1]).

Для характеристики жестокаго прошлаго времени необходимо еще указать на слѣдующее: во 1-хъ, законъ не опредѣлялъ количества ударовъ кнутомъ, плетью и т. п.; это предоставлялось усмотрѣнію судей и палачей; во 2-хъ, сила наказанія не соразмѣрялась ни съ характеромъ преступленія, ни съ силами самого преступника: старческій или дѣтскій возрастъ, женскій полъ, болѣзнь преступника и т. д. не смягчали наказанія, которое во многихъ случаяхъ бывало поразительно не пропорціонально винѣ; напр. въ 1756 году одному крестьянину вольноторговцу, „взявшему за 5 фунтовъ соли 5 коп. вмѣсто $4^1/_2$ съ $^1/_8$ долей, т. е. за излишне взятыя $^3/_8$ коп. учинено было наказаніе кнутомъ и имѣніе отписано"; въ 3-хъ, тѣлесное наказаніе не влекло за собой позора для потерпѣвшаго его,—оно разсматривалось лишь съ точки зрѣнія силы причиненнаго имъ физическаго страданія.

Что тѣлесныя наказанія въ тѣ времена были обычнымъ явленіемъ и примѣнялись ко всѣмъ безъ разбора, доказываютъ „Бытовые очерки изъ прошловѣковой жизни Смоленскихъ учебныхъ заведеній" [2]). Смоленскій епископъ Гедеонъ Вишневскій (1728—1761 гг.) обращалъ особое вниманіе на обученіе дѣтей духовенства въ основанной тогда коллегіи въ Смоленскѣ. Многіе просиживали въ коллегіи до зрѣлаго возраста и убѣгали; бѣглецовъ ловили и строго наказывали. Такъ въ 1742 г. Вишневскій постановилъ: „Утынкова за вступленіе въ бракъ безъ увольненія изъ школы, безъ благословенія епископа и отца — наказать нещадно передъ приказомъ плетьми, а жену его Агафью наказать плетьми нещадно въ самомъ приказѣ". Другой бѣглецъ, также женившійся, Иванъ Петровъ былъ сначала наказанъ батогами прикащикомъ генерала, на дворовой дѣвушкѣ котораго женился; затѣмъ закованные въ желѣзо оба были отправлены въ консисторію. Вишневскій приказалъ ихъ обоихъ заключить въ монастырь, но когда оказалось, что жена Агафья была въ „интересномъ положеніи", ее на необходимое время поселили на квартиру подъ караулъ, а затѣмъ оба—мужъ и жена по выздоровленіи были наказаны передъ консисторіей плетьми

---

1) Тимофеевъ. Стр. 75.

2) «Смоленскій Вѣстникъ». 1898 г. №№ 227 и 231.

нещадно и снова заключены въ монастыри. Черезъ годъ это „событіе“ повторилось; за поношеніе монастырей супруги снова были высѣчены передъ консисторіей и отправлены уже въ дальніе монастыри, чтобы не могли видаться и т. д.

Въ XVIII столѣтіи, когда развитіе тѣлесныхъ наказаній достигло своего апогея, начали появляться, какъ въ общественной жизни, такъ и въ законодательныхъ актахъ и правительственныхъ распоряженіяхъ, первые предвѣстники реакціи противъ жестокихъ тѣлесныхъ наказаній, и конецъ XVIII вѣка можно считать началомъ вымиранія ихъ въ Россіи. Это *вымираніе* однако похоже на безконечно-длительную агонію, такъ какъ прошло уже съ тѣхъ поръ цѣлое столѣтіе, и тѣмъ не менѣе до сихъ поръ сохранились еще остатки тѣлесныхъ наказаній, позорящіе наше современное русское общество. Первымъ симптомомъ реакціи противъ тѣлесныхъ наказаній является отмѣчаемое въ концѣ царствованія Петра Великаго сознаніе позорности кнута. Въ Указѣ 1714 года [1]) (о запрещеніи взятокъ и посуловъ) впервые упоминается шельмованіе, т. е. позорящее, лишающее чести наказаніе. Затѣмъ Петромъ Великимъ вводится въ воинскій уставъ различіе между позорящимъ и непозорящимъ наказаніемъ. Въ Указѣ 1721 года онъ объясняетъ, что шпицрутены употребляются для офицеровъ и рядовыхъ, ссылаемыхъ въ каторгу потому, что по отбытіи такого наказанія они снова могутъ служить въ войскѣ, тогда какъ наказаніе кнутомъ рукою палача лишаетъ ихъ этой возможности: прикосновеніе палача стало считаться безчестящимъ,—но пока только для военныхъ; другія же лица въ томъ числѣ и духовенство были наказываемы при Петрѣ кнутомъ, при чемъ это не лишало ихъ чести; напр. въ 1724 году нѣкоторыя духовныя лица были биты кнутомъ, но не были лишены сана, слѣдовательно имѣли возможность продолжать пастырское служеніе [2]).

Въ это же время и въ высшее общество начинаетъ проникать идея безчестія тѣлеснаго наказанія, такъ напр. князь Щербатовъ [3]) пишетъ: „Петръ, не разбирая ни роду, ни чиновъ, бивалъ приближенныхъ къ нему. Не можетъ сіе въ нашихъ обычаяхъ, имъ же введенныхъ, не странно казаться, и многіе изъ насъ восхотятъ скорѣе смертную казнь... нежели жить послѣ палокъ или плетей, хотя-бъ сіе и священными руками и подъ очами помазанника Божія учинено“. Когда установилось понятіе позорности тѣлесныхъ наказаній, болѣе вліятельные классы общества стали употреблять всѣ

[1]) Тимофеевъ. Стр. 91.
[2]) Ibid., стр. 92.
[3]) Тимофеевъ. Стр. 94.

усилія, чтобы избѣжать ихъ и сохранить свою честь неприкосновенной, причемъ въ началѣ рѣчь шла не о личной чести, не о личномъ достоинствѣ, а о чести извѣстнаго чина, ранга; затѣмъ начало вырабатываться понятіе чести сословія, независимо отъ чина и служебнаго положенія. Въ связи съ этимъ измѣняется и система наказаній: въ то время, какъ солдату назначаются плети, шпицрутены, кошки,—офицеру—штрафъ, лишеніе чина, разжалованіе въ рядовые, отставка безъ пенсіи.

Въ проектѣ Уголовнаго Уложенія 1754 года уже опредѣленно выдѣляются персоны первыхъ 8 классовъ, дворяне и знатные купцы. Въ редакціи проекта 1766 года наказанія распадаются на два вида: для привилегированныхъ и для подлыхъ; напр., за ссору и брань—первымъ назначались арестъ и безчестіе, вторымъ—плети; за подметныя письма о поджогахъ: первымъ — лишеніе всѣхъ чиновъ или ссылка, вторымъ—кнутъ и ссылка.

Этотъ процессъ освобожденія отъ тѣлесныхъ наказаній привелегированныхъ сословій получаетъ законодательную формулировку при Екатеринѣ II, которая въ жалованной грамотѣ дворянству (1785 г.) говоритъ: „тѣлесное наказаніе да не коснется благороднаго!“, а по жалованной грамотѣ городамъ та же привилегія распространяется на именитыхъ гражданъ и купцовъ первой и второй гильдій.

На ряду съ укрѣпленіемъ въ общественномъ сознаніи понятія позорности тѣлесныхъ наказаній и съ постепеннымъ освобожденіемъ отъ нихъ привилегированныхъ сословій идетъ другой процессъ—смягченіе этихъ наказаній. Первымъ мотивомъ для этого, повидимому, былъ простой утилитарный разсчетъ. Такія наказанія, какъ лишеніе руки, ноги, большое количество ударовъ кнута были наказаніями членовредительными; перенесшій ихъ преступникъ становился изувѣченнымъ, не могущимъ зарабатывать себѣ пропитанія, и государству или обществу приходилось прокармливать его. И вотъ, уже въ 1680 году появляется указъ, по которому воровъ за двѣ татьбы, „учиня наказаніе ссылать въ Сибирь на вѣчное житье, а казни не чинить“; въ 1691 г.—и за третью татьбу назначается ссылка вмѣсто смертной казни. Физически здоровый, работоспособный преступникъ могъ быть полезнымъ съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ поселенцемъ пустынной Сибири. Эта утилитарная точка зрѣнія доводится до maximum'a въ царствованіе Петра I-го, который употреблялъ арестантовъ на работы въ Азовѣ, въ Петербургѣ. Въ то же время проникаетъ въ общество сознаніе излишества жестокости наказаній; такъ въ 1728 г. приказано уничтожить въ С.-Петербургѣ столбы, на которыхъ вы-

ставлялись части тѣла казненныхъ. Въ 1732 году былъ наказанъ одинъ помѣщикъ за двойную продажу своего имѣнія вмѣсто кнута батогами: „понеже онъ старъ, для здоровья Ея Величества“. Въ проектѣ Уголовнаго Уложенія 1754 — 66 годовъ членовредительныя наказанія, кромѣ вырыванія ноздрей, уже не упоминаются, а въ Наказѣ Екатерины II говорится: „всѣ наказанія, которыми тѣло человѣческое изуродовать можно, должно отмѣнить“. Смягченіе наказаній стало сказываться и въ отношеніи законодательства къ малолѣтнимъ. Указомъ 1740 года освобождены отъ наказанія не бывшіе у присяги церковники, которымъ не было 15 лѣтъ; въ томъ же году „дѣвка Анна Иванова за поджогъ избы по малолѣтству (не было 15 лѣтъ) и иностранству ея“ освобождена отъ смертной казни. Въ 1742 году по поводу убійства, совершеннаго дѣвочкой 14 лѣтъ, Сенату былъ поставленъ вопросъ вообще о наказаніи малолѣтнихъ. Сенатъ установилъ срокъ малѣтства въ 17 лѣтъ и предложилъ за преступленія, влекущія для взрослыхъ смертную казнь, такихъ малолѣтнихъ наказывать плетьми и ссылать въ монастыри. Однако духовенство протестовало на томъ основаніи, что въ 17 лѣтъ можно вступать въ бракъ, а въ 12 лѣтъ велѣно приводить къ присягѣ. Въ виду этихъ соображеній Сенатъ согласился считать 12-ти лѣтній возрастъ освобождающимъ отъ смертной казни, наказанія кнутомъ и пытки. Но въ проектѣ Уголовнаго Уложенія 1754 года возрастъ малолѣтнихъ опредѣляется отъ 10 до 15 лѣтъ. Въ 1798 году было предписано не клеймить и не наказывать тѣлесно преступниковъ, достигшихъ 70-лѣтняго возраста, а ограничиваться ссылкой ихъ.

Наконецъ, перемѣна во взглядахъ на тѣлесное наказаніе впервые сказалась при Екатеринѣ II и въ сферѣ *педагогической*. Въ 1766 году[1]) въ новомъ уставѣ кадетскаго корпуса сказано: „благородную душу должно воздерживать опасеніемъ безчестія, а не страхомъ тѣлеснаго и вредительнаго наказанія“. Въ 1767 году запрещеніе тѣлесно наказывать дѣтей мотивируется тѣмъ, что „по физикѣ доказано, что бить дѣтей... существенное зло“. Въ планѣ Воспитательнаго Дома, составленномъ Бецкимъ, запрещались тѣлесныя наказанія для служителей „дабы юношество не пріучать къ суровости“.

Итакъ, вторая половина XVIII вѣка можетъ быть разсматриваема, какъ *эпоха перелома въ исторіи тѣлесныхъ наказаній;* послѣднія, достигнувъ maximum'а своего распространенія и жестокости, обнаружили тенденцію къ вымиранію, благодаря назрѣв-

---

[1]) Тимофеевъ. Стр. 88—89.

шему сознанію у общества и правительства о невыгодности, нечеловѣчности и позорности этихъ наказаній; наступилъ періодъ не только смягченія наказаній, но и полнаго изъятія отъ нихъ нѣкоторыхъ классовъ общества.

Въ царствованіе Павла I, по ходатайству Синода, наконецъ-то, и духовенство было изъято отъ тѣлесныхъ наказаній (1796 г.), но этой привилегіей оно пользовалось не долго, такъ какъ уже въ слѣдующемъ (1797) году тѣлесныя наказанія были возстановлены для всѣхъ сословій: бить стали всѣхъ безъ различія. Однако это обратное теченіе русской исторіи вскорѣ прекратилось со вступленіемъ на престолъ Александра I, который указомъ 1801 года возстановилъ жалованныя грамоты дворянству и городамъ, а также освободилъ отъ тѣлесныхъ наказаній духовенство. Съ тѣхъ поръ и по настоящее время идетъ вымираніе тѣлесныхъ наказаній, какъ въ законодательствѣ, такъ и въ жизни русскаго общества, при чемъ процессъ этотъ является тягостно медленнымъ: то въ видѣ крупнаго шага впередъ, то въ видѣ временнаго отступленія назадъ. Иногда, и даже въ недалекое отъ насъ время, эти отступленія назадъ были очень рѣзкія, количественно и качественно. Тѣлесныя наказанія, какъ увидимъ ниже, снова усиливались: съ одной стороны они примѣнялись къ бо́льшей массѣ населенія, а съ другой причиняли сильныя страданія и нерѣдко даже смерть, не смотря на примѣненіе менѣе жестокихъ орудій наказанія.

Въ 1808 году были изъяты отъ тѣлеснаго наказанія жены священниковъ; въ 1811—простые монахи. Въ 1817 году отмѣнено рванье ноздрей. По Своду законовъ 1833 г. изъятыми считались лица, имѣющія несомнѣнныя доказательства объ ихъ дворянствѣ, личные дворяне, дворяне иностранные, султаны сибирскихъ киргизовъ, священнослужители греко-россійскаго исповѣданія, ихъ жены и вдовы, кромѣ вступившихъ во второй бракъ съ неизъятыми, монахи, духовныя лица иностранныхъ христіанскихъ исповѣданій, высшіе чины магометанскаго таврическаго духовенства, почетные граждане, купцы 1 и 2 гильдіи, ихъ жены и дѣти въ семейномъ капиталѣ при нихъ состоящіе, нѣкоторые разряды сельскихъ должностныхъ лицъ и нижнихъ чиновъ. Нѣжинскіе греки и купцы 3-й гильдіи подлежали тѣлеснымъ наказаніямъ *только по приговору судовъ*. Въ 1835 году освобождены отъ тѣлесныхъ наказаній дѣти священнослужителей. До этого времени, какъ видно изъ предыдущаго, основаніемъ для изъятій была сословная точка зрѣнія; но въ Сводѣ 1842 года появляются въ числѣ изъятыхъ новыя категоріи лицъ, причемъ выступаетъ на сцену *новый мотивъ—образованіе*, а именно, освобождены отъ тѣлеснаго наказанія воспитанники технологи-

ческаго института, лица свободнаго податного состоянія, окончившія съ успѣхомъ курсъ наукъ реальныхъ классовъ при гимназіяхъ и уѣздныхъ училищъ, ученики школы межевщиковъ при Лѣсномъ Институтѣ, практическіе агрономы Горыгорецкой школы и т. п.—Въ Уложеніи 1845 года къ этимъ категоріямъ изъятыхъ присоединяются еще слѣдующіе: литераторы, ихъ вдовы, иностранные гости, вдовы потомственныхъ дворянъ, вышедшія замужъ за неизъятыхъ, окончившіе курсъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, особо поименованныхъ, престарѣлые свыше 70 лѣтъ, нижніе чины со знаками отличій; на время состоянія въ должностяхъ: станціонные смотрителя, ливрейные лакеи Высочайшаго двора.

На ряду съ цѣлой серіей изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія по разнымъ мотивамъ лицъ Уложеніе 1845 года дѣлаетъ шагъ впередъ сравнительно съ Уложеніемъ 1649 года еще и въ другихъ [1]) отношеніяхъ: смертная казнь, назначавшаяся по Уложенію 1649 г. въ 60 случаяхъ, осталась только въ 3—4 случаяхъ (за важнѣйшія политическія преступленія). Кнутъ, одно изъ самыхъ жесточайшихъ орудій наказанія, приводившій обыкновенно къ смерти и назначавшійся въ 140 случаяхъ преступленій, замѣненъ Уложеніемъ 1845 года—*трехвостною плетью*.

Каково было дѣйствіе кнута, можно видѣть [2]) изъ слѣд. описанія очевидца (Л. А. Сѣрякова): „при первыхъ ударахъ обыкновенно слышенъ былъ у казнимыхъ глухой стонъ, который умолкалъ скоро, затѣмъ уже ихъ рубили, какъ мясо... Когда наказанный не издавалъ ни звука, ни стона, не замѣчалось признаковъ жизни... ему развязывали руки, и докторъ давалъ нюхать спиртъ. Затѣмъ, если преступникъ оказывался живъ, то казнь продолжалась... Послѣ кнута наказаннаго сажали на барабанъ; на спину, которая походила на высоко вздутое рубленое мясо, накидывался какой-то тулупъ“. Первые удары дѣлались крестъ на крестъ, послѣдующіе вдоль и поперекъ спины; послѣ каждаго удара палачъ сбрасывалъ свободною рукою кровь, приставшую къ краямъ кнута; черезъ нѣсколько ударовъ мѣняли хвостъ кнута (изъ бѣлаго сыромятнаго толстаго ремня, твердаго какъ кость и загнутаго съ обѣихъ сторонъ желобомъ), такъ какъ онъ размягчался отъ крови и не могъ уже рубить мяса... По показанію другого очевидца (Олеарія), спина женщины, наказанной 16 ударами кнута, напоминала животное, съ котораго содрана кожа... И такое ужасающее орудіе наказанія, какъ кнутъ, назначалось вплоть до указа 1807 года безъ опредѣленія судомъ числа ударовъ! Между тѣмъ 50 ударовъ

[1]) Джаншіевъ «Эпоха великихъ реформъ». Стр. 161 и слѣд.

[2]) Тимофеевъ. Стр. 166, 167.

кнута считались очень тяжелымъ наказаніемъ; по старой терминологіи „нещаднымъ“ битьемъ считалось свыше 50 ударовъ; для большинства 100—150 ударовъ, а для всѣхъ 300—350 ударовъ сопровождались смертельнымъ исходомъ. Надо къ этому прибавить, что 10 ударовъ кнута считалось равными 30 ударамъ плети, а 10 ударовъ плети считались равносильными 40 ударамъ розогъ; слѣдовательно, исходя изъ этихъ эквивалентовъ (sui generis!) можно приравнять 100 ударовъ кнута—900 ударамъ розогъ! Итакъ, замѣну кнута плетью по Уложенію 1845 года можно считать шагомъ впередъ; къ сожалѣнію, этотъ шагъ оказался почти фиктивнымъ: практика примѣненія плети, шпицрутеновъ и другихъ наслѣдниковъ кнута – стремилась сторицею возмѣстить качество количествомъ. По этому поводу весьма характерно выражается Д. А. Ровинскій [1]): „кнутъ мало по малу сокращался въ числѣ ударовъ, а впослѣдствіи и вовсе размѣненъ на плети, которыя въ свою очередь сперва приведены въ систему, потомъ усовершенствованы и отрехвощены, и наконецъ со спины спущены на болѣе мягкія части, а шпицрутены, это дьявольское изобрѣтеніе бездушнаго нѣмца... прославились изобрѣтеніемъ новой Аракчеевской манеры“... Для ссыльно-каторжныхъ и военно-служащихъ назначались шпицрутены или прогнаніе сквозь строй; число назначаемыхъ ударовъ достигало ужасающей цифры 5000—6000—12000! Вѣроятно, это казалось еще недостаточнымъ, такъ какъ извѣстный Аракчеевъ придумалъ такую „манеру“ для шпицрутеновъ, что напр., 400 ударовъ повлекли уже смерть у одного наказаннаго мѣщанина! Между тѣмъ по Аракчеевскому рецепту приговаривали прогнать *„сквозь тысячу—двѣнадцать разъ безъ медика!“* Вотъ картина наказанія шпицрутенами [2]): „Выстраивается тысяча бравыхъ русскихъ солдатъ въ двѣ шпалеры, лицомъ къ лицу; каждому данъ въ руку хлыстъ—шпицрутенъ... Выводятъ преступника, обнаженнаго до пояса и привязаннаго за руки къ двумъ ружейнымъ прикладамъ... сзади вывозятъ на дровняхъ гробъ... раздается зловѣщая трескотня барабановъ... въ нѣсколько минутъ солдатское тѣло покрывается сзади и спереди широкими рубцами, краснѣетъ, багровѣетъ, летятъ кровавые брызги... скоро бока и спина представляютъ одну сплошную рану; мѣстами кожа сваливается клочьями... вотъ онъ свалился... живой трупъ кладутъ на дровни и снова возятъ взадъ и впередъ... и рубятъ кровавую кашу... „Тотъ, кто оставался живъ во время такого наказанія, имѣлъ огромные шансы умереть черезъ нѣсколько дней; особенно, если его отправляли этапомъ въ ссылку, не дождавшись

[1]) Джаншіевъ. Эпоха великихъ реформъ. Стр. 161.
[2]) Джаншіевъ. Стр. 166.

заживленія полученныхъ при экзекуціи тяжкихъ поврежденій. Такъ напр., военныхъ поселянъ, наказанныхъ въ 1831—32 году отправили въ ссылку уже на третій день послѣ экзекуціи, вслѣдствіе чего почти всѣ они умерли въ самомъ непродолжительномъ времени [1]). По словамъ современника (П. Павлова) бунтовавшихъ поселенцевъ „сѣкли до выпаденія кишекъ!" [2]). Въ 1831 году за холерный бунтъ [3]) изъ 1559 человѣкъ, наказанныхъ шпицрутенами (191 человѣкъ по 4000 ударовъ, 720 чел.—менѣе 1000 ударовъ) на мѣстѣ казни и вскорѣ послѣ нея умерло 40 человѣкъ! Д-ръ А. И. Ильинскій [4]) описываетъ экзекуцію, бывшую въ 1849 г. въ Казани надъ разбойниками Быковымъ и Чайкинымъ, приговоренными первый къ 12000, второй къ 11000 шпицрутеновъ. „Уже послѣ первой тысячи ударовъ спины преступниковъ побагровѣли, покрылись лоскутьями изрубленнаго мяса и спекшеюся кровью и вспухли; крики ихъ ослабѣли. Исполнители и здѣсь оказались очень жестокими. Полковникъ, распоряжавшійся экзекуціей „кричалъ во все горло", чтобы били крѣпче, не давали пощады; солдатъ, бившихъ слабо, замѣняли тотчасъ другими и самихъ наказывали тесакомъ... Послѣ 5000 ударовъ Быкова положили на телѣгу, которую везли два солдата, и еще дали 1000 ударовъ; Чайкина пришлось помѣстить въ телѣгу черезъ 3000 ударовъ и прибавить оказалось возможнымъ только 500. Тяжесть наказанія увеличивалась еще тѣмъ, что былъ сильный вѣтеръ, покрывавшій изсѣченныя спины наказанныхъ пылью. Обоихъ ихъ съ слабыми признаками жизни отправили въ госпиталь, гдѣ они умерли въ тотъ-же день".—По понятіямъ лицъ, стоявшихъ во главѣ администраціи, пишетъ кн. Голицынъ о царствованіи Николая I, тѣ, которые били палками и сѣкли... снискивали себѣ извѣстность людей твердыхъ, способныхъ и достойныхъ" [5]). Предписывалось за карантинныя преступленія наказывать шпицрутенами „употребляя въ самыхъ важнѣйшихъ случаяхъ 12 разъ черезъ 1000". Эта замѣна считалась милосердіемъ сравнительно съ смертной казнью. Повелѣвая наказать такимъ образомъ 2 евреевъ за карантинное преступленіе вмѣсто смертной казни, Императоръ Николай I написалъ [6]) на рапортѣ: „виновныхъ прогнать сквозь 1000 человѣкъ 12 разъ. Слава Богу, смертной казни у насъ небывало и не мнѣ

[1]) Тимофеевъ. Стр. 167. Цит. изъ воспоминаній А. К. Граббе «Холерный бунтъ въ 1831 г.» Рус. Стар. 1876. Стр. 533—535.

[2]) Джаншіевъ. Стр. 166. Примѣч. 10.

[3]) Тимофеевъ. L. C. Стр. 206.

[4]) Ibid. стр. 205.

[5]) Ibid. стр. 85.

[6]) Ibid. стр. 207.

ее вводить". Едва-ли это было смягченіемъ: при 12000 шпицрутеновъ у обвиняемыхъ могла остаться не болѣе, какъ тѣнь надежды спастись отъ смерти въ тяжкихъ мученіяхъ. Такимъ образомъ смертная казнь, отмѣненная въ принципѣ Екатериной II, затѣмъ оставленная Уложеніемъ 1845 года только для рѣдкихъ исключительныхъ случаевъ,—въ дѣйствительности, существовала подъ видомъ поражающаго количества плетей, шпицрутеновъ и т. п.

На ряду съ этимъ въ законодательствѣ проявляется какъ-бы *забота о безопасности наказанія для здоровья преступника*, о соотвѣтствіи силы наказанія съ физическимъ состояніемъ приговореннаго. Съ 1801 года при наказаніи шпицрутенами обязательно находился докторъ. Въ 1833 году состоялся [1]) указъ объ облегченіи наказанія для лицъ, одержимыхъ нѣкоторыми неизлечимыми болѣзнями: ихъ ссылали на каторгу и поселеніе безъ тѣлеснаго наказанія; въ нѣкоторыхъ случаяхъ вмѣсто плетей назначались, въ видѣ снисхожденія, розги. Сводомъ военныхъ постановленій 1839 года предписывалось доктору: просить въ нужныхъ случаяхъ старшаго начальника о пріостановленіи наказанія. Въ 1851 году предписано, чтобы при исполненіи приговора находился всегда врачъ; если, по его мнѣнію, преступникъ по внезапно приключившейся болѣзни или слабости не въ состояніи вынести положеннаго числа ударовъ, наказаніе должно быть отложено до излеченія или облегченія болѣзни; свидѣтельство врача подлежало контролю врачебной управы. Когда этотъ вопросъ обсуждался предварительно въ Государственномъ Совѣтѣ, то графъ Блудовъ [2]) указалъ на то, что и при наказаніи розгами можетъ быть обморокъ или болѣзнь, но въ виду того, что призывать врача при наказаніи розгами неудобно, предложилъ обязать полицейскаго чиновника пріостанавливать наказаніе и призывать въ сомнительныхъ случаяхъ врача. На запросъ, при какихъ излечимыхъ болѣзняхъ и на какой срокъ нужно дѣлать отсрочки для приведенія въ исполненіе тѣлесныхъ наказаній, медицинскій совѣтъ далъ заключеніе, что *„такъ какъ тѣлесныя наказанія нарушаютъ отправленія органовъ, особенно уже пораженныхъ болѣзнью, и особенно при худосочіи развиваютъ злокачественныя воспаленія, то для точнаго опредѣленія такихъ случаевъ пришлось-бы перечислить почти всѣ извѣстныя болѣзни"*.

Въ этомъ отзывѣ медицинскаго совѣта, ясно сквозитъ сознаніе ненормальности положенія врача въ качествѣ соучастника дикой экзекуціи; однако тому-же медицинскому совѣту, вопреки основ-

---

[1]) Тимофеевъ. Стр. 104.

[2]) Ibid. стр. 105.

ному принципу дѣятельности врача - устранять человѣческія страданія, пришлось быть составителемъ наставленія „о сохраненіи и наложеніи клеймъ“ (1846 г.). „На правой рукѣ, говорится въ этомъ наставленіи медицинскаго совѣта относительно мѣста наложенія клеймъ, на предплечьи (antibrachium), на 2 поперечныхъ пальца ниже локтевого сгиба, съ наружной стороны на толстой мясистой части, на общемъ началѣ разгибающихъ руку мускуловъ (unitium communi musculorum extensorum)“. Странно звучитъ эта научно-анатомическая терминологія въ вопросѣ, какъ изуродовать человѣка! Однако медицинская наука въ отношеніи клеймъ не стояла на должной высотѣ; клейма отъ времени стирались, доктора подвергались взысканію за неясныя или стершіяся клейма. По этому поводу медицинскій совѣтъ [1]), наконецъ, хотя и поздно (въ 1861 году) сталъ на защиту достоинства медицинскаго персонала: онъ протестовалъ противъ возложенія на фельдшеровъ обязанности клеймить преступниковъ, такъ какъ этимъ фельдшера превращаются въ палачей—*„званіе спеціальное и неимѣющее ничего общаго съ назначеніемъ и обязанностями медиковъ“*. Кромѣ того медицинскій совѣтъ заявилъ, что *„присутствіе врача при клейменіи совершенно безполезно, неприлично и унижаетъ человѣческое достоинство“*.

Несмотря на значительное, повидимому, число категорій лицъ, которыя были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія въ теченіе царствованія Александра I и Николая I, все же область примѣненія плетей, шпицрутеновъ, батоговъ (палокъ), кошекъ, линьковъ, розогъ была громадна. Въ дѣйствительности, изъятія составляли совершенно ничтожную величину по сравненію съ неизъятой массой податного сословія, мѣщанъ и разныхъ разночинцевъ. На долю этой безправной массы, выпадало битье во всѣхъ видахъ: во 1-хъ, по приговорамъ судовъ; во 2-хъ, по административному, полицейскому усмотрѣнію; въ 3-хъ, на военной службѣ по усмотрѣнію ближайшаго начальства; въ 4-хъ, для крѣпостныхъ, (а таковыхъ было большинство), по произволу помѣщика. Нужно думать, что крѣпостнымъ людямъ иногда приходилось испытывать битье не только за свои провинности, но и за вины своихъ помѣщиковъ; по крайней мѣрѣ, о подобныхъ фактахъ упоминается въ исторіи XVII и XVIII вѣковъ. Напр. въ XVII вѣкѣ кредиторъ могъ добиваться уплаты себѣ долга, ставя должника на правежъ (битье палками по голымъ ногамъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ—ежедневно, пока не уплоченъ долгъ); въ этомъ случаѣ *помѣщики могли ставить за себя своихъ крестьянъ*. Въ 1754 году были публично наказаны *кошками* крестьяне

---

[1]) Тимофеевъ. Стр. 119.

помѣщика Евреинова „*за похищеніе для него* съ качели дѣвки".

Наконецъ, и изъятыя группы лицъ въ школьномъ періодѣ своей жизни — оказывались неизъятыми: *тѣлесныя наказанія царили во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ*.

Примѣненіе тѣлесныхъ наказаній по приговорамъ судовъ нормировалось опредѣленными статьями закона за опредѣленныя преступленія; каждый могъ предвидѣть, что его ожидаетъ за то или другое преступленіе. Иное дѣло – тѣлесныя наказанія по распоряженію полиціи, помѣщика; здѣсь не было и не могло быть опредѣленныхъ нормъ: били по усмотрѣнію, чѣмъ хотѣли и сколько хотѣли. Въ 1818 году [1]) Вятскіе крестьяне, участвовавшіе въ волненіи, были биты батогами; въ 1820 году за безпорядки въ Семеновскомъ полку было бито палками 44 человѣка, получившихъ [2]) въ сложности 14.250 палокъ. Въ 1843 году по Шадринскому бунту болѣе 1000 крестьянъ было бито палками, каждому по 250, т. е. въ сложности 250.000 палокъ!

Если принять во вниманіе, что въ царствованіе Николая I насчитывалось 556 крестьянскихъ волненій [3]), охватывавшихъ иногда значительные районы, то трудно себѣ представить, какое количество палокъ было употреблено на усмиреніе ихъ...

Кромѣ батоговъ и палокъ администрація имѣла въ своемъ распоряженіи еще плеть и розги; плетью полиція пользовалась для немедленной расправы; Петербургскій и Московскій полиціймейстеры, (по свидѣтельству А. М. Тургенева) всегда имѣли въ каретахъ плети, называемыя подлипиками, и наказывали ими по усмотрѣнію. За маловажныя вины полагался *легчайшій* способъ полицейскаго взысканія [4]): плеткой по одеждѣ. Однако послѣ Уложенія 1845 года *плеть* является замѣстительницей кнута, а потому устранена изъ полицейской практики, — за то широкую роль начинаютъ играть розги, „примѣненіе которыхъ, какъ выражается А. Г. Тимофеевъ, [5]) охватывало широкій кругъ правонарушеній и дисциплинарныхъ провинностей *во всѣхъ областяхъ человѣческаго существованія*".

До XVIII столѣтія розги считались очень легкимъ наказаніемъ, а потому о нихъ даже не упоминается въ законахъ того времени. Впервые о нихъ говоритъ въ 1716 году воинскій уставъ, а въ 1720 г. – морской уставъ: розги назначаются ворамъ младенцамъ (до 15 лѣтъ). Обычное употребленіе розогъ, какъ карательной мѣры для взрослыхъ, впервые практиковалось (уже въ XVIII сто-

1) Тимофеевъ. Стр. 182.
2) Тимофеевъ. Стр. 184.
3) Тимофеевъ. Стр. 85.
4) Ibid. стр. 200.
5) Ibid. стр. 212.

лѣтіи) въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ тяжкимъ преступникамъ полагалось 40 паръ прутьевъ, при чемъ каждой парой ударялось три раза, слѣдовательно наносилось 120 ударовъ. Съ 1742 года розги входятъ во всеобщее употребленіе по приговору судовъ для несовершеннолѣтнихъ. Впослѣдствіи розга — эта „родная внучка кнута [1]), родная дочь плети“ стала примѣняться повсемѣстно и для взрослыхъ. Рекрутскій уставъ 1831 года назначалъ розги [2]) за ложное объявленіе у себя сокровенной болѣзни; въ томъ же году наказаны розгами маловажные преступники (дѣти и старики), участвовавшіе въ холерномъ бунтѣ въ Новгородской губерніи: двое наказаны 25 ударами и 24 чел. по 500 ударовъ!

Согласно своду 1833 года *полиція имѣла право наказывать розгами сельскихъ обывателей за воровство ниже 5 рублей*. Сельско-судебный уставъ разрѣшалъ наказаніе розгами за опредѣленныя преступленія отъ 10 до 60 ударовъ. Уложеніе 1845 года, отказавшись отъ кнута и замѣнивъ его плетью для тяжкихъ преступниковъ, оставивъ для военныхъ шпицрутены, — за уменьшеніемъ числа орудій тѣлеснаго наказанія, вынуждено было дать розгамъ болѣе широкое примѣненіе. Это уложеніе увеличиваетъ число ударовъ розгами до 50 — 100 (вмѣсто 10 — 60) и допускаетъ замѣну розгами ареста, заключенія въ тюрьмѣ. Но особенно широкое примѣненіе получаютъ въ это время розги по усмотрѣнію административныхъ властей. Безъ суда, по усмотрѣнію начальства розги примѣнялись въ 40-хъ годахъ въ широкихъ размѣрахъ въ войскахъ: полковой командиръ могъ дать до 800 розогъ, хотя „цифра эта не опредѣлялась оффиціально, но разумѣлась, ибо самая крѣпкая натура не могла болѣе перенести“. [3]) Образчикомъ произвола въ примѣненіи тѣлесныхъ наказаній можетъ служить слѣдующій интересный документъ [4]) сообщенный К. К. Случевскимъ и перепечатанный съ соблюденіемъ грамоты подлинника: „Приказъ резервной пѣхотѣ. Г. Нижній-Новгородъ. Сентября 12 дня 1835 года № 35“. Осматривая арестантовъ на главной гаубтвахтѣ здѣсь и въ Пензѣ содержащихся, нашелъ я, что всѣ судимые за кражу и въ подозрѣніи смертоубійства, крайне огорчены, тяжкое горе разительно отражается на лицѣ каждаго изъ нихъ и каждый очевидно отягченъ, или раскаяніемъ, или дѣйствительно по словамъ ихъ невиннымъ оклеветаніемъ. Напротивъ того, всѣ дезертиры, глядятъ

[1]) Какъ удачно выразился И. Алисовъ въ замѣткѣ «Одинъ изъ назрѣвшихъ больныхъ вопросовъ» (Русск. Вѣдом. 1897 г. ноября 24).

[2]) Тимофеевъ стр. 214.

[3]) Ibid. стр. 222.

[4]) Взято изъ «Смоленскаго Вѣстника» 1897 г. № 234.

весело, бодро, покойно, съ улыбкой и гнусная поправшая вѣру Христову душа Клятвопреступныхъ измѣнниковъ, ликуетъ какъ будто на пиру!—Чтобы *соблазну этому дать приличное направленіе*, предписываю отъ нынѣ впредь, всѣмъ пойманнымъ изъ бѣговъ и содержащимся подъ стражею, во время судопроизводства, еженедѣльно, въ день Субботній, давать по 25 лозановъ въ щетъ тѣхъ ударовъ, которые будутъ имъ опредѣлены при рѣшеніи ихъ участи, въ какое время неупустительно, полученные лозаны вычитать, по пословицѣ: долгъ платежемъ красенъ. Въ ссудѣ этой двѣ пользы: преступнику будетъ легче въ рѣшительную минуту, а мнѣ веселѣе думать, что измѣнившіе подъ моимъ начальствомъ Присягѣ, не смѣются. Кто не уважаетъ религіи, не признаетъ въ Царѣ Благодѣтеля и Отца, а въ родной намъ Россіи нѣжной Матери, тому радоваться не чему. Подлинный подписалъ: Генералъ-Лейтенантъ Скобелевъ".—Этотъ документъ хорошъ во всѣхъ отношеніяхъ: въ немъ самодурство, издѣвательство надъ личностью и страданіями людей доведены до цинизма... А вѣдь подобное отношеніе къ наказанію было въ то время обычнымъ у большинства власть имущихъ.

Въ 1834 году [1]) бунтовавшихъ татаръ Симбирской губерніи наказали розгами по 100 ударовъ каждому. При усмиреніи бунта удѣльныхъ крестьянъ въ той же Симбирской губерніи тоже прибѣгли къ розгамъ. Начали съ 70-лѣтняго старика, котораго забили до смерти, и на мертваго уже надѣли кандалы; затѣмъ били еще 13 чел. и только 14-й послѣ 300 ударовъ объявилъ, что будетъ повиноваться. Такимъ образомъ, закономъ установленная норма до 100 ударовъ была превзойдена въ этомъ случаѣ административной властью въ три раза... Въ 1842 г. крестьянъ, участвовавшихъ въ картофельномъ бунтѣ, били розгами и палками,—„удары сыпались, не смотря на безчувственное состояніе большинства... Послѣ виноватыхъ дошла очередь до общества, наказывали десятаго". Въ 1843 году въ Шадринскомъ уѣздѣ Пермской губ. было наказано розгами 1677 крестьянъ, каждому по 150 ударовъ.

Кіевское Губернское Правленіе [2]) 8 апрѣля 1849 года „слушали два отношенія губернскихъ правленій, одно Таврическаго отъ 5 февраля, а другое Херсонскаго отъ 25 февраля, въ коихъ, изъяснивъ, что въ Таврической и Херсонской губерніяхъ нѣтъ березовыхъ рощъ, изъ которыхъ бы можно заготовлять розги для наказанія преступниковъ, просятъ сіе Правленіе увѣдомить, могутъ-ли быть заготовляемы въ Кіевской губерніи ежегодно для Таврической до 6000 и для Херсонской до 20000 пучковъ березовыхъ ро-

1) Тимофеевъ стр. 217.
2) Русск. Вѣдом. 1897 г. № 180.

зогъ, и во что обойдется доставка первыхъ въ Симферополь, а послѣднихъ въ Херсонъ. Приказали: предписать всѣмъ городскимъ и земскимъ полиціямъ Кіевской губерніи, а также уѣзднымъ стряпчимъ, по собраніи изъ-подъ руки нужныхъ свѣдѣній и сообразуясь съ мѣстными удобствами, донести Губернскому Правленію, можетъ-ли быть заготовлено ежегодно прописанное количество розогъ для Таврической и Херсонской губерній, какимъ порядкомъ удобнѣе производить такое заготовленіе и доставку оныхъ и во что обойдутся, какъ заготовленіе, такъ и доставка оныхъ".—Какъ видно, уничтожались чуть не цѣлыя рощи, и при томъ, для губерній, въ то время мало населенныхъ,—сѣкли тысячами и десятками тысячъ въ одной губерніи, а въ тоже время свѣдѣнія по заготовкѣ березовыхъ прутьевъ собирались изъ подъ руки, т. е. тайно, значитъ, *такая покупка считалась зазорной.*

Кромѣ административнаго примѣненія, розги играли огромную роль еще въ рукахъ помѣщиковъ: по помѣщичьему уложенію 1763—65 годовъ розги могли [1]) назначаться по усмотрѣнію помѣщика отъ 1000 до 5000 ударовъ! Въ Аракчеевскомъ имѣніи—Грузинѣ, всегда стояли кадки съ разсоломъ, въ которыхъ мокли розги, чтобъ быть наготовѣ за малѣйшія провинности крѣпостныхъ!.. Въ какихъ размѣрахъ и въ какихъ случаяхъ примѣняли розги помѣщики, это, конечно, не поддается никакому учету, никакому опредѣленію; однако нѣтъ сомнѣнія, что тѣлесныя наказанія, налагавшіяся по усмотрѣнію помѣщиковъ и уполномоченныхъ ими лицъ (управляющихъ, старостъ и т. д.), были чрезвычайно распространены и часто переходили въ истязаніе; объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ историческіе мемуары крѣпостной эпохи.

Наконецъ, нельзя не упомянуть о розгѣ *въ школьномъ дѣлѣ.* Не смотря на попытку Екатерины II изгнать тѣлесныя наказанія въ учебныхъ заведеніяхъ, даже въ Воспитательномъ Домѣ, неоффиціально онѣ царили по всюду, а съ 1820 года онѣ получили снова оффиціальную санкцію. Въ этомъ году въ уставѣ гимназій, подвѣдомственныхъ Дерптскому Университету, сказано: „позволяется отнынѣ въ гимназіяхъ тѣлесное наказаніе". Уставомъ 1828 года розги разрѣшены въ гимназіяхъ С.-Петербургскаго, Московскаго, Казанскаго и Харьковскаго округовъ. Такая-же статья имѣется и въ уставѣ 1835 г. Училища Правовѣдѣнія. Со второй половины 20-хъ годовъ начинаютъ практиковаться тѣлесныя наказанія студентовъ Медико-Хирургической Академіи. „Въ 1838 г. [2]) студентъ

---

[1]) Тимофеевъ. Стр. 219.

[2]) Ф. С. Текутьевъ. Историческій очеркъ кафедры и клиники душевныхъ и нервныхъ болѣзней при Императорской Военно-Медицинской Академіи 1897, стр. 15 и 23.

фармаціи Иванъ Павловъ Сочинскій послѣ провала на экзаменѣ нанесъ одному профессору перочиннымъ ножемъ рану, которая оказалась пустой. Послѣ разбора дѣла Военнымъ Судомъ послѣдовало слѣдующее Высочайшее повелѣніе: „За оный поступокъ наказать Сочинскаго шпицрутенами, прогнавъ черезъ 500 человѣкъ три раза, и лишить его медали за взятіе Варшавы и польскаго знака отличія за военныя доблести 5 степени, исключить изъ военнаго званія и сослать въ каторжныя работы въ Сибирь“. Послѣднее, т. е. ссылка въ каторжныя работы въ Сибирь, замѣненное въ конфирмаціи отправленіемъ въ Кронштадтскія арестанскія роты на 10 лѣтъ, не было приведено въ исполненіе, такъ какъ Сочинскій умеръ отъ послѣдствій наказанія. По строжайшему приказанію начальства, всѣ студенты должны были присутствовать на экзекуціи, при чемъ нѣкоторые не могли перенести зрѣлища, падали въ обморокъ и были выносимы изъ строя. Современники (Н. Ф. Здекауеръ и Я. А. Чистовичъ) удостовѣряютъ, что несчастный Сочинскій былъ *больной* человѣкъ.

Употреблялись розги и въ кадетскихъ корпусахъ. Кромѣ узаконенныхъ розогъ, на практикѣ учителя въ то время не стѣснялись въ употребленіи кулака, линейки и пр. Въ учебныхъ заведеніяхъ уставомъ разрѣшались розги обыкновенно для первыхъ трехъ классовъ,—для высшихъ-же классовъ только въ видѣ исключенія; но въ дѣйствительности, учебное начальство постоянно нарушало въ этомъ отношеніи уставъ. Въ воспоминаніяхъ современниковъ сообщаются и печальные результаты такихъ педагогическихъ пріемовъ [1]), напр. кадетъ старшаго класса, которому неизбѣжно угрожала экзекуція, перерѣзалъ себѣ горло ножемъ; другой младшаго возраста бросился съ лѣстницы третьяго этажа. По статистикѣ Кіевскаго учебнаго округа за 1857—59 года подвергалось розгамъ 13—27% учащихся т. е. 1/4 часть! Только благодаря дѣятельности знаменитаго врача и педагога Н. И. Пирогова, въ этомъ округѣ сѣченіе убавилось почти въ 26 разъ. Въ 11 гимназіяхъ Кіевскаго округа въ 1858 году были высѣчены изъ 4108 учениковъ 561 т. е. почти 1/7 всѣхъ, а въ Житомирской изъ 600 было высѣчено 290—почти половина всѣхъ [2]) (да о всѣхъ-ли было сообщено, такъ какъ отчетъ то посылался попечителю Н. И. Пирогову).

Но особенно прославились битьемъ всякаго рода духовныя семинаріи того времени; въ нихъ кромѣ розогъ, по усмотрѣнію учителя, употреблялись двухъ и треххвостныя плети, палки и т. п.; били не только учителя, но и туторы (старшіе воспитанники), которымъ

---

1) Тимофеевъ стр. 221.

2) Сочиненія Н. А. Добролюбова 1896, т. I, стр. 275—276.

предоставлялось право давать плетью до 10 ударовъ. Часто наказывали „десятаго“, нерѣдко полкласса и болѣе заразъ; несѣченные составляли необычайную рѣдкость, а одинъ учитель совсѣмъ не выносилъ, чтобы кто-нибудь оставался къ концу года ни разу несѣченнымъ, онъ придирался къ пустякамъ и сѣкъ ускользнувшихъ отъ наказанія. Ни одинъ классъ не проходилъ безъ сѣченія, и нѣкоторые бурсаки были сѣчены несчетное число разъ. Авторъ книги, изъ которой мы беремъ эти свѣдѣнія, Н. Г. Помяловскій былъ, по его счету, во время бурсы наказанъ 400 разъ; иногда его сѣкли въ день по четыре раза! Драли на всякіе лады: на воздусяхъ, подъ колоколомъ, солеными розгами и пр.; число ударовъ не было ограничено, давали по 300 и болѣе ударовъ, такъ что послѣ сѣченія ученика замертво уносили на рогожѣ въ больницу... Вслѣдствіе такого „воспитанія“, бурса являлась сплошнымъ побоищемъ; наказывали учителя, били сторожа, всячески били и мучили товарищи, устраивали „пфимфы“—однимъ словомъ, бурса была, по словамъ автора, настоящимъ адомъ, изъ котораго многіе выходили совершенными звѣрями или окончательно изломанными людьми. Высѣченный четыреста разъ въ бурсѣ, Помяловскій часто потомъ задавалъ себѣ вопросъ: „пересѣченъ я или еще не досѣченъ“ [1]). Впрочемъ наше русское воспитаніе въ тѣ времена все было основано на битьѣ, даже и въ высшихъ сферахъ. Вотъ, что говорится о воспитаніи дѣтей Павла I [2]): „Со своими воспитанниками Ламздорфъ обращался строго, даже прямо жестоко. Великій князь Николай Павловичъ былъ мальчикъ характера живаго и вспыльчиваго. Ламздорфъ старался его усмирить наказаніями и доводилъ дѣло до того, что позволялъ себѣ бить его линейками, шомполами, хваталъ мальчика за воротникъ или за грудь и ударялъ его объ стѣну такъ, что тотъ почти лишался чувствъ, и такое обращеніе съ воспитанниками ни сколько не скрывалось: заявленія о жестокихъ наказаніяхъ, объ ударахъ шомполомъ постоянно встрѣчаются въ ежедневныхъ журналахъ и т. д.“—Однимъ словомъ, „*мудрено было прожить въ Московскомъ государствѣ безъ битья*“.

И такъ, заканчивалась половина XIX столѣтія, и не было видно просвѣта, когда прекратится битье русскаго человѣка въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и самыхъ широкихъ размѣрахъ, захватывая собою почти всю массу населенія, кромѣ небольшой кучки „*изъятыхъ*“. Можно было думать, что гуманныя идеи, блеснувшія въ концѣ XVIII вѣка, и нашедшія откликъ въ первой по-

---

[1]) Н. Г. Помяловскій. Очерки бурсы. Т. II. [illegible]

[2]) Н. Дубровинъ. Матеріалы и черты къ біографіи Николая I (Прив. по «Русскимъ Вѣдомостямъ» 1897, № 209).

ловинѣ царствованія Александра I, погибли безвозвратно. Точно какая-то мрачная стихійная сила заглушала и не давала ходу чувствамъ человѣчности даже въ томъ случаѣ, когда онѣ исходили изъ сердца такихъ могущественныхъ монарховъ, какъ Александръ I, глубоко возмущавшихся безчеловѣчнымъ отношеніемъ къ преступнику и пытавшихся хотя смягчить законы, написанные кровью. Этой стихійной силой, какъ показала дальнѣйшая исторія, было крѣпостное право. Какъ можно было изгнать кнутъ, плети, шпицрутены, розги изъ судебной, административной, военной и педагогической практики, когда 20 — 30 милліонная масса русскаго народа могла быть бита не въ силу закона, а по усмотрѣнію помѣщика! Какъ могъ помѣщикъ, привыкшій бить своихъ крѣпостныхъ въ своемъ имѣніи, удержаться отъ битья въ роли учителя, офицера, администратора, министра? Дружное, энергичное движеніе лучшихъ русскихъ людей противъ тѣлесныхъ наказаній совпадаетъ съ той эпохой, когда и правительствомъ и обществомъ, въ лицѣ его лучшихъ представителей была окончательно сознана мысль о необходимости отмѣны крѣпостного права.

Уже въ первый годъ царствованія Александра II, а именно 21 февраля 1855 года состоялся законъ объ освобожденіи слабосильныхъ преступниковъ отъ наказанія плетьми. Впрочемъ этотъ законъ казался тогда настолько радикальнымъ, что его не рѣшались опубликовать [1]), и онъ былъ только сообщенъ къ свѣдѣнію и исполненію губернаторовъ.

Въ 1858 году, одинъ изъ выдающихся дѣятелей освободительной эпохи, предсѣдатель редакціонныхъ коммиссій Я. И. Ростовцевъ писалъ Императору Александру II: „о наказаніи тѣлесномъ не слѣдуетъ упоминать вовсе (въ положеніи о крестьянахъ): *это было-бы пятномъ настоящаго законодательства*“. Тогда-же высказались противъ тѣлеснаго наказанія Московскій и Владимірскій дворянскіе комитеты [2]). Число противниковъ тѣлеснаго наказанія настолько увеличилось, что въ редакціонной коммиссіи, работавшей надъ освободительнымъ актомъ 19 февраля 1861 г., розги по приговору волостныхъ судовъ оставлены только благодаря перевѣсу одного голоса (11 противъ 12 за розги), такъ что не сбылось ожиданіе И. С. Аксакова, который въ 1860 году писалъ: „какихъ-бы умъ не вымышлялъ діалектическихъ изворотовъ для оправданія розги, все это рушится передъ внутреннимъ простымъ чувствомъ... *становится просто не возможнымъ подать голосъ за розгу*“ [3]).

[1]) Джаншіевъ стр. 180 примѣчаніе.

[2]) Тимофеевъ стр. 115.

[3]) Ibid. стр. 115.

Въ тоже время [1]) министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской представилъ записку, въ которой доказывалъ необходимость отмѣнить для женщинъ публичныя наказанія черезъ палача. Не находя возможнымъ сдѣлать это немедленно, II отдѣленіе канцеляріи Его Величества сочло необходимымъ обратиться съ запросомъ къ главнымъ начальникамъ губерній по поводу числа женщинъ, подвергавшихся за послѣдніе 3 года публичнымъ наказаніямъ, какое впечатлѣніе производитъ это на публику, не ослабится-ли страхъ законной кары, если такія наказанія будутъ отмѣнены и т. п. Изъ полученныхъ въ 1859 году отвѣтовъ оказалось, что въ теченіи 1855, 1856 и 1857 годовъ въ 12 губерніяхъ было наказано тѣлесно 862 женщины, изъ нихъ 47 (около 5,5%) публично плетьми. Почти во всѣхъ отзывахъ указывалось на то, что въ этихъ случаяхъ въ толпѣ зрителей обнаруживается выраженіе сострадания къ наказываемымъ, желаніе спасти ихъ предложеніемъ вступить съ ними въ бракъ, подкупомъ палачей и пр. С.-Петербургскій и Новороссійскій генералъ-губернаторы при этомъ указали на необходимость отмѣны тѣлесныхъ наказаній не только для женщинъ, но и для мужчинъ.

Съ изложеніемъ всѣхъ этихъ отзывовъ и мнѣній министръ Ланской представилъ записку 20 октября 1860 года, послѣ чего было Высочайше повелѣно (6 іюня 1861 г.) министру внутреннихъ дѣлъ и главноуправляющему II отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи *представить соображенія о смягченіи и уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній вообще.* Немедленно при II отдѣленіи былъ образованъ комитетъ для пересмотра военно-уголовныхъ законовъ. Въ томъ-же 1861 году въ этотъ комитетъ была внесена записка кн. Н. А. Орлова, заключающая въ себѣ очень энергичную аргументацію противъ тѣлесныхъ наказаній. „Тѣлесныя наказанія [2])“, писалъ кн. Орловъ, суть зло въ христіанскомъ, нравственномъ и общественномъ отношеніяхъ. Законъ милосердія и кротости безусловно осуждаетъ всякія насильства и истязанія... Нѣтъ христіанскаго равенства, нѣтъ христіанскаго братства тамъ, гдѣ рядомъ въ одномъ храмѣ могутъ стоять два человѣка, совершившіе одинъ и тотъ-же проступокъ, но наказанные одинъ легкимъ арестомъ, другой розгами. Въ христіанскомъ государствѣ не можетъ быть лицепріятій... У насъ бьютъ всякаго, кто только *даетъ* себя бить... Это поддерживаетъ грубость нравовъ и сильно мѣшаетъ развитію человѣческой личности... Мы не далеки отъ того времени, когда

[1]) Бинштокъ, «Матер. для истор. отмѣны тѣлес. наказ. въ Россіи». Стр. 402—409. Юрид. Вѣс. 1892 г. т. XI.

[2]) Бинштокъ, стр. 409—413.

наказанія тѣлесныя будутъ приводить къ открытому сопротивленію или къ самоубійству... Свобода и право собственности только тогда дѣйствительны, когда обладающій ими вполнѣ огражденъ въ своей чести и личномъ достоинствѣ“.

Переходя отъ плетей и отъ „варварскихъ наказаній, позорящихъ имя русскаго“, къ розгамъ, кн. Орловъ говоритъ: „многіе скажутъ, что русскій народъ не можетъ обойтись безъ розогъ, съ коими сроднился вѣками. Подобнымъ *розголюбамъ* можно-бы отвѣтить, что тѣлесныя наказанія принесены на Русь татарами и узаконены бюрократіей. Тамъ-же, гдѣ русскій человѣкъ развился внѣ прямаго вліянія монголовъ и чиновниковъ, тамъ вовсе не было тѣлесныхъ наказаній. На Дону, на Запорожьѣ, въ Сибири не было въ первое время ни кнута, ни плетей, ни розогъ... Розги не внушаютъ прежняго страха и по прежнему унижаютъ достоинство человѣка и подавляютъ въ немъ чувство чести“... Въ концѣ записки кн. Орловъ переходитъ къ военнымъ судамъ и говоритъ: „прогнаніе преступниковъ сквозь строй шпицрутенами есть такая-же *квалифицированная смертная казнь*, какъ четвертованіе и колесованіе. При вскрытіи тѣлъ наказанныхъ шпицрутенами постоянно оказываются продольныя кровоизліянія въ легкихъ... Солдатамъ давно стала отвратительна роль палачей“.

Записка кн. Орлова, заслушанная въ совѣтѣ министровъ подъ предсѣдательствомъ Александра II, была передана *къ руководству* въ комитетъ при II отдѣленіи Е. И. В. канцеляріи. При обсужденіи этого вопроса члены комитета высказали, между прочимъ, слѣдующія мысли: „Постоянное стремленіе правительства къ уменьшенію жестокости тѣлесныхъ наказаній... и столь часто возбуждавшіеся въ обществѣ и въ печатныхъ изданіяхъ вопросы объ отмѣнѣ наказаній сего рода ясно обнаруживаютъ все болѣе и болѣе развивающееся у насъ сознаніе и убѣжденіе, что безчеловѣчныя истязанія... уже до крайности не согласны... съ нравами нашего народа и распространяющимся въ немъ образованіемъ [1]“. До окончательнаго своего заключенія комитетъ затребовалъ [2]) отзывы отъ военнаго и морскаго министерствъ. Военный министръ (Сухозанетъ) соглашался на отмѣну шпицрутеновъ, но стоялъ за сохраненіе розогъ съ слѣдующими [3]) ограниченіями: безъ суда, по усмотрѣнію начальства, 50 ударовъ, по приговорамъ военныхъ судовъ 200 ударовъ; но въ нѣкоторыхъ, закономъ предусмотрѣнныхъ случаяхъ, допустить: безъ суда 100 ударовъ,

1) Тимофеевъ стр. 117.
2) Джаншіевъ стр. 181 и слѣд.
3) Бинштокъ. Стр. 414—416.

по суду—300. Иначе отнеслось морское министерство въ лицѣ великаго князя Константина Николаевича: „Тѣлесныя наказанія, писалъ онъ, составляютъ для государства такое зло, которое оставляетъ въ народѣ самыя вредныя послѣдствія, дѣйствуя разрушительно на народную нравственность и возбуждая массу населенія противъ установленныхъ властей... Съ освобожденіемъ крестьянъ изъ-подъ личной зависимости помѣщиковъ необходимо принять другую систему; это необходимо въ чувствахъ человѣчества, а именно: для предупрежденія конечной порчи нравственности, но и для обезпеченія спокойствія и общественнаго порядка въ государствѣ. Въ сихъ видахъ надлежитъ стремиться къ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, принимая нынѣ-же безъ всякаго отлагательства соотвѣтствующія мѣры“. Относительно войскъ, онъ выразился такъ: „Ни жестокость тѣлесныхъ наказаній, ни частое употребленіе розогъ не ведутъ къ поддержанію дисциплины, а напротивъ жестокость ихъ и частое употребленіе ихъ могутъ ослабить силу военной дисциплины“. Относительно примѣненія розогъ въ административномъ порядкѣ великій князь выразился такъ: „Наши полицейскіе чиновники привыкли такъ легко смотрѣть на побои простого народа, и высшія мѣстныя власти смотрятъ по большей части съ такою легкостью на это злоупотребленіе, что *каждый* изъ нихъ считаетъ себя въ правѣ употребить розги и побои, когда ему вздумается“. Единственнымъ средствомъ для искорененія этого зла онъ признавалъ преданіе суду виновныхъ за своеручную расправу.

Послѣ этого комитетъ одобрилъ предположенія, высказанныя въ запискѣ кн. Орлова, при чемъ подтвердилъ необходимость отмѣны тѣлесныхъ наказаній еще слѣдующими соображеніями. „Прежде правительство *ошибочно* стремилось только къ устрашенію, а потому прибѣгало къ тѣлеснымъ наказаніямъ; теперь-же оно имѣетъ въ виду не одно только устрашеніе, а тѣмъ менѣе—истязаніе, но возможное исправленіе нравственности преступника; тѣлесныя-же наказанія не соотвѣтствуютъ ни достоинству человѣка, ни духу времени, ни успѣхамъ законодательства, ибо ожесточаютъ нравы, поражаютъ въ наказываемомъ всякое чувство чести и устраняютъ возможность исправленія“. Между прочимъ, комитетъ указывалъ на то, что съ отмѣной кнута въ 1845 году число преступленій уменьшилось на 20%, а съ 1855 по 1858 годъ также уменьшилось число преступниковъ, несмотря на то, что въ силу манифестовъ 1855—1856 годовъ плеть и клейменіе не примѣнялись. Наконецъ комитетъ указывалъ еще и на то, что народъ, вмѣсто отвращенія къ наказываемому тѣлесно преступнику,—выражаетъ ему свои

симпатіи, а среди осужденныхъ преступниковъ невозможно найти лицъ, желающихъ идти въ палачи.

Всѣ эти заключенія комитета были разосланы на заключеніе министерствъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями. Изъ 18 отзывовъ—15 были вполнѣ или отчасти благопріятны проекту комитета, а 3—въ томъ числѣ и отзывъ митрополита Филарета въ пользу сохраненія тѣлесныхъ наказаній. Хотя кн. Орловъ въ своей запискѣ и высказалъ, что „Святители всѣхъ вѣроисповѣданій постоянно защищали личность существа, созданнаго по образу и по подобію Божію“—тѣмъ не менѣе митрополитъ Филаретъ, въ своемъ отзывѣ стоялъ за сохраненіе тѣлесныхъ наказаній.

Главные мотивы немногочисленныхъ защитниковъ тѣлесныхъ наказаній сводились къ слѣдующему: во 1-хъ, всякое измѣненіе системы наказаній совершенно несвоевременно, всякое заявленіе по этому предмету намѣреній опасно и вредно, потому что возбужденные тѣмъ толки могутъ еще болѣе ослабить страхъ наказанія и поколебать власть; во 2-хъ замѣна тѣлесныхъ наказаній тюремнымъ заключеніемъ потребуетъ увеличенія числа тюремъ, для всѣхъ не хватитъ мѣстъ, и государству прійдется содержать лицъ, которые и безъ того уже нанесли ему вредъ своими преступленіями; въ 3-хъ „по Христіанскому сужденію, тѣлесное наказаніе само по себѣ не безчестно, а безчестно только преступленіе“; въ 4-хъ, будто тѣлесное наказаніе, какъ самое физически-чувствительное, наиболѣе понятно простолюдину; въ 5-хъ, тѣлесныя наказанія самыя дешевыя и наименѣе отражаются на семьѣ преступника.

Въ числѣ отзывовъ противъ тѣлеснаго наказанія розгами за маловажные проступки особенно выдается отзывъ оберъ-прокурора Н. А. Буцковскаго, соображенія котораго сводятся къ слѣдующему: 1) наказанія розгами въ небольшомъ количествѣ не составляютъ страданія для людей, привыкшихъ съ малолѣтства къ побоямъ и грубому обращенію, поэтому не могутъ служить ни возмездіемъ за преступленіе, ни средствомъ для предупрежденія его. 2) Преступникъ, которому отсчитали извѣстное число ударовъ и отпустили на всѣ стороны, можетъ продолжать прежній безпорядочный образъ жизни и наводить страхъ на потерпѣвшаго. 3) Тѣлесныя наказанія убиваютъ чувство человѣческаго достоинства, чувство чести, поддерживаютъ неуваженіе къ своей и чужой личности. 4) Гораздо болѣе цѣлесообразно лишеніе свободы съ организаціей правильныхъ общественныхъ работъ, которыя служили-бы и цѣлямъ исправленія и доставляли-бы средства для содержанія осужденныхъ.

Обсудивъ всѣ отзывы, комитетъ внесъ свой проектъ въ окончательной формѣ въ государственный совѣтъ, послѣ чего *указомъ*

17 апрѣля 1863 года подъ названіемъ „*О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ существующей нынѣ системѣ наказаній уголовныхъ и исправительныхъ*" были отмѣнены тѣлесныя наказанія въ большинствѣ случаевъ, а именно: шпицрутены для военнаго вѣдомства, кошки для морскаго и плети для лицъ гражданскаго вѣдомства (кромѣ ссыльныхъ) отмѣнялись *вовсе*; также отмѣнялось сполна наложеніе клеймъ и штемпельныхъ знаковъ. Лица женскаго пола, *кромѣ* ссыльныхъ, освобождались отъ тѣлеснаго наказанія; всѣ безпорочно служащіе нижніе чины освобождались отъ тѣлесныхъ наказаній, пока не будутъ переведены по суду въ разрядъ штрафованныхъ, для которыхъ въ дисциплинарномъ порядкѣ оставлялись розги до 50 ударовъ. Во флотѣ, оставлены впредь до устройства мѣръ заключенія—розги до 200 ударовъ; во время плаванія разрѣшено вмѣсто кошекъ, наказаніе линьками до 100 ударовъ. Замѣна тюрьмы, смирительнаго и рабочаго дома и ареста—розгами оставлена только при явной невозможности исполнить назначенное наказаніе. Наконецъ, наказаніе розгами оставалось еще—по приговорамъ волостныхъ судовъ.

Этотъ указъ, по свидѣтельству современниковъ и очевидцевъ, вызвалъ общій восторгъ и образованнаго класса и простаго народа, не смотря на то, что по заявленію самого комитета „сдѣлана только половина дѣла и реформа незакончена". Но даже и въ такомъ видѣ это былъ несомнѣнно громадный шагъ впередъ сравнительно съ уложеніемъ 1845 года; этимъ законодательнымъ шагомъ былъ нанесенъ тяжелый ударъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Однако въ это переходное время сѣченіе, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ какъ-бы усилилось. Такъ напр. г. Лучинскій разсказываетъ [1]) о времени введенія въ дѣйствіе положенія объ освобожденіи крестьянъ въ Херсонской губерніи: „Полиціи тогда принадлежало право наказывать крестьянъ по жалобамъ помѣщиковъ. Одинъ изъ становыхъ приставовъ Александрійскаго уѣзда обратилъ это право въ очень доходную статью для себя. Онъ довелъ до свѣдѣнія помѣщиковъ, что для наказанія крестьянъ будетъ являться къ тому, кто пришлетъ 25 руб. Двадцатипяти-рублевки полетѣли къ нему со всѣхъ сторонъ, и когда онъ пріѣзжалъ къ помѣщику, то тотъ извѣщалъ сосѣдей, а тѣ, кто лично, кто письменно, приглашали его къ себѣ. Если узаконенная норма 15 или 25 розогъ казалась неудовлетворительною, то наказаніе производилось съ перерывами, и каждый перерывъ считался за новое наказаніе и долженъ былъ оплачиваться. Къ счастію, такое розгосѣченіе производилось не долго и

---

[1]) Цитир. по «Русск. Вѣд.» 1897 г. № 295.

прекратилось, какъ только были назначены и вступили въ отправленіе своихъ должностей мировые посредники. Приставъ, утомленный непосильнымъ трудомъ, немедленно подалъ въ отставку и для отдыха купилъ себѣ имѣніе въ Днѣпровскомъ уѣздѣ Таврической губерніи, и, какъ говорили, потомъ служилъ по выборамъ дворянства.

Исходя [1]) изъ двухъ положеній: во 1-хъ, что для населенія, привыкшаго съ дѣтства къ розгамъ, она лишена всякой репрессивной силы, во 2-хъ, что тѣлесное наказаніе *„признано всѣми въ высшей степени позорнымъ и несоотвѣтствующимъ современнымъ потребностямъ нашего общества и положительно вреднымъ, препятствуя смягченію нравовъ народа"*, государственный совѣтъ въ 1864 году не включилъ розгу въ число наказаній, налагаемыхъ мировыми судьями.

Въ новомъ изданіи Уложенія о наказаніяхъ 1866 года списокъ тѣлесныхъ наказаній по суду ограничивается только плетьми, розгами и наложеніемъ оковъ, съ перечисленіемъ 62 группъ лицъ, изъятыхъ отъ нихъ. Въ 1872 году коммиссія по преобразованію волостныхъ судовъ выяснила [2]), что не только опрошенные коммиссіей крестьяне, но и различныя должностныя лица, даже нѣкоторые исправники, высказались за уничтоженіе наказанія розгами по приговору волостныхъ судовъ; не смотря на это, онѣ остаются въ этой сферѣ еще и до сихъ поръ.

Энергичный протестъ и весьма солидныя основанія (даже съ точки зрѣнія экономическаго развитія Россіи)—въ пользу „безусловной отмѣны тѣлесныхъ наказаній" высказаны въ 1873 году въ докладѣ (и приложеніяхъ къ нему) „Высочайше утвержденной коммиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства". [3])

Въ изданіи Уложенія 1886 года устранены тѣ статьи, по которымъ при явной невозможности заключить въ тюрьму, арестный и рабочій домъ, или подъ арестъ,—разрѣшались розги отъ 3 до 100 ударовъ; *такимъ образомъ de jure съ 1886 года въ судебномъ порядкѣ (кромѣ волостныхъ судовъ) нельзя присуждать къ наказанію розгами.*

Съ тѣхъ поръ тѣлесныя наказанія оставались на практикѣ только въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) Въ дисциплинарныхъ баталіонахъ для штрафованныхъ по суду солдатъ, для сосланныхъ въ Сибирь въ каторжныя работы и на поселеніе—розги. 2) Для каторжныхъ, совершившихъ побѣгъ или новое преступленіе, — плети и прикованіе къ телѣжкѣ (отъ 1 до 3 лѣтъ). 3) За уголовныя преступленія, подсудныя волостнымъ судамъ — розги до 20 ударовъ,

---

[1]) Джаншіевъ. Стр. 202.

[2]) В. Семевскій. «Необходимость отмѣны тѣлесныхъ наказаній». Русск. Мысль 1897 г. кн. II, стр. 9—22.

[3]) Ibid. книга III, стр. 34—38,

при чемъ опредѣленныя группы изъ крестьянскаго сословія изъяты отъ этого вида наказаній. 4) По усмотрѣнію высшей администраціи въ видѣ экзекуцій при народныхъ волненіяхъ или даже для предупрежденія ихъ—розги безъ опредѣленія максимальнаго количества ударовъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ нельзя опереться ни на какой законъ.

Въ 1889 году съ изданіемъ закона 12 іюля о земскихъ начальникахъ и „Временныхъ правилъ о волостномъ судѣ“ примѣненіе розогъ въ крестьянской средѣ, такъ быстро шедшее на убыль въ теченіе предшествовавшихъ десятилѣтій, вдругъ снова ожило, хотя и съ оговоркой „съ утвержденія земскимъ начальникомъ“. Максимальное количество ударовъ до 20 осталось прежнее, но число случаевъ примѣненія розогъ по закону 1889 года увеличилось, напр.. онѣ могутъ быть назначены за повтореніе въ теченіе года проступка, за который виновный подвергся аресту; за совершеніе нѣсколькихъ проступковъ, за каждый изъ которыхъ назначается арестъ, а также за болѣе важные проступки. Практика ближайшихъ-же годовъ показала, что число лицъ, подвергаемыхъ тѣлесному наказанію, сразу возросло, вслѣдствіе чего въ 1891 году министръ внутреннихъ дѣлъ [1]) циркуляромъ рекомендовалъ земскимъ начальникамъ *большую осторожность въ примѣненіи тѣлесныхъ наказаній* и указалъ, что законодатель допустилъ ихъ, какъ крайнюю мѣру, безъ которой *возможно обойтись.*

Въ 1893 году изданъ законъ, по которому женщины, присужденныя къ ссылкѣ въ каторжныя работы и на поселеніе, не подлежатъ ни тѣлесному наказанію плетьми, лозами или розгами, ни приковыванію къ телѣжкѣ [2]).

Гл. II. Современное положеніе тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ законодательствѣ и на практикѣ.

Перечисленіе случаевъ, въ которыхъ закономъ въ настоящее время допускается примѣненіе тѣлесныхъ наказаній: плетью, хлыстомъ, розгой. Примѣненіе розогъ по административному усмотрѣнію. Современная практика примѣненія тѣлесныхъ наказаній: у ссыльно-каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ, въ войскахъ, среди крестьянскаго населенія. Несостоятельность тѣлесныхъ наказаній съ юридической, этической, педагогической и др. точекъ зрѣнія.

Такимъ образомъ женскую половину населенія Россіи можно считать въ настоящее время совершенно свободной отъ какихъ-бы то ни было видовъ тѣлеснаго наказанія, по крайней мѣрѣ, по закону.

---

[1]) Джаншіевъ. Стр. 126.
[2]) Тимофеевъ. Стр. 124.

Остается мужская половина, которая подвергается еще битью въ слѣдующихъ случаяхъ:

I *Согласно законамъ* [1]:

1) *Плети:* а) по уставу о ссыльныхъ—преступники, осужденные въ каторжныя работы и къ ссылкѣ на поселеніе, за новыя преступленія подвергаются наказаніямъ до 100 ударовъ плетьми, а каторжные и приковыванію къ тележкѣ отъ 1 до 3 лѣтъ. (Сводъ законовъ, изд. 1890 года. Т. XIV. Ст. 437). б) Каторжные за маловажные преступленія и проступки, по усмотрѣнію мѣстныхъ начальствъ,—плетьми до 20 ударовъ. (Ст. 441). в) Бродяги, непомнящіе родства, подвергаются наказанію плетьми отъ 20 до 80 ударовъ. (Ст. 452).

2) *Хлыстъ:* до 5 ударовъ для корабельныхъ служителей или водоходцевъ. (Ст. 1261).

3) *Розги:* а) отъ 30 до 40 ударовъ—для бродягъ за ложное показаніе о своемъ званіи. (Ст. 952); б) отъ 5 до 10 ударовъ для малолѣтнихъ ремесленниковъ (Ст. 1377); в) до 20 ударовъ крестьянамъ, не изъятымъ отъ тѣлеснаго наказанія, по приговору волостныхъ судовъ и съ утвержденія земскихъ начальниковъ; г) нижніе воинскіе чины, состоящіе въ разрядѣ штрафованныхъ, могутъ быть подвергаемы (Дисциплинарн. Уставъ, изд. 1888 г. Ст. 25, 28 и 29) по распоряженію ротнаго командира до 15 ударовъ, батальоннаго командира до 25, полкового командира до 50 ударовъ розгами. Содержащіеся въ дисциплинарныхъ батальонахъ и ротахъ за нѣкоторыя преступленія могутъ быть приговариваемы судомъ къ розгамъ отъ 100 до 300 ударовъ (Ст. 280 - 281), а безъ суда по опредѣленію начальника дисциплинарнаго батальона или роты до 100 ударовъ,—ротнаго командира въ батальонѣ или офицера въ ротѣ—до 30 ударовъ. Одиночное заключеніе въ военной тюрьмѣ тамъ, гдѣ таковой не имѣется, замѣняется (по Воинскому Уставу 1875 г.) для состоящихъ въ разрядѣ штрафованныхъ розгами отъ 50 до 200 ударовъ. Заключенные въ военную тюрьму могутъ быть наказаны розгами до 15 ударовъ по распоряженію помощника начальника тюрьмы и до 50 ударовъ по опредѣленію самого начальника. (Ст. 225 Кн. XVII Свода военныхъ постановленій). д) Мужчины, не изъятые отъ тѣлеснаго наказанія и содержащіеся въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, могутъ быть за *маловажные проступки* подвергаемы наказанію розгами до 30 ударовъ, а съ утвержденія губернатора до 100 ударовъ, бритью половины головы и заковавію на время въ кандалы. (По Уставу о содержащихся подъ

[1]) В. Семевскій, «Необходимость отмѣны тѣлесныхъ наказаній» Русск. Мысль, 1897, кн. II. Стр. 7 и 8.

стражей). e) Каторжные и ссыльно-поселенцы *за маловажныя преступленія и проступки, по усмотрѣнію мѣстныхъ начальствъ*, до 100 ударовъ розгами. (Ст. 443).

II. *Внѣ закона*—по административному усмотрѣнію. Примѣры: а) въ 1887 году по приказанію Нижегородскаго губернатора Баранова во время ярмарки были наказаны розгами одинъ унтеръ-офицеръ (*по закону изъятый отъ тѣлеснаго наказанія!*) и одинъ крестьянинъ. б) При усмиреніи антихолерныхъ и антиеврейскихъ безпорядковъ неоднократно примѣнялись розги по распоряженію администраціи, при чемъ игнорировался законъ объ изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ распоряженія администраціи не были преслѣдуемы судомъ. в) Въ 1891 году Сѣнненскій уѣздный исправникъ Словецкій, по распоряженію Могилевскаго губернатора Дембовецкаго, подвергнулъ наказанію розгами одного мѣщанина (т. е. *изъятаго по закону отъ тѣлеснаго наказанія*). г) Въ 1890 году, въ г. Москвѣ, околоточный надзиратель Годжелло распорядился высѣчь одного кандидата правъ и одного студента, оканчивающаго курсъ въ университетѣ. д) Инсарскій исправникъ Пензенской губерніи Ивановъ, собирая недоимки, практиковалъ жестокое избіеніе недоимщиковъ, одинъ изъ которыхъ былъ забитъ до смерти.

Въ трехъ послѣднихъ случаяхъ исправникъ, губернаторъ и околоточный были привлечены къ судебной отвѣтственности и признаны виновными.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что сфера примѣненія тѣлесныхъ наказаній, *даже согласно закону*, еще довольно обширна.

Посмотримъ, какова современная *практика* примѣненія тѣлесныхъ наказаній.

I. *Каторжные и ссыльно-поселенцы.*

Современный намъ наблюдатель жизни этихъ отверженныхъ, д-ръ А. П. Чеховъ [1]) говоритъ: „Наказанія, унижающія преступника, ожесточающія его и способствующія огрубѣнію нравовъ и давно уже признанныя вредными для свободнаго населенія, оставлены для поселенцевъ и каторжныхъ, какъ будто ссыльное населеніе подвержено меньшей опасности огрубѣть, ожесточиться и окончательно потерять человѣческое достоинство. *Розги, плети, прикованіе къ тележкѣ,—наказанія, позорящія личность преступника, причиняющія его тѣлу боль и мученія,—примѣняются здѣсь широко*". Тоже говоритъ о наказаніяхъ въ каторгѣ и другой наблюдатель С. Н. Лобасъ. Подробности объ этомъ см. въ слѣдующей главѣ.

---

1) А. П. Чеховъ. «Островъ Сахалинъ» Стр. 458—473.

II. *О тѣлесныхъ наказаніяхъ въ войскахъ* имѣются скудныя свѣдѣнія, которыя мы и приводимъ въ слѣдующей главѣ.

III. *Тѣлесныя наказанія среди крестьянскаго населенія.* Какъ въ прежнія времена, когда разные виды тѣлесныхъ наказаній налагались судами высшихъ инстанцій, шелъ процессъ изъятія отъ этихъ наказаній разныхъ лицъ и группъ, такъ и теперь въ области волостной юстиціи идетъ тотъ-же процессъ изъятій отъ тѣлеснаго наказанія лицъ изъ крестьянскаго сословія, подлежащаго компетенціи этого суда. Оставляя въ сторонѣ исторію, постепенный ходъ этихъ послѣднихъ изъятій, мы укажемъ *только на результаты*, достигнутые въ этомъ отношеніи въ настоящее время. Въ законѣ 12 іюля 1889 года, въ главѣ [1]. „Временныя правила о волостномъ судѣ", въ ст. 33, 4-мъ пунктомъ разрѣшается волостному суду назначать: *лицамъ, не изъятымъ отъ тѣлесныхъ наказаній*, (Уложеніе наказаній изд. 1885 г. Ст. 30 прил. ст. 2 и слѣд.), *наказаніе розгами до 20 ударовъ*", а ст. 29 „Временныхъ правилъ" говоритъ: „Рѣшеніе, которымъ обвиняемый присужденъ къ тѣлесному наказанію,..... исполняется не иначе, какъ съ разрѣшенія земскаго начальника, который въ правѣ замѣнить тѣлесное наказаніе другимъ соотвѣтственнымъ взысканіемъ по правиламъ, означеннымъ въ ст. 41" (а именно денежнымъ взысканіемъ до 30 руб., независимо отъ ареста, и строгимъ арестомъ до 15 дней). Для неизъятыхъ розги могутъ быть назначены въ слѣдующихъ случаяхъ: [2].

1) За оскорбленіе полицейскихъ стражей и низшихъ должностныхъ лицъ; 2) за ссоры, драки, кулачный бой, нарушеніе тишины и прошеніе милостыни; 3) за нанесеніе обиды на словахъ, и дѣйствіемъ, при увеличивающихъ вину обстоятельствахъ; 4) за словесную и письменную угрозу, самоуправство, насиліе, отказъ родителямъ въ пропитаніи; 5) за кражу; 6) за мошенничество, обманъ и присвоеніе чужого имущества, покупку завѣдомо краденаго; 7) за нарушеніе условій найма безъ договорнаго листа; 8) за мотовство и пьянство, разстраивающее хозяйство!

Разъ подвергнутый тѣлесному наказанію розгами крестьянинъ навсегда лишается права быть избираемымъ въ какія либо общественныя должности.

По существующимъ законоположеніямъ (ст. 102 и 124 общаго положенія и прилож. къ ст. 30 Уложенія о наказаніяхъ) изъятыми отъ тѣлеснаго наказанія считаются: во 1-хъ, всѣ женщины безъ различія сословій, даже ссыльныя; во 2-хъ всѣ сословія (дворяне, духовенство, купечество, мѣщане и т. п.), *кромѣ крестьянскаго*

[1]) А. М. Черновъ. «Набросокъ соображеній изъ волостной юстиціи». Стр. 24.
[2]) Ibid. Стр. 42.

(мужской полъ). Изъятыми изъ лицъ крестьянскаго сословія оказываются [1]): 1) 37 категорій воспитанниковъ и учениковъ разныхъ (перечисленныхъ въ пунктѣ 5-мъ закона) родовъ заведеній, и прослужившіе въ низшихъ должностяхъ; 2) имѣющіе знаки отличія (по пункту 8-му); 3) разные (по пунктамъ 9 и 10); 4) солдаты, запасные и вообще всѣ, носившіе хотя-бы не долго военный мундиръ (по п. 12); 5) всѣ служащіе и служившіе въ выборныхъ общественныхъ должностяхъ; 6) всѣ старше 60 лѣтъ; 7) всѣ моложе 10 лѣтъ; 8) страдающіе: падучей болѣзнію, грыжей, внутренними и внѣшними аневризмами, грудной жабой, затруднительнымъ дыханіемъ, кровохарканіемъ, водянкой, искривленіемъ позвоночника, приступами апоплексіи и наклонностью къ нимъ; 9) случайныя изъятія—всего 11 группъ (по 6 п.),—въ томъ числѣ, напр., крестьяне, состоящіе лѣсными сторожами.

Такимъ образомъ [2]), *правомъ на розгу пользуется только крестьянинъ мужского пола, не моложе 10 лѣтъ и не старѣе 60, который не попалъ въ солдаты по какой-либо причинѣ* (болѣзнь, льгота, счастливый жребій и т. д.), *а оставаясь въ деревнѣ, ни разу не былъ избираемъ на какую-либо общественную должность, не былъ лѣснымъ сторожемъ, не окончилъ ученья въ одномъ изъ училищъ, избавляющихъ отъ розогъ, не имѣетъ знаковъ отличія, не страдаетъ какою-либо тяжелою болѣзнію и не совершилъ болѣе тяжкаго преступленія, караемаго не волостнымъ, а другими судами, не могущими назначать розогъ.* Если этому злосчастному крестьянину не миновало еще 14 лѣтъ, то вмѣсто розогъ онъ можетъ быть отосланъ къ родителямъ на исправленіе; если ему еще нѣтъ 17 лѣтъ, онъ получаетъ половинную дозу, а затѣмъ послѣ 17 лѣтъ получаетъ полную дозу — 20 ударовъ.

Какъ ни съуженъ кругъ лицъ, подлежащихъ сферѣ дѣйствія розги, все-же изъ 120—милліоннаго населенія наберется очень и очень много такихъ, которые подойдутъ подъ только что приведенное опредѣленіе имѣющаго право на розгу и обязаннаго подчиниться ей. Особенно часто сѣкутъ по приговорамъ волостныхъ судовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ Сибири, гдѣ живутъ ссыльно-поселенцы (см. ниже).

Этотъ остатокъ крѣпостного прошлаго—является рѣзкимъ диссонансомъ въ современной намъ русской общественной жизни и не можетъ быть оправданъ никакими соображеніями—ни юридическими, ни педагогическими, ни какими-либо другими.

Съ *юридической* точки зрѣнія примѣненіе розги только къ нѣкоторымъ лицамъ является глубокимъ противорѣчіемъ духу совре-

[1]) Черновъ. Стр. 12, 13.

[2]) Черновъ. Стр. 14, 15.

меннаго русскаго законодательства, которое считаетъ всѣхъ гражданъ равными передъ закономъ, а слѣд. за одинаковыя преступленія должно налагать и одинаковыя наказанія. Между тѣмъ теперь возможенъ, напр., такой случай [1]): старуху мать обругали одновременно—совершеннолѣтняя дочь, сынъ, вернувшійся изъ военной службы, другой сынъ, имѣющій ключъ отъ деревенскаго хлѣбнаго магазина, третій—окончившій курсъ въ уѣздномъ училищѣ, четвертый—лѣсной сторожъ и пятый сынъ—золотушный, глухой, неспособный ни на какія выборныя должности. Волостной судъ приговариваетъ первыхъ 5 къ штрафу или аресту, а 6-го къ розгамъ. Или: образованный дворянинъ одновременно съ безграмотнымъ крестьяниномъ, неизъятымъ отъ розогъ, учиняютъ публичную драку, нарушеніе общественной тишины; перваго приговариваютъ къ аресту, второго къ розгамъ.

Изъ „Временныхъ правилъ о волостномъ судѣ" видно, что наказаніе розгами считается болѣе тяжкимъ, нежели арестъ или штрафъ. По духу нашего законодательства, увеличивающимъ вину (а слѣдовательно, требующимъ болѣе тяжелой кары) обстоятельствомъ считается полное пониманіе совершаемаго преступленія; слѣдовательно, дворянинъ, притомъ образованный, долженъ-бы понести большее наказаніе за публичную драку, чѣмъ необразованный крестьянинъ; иначе говоря, справедливѣе было-бы подвергнуть болѣе тяжкому наказанію—розгамъ—этого дворянина, а арестъ или штрафъ оставить на долю крестьянина; между тѣмъ выходитъ наоборотъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло съ *лицепріятіемъ*, этимъ остаткомъ старины, когда законъ дѣлилъ всѣхъ на благородныхъ и подлыхъ, назначая за одинаковыя преступленія первымъ болѣе легкія, вторымъ болѣе тяжелыя наказанія.

Это лицепріятіе хорошо охарактеризовано однимъ бывшимъ земскимъ начальникомъ, г. Новиковымъ, который [2]) пишетъ слѣдующее:

„Въ Крестномъ календарѣ мы читаемъ,—говоритъ г. Новиковъ,—въ числѣ великихъ событій на Руси—уничтоженіе тѣлеснаго наказанія. Что же въ этомъ событіи великаго? То ли, что не причиняется излишняя боль? Да вѣдь 20 лѣтъ каторги больнѣе. Зубная боль тоже часто больнѣе. То ли, что плети и кнутъ позорны, а розги нѣтъ? Да не все ли равно? Думаю, что не то. Велико въ этомъ событіи то, что за частью населенія русскаго признано право воспитанія безъ позора тѣлеснаго наказанія; то, что судья болѣе не палачъ, а каратель; то, что тѣло многихъ людей признано соб-

1) Черновъ. Стр. 59.

2) Цитир. по «Русск. Вѣдомостямъ» 1898 г. № 221.

ственностью ихъ, неотъемлемою и ненарушимою. Такъ почему же не распространить этого на всѣхъ? Неужели для мужика утѣшеніе, что сѣкутъ его тоже мужики (что имъ самимъ дано право сѣчься, какъ я слыхалъ въ одномъ собраніи)? Неужели этотъ позоръ для одного—шутка для другого? А если это и такъ, то неужели это желательно? Неужели признать, что въ насъ нужно воспитывать страхъ Божій, а въ мужикѣ—страхъ розогъ? Мы слышимъ, что не зачѣмъ отмѣнять закона, который самъ мало-по-малу перестаетъ примѣняться. Дѣйствительно, съ каждымъ годомъ сами земскіе начальники стали болѣе и болѣе пользоваться правомъ отмѣны розогъ; большинство съѣздовъ вездѣ стало дѣлать то же; самымъ закоренѣлымъ сторонникамъ розогъ стало совѣстно въ съѣздахъ подавать за нихъ голосъ. Слава Богу! Это доказываетъ еще болѣе, что и законъ долженъ быть отмѣненъ, если всѣми признается, что примѣнять его вредно. Дорого провозглашеніе извѣстнаго принципа".

Тотъ же г. Новиковъ отмѣчаетъ давно уже указанную процессуальную аномалію, которая однако существуетъ и доселѣ. Сущность ея заключается въ слѣдующемъ:

„Укралъ мужикъ у меня,—пишетъ г. Новиковъ,—охабку мякины, идя съ гумна; я обращаюсь къ уряднику или самъ подаю земскому: мужикъ идетъ въ тюрьму отъ полутора мѣсяцевъ до шести. Я же подаю не къ земскому, а въ волостной судъ: онъ сидитъ отъ трехъ дней до двухъ недѣль. Мѣра наказанія зависитъ отъ меня, подсудность зависитъ отъ жалобщика. Неужели же это терпимо? Мы видѣли мужика, укравшаго у меня охабку мякины. Возьмемъ его, если онъ укралъ у сосѣда послѣднюю мѣру пшена или послѣдній рубль,—онъ посидитъ отъ 3-хъ до 14-ти дней въ холодной. Оказывается, что законъ иначе охраняетъ меня и мужика отъ кражи. У меня украсть—преступленіе большое, у мужика—это не преступленіе, а проступокъ. У мужика кради, только не кради у помѣщика. Неужели же это хорошо? Неужели право на собственность и на огражденіе ея отъ посягательства вора неодинаково у всѣхъ подданныхъ Царя? Положимъ, укравшій 299 рублей отсидитъ въ тюрьмѣ, а укравшій 301 рубль окружнымъ судомъ будетъ отправленъ въ арестантскія роты; но вѣдь грань гдѣ-нибудь нужна; нельзя же наказывать одинаково кражу одного рубля и десяти тысячъ. Это пойметъ и мужикъ. Но чтобы преступленіе судилось различно, смотря по сословію обокраденнаго, этого не пойметъ мужикъ, не пойму, признаюсь, и я".

Въ тѣ отдаленныя времена, когда отдѣльная личность вынуждена была сама себя защищать, наказаніе носило характеръ личной расправы и было возмездіемъ: око за око, зубъ за зубъ.—Съ пе-

реходомъ этой функціи въ руки государства, наказаніе постепенно теряло характеръ возмездія и стало стремиться къ тремъ цѣлямъ: *устрашеніе* (какъ преступника, чтобы онъ не повторялъ преступленія, такъ и другихъ—для предупрежденія); *перевоспитаніе* и *устраненіе* преступника, чтобы обезопасить отъ него общество. Какую-же роль могутъ играть розги, въ размѣрѣ до 20 ударовъ съ точки зрѣнія этихъ трехъ цѣлей, преслѣдуемыхъ правосудіемъ?

Удаленіе изъ среды общества ими вовсе не достигается. Устрашеніемъ они служить не могутъ: 20 ударовъ розогъ для здороваго взрослаго человѣка, привыкшаго къ разнаго рода лишеніямъ, травмамъ и перенесенію боли,—составляютъ *ничтожное* [1]) физическое страданіе, которое въ качествѣ физической боли — очень быстро исчезаетъ изъ памяти; остается боль душевная: позоръ, безчестье.

Въ этомъ отношеніи розги могутъ играть роль устрашающую, но дѣло въ томъ, что разъ онѣ примѣнены къ данному субъекту— онъ опозоренъ навсегда, а потому вторичное ихъ примѣненіе къ тому-же субъекту уже не является новымъ позоромъ; слѣдовательно удержать отъ повторенія преступленія страхомъ позора— онѣ уже не могутъ. Съ точки зрѣнія опозоренія совершенно безразлично, будетъ-ли дано 2—3 или 20 ударовъ; поэтому дозировка числа ударовъ является совершенно непонятной.

Что касается цѣли *перевоспитанія* преступника, то, очевидно, розга совершенно безсильна въ этомъ отношеніи, напротивъ она приноситъ громадный вредъ: разъ опозоренный розгою человѣкъ не можетъ быть никогда избираемъ ни въ какія должности, поэтому навсегда выключается изъ числа полноправныхъ гражданъ; насмѣшки окружающихъ возбуждаютъ въ немъ только озлобленіе, желаніе мести и тому подобныя чувства, не имѣющія ничего общаго съ задачами здравой педагогики.

Итакъ *розга* [2]) въ качествѣ орудія правосудія, будучи примѣняема только къ нѣкоторымъ классамъ и группамъ лицъ, противорѣчитъ идеѣ нелицепріятности закона, *несправедлива* и не достигаетъ ни одной изъ цѣлей, преслѣдуемыхъ законодательствомъ по отношенію къ преступнику, слѣд. *нецѣлесообразна*.

Единственное яко-бы достоинство розогъ, какъ наказанія, можетъ быть формулировано словами русскаго криминалиста Неклюдова [3]): „онѣ весьма дешевы; *достаточно нѣсколькихъ десятинъ лѣса, чтобы перепороть всѣхъ гражданъ государства*; онѣ моментальны:

---

[1]) Въ главѣ V приведены примѣры тому, какъ это *ничтожное* по своимъ размѣрамъ физическое страданіе можетъ, однако, быть *опаснымъ* для здоровья человѣка.

[2]) Черновъ. Стр. 29—50.

[3]) Цитир. по Чернову. Стр. 50.

легъ, отсѣкся—всталъ и ушелъ". „Моментальность" однако нельзя считать достоинствомъ, такъ какъ высѣченный человѣкъ немедленно-же возвращается въ ту среду, гдѣ онъ совершилъ преступленіе; опозоренный и озлобленный, онъ непремѣнно будетъ реагировать на внѣшній міръ еще болѣе неправильно: или съ горя, чтобы забыть о позорѣ, будетъ пьянствовать, или же будетъ вымещать свою злобу на членахъ своей семьи, или на виновникахъ своего наказанія, т. е. можетъ совершить новыя преступленія.

Что касается „дешевизны", на которую ссылаются всѣ защитники розги, указывая на дороговизну для государства другихъ способовъ наказанія (арестъ, тюрьма и т. п.), то слабость этого мотива слишкомъ очевидна, чтобы серьезно его опровергать.

Педагогъ, защищающій розгу и разными способами мотивирующій ея необходимость, въ сущности стремится замаскировать свое *неумѣніе* иначе, какъ посредствомъ розги, воспитывать дѣтей; тоже самое можно сказать и о розголюбахъ—администраторахъ. Такимъ лицамъ слѣдуетъ напомнить весьма удачное выраженіе А. М. Чернова: [1]) „въ конномъ мірѣ платятъ дороже кучерамъ, умѣющимъ ѣздить безъ кнута, чѣмъ ѣздящимъ на кнутѣ".

Въ настоящее время вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній перешелъ въ послѣдній фазисъ своего развитія: сознаніе необходимости этой отмѣны проникло во все общество, и оно начинаетъ протестовать противъ этого позорнаго остатка старины.

Гл. III. Статистическія данныя о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ настоящее время.

Качественная и количественная сторона вопроса. Тѣлесныя наказанія нижнихъ воинскихъ чиновъ. Тѣлесныя наказанія ссыльно-поселенцевъ и арестантовъ. Наказанія крестьянъ. Свѣдѣнія за прежніе годы. Число тѣлесно наказанныхъ крестьянъ въ 1896 г. въ губерніяхъ: Вологодской, Новгородской, Пермской, Тверской, Пензенской, Олонецкой, Смоленской, Черниговской, Казанской, Нижегородской, Вятской, Саратовской, Костромской, Воронежской, Уфимской, Полтавской, Курской и Таврической. Чрезвычайныя и административныя тѣлесныя наказанія. Незаконныя наказанія, побои.

Въ предыдущихъ двухъ главахъ мы указали, какъ и къ кому примѣнялись эти наказанія въ прежнее время, и кто подлежитъ этому наказанію въ настоящее время. „Мудрено было прожить на Руси безъ битья", и это было еще такъ недавно, когда били всѣхъ и за все. Не можемъ не привести слѣдующихъ словъ нашего извѣстнаго сатирика Щедрина (Салтыкова), который въ 1857 г.

---

[1]) Черновъ. Стр. 89.

писалъ одному знакомому о предполагаемой своей статьѣ: „Выйдетъ не дурно, только какъ-бы тово... не посѣкли. Какого ты мнѣнія на счетъ сѣченія? Наплевать или не наплевать? Я думаю, что наплевать, но только должно быть анаѳемски больно. Однако, клянусь, я не испыталъ этого“ [1]). Щедринъ въ это время былъ уже крупнымъ человѣкомъ, какъ-же смотрѣла на розги въ тѣ времена вся нечиновная мелкота. И теперь этой „мелкотѣ“ приходится переносить много всякихъ наказаній и побоевъ, что видно изъ этой главы; въ ней собранъ весь статистическій матеріалъ, который удалось получить, о числѣ тѣлесно наказанныхъ въ ближайшее время и особенно за послѣдніе 90-е года. Эта глава имѣетъ особое значеніе въ виду того, что нѣкоторые, преимущественно старики, утверждаютъ, что теперь тѣлесныя наказанія примѣняются очень рѣдко, въ исключительныхъ случаяхъ, а потому нечего объ нихъ и говорить, а тѣмъ болѣе возбуждать ходатайства объ отмѣнѣ ихъ. Къ сожалѣнію, эту ошибку дѣлаютъ даже изслѣдователи этого вопроса, такъ наприм. А. Г. Тимофеевъ [2]) говоритъ, что „тѣлесныя наказанія въ настоящее время почти не примѣняются у западноевропейскихъ народовъ (во Франціи они отмѣнены въ 1832 г. и Германіи въ 1871 г.), въ небольшомъ сравнительно объемѣ сохранились они и у насъ“. Далѣе онъ признаетъ за настоящими тѣлесными наказаніями, главнымъ образомъ, позорящее значеніе, а „по тяжести причиняемаго ими страданія, физической боли эти наказанія представляются теперь малозначительнымъ карательнымъ средствомъ“. И это — слова не защитника, а горячаго противника тѣлесныхъ наказаній; происходитъ такое ошибочное мнѣніе потому, что авторъ сравниваетъ настоящее съ изучаемымъ имъ ужаснымъ прошлымъ, а также и потому, что о числѣ наказуемыхъ въ настоящее время розгами и плетями въ печати имѣются очень скудныя свѣдѣнія. Намъ удалось получить данныя и освѣтить эту сторону вопроса наиболѣе убѣдительнымъ цифровымъ матеріаломъ.

Прежде всего нѣсколько словъ о *качествѣ* тѣлесныхъ наказаній: эти наказанія вовсе нельзя назвать малозначительными по физической боли и причиняемымъ страданіямъ, такъ какъ и теперь назначается до 200 ударовъ розогъ и 100 плетей, а такія количества не только причиняютъ ужасныя мученія, но опасны для здоровья и въ исключительныхъ случаяхъ смертельны. Даже 20 ударовъ розгами, особенно руками пьянаго исполнителя, вовсе не безразличны въ смыслѣ физическаго страданія и опасности для здоровья, стало-

[1]) «Русск. Вѣд.» 1897 г. № 318.

[2]) Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Русскомъ правѣ. Стр. 2 и 3.

быть, и ихъ нельзя назвать *малозначительными*. Впрочемъ, о качествѣ тѣлесныхъ наказаній и причиняемыхъ ими физическихъ страданіяхъ подробно говорится въ слѣдующихъ двухъ главахъ.

Возвращаемся къ *количественной* сторонѣ вопроса и начнемъ съ болѣе мелкихъ группъ, подлежащихъ однако болѣе жестокимъ наказаніямъ, — *штрафованныхъ нижнихъ чиновъ и ссыльно-поселенцевъ*.

Тѣлесныя наказанія нижнихъ воинскихъ чиновъ. Хотя объ этомъ имѣется мало свѣдѣній, но они достаточно знакомятъ съ настоящимъ состояніемъ наказаній въ войскахъ. По воинскому уставу въ изданіи 1869 г. впредь до устройства военныхъ тюремъ одиночное заключеніе должно быть замѣняемо для нижнихъ чиновъ, состоящихъ на срочной службѣ, не пользующихся особыми правами состоянія и не имѣющихъ нашивки, наказаніемъ розгами отъ 50 до 200 ударовъ, соразмѣряя число оныхъ со степенью одиночнаго заключенія, которой подлежалъ-бы осужденный; по изданіи же воинскаго устава 1875 г. (послѣ введенія общей воинской повинности) такая замѣна допускается лишь для состоящихъ въ разрядѣ *штрафованныхъ*. Поэтому съ 1875 года число наказанныхъ быстро уменьшилось. Не считая наказанныхъ въ дисциплинарномъ порядкѣ, о чемъ нѣтъ свѣдѣній, подвергнутыхъ по суду тѣлесному наказанію, изъ *военнослужащихъ* было [3]):

Года.	Число.	Года.	Число.	Года.	Число.	Года.	Число.
1871	6149 ч.	1877	1024 ч.	1883	298 ч.	1889	409 ч.
1872	6799 „	1878	1233 „	1884	422 „	1890	407 „
1873	6763 „	1879	918 „	1885	447 „	1892	340 „
1874	6452 „	1880	681 „	1886	451 „	1893	348 „
1875	2133 „	1881	573 „	1887	442 „		
1876	1371 „	1882	475 „	1888	459 „		

Стало-быть, число тѣлесно наказанныхъ сильно упало сравнительно съ 70 годами, особенно рѣзкое паденіе началось съ 1875 г.; однако, бываютъ и повышенія, такъ въ 1883 г. число наказанныхъ спустилось до 298, а затѣмъ опять поднялось, и все держалось на 400 слишкомъ до 1892 г., когда упало до 340, а въ 1893 г. опять маленькое повышеніе до 348. Во всякомъ случаѣ, эта таблица даетъ намъ право констатировать, что *въ войскахъ приходятъ къ убѣжденію въ необходимости уменьшить или даже совсѣмъ уничтожить тѣлесныя наказанія*.

Очень интересныя свѣдѣнія о наказаніяхъ въ войскахъ даетъ намъ д-ръ В. Ф. Бушуевъ, помѣстившій въ „Врачѣ“ (1897, № 41) сообщеніе: „По поводу тѣлесныхъ наказаній въ войскахъ“. Хотя

---

[3]) В. Семевскій. Стр. 46.

званіе солдата велико и почетно, онъ, съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ, можетъ быть наказанъ тѣлесно 15 — 300 розогъ; особенно процвѣтаетъ тѣлесное наказаніе въ 4 дисциплинарныхъ батальонахъ и 2 дисциплинарныхъ ротахъ. Такъ, напр., по словамъ врача, въ одномъ изъ такихъ батальоновъ, имѣвшихъ ежегодно 100—400 солдатъ, наказывается розгами 16 — 20 человѣкъ каждый годъ, т. е., 5 — 10% всѣхъ. За рѣдкими исключеніями всѣ солдаты боятся или стыдятся розогъ, и потому прибѣгаютъ ко всѣмъ средствамъ, чтобы избавиться отъ этого наказанія и вообще пребыванія въ дисциплинарныхъ батальонахъ,—лучше для нихъ поступить въ гражданскую тюрьму и быть сосланными въ Сибирь. Заключенные стремятся поступить въ лазаретъ и, даже по совершенномъ выздоровленіи, никто изъ нихъ не просится на выписку, и, если врачъ рѣшится выписать подобнаго солдата, то можетъ иногда подвергнуться оскорбленію. Другіе идутъ дальше и совершаютъ новыя преступленія, чтобы снова подвергнуться суду и ссылкѣ въ Сибирь; „преданіе говоритъ даже, будто подсудимые обнажали передъ судьями свои исполосованныя спины и ягодицы въ отвѣтъ на вопросъ о причинѣ, побудившей къ преступленію. Бывали случаи оскорбленія суда, присуждавшаго къ розгамъ, или офицеровъ при исполненіи судебныхъ приговоровъ. Такъ въ одномъ случаѣ рядовой К. на вопросъ предсѣдателя полкового суда: „доволенъ-ли онъ рѣшеніемъ суда“? рѣзко воскликнулъ, размахнувъ руками: „чѣмъ? розгами-то? никогда!“ Когда-же ему объяснили, что онъ можетъ обжаловать рѣшеніе суда, то К. сказалъ: „что жаловаться? Я лучше подведу себя къ разстрѣлу, если придутъ меня сѣчь“. Другіе предпочитаютъ розгамъ смерть: этимъ лѣтомъ автору пришлось вскрывать осужденнаго рядового, который предпочелъ смерть черезъ самоповѣшеніе дисциплинарному батальону съ его розгами. Не безъ печальныхъ результатовъ бываютъ и самыя наказанія: нѣкоторые сейчасъ-же послѣ сѣченія находятся въ такомъ возбужденномъ состояніи, что оскорбляютъ даже дѣйствіемъ офицеровъ, наблюдавшихъ за сѣченіемъ; у другихъ наказанныхъ развиваются болѣзни, такъ авторъ въ 1890 г. имѣлъ въ Кіевскомъ военномъ госпиталѣ „ужасающую флегмону обѣихъ ягодицъ послѣ розогъ у одного наказаннаго, положеннаго въ отдѣленіе въ качествѣ тифознаго больного“. Д-ръ Бушуевъ весьма остроумно замѣчаетъ, что если розги сохранятся у насъ и въ двадцатомъ столѣтіи, то *роль врача при тѣлесномъ наказаніи значительно повысится: вѣроятно, врачамъ придется обезпложивать розги и поле операціи, обезболивать наказываемыя части; а, можетъ быть, и наркотизировать осужденныхъ передъ наказаніемъ*. Но пока сбудется это предсказаніе автора, и теперь роль врачей

и вообще медицины при тѣлесныхъ наказаніяхъ въ войскахъ очень печальная. По обычаю, при сѣченіи присутствуетъ фельдшеръ съ лекарствами. Въ случаѣ обморока, что въ началѣ сѣченія бываетъ не рѣдко, фельдшеръ приводитъ обмершаго въ чувство, послѣ чего сѣченіе производится своимъ порядкомъ. Если командиру части или заступающему его вздумается привлечь къ присутствію при сѣченіи врача, то послѣдній не можетъ не явиться, при чемъ роль его тутъ чисто страдательная. Его голосъ, его мнѣніе имѣютъ значеніе лишь тогда, когда у наблюдающаго за сѣченіемъ явится сомнѣніе *въ здоровьѣ* или *въ силахъ* осужденнаго,— другими словами: „когда явится боязнь, какъ-бы не засѣчь". В. Ф. Бушуевъ совершенно справедливо полагаетъ, что законъ о врачебномъ контролѣ при наказаніяхъ имѣетъ въ виду интересы наказывающаго, а не наказуемаго, онъ „заботится о томъ, чтобы наказывающій не получилъ непріятности засѣчь на мѣстѣ осужденнаго". Далѣе, онъ вполнѣ соглашается съ П. Н. Коноваловымъ, что врачъ никогда не можетъ отвѣтить точно, вынесетъ-ли осужденный наказаніе, хотя бы и незначительное; прежде всего слѣдуетъ помнить о возможности смерти отъ shock'а, для развитія котораго имѣются благопріятныя условія при тѣлесномъ наказаніи: страхъ, боль и стыдъ. Поэтому вездѣ, гдѣ спрашиваютъ врача — (при наказаніяхъ въ дисциплинарномъ порядкѣ обыкновенно не спрашиваютъ)—слѣдуетъ широко пользоваться правомъ veto. Но такъ какъ и до сихъ поръ среди офицеровъ и даже среди военныхъ врачей есть такіе, которые вѣрятъ и увѣряютъ другихъ (см. ниже), что для солдатъ розги и побои ни почемъ, то на военныхъ врачахъ лежитъ нравственная обязанность бороться съ подобнымъ прискорбнымъ взглядомъ и не только тогда, когда спрашиваютъ, но и всегда „указывать тѣмъ, кто имѣетъ право сѣчь солдата, что это наказаніе далеко не невинное, а подчасъ даже и очень опасное". „Врачу изъ всѣхъ существующихъ взглядовъ на преступленіе и преступника нужно держаться одного, единственно, думается мнѣ, правильнаго, что преступникъ есть больной человѣкъ, что преступленіе есть только одно изъ проявленій болѣзни. Отсюда неизбѣжно вытекаетъ, что и поступать съ преступникомъ врачъ долженъ, какъ съ больнымъ, т. е., лечить—исправлять, если возможно, а если преступникъ грозитъ общественной безопасности, то поступать съ нимъ такъ, какъ поступаютъ съ соотвѣтственными больными".

Все высказанное военнымъ врачемъ В. Ф. Бушуевымъ ясно указываетъ на необходимость отмѣны тѣлесныхъ наказаній, еще процвѣтающихъ въ дисциплинарныхъ ротахъ и батальонахъ. По-видимому, и въ другихъ частяхъ войскъ еще сохраняются до сихъ

поръ различные побои, такъ какъ генералъ М. И. Драгомировъ въ 1895 г. рѣзко высказывается противъ „*г. мордобойцевъ*“ (см. главу IV).

Тѣлесныя наказанія ссыльно-поселенцевъ и арестантовъ. Относительно ихъ нѣтъ полныхъ статистическихъ данныхъ, но есть все-таки довольно цѣнные факты, указывающіе на процвѣтаніе различныхъ тѣлесныхъ наказаній въ этой средѣ. За 8 лѣтъ 1883—1890 гг. въ Красноярскомъ округѣ [1]) волостными судами *приговорено къ розгамъ 35,6% всѣхъ подсудимыхъ и 12,5% всего взрослаго мужского населенія* округа, при чемъ ссыльные приговаривались къ розгамъ чаще крестьянъ. Если и въ остальныхъ сибирскихъ округахъ также процвѣтаетъ розга, то дальше и идти некуда: скоро и судить, и сѣчь будетъ некому... Ссыльно-поселенцы подлежатъ тѣлесному наказанію не только по суду, но и въ административномъ порядкѣ, - ихъ можетъ наказывать, какъ пишетъ намъ д-ръ С. И. Мицкевичъ, чуть-ли не всякій желающій; поэтому здѣсь многое зависитъ отъ взглядовъ начальствующихъ лицъ: при одномъ розга будетъ процвѣтать, а при другомъ заглохнетъ. Такъ въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“ (№ 54, 1897 г.) сообщается, что одинъ исправникъ въ Олекминскѣ, Якутской области, *никогда не прибѣгалъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ* даже относительно ссыльно-поселенцевъ. И когда новый исправникъ началъ свою дѣятельность съ порки, подвергнувъ тѣлесному наказанію скопца, то этотъ фактъ произвелъ тяжелое впечатлѣніе на населеніе самаго культурнаго въ Якутской области округа, гдѣ, какъ говорятъ жители, уже 12 лѣтъ никого не пороли. Тоже относительно Якутской области подтверждаетъ въ письмѣ къ намъ докторъ С. И. Мицкевичъ, ссылаясь на офиціальныя данныя: „*У дикарей-тунгусовъ и полудикарей-якутовъ тѣлесное наказаніе — вещь неслыханная*; волостные суды приговариваютъ къ выговору, штрафу и обязательнымъ работамъ, но никогда къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Тоже самое наблюдается и въ русскихъ волостяхъ, не смотря на обиліе въ нихъ поселенцевъ, которыхъ можетъ наказывать чуть-ли не всякій желающій. Полиція въ городахъ имѣетъ право безъ суда подвергать тѣлесному наказанію поселенцевъ, но когда въ Колымскѣ полиція въ 1895 году рѣшила наказать розгами одного поселенца, то казаки отказывались сѣчь, говоря, что этого здѣсь никогда не было, и что они не увѣрены, можно-ли сѣчь людей. Такимъ образомъ, даже дикари и ссыльно-поселенцы являются очень чувствительными къ позору отъ тѣлеснаго наказанія, а у насъ въ Россіи усердно наказываютъ главныхъ нашихъ работниковъ-крестъ-

[1]) М. Дубенскій. Очеркъ дѣятельности волостного суда въ Восточной Сибири. (Цитир. по Семевскому, стр. 66).

янъ. С. И. Мицкевичъ, лично знакомый съ упоминаемой ниже Александровской тюрьмой, говоритъ, что тамъ розга не примѣняется болѣе 10 лѣтъ, и дисциплина среди 1000 каторжниковъ отъ этого только выигрываетъ.

Изъ другой части Сибири—острова Сахалина д-ръ Н. С. Лобасъ сообщаетъ, [1]) что помимо плетей, присуждаемыхъ по суду, „розга широкой рукой примѣняется на каторгѣ“. Изъ повторныхъ преступниковъ и бродягъ многiе получили въ разное время по 400—500 и болѣе плетей; одинъ бродяга, по его счету, получилъ 1400 палокъ, 600 плетей, розогъ не считалъ. Вообще этотъ авторъ въ своей статьѣ приводитъ рядъ убѣдительныхъ соображенiй противъ этихъ наказанiй и болѣе десятка примѣровъ крайне вреднаго влiянiя тѣлесныхъ наказанiй на физическое и психическое здоровье наказуемыхъ. Авторъ хорошо знакомъ съ настоящимъ вопросомъ, такъ какъ онъ состоитъ врачемъ двухъ каторжныхъ Сахалинскихъ тюремъ (Александровской и Дуйской) и, какъ тюремный врачъ, обязанъ давать заключенiя, сколько данный арестантъ можетъ вынести плетей или розогъ, обязанъ присутствовать при самомъ наказанiи... Прежде всего авторъ рисуетъ ту ужасную обстановку, при которой производится наказанiе въ темномъ, мрачномъ корридорѣ тюрьмы, имѣющимъ „зловѣщiй“ видъ палачомъ. Палачъ обыкновенно изъ арестантовъ, и *порядочный арестантъ не захочетъ быть палачомъ*, поэтому на эту должность попадаетъ самый отпѣтый, оголтѣлый, всѣми презираемый человѣкъ, стоящiй на самой низкой ступени паденiя. Этотъ человѣкъ является исполнителемъ суда, онъ можетъ или легко наказать свою жертву, или изувѣчить и даже забить до смерти, [2]) что бывало часто прежде, а иногда и теперь; до какого звѣрства доходитъ палачъ, достаточно отмѣтить, что одинъ арестантъ такъ былъ наказанъ палачомъ, что лишился мягкихъ частей ягодичныхъ областей!.. Не дурны и иные начальники, обыкновенная фраза ихъ палачамъ: „не мажь, крѣпче, рѣже!“ Одинъ растягиваетъ наказанiе на долгое время, другой бьетъ самого палача, если онъ наказываетъ легко и т. д. По поводу такихъ палачей и начальниковъ авторъ говоритъ: „приговоръ суда извращается волею грубаго и жестокаго исполнителя“, „судъ, приговаривая къ

---

[1]) Островъ Сахалинъ. «Къ вопросу о тѣлесныхъ наказанiяхъ». «Врачъ» 1898. № 26.

[2]) Авторъ такъ описываетъ употребляющуюся теперь плеть: «Плеть—это кнутъ съ толстой деревянной рукояткой, къ которой прикрѣпленъ туго свитый ремень, длиной въ $1/2$ аршина, а толщиной, приблизительно, въ три пальца. Этотъ ремень оканчивается тремя ремнями, изъ которыхъ каждый въ палецъ толщиною и около трехъ четвертей длиной».

плетямъ, не предвидитъ глумленія надъ человѣческой личностью"... Да, вѣдь, самый приговоръ къ плетямъ, какъ-бы легко онѣ не наносились, есть уже жестокость и глумленіе надъ человѣкомъ: не будь назначенія, не будетъ и исполненія! Стало-быть, вопросъ идетъ не объ мягкомъ и гуманномъ исполненіи, а о полной отмѣнѣ назначенія судомъ тѣлесныхъ наказаній!—Н С. Лобасъ считаетъ *розги хуже плети*, такъ какъ плеть назначается только судомъ, а розги по усмотрѣнію одного лица. Начальники тюремъ и округовъ могутъ назначить 30—100 ударовъ розогъ, не спрашивая мнѣнія врача, почему нерѣдко наказываются больные, напр. были наказаны одинъ падучный, другой съ нарывами на ягодицахъ, наказывались съ болѣзнями сердца и душевно-больные и проч. Хотя арестанты и считаются уже отпѣтыми людьми, съ которыми все позволительно, однако тѣлесныя наказанія и на нихъ вліяютъ крайне пагубно, причиняя не только физическія страданія и заболѣванія, но и психическія разстройства. Авторъ приводитъ около 10 примѣровъ, гдѣ послѣ наказанія люди становились ненормальными или совершенно душевно-больными; одна беременная женщина (въ 1888—89 гг.) послѣ наказанія умерла; ссыльно-каторжный Д. послѣ наказанія застрѣлился, другой, ставъ съ „кобылы", нанесъ оскорбленіе дѣйствіемъ начальнику тюрьмы и др. (подробности см. въ гл. V). О роли врача при тѣлесныхъ наказаніяхъ авторъ высказывается отрицательно: настоящій списокъ болѣзней, избавляющихъ отъ тѣлесныхъ наказаній, устарѣлъ и недостаточенъ, да его и нельзя исправить: никакой перечень болѣзней самый полный не можетъ охватить всѣхъ тѣхъ состояній человѣка, при которыхъ тѣлесное наказаніе можетъ быть для него опасно. Всякій врачъ долженъ всегда и вездѣ заявлять, что это наказаніе, какъ болѣе или менѣе сильная травма, соединенная съ позоромъ, опасно для всякаго человѣка, хотя-бы и совершенно здороваго. А если къ этому добавить, что, по словамъ автора, наказываютъ арестантовъ, признанныхъ врачемъ больными, и что врачу приходится быть при наказаніи, то вполнѣ согласишься съ словами Н. С. Лобаса: „*роль врача при назначеніи тѣлесныхъ наказаній—жалкая тяжелая роль*", и повторяемъ — *остается удивляться, какъ врачи выносятъ эту роль*".

Въ заключеніе Н. С. Лобасъ высказываетъ, что существованіе тѣлесныхъ наказаній вызываетъ сильное огрубѣніе нравовъ у всей тюремной администраціи—постоянная русская безобразно-виртуозная брань, заушенія, зуботычины, подзатыльники, палки по спинамъ и рукоятки револьверовъ по головамъ арестантовъ, и наоборотъ, при уменьшеніи розогъ при нѣкоторыхъ начальни-

кахъ до minimum'a, наступало улучшеніе нравственнаго облика каторги.

По поводу этой статьи Н. С. Лобаса, бывшій начальникъ К. губернской тюрьмы кол. сов. С. П. М. напечаталъ письмо, [1]) въ которомъ подтверждаетъ послѣднее заключеніе Н. Лобаса.

Въ К. тюрьмѣ былъ начальникъ С., который и самъ и черезъ своихъ помощниковъ учинялъ надъ арестантами кулачную расправу, площадная брань была обыденнымъ явленіемъ, арестанты трепетали при словѣ „начальство", и про С. говорило мѣстное начальство, что онъ *умѣлъ держать арестантовъ въ твердыхъ рукахъ*,—но при немъ бывали побѣги изъ тюрьмы, бунты и даже нападенія арестантовъ съ ножемъ на самого С. Послѣ него сдѣланъ былъ начальникомъ тюрьмы авторъ письма и оставался имъ съ 3 марта 1889 г. по 21 іюля 1894 г. Брань, драка и кулачная расправа были совершенно изгнаны изъ тюрьмы, не смотря на совѣты помощниковъ, что „безъ ежовыхъ рукавицъ" нельзя обойтись. Результатомъ строгаго, но законнаго и гуманнаго отношенія къ арестантамъ было то, что въ тюрьмѣ водворился порядокъ: арестанты (ихъ ежедневно было до 900) стали смотрѣть на С. П. М. какъ на покровителя и защитника, обращались къ нему за совѣтами по домашнимъ дѣламъ и проч. Всякія непріятности и побѣги окончательно прекратились, даже сами арестанты увѣдомляли начальника анонимными записками о предполагавшихся побѣгахъ, указывали, гдѣ спрятаны инструменты для побѣга— веревки, пилки и проч. Авторъ письма заключаетъ его словами, что *арестантами гораздо лучше управлять не побоями и кулаками, а гуманнымъ и справедливымъ отношеніемъ къ нимъ.*

Много поучительнаго говоритъ также о наказаніяхъ ссыльныхъ и *преступниковъ* изслѣдователь Сахалина А. П. Чеховъ въ своей прекрасной книгѣ „Островъ Сахалинъ" [2]). „И теперь встрѣчаются чиновники, которымъ ничего не стоитъ размахнуться и ударить кулакомъ по лицу ссыльнаго, даже привилегированнаго или приказать человѣку, который не снялъ въ торопяхъ шапки: „пойди къ смотрителю и скажи, чтобы онъ далъ тебѣ тридцать розогъ".—„Ссыльному часто полагаются каторжныя работы и плети за проступки, которые при обыкновенныхъ условіяхъ повлекли-бы выговоръ, арестъ или тюремное заключеніе".—„Розги, плети, прикованіе къ тележкѣ,—наказанія, позорящія личность преступника, причиняющія его тѣлу боль и мученія,—примѣняются здѣсь широко. Нака-

---

[1]) «Сынъ Отечества» 1898, № 200.

[2]) А. П. Чеховъ. «Островъ Сахалинъ». Москва 1895. Стр. 439, 447, 459—472.

заніе плетями или розгами полагается за всякое преступленіе, будь то уголовное или маловажное; примѣняется-ли оно, какъ дополнительное, въ соединеніи съ другими наказаніями или самостоятельно, оно все равно составляетъ необходимое содержаніе всякаго приговора. Самое употребительное наказаніе—розги". Въ 1889 году въ Александровскомъ округѣ было наказано административнымъ порядкомъ 282 каторжныхъ и поселенцевъ, изъ нихъ 265 т. е. 94% розгами. Но, по словамъ А. П. Чехова, еще не всѣ наказанные тѣлесно заносятся въ вѣдомости, такъ въ 1889 г. показано выпоротыхъ въ Тымовскомъ округѣ 57 и въ Корсаковскомъ только 3 каторжныхъ, тогда какъ въ обоихъ округахъ ежедневно сѣкутъ по нѣскольку человѣкъ, иногда по десятку, при чемъ поводомъ дать человѣку 30—100 розогъ служитъ всякая провинность, напр. если 20—30 рабочихъ не исполнили урока, то ихъ сѣкутъ всѣхъ. Одинъ чиновникъ, желая отъучить арестантовъ отъ подачи прошеній, сѣкъ ихъ за всѣ прошенія, не заслуживающія уваженія: 48, 25 и т. д. человѣкъ въ день, и просьбы перестали подавать. Другой смотритель поселеній, съ вѣдома окружнаго начальника, за простую драку между ссыльно-поселенцами перепоролъ жестоко всю Лютогу; наказывались безъ разбора правые и виноватые, даже беременная женщина, при чемъ давалось ударовъ больше нормы. Обыкновенно даютъ 30—100 ударовъ розогъ; смотритель тюрьмы имѣетъ право дать 30, а начальникъ округа 100. „Наказаніе розгами отъ слишкомъ частаго употребленія въ высшей степени опошлилось на Сахалинѣ, такъ что уже не вызываетъ во многихъ ни отвращенія, ни страха".—*Плети* примѣняются рѣже по приговорамъ окружныхъ судовъ; въ 1889 г. освидѣтельствовано врачами 67 человѣкъ для опредѣленія способности ихъ перенести это наказаніе. Оно самое отвратительное изъ всѣхъ употребляемыхъ на Сахалинѣ по своей жестокости и обстановкѣ; А. П. Чеховъ думаетъ, что юристы Россіи, приговаривающіе бродягъ и рецидивистовъ къ плетямъ, давно-бы отказались отъ этого наказанія, если-бы оно исполнялось въ ихъ присутствіи, но... 478 ст. Устава избавляетъ ихъ отъ позорнаго, оскорбляющаго чувство зрѣлища, такъ какъ приговоры и русскихъ и сибирскихъ судовъ исполняются на мѣстѣ ссылки.

И, повидимому, суды нерѣдко прибѣгаютъ къ назначенію плетей, такъ напр. за 8 мѣсяцевъ настоящаго года мы нашли въ газетахъ 4 случая примѣненія плетей, а вѣдь въ газетахъ сообщается объ очень маломъ числѣ судебныхъ разбирательствъ. Московскій окружный судъ приговорилъ 8 января 1898 г. Ивана Куракина за побѣгъ съ острова Сахалина и за совершенную послѣ этого кражу къ каторжной работѣ на 16 лѣтъ и 50 ударамъ пле-

тей [1]). Тотъ-же судъ 14 января, менѣе чѣмъ черезъ недѣлю, приговорилъ ссыльно-поселенца Константина Пряхина за убійство къ 20 годамъ каторги и 80 ударамъ плетей [2]). Екатеринодарскій окружный судъ [3]) 28 марта 1898 г. приговорилъ лишеннаго всѣхъ правъ изъ ссыльно-поселенцевъ Захара Коптева 21-го года за побѣгъ изъ мѣста поселенія изъ Иркутской губерніи и за убійство къ каторжной работѣ на 20 лѣтъ и ста ударамъ плетей. Но особенно поучительный случай былъ въ Владикавказскомъ окружномъ судѣ [4]), который 20 августа 1898 г. разбиралъ дѣло ссыльно-поселенца ингуша Баси-Батыря Мурзаева, дряхлаго старика 68 лѣтъ. Этотъ подсудимый, въ тоскѣ по родинѣ и желая умереть на ней, ушелъ съ мѣста поселенія изъ Сибири и добрался до Кавказа къ своимъ роднымъ; въ надеждѣ на манифестъ, онъ подалъ просьбу о разрѣшеніи ему дожить и умереть на родинѣ. Дѣло дошло до суда, который и приговорилъ Мурзаева, какъ совершившаго вторичный побѣгъ, къ каторжнымъ работамъ на 3 года и къ 40 ударамъ плетьми (дряхлаго-то почти 70-лѣтняго старика)! Н. С. Лобасъ отмѣчаетъ, что поселенцы, особенно Кавказцы, часто убѣгаютъ съ мѣста ссылки вслѣдствіе тоски по родинѣ.

Такимъ образомъ плети являются особеннымъ *правомъ* ссыльно-поселенцевъ, которые наказываются плетьми *за побѣгъ*. А между тѣмъ побѣгъ ссыльно-поселенцевъ, какъ справедливо говоритъ въ „Нов. Врем." М. Михайловъ [5]), часто есть „не что иное, какъ простая отлучка съ мѣста жительства, откуда отлучаться поселенецъ не имѣетъ права". Дѣло въ томъ, что поселенцамъ часто для жительства назначается глухая деревня, въ которой нельзя ничего заработать; приходится идти на сторону—въ городъ, на желѣзную дорогу и пр. для работы и прокормленія себя, а отлучка на срокъ болѣе 14 дней безъ разрѣшенія сельской власти есть уже побѣгъ. Въ итогѣ или смерть отъ голода, или самовольная отлучка и плети (волостныя правленія чаще не разрѣшаютъ отлучекъ). Поэтому М. Михайловъ настаиваетъ на необходимости измѣнить нашъ уставъ о ссыльныхъ и выбросить изъ него плети.

Крестьяне. Переходимъ теперь къ самой большой группѣ тѣлесно-наказуемыхъ—*крестьянамъ*. Какъ мы видѣли выше, вскорѣ послѣ отмѣны крѣпостного права, розги сильно процвѣтали на Руси; помѣщики и начальство такъ пріучили крестьянъ къ кулачной

1) «Русск. Вѣд.» 1898. № 9.
2) «Русск. Вѣд.» 1898. № 15.
3) «Русск. Вѣд.» 1898. № 102.
4) «Русск. Вѣдом.» 1898 г. № 182.
5) Цитир. по «Сын. Отеч.» 1898. № 236.

расправѣ и всякимъ тѣлеснымъ наказаніямъ, что первое время и сами крестьяне и ихъ волостные суды видѣли спасенье только въ розгахъ. Къ тому-же въ это время бывали всякія крестьянскія волненія, въ которыхъ примѣнялись экзекуціи (см. выше примѣч. Лучинскаго).

Немногимъ лучше было и черезъ 10 лѣтъ послѣ освобожденія, въ 1872 году, когда члены коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ посѣтили 15 губерній для ознакомленія съ крестьянскимъ судомъ; въ числѣ вопросовъ предлагался крестьянамъ и слѣдующій: „часто-ли примѣняется наказаніе розгами; какъ смотрятъ крестьяне на цѣлесообразность этого наказанія“? Въ „Трудахъ“ этой коммиссіи [1]) собрана масса отвѣтовъ изъ 12 губерній; на основаніи этихъ данныхъ можно вывести заключеніе, что розги преобладали передъ другими наказаніями въ Московской, Новгородской, Самарской и Саратовской губерніяхъ; въ остальныхъ 8—Ярославской, Костромской, Владимирской, Тамбовской, Харьковской, Полтавской, Кіевской и Екатеринославской тѣлесныя наказанія, хотя и не преобладали, но, всетаки, назначались довольно-таки часто.

Вотъ статистическія данныя за прежнее время по двумъ губерніямъ. Во Владимірской губерніи число наказанныхъ розгами по годамъ было таково:

1863 г.	397 чел.	1868 г.	824 чел.	1873 г.	1650 чел.	1877 г.	963 чел.
1864 „	336 „	1869 „	923 „	1874 „	1166 „	1878 „	946 „
1865 „	742 „	1870 „	892 „	1875 „	1114 „	1879 „	724 „
1866 „	625 „	1871 „	626 „	1876 „	917 „	1880 „	638 „
1867 „	614 „	1872 „	1580 „				

Особое увеличеніе числа высѣченныхъ въ 1872 и 1873 годахъ, по предположенію В. Семевскаго, не было-ли вызвано разспросами со стороны членовъ вышеупомянутой коммиссіи, т. е. не поняли-ли ихъ крестьяне такъ, что, по мнѣнію начальства, они мало сѣкутъ. Послѣ этихъ двухъ лѣтъ число наказанныхъ розгами постепенно уменьшается, но всетаки, и въ послѣднемъ 1880 году ихъ нѣсколько сотъ.

П. Дашкевичъ [2]) разсмотрѣлъ всѣ постановленія волостныхъ судовъ въ Сквирскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, за 15 лѣтъ съ 1861 г. и пришелъ къ такому заключенію, что въ этой губерніи „въ первые годы по освобожденіи розга является самымъ излюбленнымъ наказаніемъ: ее не только въ началѣ примѣняютъ иногда

---

[1]) В. И. Семевскій. Необходимость отмѣны тѣлесныхъ наказаній, стр. 18. «Русская Мысль», 1896 г. книга II.

[2]) П. Дашкевичъ. Волостной судъ и кассаціонная инстанція, стр. 533. «Юридическій Вѣстникъ», декабрь, 1892.

и *сверхъ мѣры*, но даже распространяютъ на *изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія женщинъ, которыхъ за всякіе пустяки продолжаютъ сѣчь еще по 1876 годъ*". И, дѣйствительно, если можно судить по этому уѣзду, то Кіевская губернія является еще несчастнѣе Владимірской: въ первое пятилѣтіе изъ 838 уголовныхъ дѣлъ въ уѣздѣ тѣлесное наказаніе примѣнено въ 618 – 73,6%, во второе пятилѣтіе изъ 840 въ 517 - 61,5% и, наконецъ, за третье пятилѣтіе розга примѣнена только въ 416 дѣлахъ—28% изъ всѣхъ 1478 дѣлъ. Такимъ образомъ въ Сквирскомъ уѣздѣ количество приговоровъ съ розгами падаетъ и абсолютно и относительно. „Щедрое расточеніе розги судами въ начальные годы авторъ объясняетъ рабскими наклонностями массы, вынесенными ею изъ крѣпостного ига, когда розга имѣла громаднѣйшее распространеніе. По мѣрѣ того, какъ у крестьянъ на свободѣ стало пробуждаться сознаніе человѣческаго достоинства, и какъ подросло новое нерабское поколѣніе, розга начала падать все болѣе и болѣе. Впрочемъ и въ первые годы послѣ освобожденія крестьянъ были въ Кіевской губерніи такія счастливыя мѣстности, гдѣ розга вовсе не примѣнялась или назначалась крайне рѣдко; народная нравственность въ такихъ мѣстахъ не понижалась, а повышалась. П. Дашкевичъ высказываетъ въ концѣ статьи, что „окончательное законодательное упраздненіе розги желательно и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше".

Изъ неземскихъ губерній есть еще свѣдѣнія по Подольской губерніи [1]), въ которой также наблюдается уменьшеніе приговоровъ и наказаній розгами; такъ въ 1888 г. изъ всѣхъ приговоренныхъ волостными судами крестьянъ къ розгамъ было приговорено 25,5% (!), а въ 1897 г. т. е. черезъ 10 лѣтъ 14%,—тоже громадный %, какъ нигдѣ въ земской Россіи.

Но эти отрывочныя и отчасти устарѣвшія данныя, конечно, не даютъ яснаго представленія о количествѣ наказуемыхъ, поэтому для полученія болѣе полнаго и современнаго матеріала о розгахъ, коммиссія черезъ Правленіе Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова въ ноябрѣ 1897 года обратилась во всѣ губернскія присутствія земскихъ губерній съ просьбой прислать статистическія данныя о числѣ наказанныхъ розгами въ 1896 году. До настоящаго времени на эту просьбу отозвались 17 губернскихъ присутствій и прислали свои свѣдѣнія; по Воронежской губерніи данныя сообщены за два года 1895 и 1896 гг., а по Смоленской сдѣлана выборка нами за 1893—96 гг., почему эти двѣ губерніи описаны гораздо подробнѣе. По Вятской и Тверской губ. статистическія данныя взяты

[1]) Русск. Вѣд. 1898 г. № 226.

изъ газетныхъ корреспонденцій, по Тульской есть данныя только за 1892 годъ. Мы думаемъ, что матеріалъ по 19 губерніямъ (Тульская не включена въ общую таблицу) вполнѣ достаточенъ, чтобы высказаться о процвѣтаніи розогъ и въ настоящее время. Прежде всего мы сообщимъ свѣдѣнія по каждой губерніи отдѣльно въ той формѣ, въ какой они получены; изъ введенной нами четвертой графы % и расположенія уѣздовъ въ убывающемъ порядкѣ относительно этого % ясно видно, что уѣзды во всѣхъ губерніяхъ рѣзко отличаются между собой: въ однихъ уѣздахъ розги совсѣмъ вышли изъ употребленія, а въ другихъ онѣ составляютъ еще громадный процентъ относительно всѣхъ приговоренныхъ.

Вологодская губернія.	Устьсысольск.	Никольскій.	Устюжскій.	Сольвычегодск.	Яренскій.	Вологодскій.	Кадниковскій.	Тотемскій.	Грязовецкій.	Вельскій.	**Всего.**
Число всѣхъ подсудимыхъ по уголовнымъ дѣламъ, рѣшеннымъ волостн. судами въ 1896 г....	474	2152	1151	694	577	1997	3008	2651	1850	1415	15969
Число обвиненныхъ изъ нихъ..	299	1189	789	397	406	948	1872	1108	1025	867	8900
Изъ числа обвиненныхъ приговорено къ тѣлесному наказанію..................	51	199	79	40	39	89	110	54	38	—	699
% послѣднихъ къ числу всѣхъ обвиненныхъ..............	17,0	16,8	10,0	10,0	9,8	9,4	5,9	4,9	3,7	—	7,9
Число лицъ, которымъ тѣлесное наказаніе замѣнено другимъ.	—	—	—	—	—	36	60	20	30	—	146
Число лицъ, подвергнутыхъ тѣлесному наказанію.........	40	59	48	17	39	33	31	17	8	—	292

Итакъ изъ извѣстныхъ намъ *Вологодская* губернія является первой и самой несчастной: въ ней 699 человѣкъ т. е. 7,9% всѣхъ обвиненныхъ волостными судами приговорено къ тѣлесному наказанію. Вологодскіе земскіе начальники также оказываются самыми большими любителями розги, сравнительно со всѣми остальными; они только въ 146 случаяхъ замѣнили розги другими наказаніями, а у 553 т. е. 79% позорное тѣлесное наказаніе утверждено. (Сравнительно малое число наказанныхъ—292 изъ 553 утвержденныхъ приговоровъ Вологодское присутствіе объясняетъ тѣмъ, что нѣкото-

рые осужденные освобождены отъ наказанія въ силу манифеста, а надъ другими приговоры еще не приведены въ исполненіе). Отдѣльные уѣзды представляютъ крайнее разнообразіе во всѣхъ отношеніяхъ, какъ будто они населены совершенно различными людьми по образованію, соціальному положенію и пр. Счастливый Вельскій уѣздъ совсѣмъ упразднилъ розгу: ни одного приговора и ни одного наказаннаго, въ сосѣднихъ же Устюжскомъ и Сольвычегодскомъ приговоренные къ розгамъ составляютъ уже 10%, а въ Устьсысольскомъ и Никольскомъ и того хуже 16,8 и 17% т. е. *одинъ изъ шести обвиненныхъ приговаривается къ розгамъ!* Земскіе начальники Вологодскаго, Грязовецкаго, Кадниковскаго и Тотемскаго уѣздовъ извѣстную часть приговоровъ къ розгамъ замѣняютъ другими наказаніями, а въ остальныхъ 5 уѣздахъ земскіе начальники, вѣроятно, *не желаютъ стѣснять волю крестьянъ* и утверждаютъ безъ исключенія всѣ приговоры къ тѣлесному наказанію.

Новгородская губ.	Крестецкій.	Валдайскій.	Новгородскій.	Старорусскій.	Устюжскій.	Боровичскій.	Тихвинскій.	Кирилловскій.	Демянскій.	Череповецкій.	Бѣлозерскій.	Всего.
Число всѣхъ подсудимыхъ по уголовнымъ дѣламъ, рѣшеннымъ волостными судами въ 1896 г.				Свѣ	дѣ	ній		нѣ	тъ.			
Число обвиненныхъ изъ нихъ	1237	1013	1400	1756	1262	1336	728	938	756	1807	729	12962
Изъ числа обвиненныхъ приговорено къ тѣлесному наказанію	77	63	83	93	57	52	25	25	10	19	6	510
% послѣднихъ къ числу всѣхъ обвиненныхъ	6,4	6,2	6,0	5,3	4,4	3,9	3,4	2,6	1,3	1,1	0,8	4,0
Число лицъ, которымъ тѣлесное наказаніе замѣнено другимъ	18	19	42	29	20	23	16	9	9	11	4	200
Число лицъ, подвергнутыхъ тѣлесному наказанію	59	44	41	64	37	29	9	16	1	8	2	310

По отношенію числа приговоренныхъ къ населенію, *Новгородская* губернія занимаетъ второе мѣсто: ея 510 приговоровъ къ тѣлесному наказанію составляютъ 4,0% всѣхъ обвиненныхъ. Новгород-

скіе земскіе начальники также большіе любители порки и въ 1896 г. утвердили 61% всѣхъ приговоровъ къ розгамъ. Отдѣльные уѣзды очень рѣзко различаются между собой; самыми несчастными по числу приговоренныхъ и дѣйствительно наказанныхъ розгами являются уѣзды Старорусскій, Новгородскій и Крестецкій, а самыми счастливыми Бѣлозерскій, Демянскій и Череповецкій. Въ Бѣлозерскомъ и Демянскомъ уѣздахъ наказано только 1 и 2—въ 30 и 60 разъ меньше, чѣмъ въ Старорусскомъ, Новгородскомъ и др. Уже одно это чрезвычайное различіе указываетъ, какъ ненормально все дѣло съ тѣлесными наказаніями, и какъ все зависитъ отъ вкусовъ лицъ, утверждающихъ приговоры: не можетъ быть, чтобы Демянцы и Бѣлозерцы были несравненно нравственнѣе и развитѣе сосѣднихъ обитателей Новгородскаго, Крестецкаго и др. отличающихся поркой уѣздовъ, и въ то же время съ первыми справляются безъ насилій, а вторыхъ считаютъ нужнымъ драть...

Пермская губ.	Чердынскій.	Верхотурскій.	Екатеринбургскій.	Пермскій.	Красноуфимскій.	Шадринскій.	Соликамскій.	Кунгурскій.	Осинскій.	Камышловскій.	Ирбитскій.	Оханскій.	**Всего.**
Число всѣхъ подсудимыхъ по уголовнымъ дѣламъ, рѣшеннымъ волостными судами въ 1896 г.	1914	6015	8110	5223	6757	4260	7235	2662	5455	4021	2023	5303	58978
Число обвиненныхъ подсудимыхъ	1101	3498	5048	3198	3800	2130	3936	1458	2887	2109	1173	2568	32906
Изъ числа обвиненныхъ приговорено къ тѣлесному наказанію..	84	214	218	99	98	56	81	29	57	39	15	26	1016
% послѣднихъ къ числу всѣхъ обвиненныхъ.	7,6	6,1	4,3	3,1	2,6	2,6	2,1	2,0	2,0	1,9	1,3	1,0	3,1
Число лицъ, которымъ тѣлесное наказаніе замѣнено другимъ.	49	56	83	36	54	32	28	10	47	29	10	17	451
Число лицъ, подвергнутыхъ тѣлесному наказанію	32	158	135	42	44	23	48	7	10	10	5	9	523

Такимъ образомъ, *Пермская* занимаетъ третье мѣсто и немного уступаетъ Новгородской, хотя по абсолютному числу приговоровъ къ розгамъ и тѣлесно наказанныхъ она превосходитъ всѣ

остальныя 16 губерній: 1016 приговоровъ и 523 наказанныхъ. Какъ и вездѣ, различія между уѣздами довольно рѣзкія: отъ 15 и 26 приговоровъ въ Ирбитскомъ и Оханскомъ уѣздахъ до 214 и 218 въ Верхотурскомъ и Екатеринбургскомъ уѣздахъ; впрочемъ относительно числа обвиненныхъ всего болѣе приговоровъ сдѣлано въ Чердынскомъ уѣздѣ 7,6%. Утверждающія приговоры лица т. е. земскіе начальники также относятся неодинаково къ розгамъ: обыкновенно въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ много утвержденій, тамъ много и приговоровъ. Такъ напр. въ Ирбитскомъ уѣздѣ земскими начальниками изъ 15 приговоровъ отмѣнено тѣлесное наказаніе въ 10 т. е. въ 66,6%, въ Оханскомъ въ 65%, а въ наиболѣе несчастныхъ Верхотурскомъ замѣна сдѣлана только въ 27% и Екатеринбургскомъ въ 38% и т. д. Опять-таки является вопросъ, почему Ирбичане и Оханцы такъ рѣзко выдѣляются надъ Верхотурцами и Екатеринбургцами? Вѣроятно, все это различіе вызывается главнымъ образомъ вкусами земскихъ начальниковъ. Во всякомъ случаѣ, отмѣна тѣлеснаго наказанія для Пермской губерніи будетъ великимъ благодѣяніемъ: ежегодно 500 слишкомъ человѣкъ не будутъ подвергаться позору и выбрасываться за бортъ общественной жизни.

Данныя по *Тверской*[1]) губерніи за болѣе ранній годъ 1892 также указываютъ на сильное процвѣтаніе розогъ и неодинаковое ихъ присужденіе и утвержденіе въ разныхъ уѣздахъ. Въ 1892 г. въ Тверской губ. волостные суды сдѣлали 879 приговоровъ къ тѣлесному наказанію; изъ нихъ 609—69,4% утверждены земскими начальниками, а въ 270—30,6% розги замѣнены другими наказаніями (сколько приговоровъ отмѣнено съѣздами, свѣдѣній не имѣется). По отдѣльнымъ уѣздамъ число приговоровъ и % утвержденій располагается очень различно (данныя Корчевскаго и Калязинскаго уѣздовъ не раздѣлены):

УѢЗДЫ.	Число приговоровъ къ тѣлесному наказанію.	Какой % этихъ приговоровъ утвержденъ земскими начальниками.
Ржевскій	19	5
Зубцовскій	33	70
Новоторжскій	38	30
Старицкій	39	72
Тверской	73	72
Осташковскій	77	72
Кашинскій	86	85

1) «Вѣстн. Европы» 1893 г. Кн. II. Стр. 371—373.

Весьегонскій	111	54
Вышневолоцкій	131	85
Бѣжецкій	162	79
Калязинскій и Корчевскій	110	?

Въ большинствѣ уѣздовъ наблюдается извѣстное соотношеніе между общимъ числомъ приговоровъ къ розгамъ и числомъ приговоровъ, утвержденныхъ земскими начальниками. Это совпаденіе заставляетъ обозрѣвателя „Вѣстника Европы“ придти къ такому заключенію: „другими словами, чѣмъ легче земскіе начальники допускаютъ тѣлесное наказаніе, тѣмъ чаще, вообще говоря, оно назначается волостными судами. Отсюда только одинъ шагъ до предположенія, что волостные суды, расточая тѣлесныя наказанія или, наоборотъ, воздерживаясь отъ нихъ, дѣйствуютъ въ значительной степени, подъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ земскихъ начальниковъ“. И далѣе онъ говоритъ: „не можетъ быть, чтобы въ уѣздахъ сосѣднихъ и поставленныхъ въ совершенно однородныя условія такому различію репрессіи соотвѣтствовало различіе въ нравахъ населенія; не можетъ быть, напримѣръ, чтобы въ Бѣжецкомъ уѣздѣ число загрубѣлыхъ, испорченныхъ людей, на которыхъ можетъ подѣйствовать только физическая боль, было въ 10 разъ больше, чѣмъ въ Новоторжскомъ и въ 128 разъ больше, чѣмъ въ Ржевскомъ“. Такъ или иначе, но различія, дѣйствительно, поразительныя между уѣздами.

По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ [1]) тѣлесное наказаніе въ Тверской губерніи идетъ на убыль, а именно по отчетамъ о дѣятельности земскихъ начальниковъ:

ГОДА.	Число приговоровъ волостныхъ судовъ къ тѣлесному наказанію.	Изъ этого числа приговоровъ тѣлесное наказаніе замѣнено земск. начальн. въ слѣд. %.
1892	879	31%
1893	717	32%
1894	566	43%
1895	390	44%
1896	283	55%

Въ 1881 году волостными судами губерніи было приговорено къ тѣлесному наказанію 2720 человѣкъ, слѣдовательно за 15 лѣтъ число приговоровъ уменьшилось почти въ 10 разъ, т. е. Тверское крестьянство все болѣе убѣждается въ безполезности и вредѣ этого позорнаго наказанія. Къ сожалѣнію, рѣзкія различія въ числѣ при-

1) «Русскія Вѣдомости». 1897. № 331.

говоровъ къ тѣлесному наказанію и утвержденіи ихъ земскими начальниками продолжаютъ сохраняться въ 1896 г. по отдѣльнымъ уѣздамъ. Такъ, по отчетамъ о волостныхъ судахъ, въ Ржевскомъ и Старицкомъ уѣздахъ изъ 6 приговоренныхъ въ обоихъ уѣздахъ наказанъ только одинъ въ Старицкомъ уѣздѣ, въ Зубцовскомъ изъ 10 приговоренныхъ наказаны четверо; съ другой стороны въ Вышневолоцкомъ изъ 146 приговоренныхъ наказано 98, (изъ нихъ 74 за неисправный платежъ податей. „Рус. Вѣд.“ 1897. № 81), въ Бѣжецкомъ изъ 54—31, въ Новоторжскомъ изъ 78 наказаны 74 и въ Весьегонскомъ изъ 68 приговоренныхъ наказаны 43. (Кстати корреспондентъ отмѣчаетъ большое различіе между отчетами земскихъ начальниковъ и волостныхъ судовъ; по первымъ отчетамъ за 1896 г. во всей губерніи приговоровъ къ тѣлесному наказанію было 283, а по волостнымъ отчетамъ въ этомъ году было приговорено къ тѣлесному наказанію 494 человѣка и высѣчено изъ нихъ 329. Точно также по волостнымъ отчетамъ число наказанныхъ въ Бѣжецкомъ, Весьегонскомъ и Новоторжскомъ уѣздахъ въ 1896 г. было 31—74 человѣка, а по отчетамъ земскихъ начальниковъ 2—10 человѣкъ. Чьи цифры вѣрнѣе — земскихъ начальниковъ или волостныхъ судовъ — рѣшить трудно, но корреспондентъ удостовѣряетъ, что *отчеты волостныхъ судовъ утверждаются земскими начальниками*. Какъ же и чѣмъ объяснить это противорѣчіе?

Пензенская губернія.	Чембарскій.	Городищенскій.	Керенскій.	Пензенскій.	Наровчатскій.	Краснослободскій.	Мокшанскій.	Саранскій.	Инсарскій.	Нижне-Ломовскій.	Всего.
Число всѣхъ подсудимыхъ по уголовнымъ дѣламъ, рѣшеннымъ волостными судами въ 1896 г.	1579	2244	284	2074	2165	1873	1729	1508	3043	1956	18455
Число обвиненныхъ подсудимыхъ	587	944	216	885	908	892	750	737	1519	1170	8608
Изъ обвиненныхъ приговорено къ тѣлесному наказанію	47	69	15	60	60	37	30	24	29	17	388
% послѣднихъ къ числу всѣхъ обвиненныхъ	8,0	7,6	7,4	6,7	6,7	4,1	4,0	3,4	1,9	1,4	4,5
Число лицъ, которымъ тѣлесное наказаніе замѣнено другимъ	25	26	9	35	24	30	27	18	21	13	228
Число лицъ, подвергнутыхъ тѣлесному наказанію	22	43	6	25	26	7	3	6	8	4	150

Примѣчаніе. Въ числѣ лицъ, которымъ тѣлесное наказаніе замѣнено другимъ, показаны лица, освобожденныя отъ наказанія за силою Манифеста 14 мая 1896 г. и за примиреніемъ; они распредѣляются по уѣздамъ: Пензенскому 13, Чембарскому 6, Инсарскому 6 и Мокшанскому 4.

Слѣдовательно, не будь прощенныхъ, розга еще больше процвѣтала-бы въ несчастной Пензенской губерніи. Дѣйствительно, она занимаетъ довольно высокое мѣсто—пятое: въ ней нѣтъ ни одного уѣзда, изъятаго отъ этого наказанія, но зато есть уѣзды, гдѣ 8% всѣхъ обвиненныхъ присуждаются къ розгамъ, и гдѣ 43 человѣка дѣйствительно наказываются... Эта губернія еще долго не дождется самопроизвольнаго уничтоженія розогъ. Различія между уѣздами очень рѣзкія: первый Чембарскій уѣздъ съ его 8% превышаетъ почти въ 6 разъ послѣдній Нижнеломовскій съ 1,4%. По числу дѣйствительно наказанныхъ выдается Городищенскій уѣздъ, гдѣ наказано 43 человѣка, въ 14 разъ болѣе, чѣмъ въ Мокшанскомъ. Въ Пензенской губерніи, подобно большинству остальныхъ, наблюдается довольно большое соотвѣтствіе между числами назначаемыхъ и утверждаемыхъ приговоровъ, т. е. волостные суды слѣдуютъ вкусамъ земскихъ начальниковъ.

Олонецкая губернія.

	Всего по губерніи.
Число всѣхъ подсудимыхъ по уголовнымъ дѣламъ, рѣшеннымъ волостными судами въ 1896 г.	6941
Число обвиненныхъ подсудимыхъ	3632
Изъ нихъ приговорено къ тѣлеснымъ наказаніямъ	72
% послѣднихъ къ общему числу обвиненныхъ	2,0
Число лицъ, которымъ тѣлесное наказаніе замѣнено другимъ	65
Число лицъ, подвергнутыхъ тѣлесному наказанію	7

По *Олонецкой* губерніи сообщены только общегубернскія данныя, и уѣздныя различія намъ неизвѣстны. Хотя абсолютное число приговоренныхъ къ розгамъ въ этой губерніи очень невелико, только 72, но по процентному отношенію приговоренныхъ къ населенію она занимаетъ довольно высокое мѣсто—шестое среди извѣстныхъ намъ губерній.

ГОДА. / УѢЗДЫ.	Число приговоровъ волостныхъ судовъ къ тѣлесному наказанію.							Какой % составляютъ приговоры къ тѣлесному наказанію относительно всѣхъ обвинительныхъ приговоровъ.						
	1891	1892	1893	1894	1895	1896	Всего.	1891	1892	1893	1894	1895	1896	Среднее
Духовщинскій .	150	122	106	99	102	62	641	17,0	14,3	12,3	12,2	12,8	8,2	13,0
Рославльскій . .	316	186	85	82	41	19	729	20,7	13,5	7,4	7,1	4,0	2,0	10,1
Краснинскій. . .	165	79	70	42	39	32	427	18,1	8,8	10,6	6,2	6,6	6,4	10,0
Сычевскій	147	155	91	60	40	24	517	11,0	12,9	9,4	6,8	6,2	4,2	9,2
Вяземскій	121	78	64	28	21	13	325	14,7	12,4	11,6	4,7	3,8	2,6	8,9
Ельнинскій. . . .	158	92	56	16	17	4	343	15,2	10,2	7,3	2,5	3,5	1,0	8,1
Дорогобужскій .	120	66	39	12	9	8	254	17,4	10,0	6,2	1,8	1,4	1,5	6,6
Порѣчскій . . .	158	75	45	38	23	8	347	13,9	7,5	5,1	4,7	2,8	1,0	6,4
Гжатскій.	152	85	40	24	12	7	320	12,6	7,7	4,5	3,2	1,6	1,1	6,0
Смоленскій . . .	87	56	34	9	17	13	216	11,0	8,0	5,7	1,7	3,3	2,5	5,8
Юхновскій [1]) . .	93	?	43	38	18	3	195	10,3	?	6,1	6,0	2,9	0,5	5,7
Бѣльскій.	183	100	59	41	24	18	425	10,6	6,9	4,3	3,0	1,7	1,4	4,9
Итого. .	1850	1094	732	489	363	211	4739	14,3	10,0	7,3	5,1	4,2	2,6	7,8

Смоленскую губернію разберемъ болѣе подробно. Изъ этой первой таблицы, въ которой уѣзды расположены въ убывающемъ порядкѣ, мы видимъ прежде всего, что *число приговоровъ къ тѣлесному наказанію въ Смоленской губерніи падаетъ ежегодно очень значительно, и, при томъ, какъ безъотносительно, такъ и относительно* (къ числу всѣхъ обвинительныхъ приговоровъ [2]); въ 1891 году приговоровъ къ тѣлесному наказанію было 1850, и они составляли 14,3% всѣхъ обвинительныхъ приговоровъ, а въ 1896 году число ихъ уменьшилось до 211—2,6%, т. е., абсолютно приговоровъ съ розгами стало меньше почти въ 9 разъ, а относительно только въ $5^1/_2$ разъ. И, все-таки, *приговариваютъ къ розгамъ еще очень часто*—211

[1]) По Юхновскому уѣзду за 1892 г. свѣдѣній нѣтъ.

[2]) Нужно замѣтить, что число всѣхъ обвинительныхъ приговоровъ въ волостныхъ судахъ также падаетъ; всѣхъ ихъ за 6 лѣтъ было 60431, а по годамъ: въ 1891 г.—12965, въ 1892 г.—10929, въ 1893 г.—10039, въ 1894 г.—9534, въ 1895 г.—8948 и въ 1896 г.—8016, въ $1^1/_2$ раза менѣе, чѣмъ въ 1891 году.

разъ въ одинъ годъ! По уѣздамъ *различія* очень большія: первыми какъ абсолютно, такъ и относительно являются Духовщинскій и Рославльскій уѣзды, а послѣднимъ Бѣльскій уѣздъ, уступающій первымъ въ 2 и 3 раза. Къ сожалѣнію, эти различія наблюдаются не только за первые изслѣдуемые годы, но даже и за самый послѣдній 1896 г.; въ Духовщинскомъ, Краснинскомъ и Сычевскомъ уѣздахъ было вынесено болѣе 20, а именно 24, 32 и 62 приговора къ розгамъ, что составляетъ 4,2%, 6,4% и 8,2% всѣхъ обвинительныхъ приговоровъ, а съ другой стороны, въ Юхновскомъ уѣздѣ подобныхъ позорныхъ приговоровъ было въ 1896 г. только 3—въ 20 разъ менѣе, чѣмъ въ Духовщинскомъ,—какъ счастливы Юхновцы!

Но, какъ извѣстно, приговоры волостныхъ судовъ о розгахъ ничего не значатъ безъ утвержденія земскаго начальника, который имѣетъ право отмѣнять розги и замѣнять ихъ другимъ наказаніемъ, хотя-бы и по всѣмъ приговорамъ. Кромѣ того, обвиненные могутъ обжаловать рѣшеніе суда въ уѣздный съѣздъ, который также можетъ отмѣнить сѣченіе. Въ слѣдующей второй таблицѣ и представлены по годамъ числа и % утвержденныхъ приговоровъ земскими начальниками; уѣзды расположены также въ убывающемъ порядкѣ:

ГОДА. / УѢЗДЫ.	Число приговоровъ къ тѣлесному наказанію, утвержденныхъ земскими начальниками.							% утвержденныхъ приговоровъ къ числу всѣхъ приговоровъ о тѣлесномъ наказаніи.							Кромѣ того утверждено съѣздами приговоровъ къ тѣлесному наказанію за всѣ 6 лѣтъ.	
	1891	1892	1893	1894	1895	1896	Всего.	1891	1892	1893	1894	1895	1896	Среднее.	Число приговоровъ.	% къ числу всѣхъ приговоровъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ.
Сычевскій . . .	89	92	53	25	17	6	282	61,0	60,0	58,0	42,0	43,0	25,0	54,0	44	8,5
Рославльскій .	178	98	43	34	12	6	371	56,0	53,0	50,0	41,0	30,0	31,0	51,0	65	9,0
Гжатскій	84	35	22	2	—	—	143	55,0	41,0	55,0	8,0	—	—	45,0	18	6,0
Вяземскій. . . .	56	47	21	9	3	—	136	46,0	60,0	33,0	32,0	14,0	—	42,0	26	8,0
Ельнинскій. . .	61	34	12	—	5	—	112	38,0	37,0	21,4	—	30,0	—	33,0	27	8,0
Краснинскій. .	54	38	23	5	10	2	132	33,0	48,0	33,0	12,0	26,0	6,0	31,0	36	8,5
Юхновскій. . .	39	?	18	1	2	1	61	42,0	?	42,0	3,0	11,0	33,0	31,0	3	1,5
Бѣльскій	66	32	13	7	6	—	124	36,0	32,0	22,0	17,0	25,0	—	29,0	18	4,0
Дорогобужскій	32	26	9	1	1	2	71	27,0	40,0	23,0	8,0	11,0	25,0	28,0	39	15,0
Порѣчскій . . .	41	19	18	5	3	2	88	26,0	25,0	40,0	13,0	13,0	25,0	25,0	21	6,0
Смоленскій. . .	14	6	10	—	3	4	37	16,0	10,7	29,4	—	18,0	31,0	17,0	3	1,5
Духовщинскій.	29	29	16	13	3	1	91	19,0	24,0	15,0	13,0	3,0	1,5	14,0	29	4,5
Всего. . . .	743	456	258	102	65	24	1648	40,1	41,8	35,3	20,8	18,4	11,3	34,8	329	6,9

Эта таблица показываетъ, что Смоленскіе земскіе начальники мало пользовались своимъ правомъ и утверждали много пригово-

ровъ о розгахъ; за всѣ 6 лѣтъ таковыхъ утверждено 1648—34,8%, т. е., болѣе трети всѣхъ приговоровъ, постановленныхъ волостными судами. Здѣсь мы также видимъ постепенное паденіе (и абсолютно и относительно) числа утверждаемыхъ приговоровъ: въ 1896 г. процентъ утвержденныхъ приговоровъ въ 3½ раза менѣе, чѣмъ въ первомъ 1891 г. Наибольшее паденіе утверждаемыхъ приговоровъ началось съ 1894 года, когда непремѣннымъ членомъ была произведена ревизія, показавшая, что нѣкоторыми земскими начальниками утверждаются чуть ли не всѣ приговоры судовъ о розгахъ. Въ виду того, что „широкое безъ надлежащей осмотрительности примѣненіе тѣлеснаго наказанія могло бы грозить большою опасностью понизить нравственный уровень населенія, среди котораго замѣтно развивается чувство личнаго достоинства и живо уже чувство стыда къ позорящимъ наказаніямъ“, непремѣнный членъ внесъ предложеніе объ извѣстномъ регулированіи числа тѣлесныхъ наказаній. Согласно этому предложенію, губернское присутствіе постановило, что каждое разрѣшеніе примѣненія тѣлеснаго наказанія по суду должно быть изложено въ формѣ вполнѣ мотивированнаго постановленія въ особомъ нарядѣ, и при каждой волости должны вестись особые списки лицъ, подвергнутыхъ тѣлесному наказанію. Это распоряженіе оказало прекрасное дѣйствіе; земскіе начальники начали гораздо меньше утверждать приговоровъ о розгахъ, и это уменьшеніе, какъ видно изъ таблицы, наибольшее въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ прежде былъ большій процентъ утвержденій. Уѣзды рѣзко отличаются между собою и абсолютно, и относительно по числу утвержденныхъ приговоровъ, что, конечно, зависитъ отъ извѣстнаго отношенія земскихъ начальниковъ къ розгамъ: одни ихъ вовсе не признаютъ и за всѣ 6 лѣтъ не утвердили ни одного приговора къ тѣлесному наказанію (такихъ 5 начальниковъ во всей губерніи), другіе, наоборотъ, утверждаютъ чуть ли не всѣ приговоры о розгахъ волостныхъ судовъ. Изъ таблицы видно, что Сычевскій и Рославльскій уѣзды по абсолютному числу и проценту утвержденій стоятъ гораздо выше остальныхъ и въ 3—4 раза превосходятъ минимальные по числу утвержденій Смоленскій и Духовщинскій. Разъ земскіе начальники Сычевскаго и Рославльскаго уѣздовъ утверждаютъ болѣе половины, а Смоленскіе и Духовщинскіе $^1/_6$—$^1/_7$ всѣхъ приговоровъ, то, естественно, является вопросъ о большей преступности, дикости, грубости и пр. жителей первыхъ уѣздовъ. Ничего подобнаго не наблюдается; напротивъ Сычевцы и Гжатчане, занимающіеся отхожими городскими заработками, гораздо грамотнѣе и культурнѣе Бѣлянъ и Порѣчанъ, подвергающихся гораздо рѣже сѣченію. Повторяемъ, все дѣло въ земскихъ начальникахъ и ихъ взгля-

дахъ на это позорное наказаніе. (Изъ послѣднихъ двухъ графъ этой таблицы съ правой стороны видно, что уѣздные съѣзды по утвержденію приговоровъ къ розгамъ *въ общемъ* дѣйствуютъ довольно согласно съ земскими начальниками, т. е., гдѣ послѣдніе много утверждаютъ приговоровъ, тамъ тоже дѣлаютъ и съѣзды; исключеніе представляетъ почему то только Дорогобужскій съѣздъ, который превзошелъ земскихъ начальниковъ по любви къ розгамъ). Сравнивая первую и вторую таблицы, мы находимъ подтвержденіе того правила, которое наблюдалось и въ другихъ губерніяхъ: въ тѣхъ уѣздахъ, въ которыхъ земскіе начальники утверждаютъ много приговоровъ къ тѣлесному наказанію, и волостные суды особенно усердствуютъ въ назначеніи розогъ; исключеніе почему то представляетъ Духовщинскій уѣздъ—первый по % приговоровъ къ розгамъ и послѣдній по % утвержденій ихъ. Совпаденіе вкусовъ особенно рѣзко выдается по отдѣльнымъ участкамъ; волостные суды вовсе не назначаютъ или крайне рѣдко розги въ тѣхъ участкахъ, гдѣ земскіе начальники вовсе не утверждаютъ этихъ приговоровъ.

ГОДА. / УѢЗДЫ.	Число лицъ, подлежавшихъ тѣлесному наказанію по утвержденнымъ приговорамъ.							Сколько такихъ лицъ приходится на 1000 мужского населенія уѣзда за всѣ 6 лѣтъ.	Сколько обвинительныхъ приговоровъ за всѣ 6 лѣтъ приходится на 1000 населенія уѣзда.
	1891	1892	1893	1894	1895	1896	Всего.		
Сычевскій	109	113	65	29	21	10	347	6,1	48
Рославльскій	254	131	56	38	17	8	504	5,7	42
Краснинскій	86	50	35	5	12	2	190	3,9	42
Вяземскій	72	60	28	11	3	—	174	3,5	37
Духовщинскій	44	37	28	16	4	2	131	2,7	53
Гжатскій	107	44	25	2	—	—	178	2,7	41
Бѣльскій	97	32	13	8	6	—	156	2,6	76
Ельнинскій	100	49	17	1	5	—	172	2,4	32
Дорогобужскій	48	38	14	3	2	2	107	2,1	38
Порѣчскій	56	20	21	5	3	2	107	1,8	47
Смоленскій	16	16	11	—	3	5	51	1,1	39
Юхновскій [1])	43	?	20	1	2	1	67	0,7	23
Всего	1032	590	333	119	78	32	2184	3,0	41

[1]) Такъ какъ по Юхновскому уѣзду нѣтъ данныхъ за 1892 годъ, то его 0,7% меньше дѣйствительнаго; вѣроятно, его % не меньше, если не больше, чѣмъ въ Смоленскомъ уѣздѣ.

Наконецъ послѣдняя третья таблица показываетъ число наказанныхъ розгами, которое нѣсколько больше числа утвержденныхъ приговоровъ (по одному приговору можетъ быть нѣсколько лицъ осужденныхъ). Изъ этой таблицы, въ которой уѣзды расположены въ убывающемъ порядкѣ, мы снова видимъ рѣзкія различія: въ Сычевскомъ и Рославльскомъ уѣздахъ всѣ наказанные за 6 лѣтъ составляютъ 6,1 и 5,7% въ 5—9 разъ больше, чѣмъ въ Смоленскомъ и Юхновскомъ уѣздахъ съ ихъ 1,1 и 0,7%. Послѣдняя правая графа этой таблицы показываетъ, сколько всѣхъ обвинительныхъ приговоровъ, сдѣланныхъ за 6 лѣтъ волостными судами, приходится на 1000 населенія каждаго уѣзда; если принять эти данныя за нѣкоторое выраженіе преступности населенія уѣзда, то мы не находимъ совпаденія между этими данными и количествомъ наказанныхъ розгами, т. е., одни уѣзды съ большимъ числомъ обвинительныхъ приговоровъ, напр., Бѣльскій, Духовщинскій и Порѣчскій имѣютъ сравнительно мало наказанныхъ розгами, а въ другихъ, наоборотъ, много наказанныхъ и относительно мало обвинительныхъ приговоровъ, напр., Вяземскій, Рославльскій и Краснинскій уѣзды. Стало-быть, между преступностью населенія и числомъ подвергнутыхъ тѣлесному наказанію пропорціональности не существуетъ, и земскіе начальники при утвержденіи приговоровъ къ розгамъ руководятся какими-либо другими основаніями или личными взглядами. Но насколько мы знакомы съ губерніей, мы не можемъ отвѣтить на невольно напрашивающійся вопросъ, почему Сычевца или Рославльца слѣдуетъ пороть гораздо чаще, чѣмъ Смоленца и Юхновца?..

Черниговская губернія занимаетъ восьмое мѣсто:

Черниговская губ.	Новгородсѣвер.	Суражскій.	Сосницкій.	Стародубскій.	Остерскій.	Городнянскій.	Конотопскій.	Мглинскій.	Новозыбковск.	Черниговскій.	Нѣжинскій.	Козелецкій.	Борзенскій.	Кролевецкій.	Глуховскій.	**Всего въ губерніи.**
Число всѣхъ подсудимыхъ по уголовнымъ дѣламъ, рѣшеннымъ волостными судами въ 1896 г.	1994	2575	3080	2877	3901	3373	3545	1782	2790	1923	3357	2445	2600	1893	2087	40222
Число обвиненныхъ изъ нихъ	760	930	1317	1192	1363	1316	1150	1032	910	807	1543	1432	1281	797	952	16782
Изъ числа обвиненныхъ приговорено къ тѣлесному наказанію	62	61	85	44	24	14	13	11	9	7	12	10	8	5	3	368
% послѣднихъ къ числу всѣхъ обвиненныхъ	8,2	6,6	6,5	3,7	1,8	1,1	1,1	1,0	1,0	0,9	0,8	0,7	0,6	0,6	0,3	2,2
Число лицъ, которымъ тѣлесное наказаніе замѣнено другимъ	5	32	2	19	10	8	9	8	9	4	10	3	4	3	3	181
Число лицъ, подвергнутыхъ тѣлесному наказанію	57	29	—	2	4	6	—	—	—	3	1	—	4	2	—	56

По числу приговоровъ къ тѣлесному наказанію, отмѣны ихъ и дѣйствительно наказанныхъ—уѣзды, какъ и вездѣ, рѣзко различаются между собой. Наихудшими являются 4 уѣзда Новгородсѣверскій, Суражскій, Сосницкій и Стародубскій, въ которыхъ постановлено отъ 44 до 85 приговоровъ къ розгамъ, что составляетъ отъ 3,7 до 8,2% всѣхъ обвиненныхъ волостными судами. Наилучшимъ является Глуховскій уѣздъ, въ которомъ было сдѣлано только 3 приговора къ розгамъ—0,3% всѣхъ обвиненныхъ;—такимъ образомъ и абсолютно и относительно населеніе Глуховскаго уѣзда въ 27 разъ менѣе подвергается опасности быть высѣченнымъ, чѣмъ несчастные обитатели Новгородсѣверскаго и Сосницкаго уѣздовъ. Остальные 10 уѣздовъ занимаютъ среднее мѣсто, но ближе къ Глуховскому уѣзду. Замѣнено тѣлесное наказаніе въ 181 приговорѣ, т. е. почти 50% всѣхъ подобныхъ приговоровъ, а приведено въ исполненіе въ 56 случаяхъ—15%. Какая судьба постигла остальные 131 приговоръ—35% всѣхъ приговоровъ къ тѣлесному наказанію,—не сказано. Особенно интересна судьба приговоровъ въ двухъ наихудшихъ уѣздахъ Сосницкомъ и Стародубскомъ; по первому уѣзду она неизвѣстна о 83 приговорахъ. Отсутствіе этихъ свѣдѣній не позволяетъ намъ сдѣлать какое-либо заключеніе о соотношеніи между утвержденіемъ и постановленіемъ приговоровъ къ тѣлесному наказанію. Во всякомъ случаѣ, имѣющіяся данныя показываютъ, что въ 6 уѣздахъ Черниговской губерніи въ 1896 г. не было лицъ, подвергнутыхъ тѣлесному наказанію (?).

Екатеринославская губ.	Павлоградскій.	Бахмутскій.	Верхнеднѣпровскій.	Славяносербскій.	Екатеринославскій.	Александровскій.	Маріупольскій.	Новомосковскій.	Всего по губерніи.
Число всѣхъ подсудимыхъ по уголовнымъ дѣламъ, рѣшеннымъ волостными судами въ 1896 г.	3235	3386	2871	2586	2920	3020	2110	3787	23915
Число обвиненныхъ изъ нихъ	2071	1877	1403	2007	2108	1992	1142	2774	15374
Изъ нихъ приговорено къ тѣлесному наказанію	86	60	34	48	47	28	15	25	343
% послѣднихъ ко всему числу обвиненныхъ	4,3	3,2	2,4	2,4	2,2	1,4	1,4	0,9	2,2
Число лицъ, которымъ тѣлесное наказаніе замѣнено другимъ наказаніемъ	35	19	8	13	19	2	14	7	117
Число лицъ, подвергнутыхъ тѣлесному наказанію	51	41	26	35	28	26	1	18	226

Екатеринославская губернія по числу приговоренныхъ къ тѣлесному наказанію занимаетъ *девятое* мѣсто, особенно она выдается изъ числа остальныхъ даже наихудшихъ губерній тѣмъ, что въ ней много утверждается приговоровъ, такъ въ ней высѣченные составляютъ $^2/_3$ всѣхъ обвиненныхъ. Очевидно, Екатеринославскіе земскіе начальники сильно еще вѣрятъ въ розгу и почти вездѣ утверждаютъ ее. Пріятнымъ исключеніемъ является Маріупольскій уѣздъ и наихудшимъ Павлоградскій.

Казанская губ.	Казанскій.	Царевококшайскій.	Лаишевскій.	Свіяжскій.	Цивильскій.	Чебоксарскій.	Спасскій.	Мамадышскій.	Чистопольскій.	Козьмодемьянскій.	Тетюшскій.	Ядринскій.	**Всего по губерніи.**
Число всѣхъ обвиненныхъ по уголовнымъ дѣламъ волостными судами въ 1896 г.	1182	544	1157	1291	327	348	2391	788	1780	507	1465	1085	12865
Изъ нихъ приговоренныхъ къ тѣлесному наказанію	92	23	31	32	8	8	50	12	23	4	11	2	296
% послѣднихъ къ числу всѣхъ обвиненныхъ	7,8	4,3	2,7	2,5	2,4	2,3	2,1	1,5	1,3	0,8	0,8	0,2	2,3

Изъ этой таблицы видно, что еще около 300 человѣкъ—болѣе 2% всѣхъ обвиненныхъ волостными судами приговаривается къ тѣлесному наказанію въ *Казанской* губ., которая занимаетъ *десятое* мѣсто по тѣлесному наказанію. Между уѣздами различія громадныя: въ Ядринскомъ уѣздѣ приговорено къ розгамъ только 2, а въ Казанскомъ 92, т. е. въ 46 разъ больше, почти при одинаковомъ числѣ всѣхъ обвиненныхъ. Процентныя отношенія приговоренныхъ къ розгамъ къ числу всѣхъ обвиненныхъ также различны, отъ 0,2 — 0,8% до 4,3 и 7,8% т. е. въ Казанскомъ уѣздѣ каждый 12-й изъ обвиненныхъ присуждается къ розгамъ,— это уже черезчуръ! О числѣ утвержденій и дѣйствительно наказанныхъ свѣдѣній не сообщено.

По *Нижегородской* губерніи мы имѣемъ данныя за нѣсколько лѣтъ [1]). Только что учрежденные земскіе начальники начали было проявлять большое усердіе къ розгамъ, утверждали большинство подобныхъ приговоровъ волостныхъ судовъ и даже начали выка-

[1]) «Вѣст. Европы» 1890 г. № 11, стр. 386—392. «Нов. Время» 1895 г. № 7085. «Рус. Вѣд.» 1897 г. № 99. «Рус. Вѣд.» 1897 г. №№ 90, 116 и 119.

пывать и приводить въ исполненіе старыя дореформенныя (до реформы 12 іюля 1889 г.) постановленія волостныхъ судовъ о розгахъ. Поэтому въ губерніи въ 1890 г. (съ 1 сентября) и въ 1891 г. было постановлено 1899 приговоровъ о розгахъ. Тогда губернаторъ Барановъ, самъ прибѣгавшій къ тѣлесному наказанію, нашелъ это усердіе начальниковъ излишнимъ и въ 1892 г. разослалъ имъ циркуляръ, въ которомъ совѣтуетъ съ крайней осмотрительностью относиться къ прежнимъ приговорамъ волостныхъ судовъ и не упускать изъ виду статьи 29 утвержденныхъ 12 іюля 1889 г. правилъ о волостномъ судѣ, дающей земскому начальнику право замѣнять опредѣленное волостнымъ судомъ тѣлесное наказаніе другою параллельною мѣрою. Подѣйствовалъ-ли этотъ циркуляръ или были и другія причины, но съ 1892 г. число приговоровъ къ розгамъ стало сильно падать: въ 1892 году—979, въ 1893 году 553 и въ 1894 г. 540. Въ настоящей таблицѣ показано, какой % этихъ приговоровъ приведенъ въ исполненіе.

ГОДА.	Всѣхъ приговоровъ къ тѣлесному наказанію.	Какое число этихъ приговоровъ приведено въ исполненіе.	Какой процентъ составляютъ приговоры исполненные.	Число отмѣненныхъ приговоровъ съ замѣной другими наказаніями.	Число приговоровъ еще не исполненныхъ.
1890—91	1899	873	46,0	618	—
1892	979	403	41,0	283	—
1893	553	208	37,8	203	—
1894	540	154	28,5	226	—
Всего	3971	1638	41	1330	1003

Такимъ образомъ, за $4^1/_3$ года подвергнуто тѣлесному наказанію 1638 человѣкъ, почти по 400 въ годъ, но % утвержденныхъ приговоровъ и наказанныхъ постоянно падаетъ, съ 46% въ 1890—91 гг. до 28,5% въ 1894 году. И въ Нижегородской губерніи, подобно остальнымъ, приговоры къ розгамъ распредѣляются очень не одинаково по уѣздамъ и по волостямъ; въ 1890—91 гг. больше всего приговоровъ къ розгамъ было въ Лукояновскомъ уѣздѣ—12,3% изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ уголовныхъ дѣлъ и меньше всего 6,0% въ

Ардатовскомъ; въ слѣдующіе года эти maximum'ы и minimum'ы приходятся на другіе уѣзды. Тоже различіе и по волостямъ. Изъ 249 волостей губерніи за изслѣдуемый періодъ времени въ 9 волостяхъ приговоры къ розгамъ все возрастаютъ, въ 35 остаются безъ измѣненія, и въ 93 волостяхъ или вовсе не бываютъ, или за всѣ 5 лѣтъ было не болѣе 1—2 приговоровъ въ волости. Постепенное уменьшеніе приговоровъ къ розгамъ въ Нижегородской губерніи доказывается и послѣдующими данными за 1896 годъ; съ одной стороны волостные суды рѣже приговариваютъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ, а съ другой, уѣздные съѣзды и земскіе начальники все чаще замѣняютъ эти наказанія другими. Теперь въ Нижегородской губерніи есть такіе волостные суды и земскіе начальники, которые вовсе не допускаютъ тѣлесныхъ наказаній. Такъ за 1896 г. эта губернія представила слѣдующія данныя:

Нижегородская губ.	Васильскій.	Горбатовскій.	Нижегородскій.	Арзамасскій.	Княгининскій.	Сергачскій.	Макарьевскій.	Балахнинскій.	Лукояновскій.	Ардатовскій.	Семеновскій.	Всего въ губерніи.
Число всѣхъ подсудимыхъ по уголовнымъ дѣламъ, рѣшеннымъ волостными судами въ 1896 г.	1118	1345	749	1037	1003	1281	1101	1292	1306	1121	1083	12436
Число обвиненныхъ изъ нихъ	503	712	414	546	483	652	553	641	763	633	523	6423
Изъ числа обвиненныхъ приговорено къ тѣлеснымъ наказаніямъ	22	30	17	22	19	20	16	17	16	9	5	193
% послѣднихъ къ числу всѣхъ обвиненныхъ	4,4	4,3	4,1	4,0	4,0	3,1	2,9	2,7	2,1	1,4	1,0	3,0
Число лицъ, которымъ тѣлесное наказаніе замѣнено другимъ	13	15	12*	14	23*	14	8	24*	6	2	8*	139
Число лицъ, подвергнутыхъ тѣлесному наказанію.	4**	7**	6	3**	4	4**	8	—	6**	7	1	50

Примѣчаніе. Въ тѣ числа, которыя въ графѣ пятой отмѣчены знакомъ *, вошло нѣсколько приговоровъ, оставшихся къ 1896 г. неисполненными отъ предыдущихъ лѣтъ. По тѣмъ уѣздамъ, которые въ графѣ шестой обозначены знакомъ **,

нѣсколько приговоровъ, какъ невошедшихъ въ законную силу, остаются еще невыполненными, почему эти приговоры и не включены въ числа 6-й графы.

И въ Нижегородской губерніи, занимающей *11-е мѣсто* среди остальныхъ, около 200 человѣкъ — 3% всѣхъ обвиненныхъ приговорено къ розгамъ, и изъ нихъ надъ 50 это позорное наказаніе приведено въ исполненіе. Въ этой губерніи различія между уѣздами менѣе рѣзки, чѣмъ въ Казанской, но все-таки въ Горбатовскомъ уѣздѣ число приговоренныхъ къ розгамъ въ 6 разъ болѣе, чѣмъ въ Семеновскомъ. Изъ послѣдней графы мы видимъ, что земскіе начальники довольно различно относятся къ утвержденію приговоровъ къ тѣлесному наказанію; благодаря отрицательному отношенію всѣхъ Балахнинскихъ земскихъ начальниковъ, этотъ уѣздъ совершенно свободенъ отъ розги.

Въ календарѣ мѣстнаго статистическаго комитета [1]) сообщается, что въ *Вятской губ.* въ 1896 году въ 311 волостяхъ состоялось 345 приговоровъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ; въ 165 розги были замѣнены другими наказаніями, а въ 180 обвиненные были наказаны розгами. Такимъ образомъ Вятская губ. рѣзко отличается отъ своей сосѣдки Пермской губ. и занимаетъ только *12-е мѣсто.* Поуѣздныя данныя намъ неизвѣстны. Такъ какъ освобожденныхъ отъ розогъ меньше, чѣмъ наказанныхъ ими, то, очевидно, Вятскіе земскіе начальники вѣрятъ въ значеніе „родительскаго внушенія". Газета „Вятскій Край" выражаетъ пожеланіе, чтобы земскіе начальники замѣняли розги, такъ какъ и само Вятское губернское присутствіе отличаетъ тѣхъ начальниковъ, „которые лишь въ рѣдкихъ случаяхъ обращали къ исполненію приговоры волостныхъ судовъ, коими обвиняемые подвергнуты тѣлесному наказанію". Далѣе газета прибавляетъ, что „если у нѣкоторыхъ судей розга и пользуется симпатіями, то это главнымъ образомъ благодаря еще снисходительному отношенію къ такому наказанію со стороны самихъ-же земскихъ начальниковъ, отъ которыхъ только и зависитъ фактическое примѣненіе этого позорнаго наказанія". Такое-же соотношеніе между розгами и симпатіями земскихъ начальниковъ, какъ мы видѣли, наблюдается и въ другихъ губерніяхъ.—Въ „Календарѣ и памятной книжкѣ Вятской губ. на 1897 г." сообщаются болѣе подробныя свѣдѣнія о 1895 г., а именно въ губерніи волостными судами приговорено было къ тѣлеснымъ наказаніямъ 523 человѣка; а такъ какъ въ этомъ году всѣхъ осужденныхъ мужчинъ въ волостныхъ судахъ по уголовнымъ дѣламъ было 56476, то приговоренные къ розгамъ

---

[1]) Цит. по «Смол. Вѣстн.» 1898 г. № 52.

составляютъ около 1%. Впрочемъ, въ дѣйствительности этотъ процентъ будетъ больше, потому что изъ 56476 нужно исключить многихъ, изъятыхъ по закону отъ тѣлесныхъ наказаній, а также и многихъ осужденныхъ за такіе проступки, за которые не полагается тѣлесныхъ наказаній. Волостные суды разныхъ уѣздовъ, относятся очень различно къ назначенію розогъ (можетъ быть, тутъ играютъ роль и какія-либо другія условія), что доказывается крайне неравномѣрнымъ распредѣленіемъ приговоровъ о розгахъ по уѣздамъ; всего болѣе приговорено къ тѣлесному наказанію въ Сарапульскомъ уѣздѣ 107 и Яранскомъ 105 человѣкъ, а всего менѣе въ Нолинскомъ 25 и Вятскомъ только 12. Сравнивая оба эти года, мы видимъ нѣкоторое уменьшеніе числа приговоровъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ—съ 523 въ 1895 г. до 345 въ 1896 году.

Саратовская губернія.	Царицынскій.	Сердобскій.	Хвалынскій.	Петровскій.	Аткарскій.	Балашевскій.	Кузнецкій.	Камышинскій.	Саратовскій.	Вольскій.	**Всего въ губерніи.**
Число всѣхъ уголовныхъ дѣлъ, рѣшенныхъ волостными судами въ 1896 г.	686	2320	2028	2434	2884	3097	1442	2820	2894	1812	22417
Число обвиненныхъ подсудимыхъ	168	601	550	754	1017	1116	623	917	1088	489	7323
Изъ нихъ приговорено къ тѣлесному наказанію	12	37	30	34	41	44	21	22	23	5	269
% послѣднихъ къ общему числу обвиненныхъ	7,0	6,1	5,4	4,5	4,1	4,0	3,5	2,4	2,3	1,0	3,7
Число лицъ, которымъ тѣлесное наказаніе замѣнено другимъ	11	29	20	13	37	42	9	16	17	5	199
Число лицъ, подвергнутыхъ тѣлесному наказанію	7	8	10	21	4	2	12	6	6	—	70

Примѣчаніе. Изъ 199 лицъ, которымъ тѣлесное наказаніе замѣнено другимъ, 160 это сдѣлано на осн. 29 ст. врем. прав. о волост. судѣ, а 39 въ 7 уѣздахъ отмѣнено съѣздами.

Саратовская губернія занимаетъ *тринадцатое* мѣсто въ ряду другихъ губерній; въ ней особенно выдаются въ % отношеніи уѣзды Сердобскій и Царицынскій, а всего менѣе дѣлается приговоровъ къ розгамъ въ Вольскомъ уѣздѣ, въ которомъ въ 1896 г.

не было ни одного высѣченнаго; мало таковыхъ было въ Царицынскомъ и Балашовскомъ уѣздахъ, а болѣе всего высѣчено въ Петровскомъ.

Костромская губернія *четырнадцатая* по порядку также принадлежитъ къ числу губерній, въ которыхъ розги присуждаются не особенно часто, только въ 1,5% всѣхъ обвиненныхъ, а утверждаются и примѣняются и того рѣже; въ 6 уѣздахъ тѣлесное наказаніе въ 1896 г. вовсе не примѣнялось. Въ Чухломскомъ уѣздѣ не было сдѣлано ни одного приговора къ розгамъ, а въ Юрьевецкомъ и Солигаличскомъ и до сихъ поръ болѣе 3% присуждаются къ этому позорному наказанію.

Костромская губ.	Солигаличскій.	Юрьевецкій.	Буйскій.	Макарьевскій.	Нерехтскій.	Костромской.	Кинешемскій.	Варнавинскій.	Галичскій.	Ветлужскій.	Кологривскій.	Чухломскій.	Всего въ губерніи.
Число всѣхъ подсудимыхъ по уголовнымъ дѣламъ, рѣшеннымъ волостными судами въ 1896 г.	995	1735	811	2042	2044	1930	3037	2998	1025	2400	2151	440	21608
Число обвиненныхъ подсудимыхъ	397	661	477	835	1009	760	1698	1135	501	1302	1121	201	10097
Изъ нихъ приговорено къ тѣлесному наказанію	14	21	13	20	22	12	20	12	4	8	2	—	148
% послѣднихъ къ числу всѣхъ обвиненныхъ	3,5	3,2	2,7	2,5	2,2	1,6	1,2	1,1	0,8	0,6	0,2	0	1,5
Число лицъ, которымъ тѣлесное наказаніе замѣнено другимъ	9	10	10	15	18	6	12	10	4	5	2	—	101
Число лицъ, подвергнутыхъ тѣлесному наказанію	—	10	3	5	3	—	5	—	—	1	—	—	27

Воронежская губернія по числу тѣлесныхъ наказаній является *пятнадцатой* среди остальныхъ, намъ извѣстныхъ. Изъ нея намъ доставлены свѣдѣнія за 2 года, почему мы и остановимся на ней нѣсколько подробнѣе.

Воронежская губ.	Число волостныхъ судовъ.	Волостные суды, не давшие ни одного приговора къ тѣлесному наказанію. Число.	%	Число лицъ, обвиненныхъ по уголовнымъ дѣламъ.	Изъ нихъ приговорено къ тѣлесному наказанію. Число.	%	Число лицъ, у которыхъ тѣлесное наказаніе замѣнено арестомъ.	Число лицъ, у которыхъ тѣлесное наказаніе не замѣнено арестомъ.	% этихъ лицъ изъ всѣхъ приговоренныхъ къ розгамъ.
Бирюченскій	23	14	60	1625	20	1,2	12	8	40,0
Бобровскій	23	8	35	1624	46	2,8	18	28	61,0
Богучарскій	29	14	48	1780	49	2,8	38	11	23,0
Валуйскій	17	7	41	933	28	3,0	15	13	46,0
Воронежскій	17	8	47	864	31	3,6	18	13	42,0
Задонскій	11	1	9	1004	49	4,9	17	32	65,0
Землянскій	18	6	33	936	59	6,3	22	37	63,0
Коротоякскій	14	8	57	781	8	1,0	5	3	38,0
Нижнедѣвицкій	13	8	62	528	11	2,0	3	8	73,0
Новохоперскій	16	2	12	926	65	7,0	13	52	80,0
Острогожскій	26	6	23	1652	65	4,0	22	43	66,0
Павловскій	18	7	40	731	30	4,1	18	12	40,0
Всего	225	89	40	13384	461	3,5	201	260	56,5

1895 годъ, какъ увидимъ ниже, превышаетъ 1896 г. почти въ два раза. Изъ 225 волостей губерніи только 89, т. е. около 40% не дали въ 1895 г. ни одного приговора къ тѣлесному наказанію, а остальные 60% волостныхъ судовъ продолжали присуждать къ этому позорному наказанію и въ довольно значительной степени — изъ всѣхъ обвиненныхъ по уголовнымъ дѣламъ приговорено къ розгамъ 461 человѣкъ почти 3,5% изъ всѣхъ. Что касается замѣны розогъ другими наказаніями, то въ этомъ отношеніи мало утѣшительнаго:

только у 201 онѣ замѣнены арестомъ, а у большинства 260 лицъ такой замѣны не сдѣлано. Такимъ образомъ 1 изъ 5000 мужского населенія губерніи является наказаннымъ розгами! Переходя къ отдѣльнымъ уѣздамъ, мы видимъ между ними большую разницу въ любви къ розгамъ: тогда какъ въ Задонскомъ и Новохоперскомъ уѣздахъ только въ 9 и 12% волостей не было приговоровъ къ розгамъ, въ Бирюченскомъ и Нижнедѣвицкомъ уѣздахъ этотъ процентъ несравненно выше—60 и 62%. Точно также въ Бирюченскомъ и Коротоякскомъ уѣздахъ къ розгамъ приговорено только 1% и 1,2% всѣхъ обвиненныхъ, а въ Землянскомъ и Новохоперскомъ въ 6 и 7 разъ больше—6,3% и 7%. Замѣна тѣлесныхъ наказаній идетъ также не одинаково: въ однихъ уѣздахъ только у $1/3$ и даже $1/5$ всѣхъ приговоренныхъ къ розгамъ это наказаніе замѣнено арестомъ, а въ другихъ, совершенно наоборотъ, для незначительнаго меньшинства $1/3$—$1/4$ оставлены безъ отмѣны розги. Въ результатѣ такихъ различій получается вопіющая несправедливость; 1 мужчина, подлежащій тѣлесному наказанію, приходится на слѣдующее количество мужского населенія въ различныхъ уѣздахъ:

Задонскій........	1500	Павловскій	7500
Новохоперскій....	1500	Нижнедѣвицкій....	10500
Землянскій........	2500	Воронежскій	11000
Острогожскій......	3000	Бирюченскій......	14500
Бобровскій........	5000	Богучарскій.......	14500
Валуйскій	7000	Коротоякскій......	27000

Стало-быть, жители Задонскаго и Новохоперскаго уѣздовъ имѣютъ вѣроятность подвергнуться сѣченію въ 18 разъ большую, чѣмъ болѣе счастливые Коротоякскіе обитатели! Указанное выше совпаденіе любви къ розгамъ у волостныхъ судовъ и земскихъ начальниковъ подтверждается на большинствѣ уѣздовъ Воронежской губерніи: чѣмъ больше приговоровъ о розгахъ постановлено судами, тѣмъ больше въ этихъ уѣздахъ утверждено подобныхъ приговоровъ земскими начальниками и наоборотъ. Исключеніе составляютъ два уѣзда: Богучарскій—въ немъ при массѣ приговоровъ мало утвержденій ихъ и Нижнедѣвицкій, гдѣ суды вынесли мало приговоровъ съ розгами, но земскіе начальники большой процентъ этихъ приговоровъ утвердили.

Данныя по *Воронежской губерніи* за 1896 г. (они доставлены по иной формѣ) производятъ болѣе благопріятное впечатлѣніе, такъ какъ указываютъ на значительное уменьшеніе тѣлесныхъ наказаній въ губерніи.

Воронежская губ.	Богучарскій.	Землянскій.	Новохоперскій.	Павловскій.	Острогожскій.	Задонскій.	Нижнедѣвицкій.	Воронежскій.	Валуйскій.	Бирюченскій.	Бобровскій.	Коротоякскій.	**Всего въ губерніи.**
Число всѣхъ подсудимыхъ по уголовнымъ дѣламъ, рѣшеннымъ волостными судами въ 1896 г.	1494	1469	1455	1129	2307	1199	1053	1149	1254	1888	3208	955	18560
Число обвиненныхъ изъ нихъ	1046	786	940	634	1529	783	577	579	875	1048	1927	454	11178
Изъ числа обвиненныхъ приговорено къ тѣлесному наказанію	39	26	31	19	35	16	10	9	14	14	20	3	236
% послѣднихъ къ числу всѣхъ обвиненныхъ	3,7	3,3	3,3	3,0	2,3	2,0	1,7	1,6	1,6	1,3	1,0	0,7	2,1
Число лицъ, которымъ тѣлесное наказаніе замѣнено другимъ	37	22	—	14	30	12	10	8	10	11	13	1	168
Число лицъ, подвергнутыхъ тѣлесному наказанію	2	4	31	5	5	4	—	1	4	3	7	2	68

Такимъ образомъ и абсолютно, и относительно число приговоровъ въ губерніи за одинъ годъ уменьшилось почти вдвое, съ 461—3,5% до 236—2,1%; еще болѣе рѣзко уменьшеніе утвержденій приговоровъ: въ 1895 году тѣлесное наказаніе было замѣнено другимъ въ 43,5%, а въ 1896 году уже въ 71%. Расположеніе уѣздовъ по числу приговоровъ къ розгамъ и взаимное отношеніе ихъ сохранились и въ 1896 г. почти такія-же, какъ въ 1895 г., только исключеніе составляетъ Богучарскій уѣздъ, который изъ восьмого въ 1895 году сталъ почему-то первымъ по числу приговоровъ въ 1896 г.: очевидно, любовь къ розгамъ въ этомъ уѣздѣ сохраняется сильнѣе, чѣмъ въ остальныхъ уѣздахъ. Особое вниманіе обращаютъ на себя еще два уѣзда: Нижнедѣвицкій, въ которомъ въ 1896 г. не было ни одного наказаннаго розгами, и Новохоперскій, въ которомъ *всѣ приговоры къ тѣлесному наказанію—31 утверждены и приведены въ исполненіе;* этотъ-же уѣздъ по числу утвержденныхъ приговоровъ (80%) былъ первымъ и въ 1895 г.: традиціи въ немъ сохраняются прочно.

Изъ *Уфимской губерніи* сообщены свѣдѣнія болѣе подробныя, а именно по отдѣльнымъ земскимъ участкамъ, которыя мы и представляемъ въ настоящей таблицѣ:

Уѣзды.	Златоустовскій.	Уфимскій.	Стерлитамакскій.	Мензелинскій.	Белебеевскій.	Бирскій.	Всего.
Число всѣхъ подсудимыхъ по уголовнымъ дѣламъ, рѣшеннымъ волостными судами въ 1896 г.	2448	4278	4212	4373	4205	5147	24663
Число обвиненныхъ изъ нихъ	1239	2170	1581	1816	2276	2216	11298
Изъ числа обвиненныхъ приговорено къ тѣлесному наказанію	49	46	28	29	33	23	208
$^0/_0$ послѣднихъ къ числу всѣхъ обвиненныхъ	4,0	2,1	1,8	1,6	1,4	1,0	1,8
Число лицъ, которымъ тѣлесное наказаніе замѣнено другимъ	19	35	26	29	33	20	162
Число лицъ, подвергнутыхъ тѣлесному наказанію	30	11	2	—	—	3	46
Число земскихъ участковъ въ уѣздѣ	6	11	12	11	13	16	69
Въ скольнихъ участкахъ не было вовсе приговоровъ къ тѣлесному наказанію	1	1	3	1	5	5	16
Въ скольнихъ участкахъ были утверждены приговоры къ тѣлесному наказанію и были тѣлесно наказанные	2	2	2	—	—	2	8

Итакъ по $^0/_0$ приговоренныхъ къ розгамъ Уфимская губернія занимаетъ *шестнадцатое мѣсто*. По числу приговоренныхъ и наказанныхъ первое мѣсто принадлежитъ Златоустовскому уѣзду, который по числу приговоровъ въ 4 раза превышаетъ минимальный Бирскій уѣздъ, а число тѣлесно наказанныхъ въ немъ (30) составляетъ $^2/_3$ всѣхъ, наказанныхъ въ губерніи. Почему Златоустовскій уѣздъ составляетъ такое печальное исключеніе во всей губерніи? Въ Мензелинскомъ и Белебеевскомъ не было утверждено ни одного приговора и слѣдовательно вовсе не было тѣлесно наказанныхъ; единицы таковыхъ (2 и 3) было и въ Стерлитамакскомъ и Бирскомъ уѣздахъ. Интересны свѣдѣнія по участкамъ: изъ всѣхъ 69 земскихъ

участковъ въ губерніи вовсе не было приговоровъ къ тѣлесному наказанію въ 16 участкахъ, т. е. почти $^1/_4$ всѣхъ, а утвержденіе приговоровъ и слѣд. тѣлесно наказанные были только въ 8 участкахъ, т. е. только въ 11,6% всѣхъ. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что громадное большинство утвержденныхъ приговоровъ и слѣд. тѣлесно наказанныхъ приходится на три земскихъ участка: въ пятомъ Златоустовскомъ изъ 27 приговоровъ утверждены 20, въ первомъ Златоустовскомъ участкѣ изъ 16 приговоренныхъ наказано 10, и наконецъ въ третьемъ Уфимскомъ изъ 12 утверждено 9. Такимъ образомъ, наказанные въ этихъ трехъ участкахъ составляютъ почти 85% утвержденныхъ приговоровъ и наказанныхъ во всей губерніи; соотвѣтственно этому волостные суды этихъ трехъ участковъ сдѣлали такъ много приговоровъ къ розгамъ, какъ нигдѣ въ остальныхъ частяхъ губерніи: на эти три участка приходится 55—26,5% всѣхъ приговоровъ по губерніи (въ среднемъ по $18^1/_3$ приговора на участокъ), а на остальные 66 участковъ остается 153—73,5%—по $2^1/_3$ приговора на участокъ, въ 8 разъ менѣе, чѣмъ въ первыхъ трехъ. *Несчастные эти 3 участка!*

Полтавская губ.	Пирятинскій.	Переяславскій.	Константиноградскій.	Гадяческій.	Кременчугскій.	Лохвицкій.	Лубенскій.	Роменскій.	Золотоношскій.	Полтавскій.	Зеньковскій.	Прилукскій.	Хорольскій.	Миргородскій.	Кобелякскій.	**Всего въ губерніи.**
Число всѣхъ подсудимыхъ по уголовнымъ дѣламъ, рѣшеннымъ волостными судами въ 1896 г.	2625	3532	3159	2434	2709	2566	1758	2588	2945	3992	2152	3114	2789	2444	3216	42023
Число обвиненныхъ изъ нихъ	1605	2111	2127	1572	1777	1494	1079	1826	1667	2759	1171	2030	1764	1595	2028	26605
Изъ нихъ приговорено къ тѣлесному наказанію	43	35	30	12	14	12	7	12	8	11	4	7	5	3	2	205
% послѣднихъ къ числу всѣхъ обвиненныхъ	2,7	1,7	1,4	0,8	0,8	0,8	0,7	0,7	0,5	0,4	0,3	0,3	0,3	0,2	0,1	0,8
Число лицъ, которымъ тѣлесное наказаніе замѣнено другимъ	Свѣ	дѣн	ій н	ѣтъ	, но	зам	ѣня	ется	дру	гим.	нак	аз.	не	мен.	$^3/_4$	приг.
Число лицъ, подвергнутыхъ тѣлесному наказанію						Свѣ	дѣ	ній		нѣ	тъ.					

Хотя Полтавскіе земцы и были единственными, высказавшимися противъ ходатайства объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, но Полтавскіе волостные суды оказались болѣе развитыми и назначаютъ розги довольно рѣдко: *Полтавская* губернія занимаетъ одно изъ послѣднихъ, *17-е мѣсто.* Только Константиноградскій, Переяславскій и Пирятинскій уѣзды приговариваютъ болѣе 1%. Какъ относятся Полтавскіе земскіе начальники къ этой исправительной мѣрѣ, неизвѣстно, такъ какъ свѣдѣній цифровыхъ о замѣнѣ розогъ нѣтъ,— сказано глухо, что замѣна производится не менѣе, чѣмъ въ 75%. О числѣ дѣйствительно наказанныхъ свѣдѣній также нѣтъ.

Курская губ.	Корочанскій.	Бѣлгородскій.	Рыльскій.	Дмитріевскій.	Фатежскій.	Обоянскій.	Новооскольск.	Льговскій.	Грайворонскій.	Старооскольск.	Курскій.	Путивльскій.	Тимскій.	Суджанскій.	Щигровскій.	Всего.
Число всѣхъ подсудимыхъ по уголовнымъ дѣламъ, рѣшеннымъ волостными судами въ 1896 г.	1721	1554	2023	1753	1951	2806	2425	2286	2360	1879	2599	2788	1651	2033	303	30132
Число обвиненныхъ подсудимыхъ	726	696	855	679	537	969	870	739	1402	760	921	1064	453	904	62	11637
Изъ числа обвиненныхъ приговорено къ тѣлесному наказанію..............	31	27	22	16	12	8	6	4	6	3	3	2	1	—	—	141
% послѣднихъ къ числу всѣхъ обвиненныхъ............	4,4	3,9	2,6	2,4	2,3	0,8	0,7	0,5	0,4	0,4	0,3	0,2	0,2	—	—	1,2
Число лицъ, которымъ тѣлесное наказаніе замѣнено другимъ............	9	16	21	10	7	7	5	4	6	1	3	1	—	-	—	90
Число лицъ, подвергнутыхъ тѣлесному наказанію.......	8	11	1	6	5	1	1	—	—	—	—	1	1	—	—	35

Къ этимъ свѣдѣніямъ Курское присутствіе добавляетъ, что по Корочанскому уѣзду 14 приговоренныхъ къ розгамъ освобождены отъ наказанія по манифесту, а по Старооскольскому уѣзду—одинъ по манифесту, а одинъ за примиреніемъ сторонъ. Такимъ образомъ, *Курская* губернія вмѣстѣ съ Таврической и Полтавской является одной изъ счастливыхъ въ изслѣдуемомъ отношеніи; она занимаетъ

предпослѣднее *18-е мѣсто*,— въ ней только немного болѣе 1% изъ обвиненныхъ приговариваются къ тѣлесному наказанію. Различія, какъ и вездѣ, между уѣздами значительныя: въ Суджанскомъ и Щигровскомъ уѣздахъ не сдѣлано ни одного приговора къ розгамъ, въ 8 уѣздахъ такіе приговоры составляютъ единицы, и только три уѣзда Корочанскій, Бѣлгородскій и Рыльскій назначаютъ розги въ 2—3 десяткахъ случаевъ, что составляетъ 2,6—4,4% всѣхъ обвиненныхъ. Изъ всѣхъ приговоровъ земскими начальниками утверждено 51, немного болѣе трети всѣхъ—36%, при чемъ земскіе начальники Курскаго, Грайворонскаго и Льговскаго уѣздовъ совсѣмъ не утверждаютъ приговоровъ къ розгамъ, и только у Бѣлгородскихъ и Корочанскихъ начальниковъ остается еще нѣкоторая слабость къ розгамъ. Но въ общемъ число тѣлесно наказанныхъ во всей губерніи незначительно, только 35 человѣкъ, а 6 уѣздовъ и совсѣмъ не знали розогъ въ 1896 году; чуть-чуть поменьше усердія со стороны земскихъ начальниковъ, и Курская губернія будетъ совсѣмъ свободна отъ розги.

Таврическая губернія.	Евпаторійскій.	Днѣпровскій.	Бердянскій.	Феодосійскій.	Мелитопольскій.	Перекопскій.	Ялтинскій.	Симферопольскій.	Всего въ губерніи.
Число всѣхъ подсудимыхъ по уголовнымъ дѣламъ, рѣшеннымъ волостными судами въ 1896 г.	490	5045	5625	1164	9290	871	948	912	24345
Число обвиненныхъ изъ нихъ	271	2060	2899	604	2693	344	547	398	9816
Изъ числа обвиненныхъ приговорено къ тѣлесному наказанію	7	40	17	3	11	1	1	—	80
% послѣднихъ къ числу всѣхъ обвиненныхъ	2,6	2,0	0,6	0,5	0,4	0,3	0,2	0	0,8
Число лицъ, которымъ тѣлесное наказаніе замѣнено другимъ	7	34	17	3	10	1	—	—	72
Число лицъ, подвергнутыхъ тѣлесному наказанію	—	3	—	—	1	—	1	—	5

Таврическая губернія самая счастливая и изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ 19 губерній занимаетъ послѣднее *девятнадцатое* мѣсто по числу тѣлесныхъ наказаній; различія между уѣздами въ ней не рѣзки. Особенно отрадно отмѣтить, что въ Симферопольскомъ уѣздѣ вовсе не приговариваютъ къ розгамъ и, несмотря на при-

говоры въ другихъ уѣздахъ, наказано тѣлесно во всей губерніи только 5 лицъ: въ Ялтинскомъ, Мелитопольскомъ и Днѣпровскомъ.

Въ *Тульской* [1]) губерніи въ 1892 г. волостные суды постановили 959 приговоровъ къ розгамъ. Относительно 235 приговоровъ еще нѣтъ свѣдѣній, а изъ 724 земскими начальниками были утверждены 570—78,6% и не утверждены 154—21,4%. Въ различныхъ уѣздахъ и волостные суды, и земскіе начальники относятся очень различно къ розгамъ; такъ напр., число приговоровъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ колеблется между minimum'ами 18 въ Бѣлевскомъ и 47 въ Каширскомъ уѣздѣ и maximum'ами 138 въ Ефремовскомъ и 112 въ Тульскомъ уѣздѣ, слѣдовательно, Ефремовскій превышалъ Бѣлевскій почти въ 8 разъ. Процентъ приговоровъ, не утвержденныхъ земскими начальниками, также очень различенъ: въ Бѣлевскомъ уѣздѣ не утверждено 80% (11 изъ 14), въ Новосильскомъ 44%, въ четырехъ уѣздахъ 20—27%, въ четырехъ 14—17%, въ Веневскомъ 8% (2 изъ 25) и въ Крапивенскомъ около 6% (5 изъ 77). Слѣдовательно, обитатели Крапивенскаго уѣзда по % утвержденій слишкомъ въ 13 разъ несчастнѣе Бѣлевцевъ. Что касается совпаденія взглядовъ волостныхъ правленій и земскихъ начальниковъ на тѣлесное наказаніе, то въ Тульской губерніи нѣтъ полнаго сходства, хотя на основаніи крайнихъ уѣздовъ также „позволительно заключить, что если не всегда, то часто, образъ дѣйствій волостного суда по этому вопросу отражаетъ собою образъ мыслей земскаго начальника“.

По *Тамбовской* губерніи извѣстны данныя только по одному уѣзду [2]). Въ 1895 году 20 волостныхъ судовъ уѣзда разобрали 2085 уголовныхъ дѣлъ; изъ нихъ окончилось обвиненіемъ 695 дѣлъ, изъ которыхъ въ 52, т. е. 7,5% присуждено тѣлесное наказаніе (въ 5 волостяхъ подобныхъ приговоровъ не было). Однако изъ этихъ 52 приговоровъ утверждено только 15 и всѣ въ участкѣ только одного земскаго начальника (очевидно, любитель!)

Итакъ, мы имѣемъ оффиціальныя свѣдѣнія за 1896 годъ изъ различныхъ частей Россіи, юга и сѣвера, запада и востока, чисто русскихъ и инородческихъ губерній, промышленной и черноземной полосы, лѣсныхъ и безлѣсныхъ мѣстностей, самыхъ грамотныхъ и безграмотныхъ губерній,—и вездѣ розга еще въ употребленіи. Изъ предыдущаго описанія видно, какія губерніи особенно отличаются тѣлесными наказаніями, но это еще нагляднѣе видно изъ слѣдующей таблицы, въ которой всѣ данныя сведены къ количеству мужского населенія губерніи:

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1895 г. Книга I, стр. 448 и 449.

[2]) «Русскія Вѣдомости». 1896 г. № 311.

Губерніи.	Число всѣхъ приговоровъ къ тѣлесному наказанію.	Сколько этихъ приговоровъ приходится на 10000 всего мужск. насел. губерніи.	Какой $^0/_0$ приговор. утвержденъ.	Число тѣлесно наказанныхъ.	Сколько этихъ наказанныхъ приходится на 10000 всего мужск. насел. губерніи.
Вологодская	699	10,7	79%	292	4,5
Новгородская	510	7,6	61	310	5,0
Пермская	1016	7,0	55	523	3,6
Тверская	494	6,0	66	329	4,0
Пензенская	388	5,4	41	150	2,0
Олонецкая	72	4,2	10	7	0,4
Смоленская	246	3,3	16	40	0,5
Черниговская	368	3,2	50	56	0,5
Екатеринославская	343	3,1	66	226	2,2
Казанская	296	2,8	?	?	?
Нижегородская	193	2,6	28	50	0,7
Вятская	345	2,4	52	180	1,2
Саратовская	269	2,3	26	70	0,6
Костромская	148	2,3	31	27	0,4
Воронежская	236	1,9	29	68	0,5
Уфимская	208	1,9	22	46	0,4
Полтавская	205	1,5	?	?	?
Курская	141	1,2	36	35	0,3
Таврическая	80	1,0	10	5	0,1
Итого	6257	—	—	2414	—

Нужно замѣтить, что въ этой таблицѣ мы во всѣхъ губерніяхъ брали *все мужское населеніе губерніи по послѣдней переписи*; если исключить все городское населеніе, всѣхъ дѣтей и стариковъ и другія группы крестьянъ, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, то едва-ли останется болѣе четверти всего мужского населенія, къ которому могутъ быть примѣнены тѣлесныя наказанія. Относя число приговоренныхъ и наказанныхъ только къ этому числу мужского населенія, такъ сказать, *правоспособнаго къ тѣлесному наказанію*, мы получимъ еще болѣе неутѣшительныя процентныя отношенія, чѣмъ приведенныя у насъ въ таблицѣ. По всѣмъ *19 губерніямъ въ 1896 г. было сдѣлано 6257 приговоровъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ*, и въ 17 губерніяхъ (о двухъ нѣтъ свѣдѣній) изъ 5756 приговоровъ *2414* [1]) *приведены въ исполненіе* т. е. $42^0/_0$ приговоровъ достигли своей цѣли, стало-быть, *въ одной земской Россіи приговариваемые къ тѣлесному наказанію и наказываемые составляютъ тысячи!*

Но при этомъ какія значительныя различія между отдѣльными губерніями: изъ предыдущей таблицы, гдѣ губерніи расположены въ убывающемъ порядкѣ относительно числа приговоровъ

[1]) Это число менѣе дѣйствительнаго, такъ какъ судьба многихъ приговоровъ еще неизвѣстна.

къ населенію (графа вторая), мы видимъ, что первенствующее мѣсто занимаютъ губерніи Вологодская, Новгородская, Пермская, и Тверская съ ихъ 6—10,7 приговоровъ на 10000 мужского населенія, а наиболѣе счастливыя губерніи—Полтавская, Курская и Таврическая съ ихъ 1,0—1,5 приговора на 10000. Такимъ образомъ, первыя 4 губерніи превышаютъ послѣднія три въ 4—10 разъ, а въ остальныхъ 12 губерніяхъ число приговоровъ колеблется между 5,4 и 1,9 на 10000 муж. населенія. Процентъ наказанныхъ находится въ полномъ согласіи съ числомъ приговоровъ т. е. гдѣ больше приговоровъ къ тѣлесному наказанію, тамъ больше ихъ утверждено и больше тѣлесно наказанныхъ. Въ первыхъ 4 губерніяхъ Вологодской, Новгородской, Пермской и Тверской утверждается болѣе половины всѣхъ приговоровъ отъ 55 до 79% и наказывается отъ 3,6 до 5,0 на 10000 мужского населенія; наоборотъ въ Курской и Таврической губ. утверждено только 10—36% и наказано тѣлесно 0,1—0,3 на 10000,—слѣд. въ этомъ отношеніи Вологодская и Новгородская губерніи превосходятъ Таврическую въ 45 и 50 разъ! Остальныя губерніи занимаютъ среднее положеніе между этими крайними полюсами; исключеніе составляютъ только Екатеринославская и Вятская губерніи: по числу приговоровъ онѣ ближе стоятъ къ минимальнымъ губерніямъ, по числу утвержденій (66% и 52%) и по числу наказанныхъ 2,2 и 1,2 на 10000 онѣ приближаются къ верхнимъ губерніямъ,—очевидно, Вятскіе и Екатеринославскіе земскіе начальники больше, чѣмъ волостные суды этихъ губерній, вѣрятъ въ спасительное значеніе розги. И вообще, какъ много значитъ произволъ или вѣрнѣе личные вкусы земскихъ начальниковъ, единственныхъ вершителей розги въ крестьянской средѣ, доказывается крайнимъ разнообразіемъ въ географическомъ распредѣленіи розги: югъ и сѣверъ, востокъ и западъ т. е. климатическія особенности, бо̀льшее развитіе и культурность населенія, національность и религія и т. д. ничто не застраховываетъ отъ большаго или меньшаго примѣненія тѣлеснаго наказанія, почему смежныя и во всемъ сходныя губерніи рѣзко отличаются по числу наказаній... Иначе и быть не можетъ: *нельзя выборъ наказаній предоставлять усмотрѣнію отдѣльныхъ лицъ!*

Теперь намъ остается рѣшить еще одинъ вопросъ на основаніи статистическихъ данныхъ: *можно-ли спокойно выжидать самостоятельнаго вымиранія розги?* Сравнивая 1896 годъ съ предыдущими годами по тѣмъ 5 губерніямъ, изъ которыхъ у насъ есть данныя, мы видимъ значительное паденіе и числа приговоровъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ и числа тѣлесно наказанныхъ, такъ напр. въ

1896 г. въ Воронежской, Вятской и Смоленской губ. было приговорено къ розгамъ 827 и наказано 288; въ предыдущемъ 1895 г. приговоровъ было 1347 — на 62% болѣе, а наказанныхъ только по двумъ губерніямъ (по Вятской неизвѣстно) 338 слишкомъ въ 3 раза болѣе.

Итакъ, *можно-ли ждать?* Отвѣтъ одинъ—*нѣтъ и нѣтъ!* Паденіе тѣлесныхъ наказаній идетъ слишкомъ медленно, могутъ быть возвраты къ болѣе учащеннымъ наказаніямъ въ зависимости отъ лицъ, утверждающихъ приговоры, и нужны многіе и многіе годы, чтобы мысль о физическомъ насилiи надъ человѣкомъ совершенно исчезла у всѣхъ, имѣющихъ какую-либо власть надъ другими. Въ самомъ дѣлѣ, можно-ли ждать спокойно самопроизвольнаго прекращенія тѣлесныхъ наказаній, когда и теперь еще въ одной земской Россіи и приговариваемые и наказываемые тѣлесно составляютъ тысячи, когда и въ настоящее время тѣлесныя наказанія составляютъ вопіющее зло: ежегодно нѣсколько тысячъ человѣкъ позорятся, лишаются многихъ гражданскихъ правъ, подвергаются физическимъ страданіямъ и опасности заболѣванія душевной болѣзнью и даже смерти! Впрочемъ нельзя было-бы ждать и молчать даже и въ томъ случаѣ, если-бы тѣлесныя наказанія составляли небывалую рѣдкость — ежегодно только нѣсколько случаевъ на всю Россію. Суть въ томъ, что *остается законъ*, который всегда можетъ быть приведенъ въ дѣйствіе надъ всякимъ, подлежащимъ ему. Наша мысль будетъ болѣе понятна и воспринята чувствомъ, если мы представимъ ее на частномъ примѣрѣ. Пусть существуетъ законъ, по которому врачи не избавлены отъ тѣлеснаго наказанія, и пусть это наказаніе примѣняется только одинъ разъ въ 5—10 лѣтъ! И что-же: развѣ русскіе врачи могли-бы чувствовать себя покойно? Развѣ надъ ними не висѣлъ-бы Дамокловъ мечъ—опасность подвергнуться позорному наказанію? Уже одно сознаніе возможности быть высѣченнымъ сильно понизило-бы нравственное и соціальное положеніе врачей, они не могли-бы считать себя равными съ учителемъ или чиновникомъ, изъятыми отъ сѣченія, и кончилось-бы дѣло тѣмъ, что врачи стали-бы переходить въ профессіи, свободныя отъ сѣченія, что и продѣлываютъ теперь крестьяне при малѣйшей возможности. Я думаю, что этотъ примѣръ уяснилъ настоящее положеніе вопроса: *дѣло идетъ не о сокращеніи сѣченія, а о полномъ прекращеніи его и о совершенной отмѣнѣ закона*, который разрѣшаетъ подвергать крестьянъ позорному наказанію; только при отмѣнѣ этого закона крестьяне могутъ считать себя равноправными съ остальными сословіями.

Чрезвычайныя и административныя тѣлесныя наказанія. До сихъ поръ мы говорили о тѣлесныхъ наказаніяхъ *постоянныхъ и назначаемыхъ по закону и суду,* но бываютъ еще наказанія *чрезвычайныя, административныя и беззаконныя.* Чрезвычайныя и административныя экзекуціи производятся при различныхъ безпорядкахъ, возмущеніяхъ, напр., холерныхъ волненіяхъ, еврейскихъ безпорядкахъ и проч. Эти экзекуціи производятся обыкновенно при участіи войскъ, надъ большимъ числомъ наказуемыхъ, и какой-либо мѣры и счета ударамъ не полагается: все зависитъ отъ любви и усердія исполнителя, такъ, напр., Я. П. Полонскій сообщаетъ, что бывшій Орловскій губернаторъ такъ сѣкъ взбунтовавшихся крестьянъ, что г. Полонскій, несмотря на свои 75 лѣтъ и хорошее знакомство съ крѣпостнымъ правомъ, „такихъ сѣченій при помощи военной силы и въ присутствіи властей, не видалъ ни разу [1])“. О дѣятельности Баранова во время холеры и на ярмаркѣ писалось въ свое время. Вообще же о такихъ подвигахъ администраторовъ въ печати сообщается рѣдко, но въ населеніи почти послѣ каждой экзекуціи ходятъ слухи о тяжелой болѣзни или даже смерти одного или нѣсколькихъ наказанныхъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что нѣкоторые администраторы избѣгаютъ этихъ экзекуцій, и даже отвергаютъ ихъ: такъ, напр., извѣстный генералъ М. И. Драгомировъ приказалъ посадить подъ арестъ одного есаула, который назначилъ, по требованію Подольскаго губернатора, команду казаковъ для экзекуціи послѣ прекращенія безпорядковъ. Вотъ слова приказа: „если-бы упомянутый начальникъ былъ хоть нѣсколько знакомъ съ правилами о призывѣ войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ, болѣе заботился о соблюденіи собственнаго достоинства, а также о достоинствѣ и чести казачества, то, конечно, не обратилъ-бы казаковъ въ команду для порки; ему было-бы извѣстно, что наше дѣло усмирять неповинующихся, а не драть усмиренныхъ“ [2]).—Вообще объ этихъ чрезвычайныхъ тѣлесныхъ наказаніяхъ нужно сказать, что никакими законами они не предусмотрѣны, и потому являются *отрыжкой добраго стараго времени* и находятъ какъ-бы объясненіе въ существованіи тѣлесныхъ наказаній для крестьянъ: *съ отмѣной послѣднихъ всякія чрезвычайныя экзекуціи будутъ немыслимы.*

Незаконныя наказанія, побои. При изученіи вопроса не нужно забывать побочнаго вліянія узаконенныхъ тѣлесныхъ наказаній, огрубляющаго дѣйствія ихъ на населеніе и на постоянное суще-

---

1) «Вѣстникъ Европы» 1895, ноябрь. Стр. 461.
2) «Новости» 1894 г. № 345.

ствованіе всякихъ беззаконныхъ побоевъ, истязаній и пр. Пока существуютъ *узаконенныя розги*, до тѣхъ поръ не исчезнутъ и всѣ *беззаконныя* тѣлесныя наказанія. Свѣдѣнія объ нихъ, какъ объ *явленіи обыденномъ*, не часто доходятъ до печати, но мы все-таки можемъ отмѣтить рядъ фактовъ особенно возмутительнаго насилія изъ разныхъ сферъ и изъ разныхъ областей Россіи.

Въ газетѣ „Волгарь" одинъ домовладѣлецъ Нижняго-Новгорода помѣстилъ слѣдующее письмо: „12 октября пришла ко мнѣ дѣвочка, живущая въ убѣжищѣ бѣдныхъ дѣтей, которая, заплакавъ, разсказала, что въ послѣднихъ числахъ сентября 14-лѣтняго брата ея и съ нимъ другого мальчика 9 лѣтъ въ убѣжищѣ сильно били. Дворника заставили держать мальчиковъ, а смотритель дома сталъ ихъ бить. Девятилѣтній мальчуганъ страшно кричалъ, а другіе мальчики смотрѣли. Дѣвочка, увидавъ это, убѣжала съ испуга внизъ. Газета [1]) настаиваетъ на ревизіи убѣжища и разслѣдованіи даннаго факта.

А вотъ какое наглое издѣвательство надъ судомъ и закономъ, издѣвательство, возникшее на почвѣ узаконенныхъ побоевъ, представляетъ дѣло, разсматривавшееся въ засѣданіи окружнаго суда въ г. Прилукахъ. [2]) Въ с. Туровкѣ Прилукскаго уѣзда лакей помѣщицы Е. Фрицъ, Августъ Баранъ, объявилъ себя мировымъ судьей, устроилъ во флигелѣ камеру, разбиралъ дѣла рабочихъ, приговаривалъ ихъ къ аресту и гораздо чаще къ тѣлесному наказанію, которое немедленно послѣ суда и приводилось къ исполненіе. Назначалось обыкновенно 25 — 40 ударовъ, которые давались кнутомъ или пучкомъ розогъ изъ колючей акаціи; исполнителями приговоровъ являлись два особыхъ рабочихъ, называемыхъ „катами", они насильно тащили рабочихъ въ судъ и нежелающихъ подчиниться приговору связывали и сѣкли. Если Баранъ замѣчалъ, что каты сѣкутъ плохо, то онъ самъ наказывалъ не только приговоренныхъ, но и катовъ. Приговаривались къ тѣлесному наказанію рабочіе всѣхъ возрастовъ и обоего пола, подвергались поркѣ даже шестнадцатилѣтнія дѣвушки. Изъ свидѣтельскихъ показаній выяснилось, что наказаніе колючими розгами, кнутомъ или ремнемъ производилось продолжительное время (нѣкоторыхъ сѣкли въ теченіе получаса), удары были сильные, оставляли кровоподтеки и причиняли такую боль, что наказываемые плакали и неистово кричали; слѣды порки были замѣтны на тѣлѣ рабочихъ и долго спустя послѣ экзекуціи, такъ что врачъ призналъ

---

1) «Русск. Вѣд.» 1897 г. № 287.
2) «Русск. Вѣд.» 1897 г. № 304.

въ данномъ случаѣ тяжкіе побои и истязанія. На вопросы суда, почему потерпѣвшіе не жаловались, они заявили, что боялись лакея Барана, который пользовался въ экономіи большою властью и дѣлалъ все, что хотѣлъ. Когда приказчикъ въ этомъ имѣніи дворянинъ Борвицкій протестовалъ противъ безобразій Барана, то помѣщица Фрицъ объявила ему, что это не его дѣло и пригрозила „холодной",—тогда Борвицкій заявилъ объ этомъ возмутительномъ преступленіи подлежащимъ властямъ. И благодаря *темнотѣ* и вытекающей отсюда безпомощности нашего крестьянства подобныя безобразія и беззаконныя истязанія и наказанія со стороны всякихъ Барановъ и пр. будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не будетъ уничтожена законная порка, и не будетъ объявлено orbi et urbi, что тѣлесное наказаніе отмѣнено для всѣхъ и навсегда, — тогда ни одинъ крестьянинъ не позволитъ пороть себя ни волостному суду, ни Барану. Что крестьяне смѣшиваютъ права и власть судей и Барановъ, то въ этомъ удивительнаго нѣтъ ничего, такъ какъ и до сихъ поръ въ глухихъ мѣстахъ всякая свѣтлая пуговица считается признакомъ начальства. Прилукскій уѣздъ, какъ извѣстно, входитъ въ составъ Полтавской губерніи, и Полтавскіе земцы, высказавшіеся за сохраненіе розогъ, должны радоваться: ихъ постановленіе не прошло безслѣдно, помѣщица Фрицъ и лакей Баранъ поддержали взгляды Полтавцевъ и примѣнили ихъ на дѣлѣ.

Вся эта исторія Барана особенно поучительна потому, что здѣсь была полная поддѣлка подъ судъ, приговаривающій къ розгамъ: не будь такого суда, не было-бы и подражаній... Хотя этой исторіи съ Бараномъ вполнѣ было-бы достаточно, чтобы доказать полную зависимость и непосредственное происхожденіе *незаконныхъ побоевъ* отъ *законныхъ розогъ*, но мы приведемъ еще изъ самыхъ различныхъ сферъ нѣсколько примѣровъ незаконныхъ насилій, вытекающихъ въ сознаніи народа изъ узаконенныхъ тѣлесныхъ наказаній.

Въ С.-Петербургскомъ мировомъ съѣздѣ разбиралось дѣло [1], изъ котораго выяснилось существованіе на суконной фабрикѣ Торнтона такого старшаго дворника Василія Андреева, который за всякіе пустяки усиленно билъ рабочихъ, такъ что нѣкоторые даже оглохли отъ его пощечинъ. „Захвативъ напр. вечеромъ кого-нибудь изъ рабочихъ съ папиросой, Андреевъ, какъ левъ, бросался на несчастнаго, билъ его по щекамъ, заставлялъ становиться передъ собой на колѣни, стегалъ нагайкой и, продолжая бить по лицу, протягивалъ свою руку для поцѣлуя. Всѣ рабочіе были страшно забиты и запуганы этимъ геркулесомъ по сложенію".

---

[1]) «Сынъ Отечества» 1898. № 263.

Фанатикъ ксендзъ Бѣлякевичъ [1]) въ Ковно для исправленія своихъ прихожанъ и водворенія нравственности въ своемъ приходѣ, однимъ словомъ для самой похвальной цѣли, употреблялъ возмутительныя средства: наиболѣе упорствующихъ грѣшниковъ онъ сажалъ въ склепъ, гдѣ были ветхіе гробы съ видными въ нихъ скелетами, и кромѣ того онъ „билъ ихъ веревками и палкой. Помогали ему въ этомъ церковные сторожа и иногда, несомнѣнно, слишкомъ энергично".

Кіевская судебная палата [2]) признала виновнымъ поручика Александрова, бывшаго начальника Бердичевской тюрьмы, въ истязаніи арестантовъ въ этой тюрьмѣ. Онъ усиленно наказывалъ ихъ розгами, допускалъ кулачную расправу, и прокуроръ назвалъ Александрова „не начальникомъ тюрьмы, а какимъ-то палачемъ", „благодаря ему Бердичевская тюрьма отличалась жестокостью нравовъ".

Наконецъ отличились и врачи. Пятигорскій военно-окружный судъ [3]) разбиралъ дѣло военнаго врача С. С. Пашкевича и его жены женщины-врача Б. О. Пашкевичъ, обвиняемыхъ въ жестокомъ обращеніи съ денщиками. Дознаніемъ было установлено, что самъ д-ръ Пашкевичъ, человѣкъ добрый, по своей волѣ никогда не трогалъ денщиковъ, билъ-же ихъ въ присутствіи и по внушенію своей жены, которая и сама принимала участіе въ нанесеніи побоевъ. Побои наносились плетью, кулаками, полѣномъ,—словомъ, чѣмъ попало и по чему попало".

Отъ Кавказа переходимъ къ Сибири.

„Сибир. Вѣстн." [4]) разсказываетъ, что 30 января настоящаго года городовымъ Зайсанскаго уѣзднаго управленія приведены въ камеру городского судьи 5 мальчиковъ киргизовъ 14—15 лѣтъ. Оказалось, что мальчики эти мелкіе воришки. При разборѣ дѣла мальчики заявили судьѣ, что ихъ арестовали уже 7 дней, не давали имъ пищи и угощали розгами изъ чингиля—дерева съ колючками на подобіе боярки—каждый день по два раза и по 25 ударовъ каждому. Судьей тотчасъ-же былъ приглашенъ уѣздный врачъ Пекуръ. При освидѣтельствованіи мальчиковъ, когда они были раздѣты, страшно было смотрѣть: сѣдалище исполосовано розгами, страшные кровоподтеки... Сѣченіе производилось, повидимому, любителями этого дѣла, разъ приставомъ города Зайсана, потомъ писцами уѣзднаго управленія.

---

1) «Русск. Вѣдом.» 1898. № 208.

2) «Сынъ Отечества» 1898. № 264.

3) «Врачъ» 1898. № 33. Стр. 986.

4) Цитир. по «Смолен. Вѣстн.» 1898. № 60.

А какая масса подобныхъ случаевъ не доходитъ до печати! не только дѣти, но и взрослые подвергаются незаконному и жестокому тѣлесному наказанію, подъ ферулой существованія его въ законѣ! Наказанія и побои примѣняются всякимъ начальствомъ и публикой часто только потому, что побои, по словамъ К. Аксакова, *возведены въ законъ*. Примѣровъ этому безъ числа: Инсарскій исправникъ [1]), совѣтующій бить недоимщиковъ по мягкимъ частямъ, чтобы не видно было побоевъ, и кончающій смертью одного избитаго; становые, разъѣзжающіе по уѣзду съ волостными судьями, которые по приказу первыхъ приговариваютъ недоимщиковъ къ сѣченію и тутъ-же наказываютъ; дѣло Сѣнинскаго исправника о сѣченіи мѣщанина-еврея и рядъ другихъ дѣлъ объ излишнемъ усердіи полиціи; извѣстное дѣло о сѣченіи помощника присяжнаго повѣреннаго и студента въ Москвѣ; случаи совершенно безнаказаннаго выполненія тѣлеснаго наказанія надъ женщинами; дерущіеся учителя, открытые Тамбовскимъ процессомъ; деревенскія драки и побоища и пр.; наконецъ масса судебныхъ дѣлъ объ истязаніи хозяевами своихъ учениковъ. Здѣсь особенно должно отмѣтить, что безчисленныя истязанія ремесленныхъ учениковъ ихъ хозяевами есть прямой результатъ узаконенной порки; вѣдь если сапожникъ изъ крестьянъ подвергался у себя въ деревнѣ поркѣ по назначенію суда, то для него вовсе не кажется беззаконнымъ примѣнять эту мѣру наказанія и къ своимъ ученикамъ въ городѣ. Поэтому нисколько не удивительно, что истязатели, привлекаемые изрѣдка на судъ, заявляютъ съ сознаніемъ полной своей невинности, что никакихъ особыхъ истязаній ученикамъ они не причиняютъ, а прибѣгаютъ только къ *общепринятому* (читай: *узаконенному*) способу поученія и наказанія, т. е. поркѣ. А справедливо-ли и главное цѣлесообразно-ли наказывать людей за тѣ дѣянія, которыя продѣлывались на законномъ основаніи и надъ ними, но только въ болѣе легкой степени? Обвиненный истязатель выйдетъ изъ суда съ смутнымъ представленіемъ о справедливости: когда меня драли въ волости, за это никто не отвѣчалъ, а когда я выпоролъ своего ученика, меня наказываютъ.. А еще менѣе будетъ понятно тому-же ремесленнику и крестьянину преслѣдованіе и наказаніе за жестокое обращеніе съ животными: за побои лошади—отвѣчай, а меня бьютъ—такъ и быть должно!.. Въ самомъ дѣлѣ какая непослѣдовательность и несправедливость: для защиты животныхъ и собачекъ образовано общество, а людей самъ законъ отдаетъ на истязаніе!

---

[1]) В. И. Семевскій. Стр. 46.

Повторяемъ, громадное большинство этихъ незаконныхъ побоевъ и наказаній только потому и имѣютъ мѣсто, что *тѣлесное наказаніе узаконено;* внѣ всякаго сомнѣнія, что часъ отмѣны тѣлеснаго наказанія будетъ началомъ паденія побоевъ и истязаній и во всѣхъ остальныхъ сферахъ. Это вполнѣ понятно: мало развитые и грубые люди, видя истязаніе людей по закону, усваиваютъ такую точку зрѣнія, что и всѣ остальные побои и истязанія не являются предосудительными и зловредными. Особенно это относится къ тѣмъ, которымъ приходится быть постоянно свидѣтелями или исполнителями тѣлесныхъ наказаній (наказуемые нерѣдко сопротивляются, и старшина призываетъ крестьянъ на помощь): чувство состраданія и впечатлительность у нихъ ослабѣваютъ, они привыкаютъ къ страданіямъ и крикамъ и для нихъ не явится затруднительнымъ при случаѣ расправиться своею собственной властью, т. е. побить, высѣчь и пр. Всѣ дѣятели, стоящіе близко къ народу, особенно настаиваютъ на *огрубляющемъ и развращающемъ* дѣйствіи сѣченія. Нѣтъ ничего страннаго, что высѣченный въ волости отправится въ кабакъ, а оттуда домой и сорветъ свою злобу на женѣ и дѣтяхъ, которыхъ и отколотитъ до полусмерти: вѣдь самъ законъ разрѣшаетъ истязанія. Мы до сихъ поръ не можемъ вспомнить безъ крайне непріятнаго чувства одного 60-лѣтняго крестьянина, который разсказывалъ про крѣпостное право и подвиги очень жестокаго управляющаго, дравшаго всѣхъ безъ разбора; не негодованіе и не ненависть, а удивленіе, и что-то въ родѣ удальства слышалось въ словахъ этого старика, передававшаго объ особенно удачномъ ударѣ управляющаго: „какъ хватитъ тетку Дарью черезъ плечо ременной плеткой, такъ титька пополамъ,—долго въ больницѣ лечилась“... И многіе, оставшіеся отъ крѣпостного права, не далеко ушли отъ этого старика во взглядѣ на побои и сѣченіе, а между тѣмъ въ рукахъ этихъ стариковъ и находятся волостные суды. Еще лучше одинъ казацкій офицеръ, который развязно хвастался своей изобрѣтательностью во время экзекуціи въ западномъ краѣ: чтобы имѣть возможность наказать беременную женщину онъ велѣлъ выкопать достаточной величины яму, положить въ нее животомъ беременную и такимъ образомъ наказать розгами...

А какое вредное вліяніе оказываетъ сѣченіе на дѣтей, бывающихъ часто свидѣтелями этой гнусной расправы, видно изъ слѣдующаго факта [1]): въ деревнѣ одной южной губерніи былъ наказанъ жестоко одинъ крестьянинъ, до котораго давно добирался старшина, и на другой день въ той-же деревнѣ былъ жестоко высѣченъ одинъ

---

1) «Рус. Богатство» 1894. № 11. Хроника внутренней жизни. Стр. 172.

мальчуганъ своими товарищами, чего раньше никогда не бывало. Одна учительница также передавала намъ, что изъ ея школы, расположенной рядомъ стѣна объ стѣну съ волостнымъ правленіемъ, ученики бѣгали смотрѣть на порку, а потомъ устраивали даже игру въ суды и порку... Хороши воспитательные примѣры!.. Не даромъ министерство внутреннихъ дѣлъ указывало (см. ниже) на развращающее вліяніе розогъ на молодыхъ людей и на дѣтей!

Гл. IV. Отношеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ правительственныхъ и общественныхъ органовъ и всего Русскаго общества.

Правительственныя и административныя учрежденія и лица. Прежніе комитеты и коммиссіи. Министерство внутреннихъ дѣлъ. Мнѣніе М. И. Драгомирова. Ходатайства двухъ генералъ-губернаторовъ М. А. Таубе, А. Б. Вревскаго. Губернскія присутствія. Губернаторъ Сахалина. Земскіе начальники и А. М. Черновъ. Земства. Дворянство. Юристы. Врачи, врачебныя общества и врачебные съѣзды. Другія общества. Печать административная, духовная, общая и др. Крестьяне.

Вторую главу этой работы мы закончили тѣмъ выводомъ, что въ настоящее время тѣлесныя наказанія перешли въ послѣдній фазисъ своего существованія: сознаніе необходимости отмѣны этихъ наказаній проникло во всѣ слои общества, и оно начинаетъ протестовать противъ этого позорнаго остатка старины. И не только общество, но и правительственныя учрежденія выказываютъ крайне отрицательное отношеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Въ настоящей главѣ нами и изложены вкратцѣ мнѣнія по данному вопросу самыхъ различныхъ учрежденій и лицъ.

Правительственныя и административныя учрежденія и лица. Многіе извѣстные администраторы уже давно протестовали противъ тѣлесныхъ наказаній; прекрасныя слова по этому поводу кн. Н. Орлова мы приводили уже не разъ. Другіе также давно высказывались противъ розогъ по экономическимъ причинамъ. *Въ докладѣ Высочайше утвержденной коммиссіи для изслѣдованія нынѣшняго положенія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи* [1]) (въ 1873 г.) приводятся мнѣнія гг. Бушена и Тютчева, которые первой причиной плохого состоянія сельскаго хозяйства считали „низкій умственный и нравственный уровень сельскаго населенія“; подобный

---

[1]) Семевскій. L. c. Стр. 34—37.

низкій уровень есть прямое слѣдствіе крѣпостного права, воспитавшаго „поколѣніе, привыкшее не имѣть собственной иниціативы и *работать изъ-подъ палки*“. Отъ такого подневольнаго, безсознательнаго труда, конечно, трудно ожидать желаемой производительности; рабъ и забитый человѣкъ не можетъ проявить иниціативы, найтись въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, привыкнуть къ работѣ съ земледѣльческими машинами и проч. Предсѣдатель этой коммиссіи министръ госуд. имуществъ Валуевъ также указывалъ на необходимость „элементарнаго образованія и водворенія въ народной массѣ элементарныхъ гражданскихъ нравовъ“. Въ заключеніе Тютчевъ рѣшительно высказался за *безусловную отмѣну тѣлесныхъ наказаній*, такъ какъ „на сѣченіе взрослыхъ людей слѣдуетъ смотрѣть, какъ на въ высшей степени варварскую и безнравственную мѣру, уничтожающую даже зародыши человѣческаго достоинства, исключающую въ наказуемомъ всякую возможность къ самоуваженію..., а слѣд. и убивающую всякое стремленіе къ развитію... Взрослый человѣкъ, отецъ семейства, членъ сельскаго общества, не внесшій по случаю неурожая или другого какого-либо бѣдствія податей и высѣченный, по приговору волостного суда, за „нерачительное хозяйство“,—это человѣкъ, котораго и физическая боль, и стыдъ передъ односельчанами, женой, собственными дѣтьми заставляетъ пойти въ кабакъ“.

Мнѣнія и постановленія другихъ прежнихъ комитетовъ, коммиссій и отдѣльныхъ лицъ приведены въ первой и второй главахъ. Переходимъ къ настоящему времени.

Само *министерство внутреннихъ дѣлъ* дважды высказало свое отрицательное отношеніе къ розгамъ. Въ первый разъ оно издало въ 1891 г. циркуляръ къ земскимъ начальникамъ [1]): „къ приговорамъ волостныхъ судовъ о тѣлесномъ наказаніи земскіе начальники должны относиться вообще съ большой осторожностью, наблюдать, чтобы они не являлись слѣдствіемъ пристрастнаго отношенія къ виновному и т. д. Исполнителями такихъ приговоровъ не должны быть молодые люди, на которыхъ *подобная операція производитъ развращающее впечатлѣніе*. Необходимо строго наблюдать, чтобы исполненіе означенныхъ приговоровъ не являлось потѣхой или зрѣлищемъ для праздной толпы, а особенно малолѣтнихъ. Возможно близкое вниканіе во всѣ дѣла и нужды деревни, а также частное вліятельное нравственное воздѣйствіе земскихъ начальниковъ *можетъ совершенно устранить надобность въ крайнихъ мѣрахъ*“. Это предложеніе министерства особенно важно: оно констатируетъ развраща-

---

1). «Вѣстн. Евр.» 1891. Кн. IX. Стр. 378.

ющее вліяніе розги, а съ другой стороны оно признаетъ полную возможность обойтись безъ розги.

Затѣмъ въ 1896 г. тоже *министерство внутреннихъ дѣлъ* и совершенно упразднило розгу на извѣстное время, для чего оно воспользовалось манифестомъ. Нижегородское губернское присутствіе [1]) получило разъясненіе министерства относительно тѣлесныхъ наказаній за кражу, мошенничество, растрату и т. п. проступки, по которымъ, въ силу Высочайшаго коронаціоннаго манифеста, наказаніе сокращается на $^1/_3$, если они совершены до обнародованія манифеста. Согласно министерскому разъясненію „въ подобныхъ случаяхъ розги должны быть совсѣмъ отмѣнены, съ замѣной ихъ арестомъ, и уже послѣдній подлежитъ сокращенію на $^1/_3$“. Кромѣ того министерство предписываетъ, чтобы по всѣмъ неисполненнымъ приговорамъ о тѣлесномъ наказаніи былъ примѣненъ манифестъ въ смыслѣ приведеннаго разъясненія. Въ виду двухъ подобныхъ предложеній, остается только спросить, *почему министерство медлитъ съ поднятіемъ вопроса о полномъ упраздненіи тѣлесныхъ наказаній.*

Что касается отдѣльныхъ административныхъ лицъ, то начнемъ съ прекраснаго выразителя взглядовъ *военныхъ*, а именно генерала *М. И. Драгомирова.*

Вотъ приказъ этого генерала, характеризующій его взглядъ на розги [2]): „По требованію Подольскаго губернатора въ іюнѣ 1894 г. отъ казачьей дивизіи были командированы двѣ сотни донского казачьяго полка для содѣйствія гражданскимъ властямъ. По прекращеніи безпорядка, гражданское начальство нашло нужнымъ произвести экзекуцію надъ зачинщиками. Начальствовавшій сотнями есаулъ не постѣснился назначить для исполненія экзекуціи команду казаковъ. Если-бы упомянутый начальникъ былъ хоть нѣсколько знакомъ съ правилами о призывѣ войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ, болѣе заботился о соблюденіи собственнаго достоинства, а также о достоинствѣ и чести казачества, то, конечно, не обратилъ-бы казаковъ въ команду для порки; ему было-бы извѣстно, что наше дѣло усмирять неповинующихся, а не драть усмиренныхъ. Начальнику 2-й сводной казачьей дивизіи предлагаю арестовать есаула на семь сутокъ съ содержаніемъ на гауптвахтѣ за нарядъ команды на экзекуцію. О томъ, что незнаніе и неисполненіе требованій устава гарнизонной службы даже въ мирное время могутъ повести къ вреднымъ для службы и непріятнымъ для исполнителя послѣдствіямъ, не разъ говорилось; еще разъ убѣдительно рекомендую ознакомиться покороче съ этимъ уставомъ“.

---

1) «Русск. Вѣд.» 1897. № 115.

2) «Новости» 1894 г. № 345. Цитир. по «Вѣстн. Евр.» 1895 г. № 1. Стр. 394.

Не менѣе опредѣленно противъ всякихъ побоевъ высказывается генералъ *М. И. Драгомировъ* и по другому случаю, при разъясненіи выраженія № 148 „Устава гарнизонной службы“: „часовой есть лицо неприкосновенное“. Такъ какъ М. Драгомировъ былъ самъ авторомъ этой статьи, то онъ объясняетъ исторію и прямой смыслъ этой статьи. Люди, привыкшіе къ кулачной расправѣ, не стѣснялись и съ часовыми, почему этимъ выраженіемъ „я именно имѣлъ въ виду,—говоритъ М. Драгомировъ, одну цѣль, такъ намозолить имъ глаза гг. мордобойцамъ, чтобы они хотя-бы часового-то миновали въ невоздержномъ стремленіи удовлетворить своей похоти заѣзжать въ чужой образъ и подобіе Божіе“. Свое разъясненіе почтенный генералъ заканчиваетъ пожеланіемъ, чтобы „неприкосновенность“ поскорѣе вошла у насъ настолько въ нравы, что упоминаніе о ней было-бы излишне [1]).

Точно также находятъ излишнимъ тѣлесное наказаніе и облеченные чрезвычайной властью *генералъ-губернаторы* двухъ окраинъ, которыя, несомнѣнно, населены менѣе культурнымъ и развитымъ народомъ, чѣмъ центральная Россія.

Степной генералъ-губернаторъ *М. А. Таубе* возбудилъ вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для крестьянскаго населенія степного генералъ-губернаторства [2]). Подобное-же ходатайство возбуждено высшимъ представителемъ власти и въ другой окраинной области — Туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ; главный начальникъ этого края *А. Б. Вревскій* ходатайствуетъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для водворившихся въ Туркестанской области русскихъ переселенцевъ [3]). „Туркест. Вѣдом.“, сообщая объ этомъ ходатайствѣ, выражаютъ увѣренность, что оно будетъ уважено безъ замедленія и устранитъ невѣроятную существующую въ этомъ краѣ аномалію: „туземцы хотя и сравнены въ правахъ съ нашими сельскими обывателями и разбиты на волости, тѣмъ не менѣе избавлены отъ тѣлесныхъ наказаній, а народнымъ судамъ, компетенція которыхъ выше компетенціи судовъ волостныхъ, предоставлено налагать на виновныхъ наказанія лишь въ видѣ денежныхъ взысканій и заключенія подъ стражу. Такимъ образомъ, для полудикаго населенія усиліями русской власти созданы болѣе мягкіе законы, чѣмъ для нашего крестьянина, который является въ Туркестанскомъ краѣ культуртрегеромъ. Въ самомъ дѣлѣ, поразительное противорѣчіе, имѣющее вредное вліяніе на распространеніе культуры въ новомъ краѣ и вообще на отношенія полудикихъ туземцевъ къ

---

1) «Развѣдчикъ». 1895. № 240. Стр. 462—464.
2) «Кіевское Слово» 1896. № 2876.
3) «Кіевское Слово» 1896. № 2869.

русскимъ: развѣ избавленный отъ порки туземецъ можетъ уважать сосѣда—русскаго, подвергаемаго позорной экзекуціи? Кромѣ того, едва-ли производимые на законномъ основаніи побои могутъ способствовать къ смягченію нравовъ у туземцевъ?

Взгляды другихъ административныхъ лицъ (о самомъ министерствѣ уже говорено) имѣются по поводу усердія къ сѣченію, которое было проявлено земскими начальниками нѣкоторыхъ губерній. Въ началѣ своей дѣятельности земскіе начальники увидали себя какъ-бы призванными возстановить престижъ розогъ и побоевъ и вернуть *доброе старое время;* они утверждали не только всѣ приговоры о поркѣ волостныхъ судовъ, но откапывали и приказывали выполнять старые давнишніе приговоры о розгахъ и вообще такъ подѣйствовали на волостные суды, что послѣдніе въ угоду розголюбивымъ земскимъ начальникамъ начали снова чаще выносить приговоры о розгахъ. Худая молва о розгахъ и о томъ, что земскіе начальники будто призваны пропагандировать розгу, распространилась до того широко, что народное воображеніе изобрѣло даже спеціальную „машинку“ для сѣченія [1]), угадавъ со свойственной мѣткостью, что человѣческимъ рукамъ держаніе розги давно опостылѣло (Черновъ. L. с. Стр. 27). Видя такое усердіе земскихъ начальниковъ, Нижегородскій губернаторъ *Барановъ*, самъ прибѣгавшій къ административной поркѣ по своему усмотрѣнію во время ярмарки, счелъ нужнымъ удержать усердіе начальниковъ и разослалъ имъ въ 1892 году такой циркуляръ [2]): „До моего свѣдѣнія дошло, что нѣкоторые изъ земскихъ начальниковъ приступили къ собиранію свѣдѣній о неприведенныхъ въ исполненіе приговорахъ дореформенныхъ волостныхъ судовъ, громогласно заявляя, что всѣ приговоры о тѣлесныхъ наказаніяхъ и прочихъ карахъ ими, земскими начальниками, будутъ приведены въ исполненіе. Считаю нужнымъ обратить вниманіе земскихъ начальниковъ на то, что одна изъ причинъ, вызвавшихъ самую реформу, была неудовлетворительность волостныхъ судовъ... Способъ огульнаго исполненія приговоровъ старыхъ волостныхъ судовъ... очень вреденъ какъ для успѣха самого дѣла, такъ и для упроченія довѣрія населенія къ своему новому начальству. Поэтому покорнѣйше прошу земскихъ начальниковъ Нижегородской губерніи смотрѣть на приговоры бывшихъ волостныхъ судовъ какъ на матеріалъ, которымъ слѣдуетъ пользоваться съ крайней осмотрительностью, не упуская изъ виду статьи 29 Высочайше утвержденныхъ

---

[1]) Въ это время мы жили въ Москвѣ, и Московскіе извозчики серьезно увѣряли насъ, что во всѣхъ полицейскихъ участкахъ и волостныхъ правленіяхъ заведена особая машинка для порки; наказанный машинкой долженъ яко-бы уплачивать 20 к. «за науку».

[2]) «Вѣстникъ Европы» 1892. № 11. Стр. 392.

12 іюля 1889 г. правилъ о волостномъ судѣ, дающей земскому начальнику право замѣнять опредѣленное волостнымъ судомъ тѣлесное наказаніе другою карательною мѣрой".

Точно также и въ Смоленской губерніи земскіе начальники недостаточно пользовались правомъ замѣны тѣлеснаго наказанія, и нѣкоторые изъ нихъ *по принципу* утверждали всѣ приговоры волостныхъ судовъ о розгахъ. Тогда, согласно предложенію непремѣннаго члена, *губернское присутствіе* предложило земскимъ начальникамъ, что каждое разрѣшеніе примѣненія тѣлеснаго наказанія по суду должно быть изложено въ формѣ вполнѣ мотивированнаго постановленія въ особомъ нарядѣ, и при каждой волости должны вестись особые списки лицъ, подвергнутыхъ тѣлесному наказанію (см. выше).

А вотъ отзывы и дѣятельность администраторовъ изъ другой области, въ которой тѣлесныя наказанія считаются особенно необходимыми и незамѣнимыми, это—среда каторжныхъ, для нихъ даже судъ назначаетъ плети. И между тѣмъ бывшій губернаторъ Сахалина въ бесѣдѣ съ В. И. Семевскимъ (l. cit. стр. 66) призналъ возможной отмѣну тѣлесныхъ наказаній для ссыльно-каторжныхъ. Это предположеніе губернатора вполнѣ оправдалось въ вышеприведенномъ нами примѣрѣ Александровской центральной каторжной тюрьмы, гдѣ начальникъ тюрьмы Сипягинъ и помощникъ его Лятосковичъ 3 года управлялись съ 2500 каторжанъ безъ тѣлесныхъ наказаній. А Чеховъ [1]) также сообщаетъ, что начальникъ острова Сахалина ген. *Кононовичъ* всегда противъ тѣлесныхъ наказаній, но, къ сожалѣнію, онъ очень рѣдко бываетъ въ тюрьмахъ и не знаетъ, какъ часто у него на островѣ употребляются розги. Отзывы С. Н. М., Мельшина и др. о ненужности и вредѣ тѣлесныхъ наказаній среди каторжныхъ и въ тюрьмахъ приведены нами выше.

До сихъ поръ мы приводили взгляды и предложенія высшихъ административныхъ лицъ изъ разныхъ сферъ, но тоже самое находимъ мы и въ мѣстныхъ учрежденіяхъ.

Многіе изъ *мѣстныхъ администраторовъ*, стоящихъ близко къ народу, также являются противниками тѣлесныхъ наказаній; здѣсь на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить *земскихъ начальниковъ*: если нѣкоторые изъ нихъ видятъ въ розгѣ спасеніе народа, то другіе, наоборотъ, всюду и всегда отвергаютъ ее. Въ Старооскольскомъ земскомъ собраніи (Курской губ.) предложеніе ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній исходило отъ земскихъ начальниковъ, которые никогда не утверждали приговоровъ къ тѣлесному наказанію и по общему соглашенію внесли вышеупомянутое пред-

---

[1]) Сахалинъ. Стр. 468.

ложеніе. Точно также въ Саратовскомъ и другихъ земскихъ собраніяхъ земскіе начальники высказывались за отмѣну розогъ, находя, что и безъ нихъ можно прекрасно управлять крестьянами. Многіе земскіе начальники подобное свое убѣжденіе перенесли на практику и никогда не утверждаютъ ни одного приговора волостныхъ судовъ къ розгамъ; это полное упраздненіе розогъ въ цѣлыхъ участкахъ и даже уѣздахъ вовсе не сопровождается усиленіемъ преступности и другими послѣдствіями *слабой власти*, чѣмъ постоянно угрожаютъ защитники розогъ (см. постановленія Полтавскаго и Смоленскаго губер. земскихъ собраній).

Особенно активную борьбу противъ тѣлесныхъ наказаній велъ земскій начальникъ Гжатскаго уѣзда Смоленской губ. *А. М. Черновъ* (въ настоящее время Воронежскій вице-губернаторъ). Онъ за 5 лѣтъ своей службы не утвердилъ ни одного приговора суда къ розгамъ и такимъ образомъ фактически упразднилъ сѣченіе въ своемъ участкѣ; кромѣ того онъ издалъ прекрасную брошюру, „*Набросокъ соображеній. Изъ волостной юстиціи*", въ которой весьма обстоятельно и горячо доказываетъ вредъ розогъ въ крестьянской практикѣ. На вопросъ: „какъ-же найдти правомѣрный мотивъ для допущенія позорящаго сѣченія?" А. М. Черновъ даетъ слѣдующій отвѣтъ (стр. 71—72): „При всѣхъ усиліяхъ воображенія и памяти я, въ качествѣ юриста, его не нахожу, а, наоборотъ, впадаю въ неразрѣшимое тяжелое недоумѣніе. Если строгій арестъ и штрафъ, не осложняемые позоромъ, признаны законодателемъ за равновеликія („соотвѣтственныя") съ розгой наказанія и дозволено назначать ихъ для всѣхъ [1]), провинившихся въ данномъ проступкѣ, то ради чего надо примѣнять еще сѣченіе, т. е. такое *особое* воздѣйствіе, которое, при двухъ равныхъ винахъ, обязательно минуетъ преступника, случайно попавшаго въ „изъятые" (вчера поступилъ въ лѣсные сторожа) и можетъ обрушиться только на человѣка, случайно избѣжавшаго „изъятія" (вытянувшій счастливый жребій при наборѣ)? Чего ради держать въ судебно-карательномъ инвентарѣ такое орудіе, которое поражаетъ не за вину, а за случай, за такой или иной отъ воли не зависящій внѣшній признакъ (размѣръ тѣла въ длину и ширину для воинской повинности), и которое имѣетъ жертвами всѣхъ тѣхъ, кто и безъ того обиженъ судьбою: узкогрудыхъ, хромоногихъ, единственныхъ тружениковъ на семью — сыновей одиночекъ и т. п. Не для того же, въ самомъ дѣлѣ, чтобы побудить послѣднихъ идти въ солдаты охотниками и выслужить тамъ быстро медаль съ

---

1) Т. е. изъятыхъ и неизъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія.

надписью—„свободенъ отъ сѣченія“; не для того же, чтобы выучить всѣхъ не изъятыхъ перестарковъ (свыше 45 л.) зачислиться безъ жалованья въ коллегіальные выборные смотрителя хлѣбныхъ и безхлѣбныхъ магазиновъ, или въ лѣсные сторожа, караулящіе лѣсъ и вырубки по очереди... и тѣмъ восполнить свой гражданственный пробѣлъ, черезъ полученіе диплома—„изъятаго отъ розги“.

Затѣмъ далѣе А. М. Черновъ говоритъ, что „не нашелъ ни одного основанія, которое можно было-бы положить въ качествѣ „мотива при постановленіи объ утвержденіи сѣченія“. Въ предоставленіи земскимъ начальникамъ отрицательнаго права не утверждать приговоровъ о розгахъ, авторъ видитъ желаніе законодателя совсѣмъ изъять розгу изъ обращенія. Заканчиваетъ свою брошюру А. М. Черновъ слѣдующимъ пожеланіемъ: „Чтобы заставить звучать народную правду, только и возможно было-бы теперь поступиться розгой,—этой колесницей крѣпостничества,—у которой нынѣ всѣ колеса выбиты закономъ и жизнію изъ ранѣе наѣзженной колеи; поступиться розгой, думается, необходимо... если только, конечно, не будетъ признано нужнымъ измѣнить неуклонную тенденцію законодателя и отмѣнить сдѣланныя ранѣе законодательныя „изъятія“. Разрѣшенія этого болѣзненно назрѣвшаго вопроса ждать осталось не долго и Высочайшее утвержденіе трудовъ работающей нынѣ коммиссіи по пересмотру судопроизводственныхъ законовъ—положитъ предѣлъ всякимъ разномысліямъ по поводу „Временныхъ Правилъ“, единственныхъ нынѣ попустителей розги для нѣкоторой случайной части крестьянскаго населенія“.

Земства. Въ виду того, что земства въ протестѣ противъ розогъ играли выдающуюся роль, признано было необходимымъ собрать весь земскій матеріалъ по данному вопросу; на сдѣланное обращеніе всѣ губернскія управы, за исключеніемъ нѣсколькихъ, отозвались очень охотно и въ непродолжительномъ времени прислали необходимые журналы, постановленія или увѣдомленія. По четыремъ земствамъ вмѣсто управъ дали сообщенія служащіе при губернскомъ земствѣ врачи, и не достаетъ свѣдѣній только по Олонецкому и Тульскому земствамъ. Несомнѣнно, что земскія ходатайства сыграютъ извѣстную роль въ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній; въ то же время всѣ земскія мытарства съ этимъ вопросомъ составляютъ довольно интересную и поучительную страницу изъ земской жизни, почему мы и сочли необходимымъ ознакомить общество съ краткимъ сводомъ всѣхъ земскихъ постановленій относительно тѣлеснаго наказанія. Всѣ ходатайства и постановленія вполнѣ опредѣленны и не нуждаются въ комментаріяхъ; отмѣтимъ только одно малоизвѣстное всѣмъ обстоятельство, что земства уже съ начала

80-хъ годовъ начали ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія.

Губернскія земства Вятское, Орловское, Харьковское и Ярославское, по сообщеніямъ управъ, не возбуждали вопроса объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Впрочемъ *Харьковское* земство ходатайствуетъ объ освобожденіи отъ розогъ крестьянъ, прослужившихъ извѣстное число лѣтъ пожарными старостами. Стало-быть, и это земство, хотя и по особой причинѣ, протестуетъ противъ тѣлеснаго наказанія. (Сынъ Отеч. 1898. № 263).

Остальныя земства расположены въ алфавитномъ порядкѣ, причемъ по каждой губерніи приведены и всѣ уѣздныя земства, заявившія ходатайства по данному вопросу.

Бессарабское губернское собраніе въ засѣданіи 7 февраля 1895 г. выслушало и приняло предложеніе гл. П. Н. Кишинскаго ходатайствовать объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія окончившихъ курсъ въ начальныхъ школахъ, такъ какъ эта мѣра явится очень дѣйствительной для дальнѣйшаго распространенія народнаго образованія. Подобное же ходатайство, по предложенію Л. М. Геевскаго, было возбуждено XXVII *Хотинскимъ* уѣзднымъ собраніемъ въ засѣданіи 11 октября 1895 г.—Однако губернская управа воздержалась отъ представленія перваго ходатайства губернскаго собранія, и оно было возбуждено уже въ слѣдующемъ году, послѣ такого вторичнаго постановленія XXVII губернскаго собранія въ засѣданіи 11 февраля 1896 г.: „Раздѣляя тѣ основанія, по которымъ управа воздержалась отъ представленія ходатайства объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія крестьянъ, окончившихъ народныя школы, но имѣя въ виду, что подобныя ходатайства были возбуждены въ послѣднее время нѣкоторыми дворянствами и земствами, и что таковымъ былъ данъ надлежащій ходъ, собраніе нашло необходимымъ возбудить это ходатайство“.

Во Владимирской губерніи былъ поднятъ настоящій вопросъ въ 1898 году на Гороховецкомъ [1]) уѣздномъ земскомъ собраніи 8-го октября земскимъ начальникомъ П. П. Булыгинымъ, который, мотивируя свое заявленіе, между прочимъ, высказалъ, что „стоя близко къ народу въ качествѣ земскаго начальника, онъ убѣдился, что не только нѣтъ надобности когда-либо примѣнять тѣлесное наказаніе, но, ссылаясь на мнѣніе товарищей, беретъ смѣлость утверждать, что кромѣ вреда ничего нѣтъ и быть не можетъ отъ примѣненія этой несовременной, позорной и лишающей не только чести, но и нѣкоторыхъ правъ мѣры“, такъ какъ лица, под-

1) Рус. Вѣд. 1898 № 254.

вергшіяся тѣлесному наказанію, лишаются права выбора въ староста, на участіе въ выборахъ. „Наказаніе это,—замѣтилъ докладчикъ,—озлобляетъ человѣка, даетъ ему поводъ думать, что онъ, какъ лишенный чести, можетъ не сдерживать своихъ худшихъ инстинктовъ; можно указать не одинъ случай озлобленія наказаннаго человѣка,—озлобленія, доводящаго до арестантскихъ ротъ". Основываясь на этомъ, докладчикъ просилъ собраніе „ходатайствовать передъ правительствомъ — черезъ губернское земское собраніе — снять съ крестьянскаго населенія тяготѣющую его позоромъ постоянную возможность подвергаться тѣлесному наказанію". Гласный изъ волостныхъ старшинъ И. И. Царевъ заявилъ, что онъ 4 года волостнымъ старшиной и предсѣдателемъ волостнаго суда и убѣдился, что въ примѣненіи тѣлеснаго наказанія нѣтъ надобности, но что недавно былъ случай неутвержденія въ должности десятскаго одного крестьянина, избраннаго на эту должность обществомъ, такъ какъ онъ былъ наказанъ. Предсѣдатель собранія, уѣздный предводитель дворянства В. А. Шумиловъ, отмѣтивъ, что въ настоящее время тѣлесное наказаніе фактически не примѣняется въ Гороховецкомъ уѣздѣ, напомнилъ, что еще въ 1858 году во Владимірско-губернскомъ комитетѣ было признано ненужнымъ тѣлесное наказаніе. Въ томъ же смыслѣ высказались гласные А. А. Невскій, Бурминъ и другіе, послѣ чего собраніе постановило ходатайствовать, черезъ губернское земское собраніе, передъ правительствомъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній крестьянъ по постановленіямъ волостныхъ судовъ. Но, очевидно, лавры Полтавскаго земства не давали покою Владимирскому, которое и поступило подобно первому. Губернская управа [1]) представила въ собраніе докладъ, въ которомъ поддерживала ходатайство Гороховецкаго собранія, но губернскіе гласные не обсуждали этого доклада, и въ засѣданіи 16 декабря большинствомъ 25 голосовъ противъ 15 отклонили это ходатайство. Чѣмъ было вызвано такое постановленіе изъ корреспонденціи не видно, но, очевидно, Владимирскіе дворяне 1898 года ушли назадъ отъ тѣхъ-же дворянъ 1858 года, отвергавшихъ тѣлесное наказаніе.

Въ Вологодской губерніи, по сообщенію губернской управы, *Устюжское* уѣздное земство въ 1895 г. и *Усть-сысольское* въ 1896 г. возбудили ходатайства объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для крестьянъ, кончившихъ курсъ въ начальныхъ школахъ. Губернская управа оба раза представляла доклады объ этихъ ходатайствахъ *губернскому собранію*, но оба раза предсѣдатель собранія не допустилъ къ обсужденію этотъ вопросъ, якобы имѣющій общегосударственное значеніе.

[1]) Сынъ Отеч. 1898 № 347.

Воронежское губернское земское собраніе нѣсколько разъ возбуждало ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для крестьянъ, окончившихъ начальныя школы. Первое ходатайство было возбуждено губернскимъ собраніемъ въ сессію 1890 г.; министръ внутреннихъ дѣлъ, по совѣщанію съ министрами народнаго просвѣщенія и юстиціи, сообщилъ, что это ходатайство относится къ общегосударственнымъ вопросамъ, а не къ мѣстнымъ нуждамъ. Затѣмъ на вторичное такое же ходатайство сессіи 1891 года отвѣта не получено. Наконецъ, *Воронежское уѣздное* земское собраніе въ засѣданіи 14 октября 1895 года слушало письменное весьма подробно мотивированное предложеніе предсѣдателя этого собранія, уѣзднаго предводителя дворянства И. Т. Алисова. Кромѣ общихъ соображеній о вредѣ розогъ авторъ предложенія приводитъ мнѣнія другихъ лицъ и печати объ этомъ наказаніи: Казанскихъ профессоровъ-медиковъ о вредѣ розогъ съ санитарной точки зрѣнія, извѣстнаго генерала Драгомирова, осуждающаго тѣлесное наказаніе для солдатъ и находящаго, что „нѣтъ болѣе противнаго нравственной природѣ человѣка, какъ тѣлесное наказаніе“, — наконецъ, органа С.-Петербургской духовной академіи „Церковнаго Вѣстника“, который осудилъ это наказаніе съ точки зрѣнія христіанства, указывая, между прочимъ, и на то, что древнерусскому народу тѣлесное наказаніе было чуждо, и что оно занесено къ намъ различными иноземцами. — Многіе гласные поддержали предложеніе предсѣдателя, и собраніе *единогласно* постановило возбудить ходатайство объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія крестьянъ, окончившихъ курсъ въ начальныхъ школахъ всѣхъ вѣдомствъ. — Это предложеніе уѣзднаго земства было прочитано въ засѣданіи 16 декабря 1895 года *губернскаго земскаго собранія*. Указавъ на то, что губернское земство уже дважды ходатайствовало по этому поводу, И. Т. Алисовъ полагаетъ, что земство можетъ снова поднять то же ходатайство. „Вопросъ объ этихъ ходатайствахъ по существу рѣшается въ комитетѣ министровъ, и можно снова возбудить ходатайство; и затѣмъ, получивъ опредѣленный отвѣтъ, въ случаѣ отказа, обжаловать его въ сенатъ, по примѣру другихъ земскихъ собраній, или принять какіе либо законные способы для защиты своего права на то, чтобы ходатайства доходили до высшаго правительства. Отмѣна тѣлеснаго наказанія является мѣстной нуждой, и „если такая нужда существуетъ и въ другихъ губерніяхъ, то это уже дѣло высшаго правительства признать ее общегосударственной нуждой“. Собраніе постановило возбудить ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для всѣхъ крестьянъ губерніи, окончившихъ курсъ во всѣхъ начальныхъ школахъ. — Въ 1897 г. въ октябрскомъ

засѣданіи Воронежское уѣздное собраніе снова постановило ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, но на этотъ разъ уже для всѣхъ лицъ уѣзда, такъ какъ тѣлесное наказаніе безполезно и кромѣ того унижаетъ человѣка и оскорбляетъ его достоинство, независимо отъ степени его образованія. (Рус. Вѣд. 1897. № 325).

Въ Екатеринославской губерніи весьма обстоятельную записку внесъ въ *Маріупольское* уѣздное земское собраніе уѣздный предводитель дворянства П. В. Каменскій. Заявивши себя свободнымъ „отъ тенденцій, отъ предвзятой точки зрѣнія", П. В. Каменскій основалъ „свои соображенія на мѣстныхъ условіяхъ уѣзда, изгоняющихъ розгу". Крестьяне Маріупольскаго уѣзда не представляютъ однородной массы, среди нихъ много лицъ съ высшимъ развитіемъ во всѣхъ отношеніяхъ, и вообще населеніе уѣзда, благодаря 25-лѣтней дѣятельности земства въ области народнаго образованія, оказывается болѣе развитымъ, болѣе культурнымъ. Для него тѣлесное наказаніе не такъ страшно по физической боли, какъ по психическимъ, нравственнымъ страданіямъ. Это наказаніе имѣетъ ту особенность, что, объективно оставаясь одной величиной, оно является неизмѣримо различной величиной, смотря по лицу, на которое падаетъ; для одного это—только острая физическая боль, а для другого „психическая пытка, разрушающая его душу". Для громаднаго большинства Маріупольцевъ розги будутъ имѣть второе значеніе и такимъ образомъ являются грубой несправедливостью—несоотвѣтствіемъ между проступкомъ и тяжестью наказанія, такъ какъ розги могутъ быть назначены за маловажные проступки, какъ-то: нанесеніе обиды на словахъ или письмѣ, прошеніе милостыни, нарушеніе общественной тишины. Въ виду такого состава населенія уѣзда земскіе начальники не утверждаютъ почти всѣ приговоры волостныхъ судовъ о тѣлесномъ наказаніи. Но этого недостаточно: лица могутъ перемѣниться, а важенъ порядокъ, основанный на законѣ, иначе населеніе постоянно остается подъ угрозой висящей розги. Что значитъ эта угроза, П. В. Каменскій доказываетъ прекраснымъ примѣромъ: „сдѣлаемъ невѣроятное предположеніе, допустимъ, что тѣлесное наказаніе по приговорамъ судовъ, распространяется на все населеніе нашего государства безъ различія сословій. Можно быть увѣреннымъ, что наши просвѣщенные суды, покорные духу времени, не могли бы произнести приговора о сѣченіи розгами. Тѣмъ не менѣе существованіе такого закона давило-бы насъ, какъ кошмаръ, причиняло всегдашнее безпокойствіе и было бы для насъ моральнымъ несчастіемъ". Въ заключеніе записки, П. В. Каменскій предлагаетъ

ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для населенія Маріупольскаго уѣзда. Уѣздная управа поддерживаетъ это предложеніе, выражающее „одно изъ задушевныхъ желаній населенія, чувствующаго себя постоянно подъ гнетущей угрозой отвратительной расправы,—этой нагой экзекуціи". Маріупольское собраніе въ засѣданіи 10 октября 1896 г. постановило *единогласно* возбудить предложенное ходатайство.—*Губернская управа* также поддержала это ходатайство, указывая на полную законность его, но предсѣдатель губернскаго собранія не допустилъ его до разсмотрѣнія. Маріупольское собраніе 1898 года [1]) обжаловало это постановленіе предсѣдателя, не имѣвшаго права снимать съ очереди предложенное ходатайство. Въ *Александровскомъ* уѣздномъ [2]) собраніи одинъ гласный, дѣлая обзоръ мѣръ для поднятія народнаго хозяйства, указалъ также на необходимость отмѣны тѣлесныхъ наказаній, но предсѣдатель остановилъ оратора, хотя его и поддержали нѣсколько гласныхъ.

Въ Казанской губерніи первое *Чистопольское* земство [3]) возбудило въ 1894 г. ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для всѣхъ крестьянъ. Это ходатайство, конечно, должно было пройти черезъ губернское собраніе, но Казанскій губернаторъ нашелъ, что Чистопольское собраніе вышло изъ круга своего вѣдомства, и предложилъ губернской управѣ не давать дальнѣйшаго хода этому постановленію уѣзднаго земства. Затѣмъ *Казанское уѣздное* земское собраніе въ засѣданіи 5 октября 1895 г., согласно предложенію одного гласнаго—члена училищнаго совѣта, *единогласно* постановило: ходатайствовать чрезъ губернское собраніе объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія лицъ, окончившихъ курсъ въ земскихъ начальныхъ школахъ. Однимъ изъ мотивовъ такого ходатайства было предположеніе, что эта льгота для кончившихъ курсъ усилитъ среди крестьянъ любовь къ грамотности и будетъ способствовать широкому распространенію образованія въ народѣ [4]). Это ходатайство было представлено на обсужденіе губернскаго собранія, но доложенъ ли этотъ вопросъ собранію, и какое состоялось постановленіе, мы не знаемъ.

Въ *Калужской губерніи*, *Козельское* и *Мещовское* уѣздныя земства въ осеннюю сессію 1895 г., согласно предложенію гласнаго Н. С. Кашкина, *единогласно* постановили возбудить ходатайство черезъ

---

[1]) Сынъ Отеч. 1898 № 291.

[2]) В. Семевскій. Необходимость отмѣны тѣлесныхъ наказаній. Рус. Мысль 1896. Мартъ. Стр. 62.

[3]) Саратовская Земская Недѣля № 13. 1895.

[4]) Семевскій, 1. с. стр. 62.

губернское собраніе объ избавленіи всѣхъ, получившихъ образованіе въ народныхъ начальныхъ школахъ всѣхъ наименованій въ Мещовскомъ и Козельскомъ уѣздахъ, отъ тѣлеснаго наказанія, „позорящаго нравственное достоинство человѣка, которое земство старается развить путемъ религіозно-нравственнаго образованія". Въ мотивировкѣ этихъ ходатайствъ указывается, что народное образованіе, благодаря заботамъ земства и стараніямъ самого населенія, быстро растетъ, а тѣлесное наказаніе является тормазомъ для развитія народа. Оба эти ходатайства въ губернскомъ собраніи, благодаря краткости сессіи, не были разсмотрѣны, какъ сообщила намъ объ этомъ губернская управа.

Въ Костромской губерніи настоящій вопросъ былъ возбужденъ двумя земствами. *Костромское уѣздное земское* собраніе [1]) постановило ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для окончившихъ начальную школу. Это постановленіе было опротестовано губернаторомъ на томъ основаніи, что данный вопросъ имѣетъ общегосударственное значеніе, и земство, по 2-й ст. Земскаго Положенія, не имѣетъ права ходатайствовать по подобнымъ вопросамъ. Этотъ протестъ былъ разсмотрѣнъ губернскимъ по земскимъ дѣламъ присутствіемъ; оно большинствомъ голосовъ признало, что уѣздное земство имѣло право возбудить ходатайство, и что ходатайства передъ правительствомъ, на основаніи рѣшеній сената, должны быть представляемы установленнымъ порядкомъ. *Губернское земское собраніе*, въ засѣданіи 16 января 1896 года, постановило возбудить болѣе общее ходатайство объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія лицъ по приговорамъ волостныхъ судовъ. Это ходатайство опять-таки было опротестовано губернаторомъ и передано имъ на разсмотрѣніе губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія. Послѣднее опредѣлило постановленіе губернскаго собранія отмѣнить, какъ незаконное, такъ какъ „возбужденный въ этомъ постановленіи вопросъ есть вопросъ общегосударственный, а не мѣстный, и притомъ онъ по существу своему не подходитъ ни подъ одинъ изъ разрядовъ дѣлъ, указанныхъ въ ст. 2 Полож. о земск. учрежд., которыя подлежатъ обсужденію земскихъ учрежденій, и по которымъ земскими собраніями могутъ быть возбуждаемы ходатайства, такъ какъ, очевидно, что законъ, предоставляя земскимъ собраніямъ ходатайствовать о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, разумѣетъ подъ этими пользами и нуждами тѣ, которыя касаются дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію земскихъ учрежденій". (Эта фраза, буквально списанная изъ докладовъ управы,

---

[1]) Саратовская Земская Недѣля 1895 г. № 45.

довольно темна). Губернское собраніе декабрьской сессіи 1896 г. не согласилось съ этимъ опредѣленіемъ присутствія. Гласный Н. А. Зузинъ разъяснилъ, что сенатъ недавно входилъ въ разсмотрѣніе существующаго порядка разсмотрѣнія и отклоненія земскихъ ходатайствъ, состоящаго въ томъ, что ходатайства эти направляются къ губернатору и, въ случаѣ его протеста, въ губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе, которое и можетъ отмѣнить постановленіе собранія. Этотъ порядокъ, какъ указывалъ Н. А. Зузинъ, сенатъ нашелъ несогласнымъ съ закономъ и разъяснилъ, что земскія ходатайства должны доходить до кульминаціоннаго пункта, назначеннаго для нихъ по закону, т. е. до комитета министровъ, который одинъ только и можетъ безапелляціонно рѣшать въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ земскія ходатайства. Собраніе согласилось съ предложеніемъ гласнаго Зузина и большинствомъ 33 противъ 1 постановило: уполномочить губернскую управу принести жалобу на опредѣленіе губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія.

Въ Курской губерніи починъ въ данномъ вопросѣ исходилъ отъ трехъ уѣздовъ, причемъ на уѣздныхъ собраніяхъ 1895 г. одинаковыя предложенія вносились различными лицами. *Суджанское собраніе* приняло предложеніе уѣзднаго училищнаго совѣта ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для окончившихъ курсъ въ земскихъ училищахъ. *Грайворонское собраніе* возбудило подобное же ходатайство и, между прочимъ, указало, что отмѣна тѣлеснаго наказанія для окончившихъ курсъ будетъ служить сильнѣйшимъ побудительнымъ мотивомъ къ окончанію курса. Въ *Старооскольскомъ собраніи* 6 октября 1895 года предложеніе объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія хотя бы для кончившихъ курсъ было возбуждено однимъ земскимъ начальникомъ отъ лица всѣхъ остальныхъ земскихъ начальниковъ, которые ни разу не утверждали приговоровъ волостныхъ судовъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ [1]). Это предложеніе было горячо поддержано гласными изъ крестьянъ и принято собраніемъ. Губернская управа представила докладъ объ этихъ постановленіяхъ *губернскому собранію*, и оно въ засѣданіи 20 декабря 1895 года постановило закрытой баллотировкой—возбудить ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для крестьянъ Курской губерніи. Въ 1898 году Щигровское собраніе [2]) постановило ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для лицъ, окончившихъ начальныя школы.

---

1) Рус. Вѣд. 1895 г. № 289.
2) Рус. Вѣд. 1898 г. № 229.

Въ Московской губерніи вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ поднимался неоднократно. Въ первый разъ въ губернскомъ земскомъ собраніи онъ обсуждался въ 1879 году въ чрезвычайную сессію при разборѣ доклада особой коммиссіи о волостныхъ судахъ (вечернее засѣданіе 19 іюня). Коммиссія предлагала изъ наказаній, которыми располагаетъ волостной судъ, совершенно исключить тѣлесныя, какъ „средство грубое и недостигающее цѣли". Это предложеніе вызвало очень продолжительныя пренія, причемъ гласные Васильчиковъ, Уваровъ, Мусинъ-Пушкинъ были за, а гласные Самарины, Шлиппе, Волковъ, Безобразовъ противъ предложенія коммиссіи и за сохраненіе тѣлеснаго наказанія. Главные мотивы послѣднихъ сводились къ слѣдующему. Нечѣмъ замѣнить тѣлесное наказаніе, такъ какъ арестъ не выполнимъ по отсутствію подходящихъ помѣщеній, и теперь это наказаніе ложится не на арестуемаго, а на тѣхъ, кто его кормитъ и караулитъ; штрафъ также уплачивается часто не самимъ виновнымъ, а его семьей, родителями. Общество, отвѣчающее за крестьянина круговой порукой, имѣетъ право наказывать его; къ этому гласный Волковъ (крестьянинъ) добавилъ, что теперь невозможно отмѣнить тѣлесное наказаніе, такъ какъ крестьяне настолько необразованы и дики, что не могутъ сознавать дурную сторону многого, дѣйствительно дурного, напр. пьянства, дракъ. „Скажите, что дѣлать крестьянамъ съ бобылемъ, который отправляется на заработки, ведетъ невоздержную жизнь, возвращается въ общество безъ денегъ и не платитъ оброка? Если его наказать, то на будущее время онъ будетъ остерегаться и будетъ беречь деньги". Много говорилось о томъ, что слѣдуетъ относиться съ уваженіемъ къ обычаямъ народной жизни и не прибѣгать къ „*нравственному произволу*" надъ крестьянами, которые такъ любятъ тѣлесное наказаніе, что, не смотря на воспрещеніе закономъ, продолжаютъ примѣнять самую грубую форму этихъ наказаній, а именно тѣлесныя наказанія къ женщинамъ. Противники тѣлеснаго наказанія эти факты беззаконнаго насилія надъ женщинами, а также наказанія и мужчинъ помимо суда по произволу старшинъ и старостъ приводили въ защиту своего взгляда, но приверженцы розги такъ *остроумно* (?) перевернули ихъ въ свою пользу. Случаи злоупотребленій тѣлеснымъ наказаніемъ и примѣненія его къ людямъ невиннымъ, но непріятнымъ для деревенскихъ властей; несправедливость порки человѣка, не имѣющаго денегъ для уплаты оброка; неразвитость волостныхъ судей, зависимость ихъ отъ старшины; невозможность *уважать* всякіе звѣрскіе и безнравственные обычаи народа и пр.,—все это приводилось противъ тѣлеснаго наказанія.

„Разъ волостной судъ смѣшиваетъ самыя обыденныя юридическія понятія, не различаетъ преднамѣреннаго отъ случайнаго, гражданскаго отъ уголовнаго, права отъ обязанности и т. д.,—дать ему возможность употреблять тѣлесныя наказанія, это все равно, что дать человѣку ножъ въ руки, когда онъ не можетъ располагать имъ“—высказалъ И. И. Мусинъ-Пушкинъ. Предложеніе коммиссіи объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія было отвергнуто большинствомъ голосовъ.

Вторично разбираемый вопросъ былъ поднятъ въ Московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи въ чрезвычайную сессію 1882 г. въ засѣданіяхъ 20—21 января при обсужденіи доклада коммиссіи о крестьянскомъ управленіи и судѣ. Гласный А. А. Оленинъ предложилъ собранію ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія и обосновалъ это предложеніе на слѣдующихъ соображеніяхъ. Тѣлесное наказаніе приноситъ громадный вредъ въ нравственномъ отношеніи, приравнивая человѣка къ скоту; выпоротый членъ или даже глава семьи лишается всякаго уваженія въ своей семьѣ, между тѣмъ какъ очень часто порютъ за невзносъ податей. Это наказаніе позорнѣе и унизительнѣе тюремнаго заключенія. Теперь многіе болѣе развитые и нравственные крестьяне сами высказываются противъ розогъ, но если бы даже крестьяне были за розги, то наша обязанность бороться съ этой дикостью и необразованностью. Пока тѣлесное наказаніе не будетъ уничтожено, нравственность крестьянъ не поднимется. *В. Ю. Скалонъ* заявилъ, что *Московское уѣздное* земское собраніе постановило ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія; онъ поддерживаетъ предложеніе А. А. Оленина. Опять возникли продолжительныя пренія, причемъ И. И. Мусинъ-Пушкинъ, Д. С. Сипягинъ и Н. Ф. Самаринъ говорили противъ, а В. Ю. Скалонъ, Н. П. Ланинъ, П. Д. Ахлестышевъ и С. А. Муромцевъ за ходатайство. Первые признавали тѣлесное наказаніе безнравственнымъ и позорнымъ, но всетаки представляли такія возраженія: нечѣмъ замѣнить тѣлесное наказаніе, такъ какъ при настоящихъ экономическихъ условіяхъ нельзя придумать равносильное наказаніе; тюрьма унизительна не менѣе розогъ; крестьяне не уполномочивали собраніе ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній; у нихъ есть выборъ въ назначеніи наказаній, и если они находятъ розги болѣе цѣлесообразными и достигающими цѣли, то „ставить себя въ роль ихъ учителей и неудобно, и нежелательно“. Опровергнуть такіе слабые доводы было очень нетрудно. Розги во всѣхъ отношеніяхъ являются нецѣлесообразными и непрактичными; такъ, напр., крестьянъ подъ видомъ пьянства и нерадѣнія о хозяйствѣ часто сѣкутъ за невзносъ податей, но вѣдь послѣ сѣченія они богаче не будутъ, а наоборотъ,

поротый крестьянинъ идетъ въ кабакъ заглушить свое горе и позоръ. Несправедливо оставлять розги привиллегіей одного крестьянства, и если онѣ такъ практичны, то ихъ слѣдуетъ примѣнять ко всѣмъ сословіямъ. Предполагается ввести всесословную волость и всѣхъ жителей подчинить одному общему начальству, и въ тоже время думаютъ для крестьянъ оставить особый судъ и особыя наказанія, это логическая несообразность: власть однородна, и мѣры должны быть однородны. Отмѣна болѣе страшныхъ тѣлесныхъ наказаній въ Россіи вовсе не повела къ увеличенію преступленій; смягченіе наказаній благотворно дѣйствуетъ на нравы и уменьшаетъ преступность; точно также изгнаніе розогъ изъ нашихъ школъ отозвалось очень хорошо на нашихъ сыновьяхъ и дочеряхъ: они стали нравственнѣе и впечатлительнѣе. Что касается замѣны тѣлеснаго наказанія, то подобные вопросы всегда поднимаются при уголовныхъ реформахъ: „если задумываться надъ этимъ, то навсегда нужно оставить пытку въ слѣдственныхъ дѣлахъ, ее нечѣмъ замѣнить. и всѣ нынѣшнія мѣры стоятъ ниже пытокъ; но никто не поднимается за сохраненіе этого гнуснаго средства“. Наконецъ, относительно полномочій не можетъ быть и рѣчи въ земскомъ собраніи... и „всетаки въ собраніи постоянно рѣшаютъ вопросы о крестьянскихъ интересахъ, не задаваясь вопросомъ о полномочіяхъ, почему же въ данномъ случаѣ ставятъ этотъ вопросъ“. Собраніе большинствомъ противъ 10 голосовъ постановило ходатайствовать передъ правительствомъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія.

Въ послѣдній разъ вопросъ о тѣлесномъ наказаніи былъ весьма неудачно поднятъ въ Московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, что мы узнаемъ изъ слѣдующей выписки изъ журнала 4 декабря 1895 года.—*Предсѣдатель.* Имѣю честь сообщить слѣдующее. Въ предпослѣднее засѣданіе губернскаго собранія *М. В. Духовской* представилъ мнѣ заявленіе о возбужденіи ходатайства передъ правительствомъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для жителей Московской губерніи. Заявленіе это было подписано въ собраніи *М. П. Щепкинымъ.* Признавая съ своей стороны, что этотъ вопросъ не входитъ въ предметъ вѣдѣнія губернскаго земства, я не считаю себя вправѣ допустить его на разсмотрѣніе и рѣшеніе собранія. Подавшіе заявленіе и остальные гласные оставили безъ протеста такое незаконное рѣшеніе предсѣдателя собранія.

Въ Нижегородскомъ губернскомъ земскомъ собраніи вопросъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія былъ возбужденъ запиской гласнаго *А. А. Савельева* и докладомъ управы; докладъ и записка были представлены въ XXX губернское собраніе, которое избрало особую коммиссію для разсмотрѣнія всѣхъ вопросовъ по народному

образованію, о которомъ шла рѣчь въ запискѣ и докладѣ. Такъ какъ въ нихъ предлагалась, какъ мѣра для поднятія умственнаго и нравственнаго уровня населенія, отмѣна тѣлеснаго наказанія, то коммиссія и внесла въ губернское собраніе слѣдующее предложеніе: „собраніе, выражая глубокое сочувствіе отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія вообще, возбуждаетъ ходатайство объ отмѣнѣ его для окончившихъ курсъ въ сельскихъ школахъ Нижегородской губерніи“. Это предложеніе и принято губернскимъ собраніемъ въ засѣданіи 4 декабря 1895 г., не смотря на протесты нѣкоторыхъ гласныхъ, что этотъ вопросъ внѣ компетенціи земства. Изъ мотивовъ для ходатайства коммиссія указала слѣдующіе: 1) статистическія данныя о приговорахъ къ розгамъ указываютъ, что въ населеніе губерніи все болѣе и болѣе проникаетъ сознаніе о безполезности этого наказанія; 2) тѣлесное наказаніе развращаетъ нравственно и такимъ образомъ ослабляетъ мѣры земства, направленныя къ умственному и нравственному развитію народа; 3) изъ молодежи наказанію розгами подлежатъ только пользующіеся по воинской повинности льготой 1-го разряда, такъ какъ, по закону, достаточно разъ быть на сборѣ, чтобы быть освобожденнымъ отъ розогъ; 4) отъ наказанія розгами освобождены всѣ наиболѣе порочные крестьяне, лишенные особыхъ правъ и преимуществъ и потому не подсудные волостнымъ судамъ; послѣднія двѣ причины, дѣйствительно, указываютъ, какъ неправильно и несправедливо поставлено дѣло тѣлесныхъ наказаній.

Въ Новгородскомъ земствѣ вопросъ о тѣлесномъ наказаніи постигла печальная участь. Губернская управа представила земскому собранію докладъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, но этотъ докладъ въ засѣданіи 13 января 1896 года былъ снятъ съ очереди, такъ какъ предсѣдатель собранія нашелъ этотъ вопросъ не подлежащимъ обсужденію собранія. Такое ограниченіе правъ земства со стороны предсѣдателя было найдено незаконнымъ нѣсколькими губернскими гласными, которые и представили приложенное къ журналу обстоятельно мотивированное особое мнѣніе. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ (пун. 14, ст. 63 изд. 1892 г.) возлагаетъ на земство обязанность ходатайствовать о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, а отмѣна тѣлеснаго наказанія является, по мнѣнію протестующихъ, одной изъ самыхъ настоятельныхъ нуждъ для Новгородской губерніи. Изъ приведенныхъ протестующими мотивовъ отмѣтимъ здѣсь только слѣдующіе: тѣлесное наказаніе, унижая человѣческое достоинство и укрѣпляя грубость нравовъ, дѣйствуетъ противоположно стараніямъ земства и задачѣ школы— поднять общій умственный и религіозно-нравственный уровень

населенія. Тѣлесное наказаніе, какъ карательная мѣра, нецѣлесообразно, и вмѣсто исправленія можетъ вызвать озлобленіе и даже недовольство существующимъ порядкомъ. Наконецъ, въ крестьянскихъ семьяхъ имѣются члены, изъятые по закону отъ тѣлеснаго наказанія, какъ, напр., запасные нижніе чины, бывшіе ученики сельско-хозяйственной школы, почему результатомъ наказанія является нежелательный семейный разладъ и подрывъ авторитета главы семейства, не изъятаго отъ наказанія.

Относительно *Пензенскаго земства* докторъ П. Е. Гавриловъ сообщаетъ намъ, что вопросъ о тѣлесномъ наказаніи поднимался въ *Пензенскомъ уѣздномъ* земскомъ собраніи 1895 года губернскимъ предводителемъ дворянства. Однако, по совѣщанію съ предсѣдателемъ собранія, онъ не сдѣлалъ никакого опредѣленнаго предложенія и отложилъ его до предстоящаго губернскаго собранія. На губернскомъ же собраніи 1895 и 1896 гг. этотъ вопросъ вовсе не возбуждался.

Въ Пермской губерніи настоящій вопросъ прошелъ довольно бурно. VI съѣздъ Пермскихъ земскихъ врачей, согласно предложенію женщины-врача Е. П. Серебренниковой, постановилъ просить губернское собраніе ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Въ предложеніи Е. П. Серебренниковой указывалось, что тѣлесное наказаніе, помимо его позорящей стороны и нецѣлесообразности, имѣетъ массу вредныхъ сторонъ и въ санитарномъ отношеніи: разстройство психики, нанесеніе травмъ и возможное зараженіе ихъ, мгновенная смерть у страдающихъ болѣзнями сердца и сосудовъ и др. Это постановленіе съѣзда не было губернской управой внесено на разсмотрѣніе губернскаго собранія, но собраніе послѣ горячихъ преній, по предложенію В. В. Ковалевскаго, признало, что управа не имѣла основаній не внести въ докладъ собранію ходатайство съѣзда врачей объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Затѣмъ губернская управа поставила этотъ вопросъ въ списокъ для разсмотрѣнія въ XXVIII чрезвычайномъ губернскомъ собраніи 1896 г., но министръ внутреннихъ дѣлъ разрѣшилъ созывъ собранія и всѣ перечисленные управой вопросы, кромѣ доклада объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія... Собраніе постановило отложить разсмотрѣніе ходатайства объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія до очередной сессіи. XXVIII очередное собраніе не успѣло разсмотрѣть этотъ вопросъ по недостатку времени. Онъ снова былъ внесенъ въ перечень вопросовъ на чрезвычайное собраніе и на этотъ разъ былъ разрѣшенъ министромъ. Когда этотъ вопросъ былъ доложенъ собранію, то предсѣдатель, ссылаясь на общеимперское значеніе подобнаго ходатайства, снялъ его съ очереди. Тогда гласный В. В.

Грибель указалъ на рѣшеніе сената по подобному ходатайству Тамбовскаго земства, и, признавая необходимымъ обсужденіе ходатайства, остался при особомъ мнѣніи и на осн. 197—198 ст. т. II общ. губ. учр. рѣшилъ обжаловать распоряженіе предсѣдателя.—*Екатеринбургская* земская управа, докладывая о постановленіяхъ съѣзда, предлагала высказаться за возбужденіе ходатайства объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Но предсѣдатель собранія, въ засѣданіи 11 октября 1896 г. XXVII уѣзднаго собранія заявилъ, что этотъ вопросъ не подлежитъ вѣдѣнію земства, и потому не допустилъ разсматривать его, но затѣмъ добавилъ: „чтобы успокоить собраніе, я, какъ предсѣдатель съѣзда, могу удостовѣрить, что за время моей здѣсь службы—около года—я убѣдился, что эта тяжелая мѣра взысканія примѣняется только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ“.

Полтавское земство совершенно своеобразно доказало весь позоръ тѣлеснаго наказанія и необходимость отмѣны его. Въ нѣкоторыхъ частяхъ этой губерніи вредъ тѣлеснаго наказанія признанъ давно, и полтавцы были изъ первыхъ земствъ, ходатайствовавшихъ объ отмѣнѣ розогъ. Еще въ началѣ 80-хъ годовъ *Константиноградское* земское собраніе постановило ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Губернаторъ опротестовалъ это постановленіе, но сенатъ въ указѣ отъ 31 мая 1884 г. № 7616 разъяснилъ, что это постановленіе собранія относится къ такимъ постановленіямъ, которыя, безъ надлежащаго утвержденія ихъ не вызываютъ какихъ-либо опредѣленныхъ дѣйствій или распоряженій, а потому ходатайство Константиноградскаго земства не подлежитъ опротестованію и должно быть представлено въ подлежащее министерство (правител. распоряж. по земскимъ дѣламъ, т. XII, стр. 239 — 241). — Затѣмъ въ 1895 г. въ очередныхъ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ *Золотоношскаго*, *Лохвицкаго*, *Полтавскаго и Хорольскаго* уѣздовъ было возбуждено однородное ходатайство объ освобожденіи отъ тѣлесныхъ наказаній лицъ, окончившихъ курсъ въ народныхъ училищахъ. Въ Хорольскомъ земствѣ постановленіе сдѣлано по весьма обстоятельному докладу уѣздной управы, причемъ 4 гласныхъ подали особое мнѣніе, что этотъ вопросъ не подлежитъ обсужденію земства. Въ остальныхъ трехъ земствахъ вопросъ о ходатайствѣ былъ возбужденъ ревизіонной или коммиссіей по народному образованію (интересна маленькая подробность: гласный Б. М. Мусманъ былъ въ той Золотоношской коммиссіи, которая возбудила ходатайство, и тотъ-же Мусманъ въ губернскомъ собраніи говорилъ противъ ходатайства). Мотивы для ходатайства въ общемъ таковы: 1) школа

возвышаетъ умственный и нравственный уровень учащихся, почему справедливо освободить ихъ отъ позорнаго наказанія; 2) родители не будутъ брать изъ школы своихъ дѣтей до окончанія курса; 3) сельскія общества позаботятся объ увеличеніи числа школъ; 4) благодаря несовершенству волостныхъ судовъ можетъ подвергнуться тѣлесному наказанію, а слѣд. и лишенію навсегда права участія въ общественныхъ дѣлахъ, лицо, способное, по своему развитію, оказать благопріятное вліяніе на окружающую среду.— *Полтавская губернская управа* предложила собранію поддержать это ходатайство, распространивъ его на всю губернію, „принимая во вниманіе сравнительно высокій умственный и нравственный уровень ея населенія“ (по степени распространенности тѣлесныхъ наказаній Полтавская губернія занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ ряду другихъ губерній). Въ Полтавскомъ губернскомъ земскомъ собраніи 4 декабря 1895 года возникли по этому поводу интересныя пренія, и состоялись два постановленія. Противъ ходатайства говорили двое, Г. Н. Навроцкій и Б. М. Мусманъ (см. журналы XXXI Полтавскаго губ. собранія). Считаемъ необходимымъ вкратцѣ привести возраженія этихъ гласныхъ. Земство не вправѣ обсуждать этотъ общегосударственный вопросъ, такъ какъ ходатайство объ уничтоженіи одного наказанія нарушитъ (?) стройность и цѣлесообразность всей системы наказаній, которая создалась при участіи опытнѣйшихъ юристовъ и извѣстныхъ ученыхъ. Несправедливо освобождать грамотнаго отъ тѣлеснаго наказанія за тотъ проступокъ, за который порютъ неграмотнаго сосѣда; напротивъ, по нашему законодательству, образованіе и высшее положеніе увеличиваютъ мѣру наказанія (почему же этотъ гласный ради послѣдовательности не высказался за розги для дворянъ и кончившихъ курсъ въ университетѣ?). Примѣненіемъ тѣлеснаго наказанія теперь нельзя злоупотреблять, такъ какъ приговоры волостныхъ судовъ контролируются земскими начальниками—нашими лучшими людьми (но вѣдь и земскіе начальники—люди, и рядъ фактовъ показываетъ, что есть среди нихъ лица не безъ крупныхъ изъяновъ!). „Всякая мать скорѣе согласится, чтобы ея сына высѣкли, чѣмъ посадили въ тюрьму, которая есть высшая школа разврата и мошенничества“. „Для мужика лишеніе свободы ровно ничего„: подъ арестомъ онъ сидитъ, „его поятъ, кормятъ и ему, въ особенности зимою, больше ничего не нужно“ (?!). Далѣе слѣдуютъ крокодиловы слезы о вредѣ либеральныхъ шестидесятыхъ годовъ, „уронившихъ“ народъ: онъ избаловался, сталъ лѣнивъ, не хочетъ работать. И въ заключеніе слезная просьба къ собранію: „прошу васъ, господа, пожалѣйте народъ, не увлекайтесь модными

идеями; не посылайте народа въ тюрьму, не лишайте его тѣлеснаго наказанія". Не смотря на эти мольбы, собраніе большинствомъ 36 голосовъ противъ 26 при открытой подачѣ голосовъ принимаетъ предложеніе управы о ходатайствѣ... Тогда раздаются голоса о закрытой баллотировкѣ, которая, по заявленію гл. М. А. Эристова, необходима, такъ какъ „здѣсь есть, можетъ быть, гласные, которые стѣсняются высказать свое мнѣніе открыто". Это заявленіе положительно превосходно и указываетъ, насколько позорно тѣлесное наказаніе, что гласные открыто не рѣшаются высказаться за его сохраненіе. Собраніе высказалось за закрытую баллотировку, и большинствомъ 36 шаровъ противъ 26 постановило ходатайства объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія не возбуждать. Повторяемъ, такую баллотировку Полтавскаго собранія мы считаемъ лучшимъ доказательствомъ всей омерзительности розогъ: гласные, почему-то стоящіе за розги, за исключеніемъ двухъ, не рѣшаются говорить открыто за это наказаніе, а предпочитаютъ играть въ темноту. Стало-быть, есть что-то такое ужасное, безобразное въ тѣлесномъ наказаніи, что бѣдные Полтавцы рѣшаются лгать т. е. при открытомъ голосованіи баллотировать противъ своихъ убѣжденій! Вотъ гдѣ нужно поднятіе умственнаго и нравственнаго уровня!

Въ Псковской губерніи, по сообщенію губернской управы, ходатайство возбуждено двумя уѣздами. *Новоржевское* и *Опочецкое* уѣздныя собранія сессіи 1895 года возбудили вопросъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для лицъ, окончившихъ курсъ въ народныхъ школахъ. При обсужденіи этихъ постановленій, *губернское собраніе* 9 декабря 1895 г. возбудило два ходатайства: первое объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для окончившихъ курсъ въ народныхъ школахъ, и вытекающее изъ него второе—объ отмѣнѣ этого наказанія для всего крестьянскаго населенія губерніи. Главными мотивами указаны слѣдующіе: тѣлесное наказаніе не оправдывается никакими доводами и не имѣетъ за собой не только исторической заслуги, но даже историческаго происхожденія и появляется на сцену только въ періоды упадка и огрубѣнія общества, въ періоды-же интеллектуальной общественной работы оно постоянно возмущало лучшую часть общества, не имѣя надлежащихъ основъ въ человѣческой природѣ и идя въ разрѣзъ съ понятіями о нравственности, гуманности и христіанствѣ, которыя не допускаютъ тѣлеснаго наказанія. Розги не исправляютъ человѣка, а ожесточаютъ или приводятъ его къ отчаянію, апатіи къ жизни и труду, почему изъ хорошаго хозяина работника дѣлается человѣкъ, на все махнувшій рукой и запускающій свое хозяйство. „Личность деморали-

зованная, угнетенная и забитая не можетъ быть хорошимъ гражданиномъ, имѣющимъ понятіе о долгѣ по отношенію государства и общества, и является самой ненадежной платежной единицей". Особенно тягостно и позорно это наказаніе для грамотной крестьянской молодежи, но, „имѣя въ виду семейныя отношенія и сложившіяся вѣками понятія русскаго человѣка, можно смѣло сказать, что тѣлесное наказаніе отца или брата будетъ принято, какъ позорящее оскорбленіе всего семейства, а слѣд. и грамотныхъ членовъ его, почему отмѣна тѣлеснаго наказанія своевременна и необходима не только для грамотныхъ, но и неграмотныхъ".

Въ Рязанской губерніи, какъ сообщаетъ губернская управа, вопросъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія поднимался два раза, въ различные періоды. Въ 1885—86 г. *Рязанское уѣздное* земское собраніе постановило ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія черезъ губернское собраніе. Но губернская управа въ своемъ докладѣ находила это предложеніе несвоевременнымъ, такъ какъ всѣ подобныя ходатайства остаются безуспѣшными; губернское собраніе согласилось съ мнѣніемъ управы и отклонило ходатайство уѣзднаго собранія. Въ послѣдніе годы предложеніе ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія поступило съ двухъ сторонъ. Въ XXX губернское собраніе подобное предложеніе было внесено предсѣдателемъ Касимовской уѣздной земской управы П. А. Оленинымъ, но обсужденіе этого вопроса отложено до слѣдующей сессіи. Затѣмъ XXXI *Егорьевское* уѣздное собраніе, согласно предложенію гл. Тихановскаго, въ засѣданіи 20 октября 1895 года постановило ходатайствовать объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія крестьянъ, окончившихъ курсъ въ народныхъ школахъ.—Гласный *П. А. Оленинъ* въ губернскомъ собраніи 18 января 1896 г. снова повторилъ свое предложеніе, но только въ болѣе широкомъ смыслѣ, а именно ходатайствовать о совершенной отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Онъ находитъ, что тѣлесное наказаніе низводитъ человѣка на степень животнаго, позорно для подвергающихся ему и унизительно для примѣняющихъ его. Будучи примѣняемо къ одному сословію, оно несправедливо, и къ тому-же возможны случаи неправильнаго примѣненія наказанія. Наконецъ, розги и нецѣлесообразны: для человѣка потеряннаго онѣ не страшны, а дорожащаго своимъ достоинствомъ доводятъ до отчаянія или до потери стыда. *Губернская управа* въ своемъ докладѣ поддержала эти ходатайства, но въ смыслѣ исключенія тѣлеснаго наказанія вообще для всѣхъ. Губернское собраніе, не смотря на протестъ одного земскаго начальника, приняло письменной баллотировкой докладъ управы—ходатайствовать о полномъ прекращеніи тѣлеснаго наказанія.

Въ Самарской губерніи ходатайство исходило отъ *Новоузенскаго земства.* Новоузенское земское собраніе въ засѣданіи 8 декабря 1895 г. приняло предложеніе гласнаго Г. П. Агапова: въ виду вреднаго вліянія розги на народную нравственность, присоединиться къ ходатайствамъ другихъ земствъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для лицъ, окончившихъ курсъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ. *Губернская управа* поддержала это ходатайство и внесла подобное предложеніе на разсмотрѣніе губернскаго собранія, но предсѣдатель собранія нашелъ, что этотъ вопросъ „о существующихъ въ государствѣ наказаніяхъ“ не подлежитъ вѣдѣнію земскихъ учрежденій, и не допустилъ его до обсужденія собранія.

С.-Петербургское земство было одно изъ первыхъ, признавшихъ необходимость отмѣны тѣлеснаго наказанія; оно дважды высказывалось по этому поводу. Въ засѣданіи 28 января 1882 года губернское собраніе разсматривало докладъ коммиссіи, избранной для изслѣдованія условій, имѣющихъ вредное вліяніе на экономическое положеніе населенія губерніи. Большинство гласныхъ находило, что если бы даже всѣ крестьяне поголовно были за сохраненіе тѣлеснаго наказанія, то и тогда слѣдовало-бы ходатайствовать объ отмѣнѣ его для поднятія нравственнаго, а черезъ то и экономическаго уровня крестьянства. На самомъ-же дѣлѣ многіе крестьяне живо чувствуютъ позоръ этого наказанія, постоянно тяготятся мыслью о возможности подвергнуться ему и изъ-за этого переходятъ въ другія сословія. Если арестъ раззоряетъ семью, то тѣлесное наказаніе отца роняетъ его нравственное достоинство и авторитетъ въ глазахъ семьи (а слѣд. опять-таки раззоряетъ семью). На основаніи такихъ соображеній губернское собраніе большинствомъ 29 противъ трехъ постановило возбудить ходатайство объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.

Въ засѣданіи Петербургскаго губернскаго земскаго собранія 26 января 1895 г. снова состоялось постановленіе ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія по приговорамъ волостныхъ судовъ для всѣхъ тѣхъ жителей губерніи, которые до сихъ поръ соотвѣтственными узаконеніями не освобождены отъ этого наказанія. Для редакціи этого ходатайства избрана особая коммиссія изъ гласныхъ К. К. Арсеньева, П. А. Корфа и М. М. Стасюлевича. Изъ этой редакціи мы узнаемъ, что губернскіе гласные члены училищнаго совѣта предложили ходатайствовать, если не о полномъ прекращеніи тѣлеснаго наказанія, то объ отмѣнѣ этого наказанія для окончившихъ курсъ въ начальныхъ школахъ, такъ какъ эта мѣра послужила бы сильнымъ стимуломъ для распространенія народнаго образованія и къ усиленнымъ пожертвованіямъ на него. Но гу-

бернское собраніе нашло болѣе правильнымъ возбудить ходатайство относительно всѣхъ не освобожденныхъ отъ этого наказанія, такъ какъ соображенія, приведенныя при такомъ же ходатайствѣ 13 лѣтъ тому назадъ, получили еще большую силу. 13 лѣтъ прошли не безслѣдно: усиленное открытіе народныхъ школъ и непрерывное распространеніе грамотности способствовали поднятію умственнаго и нравственнаго уровня, что неразрывно связано съ усиленіемъ воспріимчивости къ позорному наказанію. Было-бы несправедливо освободить отъ него только кончившихъ курсъ, потому что облагораживающее вліяніе школы испытали на себѣ и тѣ многочисленные мальчики, которые взяты изъ школы до окончанія курса, иногда наканунѣ экзамена вслѣдствіе бѣдности родителей или нужды въ дѣтскомъ трудѣ. „Всѣ, учившіеся въ школѣ, независимо отъ окончанія или неокончанія курса, вносятъ въ свою среду болѣе свѣтлые взгляды и теплыя чувства, не остающіеся безъ дѣйствія на ихъ родителей и старшихъ родственниковъ. Они читаютъ у себя дома вслухъ евангеліе и библію, пользуются школьными библіотеками, часто употребляютъ свои скудныя сбереженія на покупку книгъ, слѣдятъ иногда за „Сельскимъ Вѣстникомъ" и, поддерживая такимъ образомъ въ самихъ себѣ пріобрѣтенные въ школѣ навыки, пріобщаютъ къ нимъ, въ большей или меньшей степени, и всѣхъ окружающихъ, дѣлая ихъ участниками благодѣяній школы. Изъятіе отъ тѣлеснаго наказанія окончившаго курсъ въ начальной школѣ, вполнѣ справедливое и цѣлесообразное само по себѣ, было-бы поэтому несправедливо по отношенію къ остальной массѣ сельскаго населенія Петербургской губерніи. Сыновья не могли-бы оцѣнить, какъ слѣдуетъ, дарованную имъ льготу, если бы она не была въ то же время распространена на ихъ отцовъ". (Эта прекрасная аргументація Петербургскаго земства ясно доказываетъ, какъ ошибочно поступали тѣ собранія, которыя ходатайствовали объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній только для окончившихъ курсъ въ школахъ). Въ дальнѣйшихъ мотивахъ Петербургскаго земства говорится, что отмѣна тѣлесныхъ наказаній послужитъ новымъ источникомъ смягченія нравовъ и явится естественнымъ продолженіемъ длиннаго ряда гуманныхъ мѣръ въ нашей уголовно-карательной системѣ: отмѣна кнута, плетей, шпицрутеновъ, клеймъ, отмѣна тѣлесныхъ наказаній для ссыльно-каторжныхъ женщинъ и, наконецъ, учрежденіе контроля земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ надъ примѣненіемъ тѣлеснаго наказанія по приговорамъ волостныхъ судовъ. Отмѣна этихъ наказаній вовсе не вела къ увеличенію преступности, ни къ затрудненіямъ въ замѣнѣ этихъ наказаній; особенно легка замѣна тѣлесныхъ наказаній, налагае-

мыхъ по приговорамъ волостныхъ судовъ, такъ какъ способъ замѣны подробно опредѣленъ временными правилами о волостныхъ судахъ (ст. 29, 41 и 42, 12 іюля 1889 г.), и онъ часто практикуется земскими начальниками. „Нельзя, однако, признать, чтобы въ правѣ замѣны тѣлеснаго наказанія, принадлежащемъ земскому начальнику, заключалась достаточная гарантія противъ примѣненія его къ такимъ проступкамъ и такимъ лицамъ, къ которымъ оно, по мысли законодателя, въ настоящее время примѣняемо быть не должно. Многое зависитъ здѣсь отъ личныхъ взглядовъ земскаго начальника, до крайности разнообразныхъ; въ однихъ участкахъ тѣлесное наказаніе не допускается почти никогда, въ другихъ же, рядомъ, встрѣчается довольно часто. При такомъ положеніи дѣла никто изъ лицъ, неизъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что не подвергнется ему по обвиненію въ сравнительно маловажномъ и во всякомъ случаѣ не позорящемъ проступкѣ; никто изъ нихъ не можетъ считать себя огражденнымъ и отъ злоупотребленій, напр. отъ обвиненій неосновательныхъ, отъ давленія на волостной судъ тѣхъ или другихъ мѣстныхъ вліяній, отъ преждевременнаго исполненія приговора и т. п. Обезпечить личное достоинство крестьянина противъ нарушенія, по самому своему существу невознаградимаго, можетъ только законъ, отмѣняющій тѣлесное наказаніе, а крестьянство С.-Петербургской губерніи, по глубокому убѣжденію собранія, достигло той степени развитія, при которой подобное обезпеченіе является существенно важнымъ“. Въ заключеніе собраніе ходатайствовало объ отмѣнѣ во „Временныхъ правилахъ о волостномъ судѣ 1889 г.“, пункта 4, ст. 33 и о соотвѣтствующемъ измѣненіи стоящихъ съ нею въ связи статей для населенія С.-Петербургской губерніи. На это представленіе со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ былъ полученъ отрицательный отвѣтъ. Но такъ какъ на основаніи п. 14 ст. 26 т. I, ч. II Св. Зак. изд. 1892 г. представленія министровъ объ оставленіи безъ послѣдствій ходатайствъ губернскихъ собраній подлежатъ разрѣшенію комитета министровъ, чего въ данномъ случаѣ соблюдено не было, то губернское собраніе сессіи 1896 г. постановило, чтобы вышеуказанное ходатайство было передано на усмотрѣніе комитета министровъ. На это вторичное ходатайство, какъ и въ остальныхъ земствахъ, отвѣта еще не получено.

Въ Саратовской губерніи постановленія уѣздныхъ земствъ не дошли до губернскаго собранія. *Царицинское* [1]) уѣздное земское собраніе, согласно предложенію гласнаго В. Ф. Лятошинскаго, по-

---

[1]) Рус. Вѣд. № 324, 1896 г.

становило ходатайствовать объ избавленіи отъ тѣлесныхъ наказаній бывшихъ учениковъ начальныхъ школъ, но губернаторъ и затѣмъ губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе опротестовали это постановленіе, какъ выходящее изъ предѣловъ земской компетенціи. Слѣдующее земское собраніе рѣшило обжаловать этотъ протестъ въ правительствующій сенатъ. *Въ Саратовскомъ уѣздѣ* [1]) этотъ вопросъ возбуждался дважды. Сдѣланное однимъ гласнымъ въ собраніи 1895 г. предложеніе возбудить ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для кончившихъ курсъ въ сельскихъ школахъ, не было допущено до обсужденія председателемъ собранія. Тогда въ засѣданіи 19 ноября 1896 г. въ Саратовскомъ уѣздномъ собраніи [2]) снова былъ поднятъ тотъ-же вопросъ гласнымъ Н. О. Никольскимъ, причемъ при обсужденіи этого предложенія возникли очень интересныя пренія. Указавъ на всѣ заботы и расходы уѣзднаго земства на распространеніе народнаго образованія, Н. О. Никольскій полагаетъ, что всѣ земскія старанія до извѣстной степени подрываются 26 темными пятнами въ уѣздѣ—волостными правленіями, которыя своими приговорами къ тѣлесному наказанію дѣйствуютъ обратно школѣ, деморализируютъ и убиваютъ человѣческое достоинство въ людяхъ. Гласные изъ крестьянъ въ земскомъ собраніи равноправны съ остальными, а внѣ собранія могутъ быть подвергнуты позорной варварской поркѣ розгами. Необходимо ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для всѣхъ крестьянъ. Замѣчаніе предсѣдателя собранія, что едва-ли это ходатайство будетъ пропущено администраціей, Н. О. Никольскій опровергаетъ ссылкой на указъ сената отъ 17 сентября (см. ниже), который установилъ право земствъ на подобныя ходатайства. Изъ двухъ гласныхъ крестьянъ, говорившихъ по этому вопросу, одинъ высказался за, другой противъ розогъ. Первый гласный Володинъ говоритъ, что если запретить розгу, то въ деревнѣ нельзя будетъ жить: пойдутъ ломать амбары, уводить лошадей; эта острастка нужна. Второй гласный Мирошниковъ доказываетъ, что теперь въ деревнѣ страшное неравноправіе: мѣщане и крестьяне живутъ въ деревнѣ при однихъ условіяхъ, но крестьянъ порютъ, а мѣщанъ нѣтъ. Нужно розги отмѣнить для всѣхъ, а если этого нельзя, то не слѣдуетъ дѣлать исключеній и для другихъ сословій. Земскій начальникъ Гриммъ также говоритъ противъ розогъ, такъ какъ и безъ нихъ земскіе начальники своей сильной административной властью могутъ поддерживать порядокъ. Въ уѣздѣ прежде розги примѣнялись часто, а теперь земскіе начальники почти изгнали ихъ и дѣло

[1]) В. Семевскій. L. c., стр. 62.

[2]) Рус. Вѣд. 1896, № 325.

идетъ лучше. Гл. Никольскій снова говоритъ, что если земскіе начальники изгоняютъ розгу, то значитъ сама жизнь этого требуетъ, но нельзя это наказаніе оставлять въ зависимости отъ личности земскаго начальника, нужно уничтожить его законодательнымъ путемъ. Возражая гласному Володину и обращаясь къ остальнымъ гласнымъ изъ крестьянъ, гл. Никольскій сказалъ: „за розгу стоитъ старикъ, переживш1й крѣпостное право и воспитанный въ дореформенныхъ традиціяхъ; такимъ-то людямъ законъ и ввѣряетъ ужасное право—сѣчь другихъ. Розга не спасетъ васъ, крестьянъ, отъ порочныхъ членовъ; берегитесь именно тѣхъ, кого вы выпороли: ему ужъ не страшны ни замки, ни тюрьма, ему мѣсто за Ураломъ... Другими мѣрами слѣдуетъ воспитывать населеніе, и земство избрало эти мѣры воспитанія народа". Собраніе *единогласно* постановило ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для всѣхъ крестьянъ Саратовскаго уѣзда. Въ 1897 г. въ засѣданіи 6 октября *Саратовское* уѣздное собраніе снова единогласно возбудило ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для всѣхъ крестьянъ уѣзда, мотивируя это ходатайство между прочимъ тѣмъ, что существованіемъ этого позорнаго наказанія парализуются всѣ мѣропріятія и дѣлаются безполезными затраты земства на народное образованіе. (Рус. Вѣд. 1897 г. № 281).

Въ Симбирской губерніи ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для окончившихъ курсъ въ начальныхъ школахъ было возбуждено *Ардатовскимъ* уѣзднымъ земскимъ собраніемъ въ 1895 г. По докладѣ этого ходатайства *губернскому собранію*, предсѣдатель собранія заявилъ, что этотъ вопросъ имѣетъ общегосударственное значеніе и не подлежитъ вѣдѣнію земства. Въ Симбирской же губерніи нашлось единственное въ Россіи земство, которое высказалось за розги. А именно *Сенгилеевское* [1]) уѣздное собраніе возбудило ходатайство о примѣненіи розогъ. Это ходатайство было предложено земскимъ начальникомъ, поддержано всѣми остальными земскими начальниками-гласными и гласными изъ крестьянъ. Что крестьяне вовсе не были за розгу на самомъ дѣлѣ, а дѣйствовали подъ давленіемъ земскихъ начальниковъ, это гласный Поповъ, сообщившій объ этомъ постановленіи, доказывалъ слѣдующимъ фактомъ. Когда въ томъ же собраніи земскіе начальники, получающіе отъ казны разъѣздныхъ по 600 р., просили разрѣшить имъ безплатно пользоваться земскими лошадьми, то раздалось большинство голосовъ: „разрѣшить... разрѣшить"; при закрытой же баллотировкѣ большинство высказалось противъ разрѣшенія.

---

[1]) Саратовская Земская Недѣля 1895 г., № 48.

Въ Смоленскомъ земствѣ изслѣдуемый вопросъ былъ возбужденъ въ губернскомъ собраніи въ сессію 1894 г. запиской гласнаго К. И. Ровинскаго, предложившаго возбудить ходатайство объ отмѣнѣ для крестьянскаго населенія тѣлеснаго наказанія по приговорамъ волостныхъ судовъ. Эта записка была передана на предварительное обсужденіе редакціонной коммиссіи. Въ своей запискѣ К. И. Ровинскій довольно обстоятельно соединяетъ всѣ тѣ мотивы, которые приводились въ ходатайствахъ другихъ земствъ, но есть нѣкоторые мотивы новые или носящіе мѣстный характеръ; приведемъ ихъ здѣсь вкратцѣ. Тѣлесное наказаніе является, по общему мнѣнію ученыхъ криминалистовъ и представителей судебной власти, наказаніемъ не только жестокимъ и крайне позорнымъ, но и неудобнымъ, безполезнымъ и несправедливымъ. Несправедливо оно потому, что ему подвергается только одно крестьянское сословіе, а также и потому, что подвергнутый розгамъ лишается права занимать общественныя и почетныя должности. Не даромъ оно создаетъ озлобленныхъ личностей или доводитъ ихъ до отчаянія и самоубійства. Мало того: самое наказаніе розгами поставлено внѣ контроля, ни одинъ изъ администраторовъ не присутствуетъ при экзекуціи, и розги въ рукахъ усердныхъ исполнителей могутъ быть истязаніемъ, которое запрещается закономъ даже относительно животныхъ. (Въ самомъ дѣлѣ, какое вопіющее противорѣчіе: развѣ можно вызвать состраданіе къ животнымъ въ людяхъ, которые приговариваютъ къ истязанію и приводятъ въ исполненіе это истязаніе надъ другими людьми?) Развѣ можетъ „въ крестьянской средѣ послѣдовать смягченіе нравовъ, развиться уваженіе къ личности, исчезнуть грубость и самодурство, когда съ провинившимся крестьяниномъ грубо расправляются въ волостномъ правленіи, сѣкутъ иногда на глазахъ сосѣдей и даже при помощи ихъ, такъ какъ нерѣдко волостной старшина приказываетъ крестьянамъ помочь сторожамъ, которые не могутъ справиться съ сѣкомымъ, оказывающимъ сопротивленіе, а иногда даже въ присутствіи его собственныхъ и чужихъ дѣтей, такъ какъ нерѣдко школы расположены рядомъ съ волостными правленіями?“ Теперь почти вездѣ народъ считаетъ высѣченнаго опозореннымъ, и только въ глухихъ мѣстахъ, гдѣ народъ особенно неразвитъ и грубъ, крестьяне довольно спокойно относятся къ розгамъ, „предпочитая даже иногда, по экономическимъ соображеніямъ, *отсѣчься*, чѣмъ сидѣть подъ арестомъ или платить штрафъ. Эти факты весьма грустны и свидѣтельствуютъ только о томъ, что существованіе въ теченіе весьма долгаго времени тѣлеснаго наказанія, при полной необразованности, окончательно убило въ крестьянскомъ населеніи нѣкоторыхъ

мѣстностей чувство чести". Въ подтверждение этого авторъ записки приводитъ глубоко справедливыя слова юриста Росси: „если въ обществѣ развито нравственное достоинство, то оно изгоняетъ сѣченнаго изъ своей среды, и это послужитъ ему препятствіемъ для снисканія пропитанія своимъ трудомъ, сдѣлаетъ изъ него врага общества на вѣки. Но подобная страна еще счастлива. Хуже тамъ, гдѣ только-что высѣченный принимается въ прежнее общество, гдѣ наказанному стоитъ только отряхнуться, чтобы изгладить послѣдствія наказанія, — *это свидѣтельствуетъ о грубости народа, объ его отсталости*". Тѣлесное наказаніе должно быть отмѣнено для народа по тѣмъ же мотивамъ, по которымъ оно отмѣнено самимъ правительствомъ для воинскихъ чиновъ — „возвысить нравственный духъ". По мнѣнію закона, контроль земскихъ начальниковъ служитъ „достаточной гарантіей правильности примѣненія тѣлеснаго наказанія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, такъ какъ названныя лица не будутъ допускать исполненія его надъ такими лицами, для коихъ наказаніе это, по ихъ развитію и занимаемому ими положенію, представлялось бы *слишкомъ тяжелымъ*". Но этотъ контроль не достигаетъ цѣли: съ одной стороны земскій начальникъ не знаетъ близко всѣхъ крестьянъ, для которыхъ наказаніе розгами будетъ *слишкомъ тяжелымъ*, а съ другой стороны есть такіе земскіе начальники, которые вслѣдствіе *принципіальныхъ взглядовъ* безусловно утверждаютъ всѣ приговоры волостныхъ судовъ о розгахъ, не разбирая ни лицъ, ни положеній и пр. Подобный примѣръ земскаго начальника въ Смоленской губ. извѣстенъ автору записки; но есть и обратные примѣры: нѣкоторые земскіе начальники de facto совсѣмъ упразднили розги въ своемъ участкѣ.

Редакціонная коммиссія согласилась съ авторомъ записки и внесла въ собраніе предложеніе объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для всѣхъ крестьянъ. Въ засѣданіи 17 декабря былъ прочитанъ докладъ коммиссіи, и собраніе согласилось съ нимъ громаднымъ большинствомъ голосовъ противъ семи. Эти 7 гласныхъ подписались подъ поданнымъ ими отдѣльнымъ мнѣніемъ, въ которомъ, а также и въ преніяхъ, они за тѣлесное наказаніе привели слѣдующіе мотивы: 1) народъ нашъ еще очень грубъ и неразвитъ, и дикіе инстинкты нѣкоторыхъ испорченныхъ могутъ сдерживаться только страхомъ тѣлеснаго наказанія, такъ что, ходатайствуя объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, „мы заботимся о безопасности именно этихъ негодяевъ и забываемъ невинныя жертвы ихъ произвола"; 2) „введеніе тѣлеснаго наказанія было встрѣчено самими крестьянами сочувственно"; 3) наказаніе тогда отвѣчаетъ своему назначенію, когда оно падаетъ только на виновныхъ, а не на лицъ, къ про-

ступку непричастныхъ,—таково тѣлесное наказанiе; штрафъ-же и арестъ служатъ наказанiемъ не для одного виновнаго, но и для его семьи, лишая ее денежныхъ средствъ при штрафѣ или заработка арестованнаго (почему послѣдовательности ради не предложить розги и для дворянъ, такъ какъ и ихъ семьи иногда еще больше страдаютъ матерiально отъ ареста своихъ членовъ?). Отдѣльное мнѣнiе заканчивается патетическими словами: „въ заботахъ о нравственныхъ интересахъ правонарушителей, весьма, конечно, похвальныхъ и желательныхъ, забываютъ про жертвы преступленiя, ихъ человѣческое достоинство и поруганную честь (интересный аргументъ: для возстановленiя чести одного нужно надругаться надъ другимъ)... Лучшее будущее для нашего народа, намъ думается, скорѣе наступитъ, когда мы на первый планъ будемъ ставить интересы трудящейся лучшей части народа, а не его отбросовъ“.

Слѣдующему XXXI Смоленскому губернскому земскому собранiю управа представила докладъ, въ которомъ приводится отвѣтъ министра на ходатайство, и новое ходатайство *Гжатскаго* собранiя. Въ послѣднемъ собранiи предводитель дворянства заявилъ, что, въ виду распространенiя грамотности и развитiя Гжатскаго населенiя, тѣлесное наказанiе не только безполезно, но даже вредно, и предложилъ ходатайствовать объ отмѣнѣ этого наказанiя для всѣхъ крестьянъ Гжатскаго уѣзда, что уѣзднымъ собранiемъ и принято *единогласно*.—Отвѣтъ министра на прошлогоднее подобное ходатайство губернскаго собранiя былъ отрицательный, такъ какъ возбужденный земствомъ вопросъ имѣетъ общегосударственное значенiе и выходитъ изъ предметовъ вѣдѣнiя, предоставленныхъ по закону земскимъ учрежденiямъ.—Сообщая объ этомъ, губернская управа предложила возбудить вновь ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанiя для всѣхъ крестьянъ губернiи съ тѣмъ, чтобы это ходатайство было представлено, согласно утвержденному 7 iюля 1867 г. положенiю комитета министровъ, на заключенiе этого комитета. Собранiе въ засѣданiи 13 января 1896 г. *единогласно* приняло это предложенiе управы.

Таврическая губернская управа сообщаетъ, что въ этомъ земствѣ не возбуждалось ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанiя, такъ какъ обсужденiе этого вопроса въ одной изъ сессiй губернскаго собранiя встрѣтило препятствiя внѣшняго характера. Но отношенiе этого земства къ розгамъ вполнѣ опредѣленное и сходное съ остальными земствами. Такъ Таврическое губернское земское собранiе [1]) еще въ 1880 году ходатайствовало о воспрещенiи наказанiя

[1]) В. Семевскiй. L. c. стр. 58.

розгами по приговорамъ волостныхъ судовъ, и Таврическая губернская управа въ своемъ отвѣтѣ въ Кохановскую коммиссію безусловно высказалась за отмѣну тѣлеснаго наказанія: „трудно защищать наказаніе, убивающее въ человѣкѣ чувство чести и нравственнаго достоинства и не достигающее даже и цѣли устрашенія, если только оно не обращено въ истязаніе". Впрочемъ, не смотря на выше указанное препятствіе „внѣшняго характера", *Симферопольское* уѣздное земство [1]) и въ настоящее время высказалось противъ розги при обсужденіи запроса министерства земледѣлія о мѣрахъ, необходимыхъ для развитія экономическихъ силъ страны и сельскаго хозяйства въ частности. Кромѣ другихъ мѣръ, это собраніе находитъ необходимымъ въ интересахъ сельскаго хозяйства отмѣнить тѣлесное наказаніе, такъ какъ „порка" является важнымъ тормазомъ для развитія этого хозяйства. По мнѣнію собранія: „благодаря существованію этого наказанія, изъ селеній уходятъ въ города и даже переходятъ въ другія состоянія всѣ тѣ грамотные крестьяне, которые сознаютъ свое человѣческое достоинство и всю нравственную тяжесть гибельнаго тѣлеснаго наказанія; въ деревняхъ у плуга остаются тѣ неграмотные крестьяне, которые почти вовсе не сознаютъ этого человѣческаго достоинства. Этотъ контингентъ землепашцевъ совершенно безучастно относится къ разнымъ улучшеніямъ и нововведеніямъ въ сельскомъ хозяйствѣ и слѣд. на поднятіе сельскаго хозяйства при ихъ помощи трудно разсчитывать".

Ходатайство *Тамбовскаго земства* особенно интересно по процессуальному веденію дѣла. Въ губернское собраніе, въ засѣданіи 14 декабря 1894 г., поступило заявленіе отъ 17 гласныхъ, которые, въ видахъ поднятія нравственнаго уровня населенія, предложили возбудить ходатайство объ освобожденіи навсегда отъ тѣлеснаго наказанія всѣхъ, получившихъ установленное свидѣтельство объ окончаніи курса въ народныхъ школахъ. Эта мѣра послужитъ поощреніемъ къ распространенію народнаго образованія и къ окончанію учениками курса. Одинъ изъ гласныхъ пытался доказать, что земство некомпетентно говорить объ этомъ, но предсѣдатель собранія въ отличіе отъ многихъ другихъ нашелъ подобное ходатайство вполнѣ законнымъ, и собраніе приняло предложеніе о ходатайствѣ. Тамбовскій губернаторъ, разсмотрѣвъ постановленія собранія, увѣдомилъ управу, что онъ считаетъ это ходатайство выходящимъ изъ круга вѣдѣнія земства и не подлежащимъ дальнѣйшему движенію. Но затѣмъ черезъ три мѣсяца губернаторъ

---

[1]) Саратовская Земская Недѣля 1895, № 48.

вторично увѣдомилъ управу, что онъ представлялъ это ходатайство въ министерство внутреннихъ дѣлъ и получилъ отвѣтъ, который и препровождаетъ въ управу. Въ этомъ отвѣтѣ говорится, что „значеніе земскихъ учрежденій должно быть строго мѣстное, касаться лишь предметовъ, предоставленныхъ ихъ управленію, исключительно съ точки зрѣнія той территоріальной единицы (губернія и уѣздъ), на которую распространяется ихъ сфера дѣйствій, и потому всякое постановленіе или ходатайство, хотя-бы и относящееся до предметовъ земскаго вѣдѣнія, но имѣющее своей цѣлью установленіе порядка внѣ предѣловъ упомянутой территоріи или затрогивающее интересы всего государства, не можетъ почитаться законнымъ. Въ законѣ (ст. 193 т. II общ. губ. учреж. изд. 1892 г.) прямо выражено, что постановленія, относящіяся къ предметамъ, не подлежащимъ вѣдѣнію собранія, или, по содержанію своему, превышающія предоставленныя ему права, не подлежатъ, какъ противныя законамъ и потому недѣйствительныя, ни исполненію, ни дальнѣйшему производству“. Поэтому, безъ разсмотрѣнія сущности дѣла, ходатайство оставлено министромъ безъ разсмотрѣнія. Все это дѣло вторично разсматривалось Тамбовскимъ губернскимъ собраніемъ въ засѣданіяхъ 1 и 4 декабря 1895 года, причемъ было постановлено согласиться съ мнѣніемъ коммиссіи, а именно, во избѣжаніе впредь подобныхъ столкновеній, представить на дѣйствія губернатора жалобу въ сенатъ и изложить дѣло какъ со стороны формальнаго порядка, такъ и по существу. Коммиссія, а вмѣстѣ съ ней и собраніе нашли, что губернаторъ, отмѣняя своей властью прошлогоднее постановленіе, дѣйствовалъ неправильно; по положенію 12 іюня 1890 г. губернатору не предоставлено право отмѣнять постановленія земства своей собственной властью, а онъ долженъ передать ихъ на разсмотрѣніе въ губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе, почему и необходимо обжаловать дѣйствія губернатора. Переходя къ разсмотрѣнію вопроса по существу, достаточно сказать, что мотивы, приведенные въ отвѣтѣ министра, неправильны. Дѣйствительно, законъ представляетъ земству ходатайствовать о своихъ мѣстныхъ нуждахъ и пользахъ, но вѣдь *губернія и уѣздъ не оторванные клочки русской земли, не имѣющіе ничего общаго съ остальнымъ государствомъ*, и всякая мѣстная нужда будетъ болѣе или менѣе общей. Тамбовское и многія другія земства ходатайствовали часто по такимъ вопросамъ, которые требовали измѣненія закона, и эти ходатайства не признавались незаконными. Такъ Тамбовское земство ходатайствовало объ учрежденіи министерства земледѣлія, объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей устава крестьянскаго банка, о запреще-

нія вывоза за границу хлѣба и проч., а въ этомъ году представитель министерства Тамбовскій губернаторъ самъ предложилъ губернскому собранію ходатайствовать объ измѣненіи продовольственнаго устава, т. е. общаго закона для всей имперіи. Такимъ образомъ, и ходатайство земства объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія вполнѣ законно. Съ постановленіемъ собранія—принести жалобу на губернатора, не согласились 5 гласныхъ, которые подали особое мнѣніе. — Декабрьскому собранію 1896 года губернской управой былъ представленъ докладъ, содержащій указъ сената по поводу жалобы собранія и ходатайство Тамбовскаго уѣзднаго земства. Указъ сената отъ 17 сентября 1896 г. гласитъ слѣдующее: „Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, правительствующій сенатъ находитъ, что ст. 192 и 193 общ. губ. учр. т. II св. зак. изд. 1892 г. постановляется общимъ правиломъ, что постановленіе земскаго собранія, несогласное съ закономъ, либо относящееся къ предметамъ, не подлежащимъ вѣдѣнію собранія, или по содержанію своему превышающее предоставленныя земству права, признается недѣйствительнымъ и не подлежащимъ дальнѣйшему исполненію и производству. Для того, чтобы выяснить при какихъ условіяхъ и какими учрежденіями постановленія земскаго собранія могутъ быть признаваемы недѣйствительными и, слѣдовательно, не подлежащими дальнѣйшему исполненію и производству, слѣдуетъ обратиться къ разсмотрѣнію статей пол. о зем. учр. 12 іюня 1890 г., опредѣляющихъ порядокъ обсужденія и направленія дѣлъ, возбуждаемыхъ постановленіями земскихъ собраній. Согласно подлежащимъ на сей предметъ статьямъ пол. о зем. учреж. (ст. 82—85, 86 и прим. къ оной, 87—89 и 104), постановленія земскихъ собраній относительно порядка разсмотрѣнія, опредѣленія ихъ законности и направленія самого дѣла, раздѣляются на 4 разряда: постановленія, утверждаемыя губернаторомъ или министромъ внутреннихъ дѣлъ, постановленія, не требующія таковаго утвержденія и приводящіяся въ дѣйствіе при неопротестованіи ихъ губернаторомъ въ двухнедѣльный срокъ со дня полученія сихъ постановленій, и постановленія, заключающія въ себѣ тѣ или другія ходатайства земствъ предъ высшимъ правительствомъ. Постановленія земскихъ собраній, требующія утвержденія административной власти, признаются несостоявшимися при отказѣ въ таковомъ утвержденіи со стороны губернскихъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствій или министра внутреннихъ дѣлъ; постановленія, не требующія упомянутаго утвержденія,—также постановленіями губернскихъ присутствій, а въ случаѣ обжалованія оныхъ земскими собраніями, рѣшеніями правительствующаго сената. Что же касается

ходатайствъ земствъ предъ высшимъ правительствомъ, то направленіе ихъ опредѣляется особымъ порядкомъ: каждое таковое ходатайство губернаторъ обязанъ направлять, со своимъ заключеніемъ, въ подлежащее министерство, за симъ, согласно п. 14 ст. 23 учр. ком. мин. т. I св. зак. изд. 1892 г., объ оставленіи безъ послѣдствій ходатайствъ губернскихъ земскихъ собраній, министръ обязанъ представлять комитету министровъ. Такимъ образомъ относительно неуважительности ходатайствъ земствъ по тѣмъ или другимъ причинамъ, какъ губернаторы, такъ и министры даютъ только свои заключенія, признаніе же постановленія земскаго собранія о томъ или другомъ ходатайствѣ передъ правительствомъ недѣйствительнымъ и не подлежащимъ исполненію и дальнѣйшему производству, зависитъ отъ усмотрѣнія комитета министровъ. Признавая, въ виду изложенныхъ соображеній, распоряженіе Тамбовскаго губернатора о признаніи собственною властью недѣйствительнымъ и не подлежащимъ исполненію и дальнѣйшему производству постановленіе Тамбовскаго губернскаго земскаго собранія о возбужденіи предъ правительствомъ ходатайства объ освобожденіи кончившихъ курсъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ учениковъ отъ тѣлеснаго наказанія, не имѣющимъ законныхъ основаній, правительствующій сенатъ опредѣляетъ: таковое отмѣнить, предписавъ губернатору направить настоящее дѣло въ установленномъ закономъ порядкѣ. О чемъ для надлежащаго исполненія и объявленія Тамбовской губернской земской управѣ, а равно въ разрѣшеніе рапорта за № 615, Тамбовскому губернатору послать указъ, каковымъ увѣдомить и министра внутреннихъ дѣлъ".

Та же исторія повторилась и съ *Тамбовскимъ уѣзднымъ* земскимъ собраніемъ; оно, въ засѣданіи 8 октября 1895 г., согласно предложенію предсѣдателя собранія—предводителя дворянства В. М. Петрово-Соловово, постановило ходатайствовать объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія лицъ, окончившихъ курсъ въ школахъ уѣзда. Это постановленіе собранія было опротестовано губернаторомъ. Тогда экстренное уѣздное собраніе 12 февраля 1896 г. обжаловало распоряженіе губернатора въ сенатъ, который и прислалъ такой же указъ, что и губернскому земству.

Наконецъ, губернское собраніе въ засѣданіи 7 декабря 1896 г., ознакомившись съ докладомъ управы и указомъ сената, постановило согласовать оба ходатайства губернскаго и уѣзднаго собранія объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для окончившихъ курсъ и дать имъ законное движеніе.

Въ *Тверской губерніи* разбираемый вопросъ поднимался два раза. Въ засѣданіи губернскаго собранія 14 декабря 1889 г. глас-

ный М. И. Петрункевичъ, въ виду предстоящей реформы мѣстнаго управленія, внесъ предложеніе ходатайствовать объ избавленіи отъ тѣлеснаго наказанія лицъ, окончившихъ курсъ въ начальныхъ школахъ. Гл. Ф. И. Родичевъ находитъ, что это наказаніе одинаково позорно для всѣхъ, почему и предлагаетъ ходатайствовать о безусловной отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для всего населенія. Собраніе безъ возраженій приняло послѣднее предложеніе. Тверской губернаторъ опротестовалъ это постановленіе, какъ выходящее изъ предѣловъ вѣдѣнія земскихъ учрежденій. Слѣдующее губернское собраніе въ засѣданіи 10 декабря 1890 г. разсматривало заключеніе редакціонной коммиссіи по этому протесту, и послѣ продолжительныхъ преній согласилось съ мнѣніемъ коммиссіи, что протестъ губернатора неправильный, и потому постановило дать ходатайству дальнѣйшій ходъ. Между прочимъ, свое рѣшеніе собраніе основало на указѣ сената отъ 31 мая 1884 г., въ которомъ признанъ неправильнымъ протестъ губернатора по такому же ходатайству Константиноградскаго земства (см. Полтавскую губернію). Одинъ изъ гласныхъ, доказывавшихъ необходимость отмѣны розогъ, опровергалъ „любовь крестьянъ къ розгамъ“ и указалъ на такой фактъ, что одинъ крестьянинъ, будучи приговоренъ къ розгамъ, оказалъ сопротивленіе и былъ уже приговоренъ къ высшему наказанію—къ аресту. Добившись этого болѣе строгаго наказанія, онъ заявилъ, что для того и сопротивлялся, чтобы избавиться отъ розогъ. Снова поднятъ этотъ вопросъ въ 1895 г. *Новоторжскимъ* земскимъ собраніемъ, которое постановило ходатайствовать объ освобожденіи населенія уѣзда отъ тѣлеснаго наказанія. Однако, предсѣдатель губернскаго собранія въ засѣданіи 11 декабря 1895 г. исключилъ изъ программы занятій собранія докладъ губернской управы по этому вопросу. Въ 1897 г. въ *Бѣжецкомъ* уѣздномъ собраніи гласный И. И. Ревякинъ предложилъ возбудить ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія въ уѣздѣ; это предложеніе было поддержано собраніемъ, но предсѣдатель собранія Н. И. Хрущевъ прекратилъ дальнѣйше обсужденіе этого вопроса (Рус. Вѣд. 1897 г. № 291).

Въ *Уфимской* губерніи вопросъ былъ поднятъ *Стерлитамакскимъ* земскимъ собраніемъ, которое въ засѣданіи 15 октября 1895 г., согласно предложенію гласнаго В. В. Ушакова, постановило: въ видахъ привлеченія большаго числа учащихся въ школы ходатайствовать объ избавленіи отъ тѣлеснаго наказанія лицъ, кончившихъ курсъ въ начальныхъ училищахъ. *Губернская управа* въ своемъ докладѣ поддерживаетъ предложеніе Стерлитамакскаго собранія, указываетъ на тѣ мотивы, которые приводились въ другихъ зем-

ствахъ, но, между прочимъ, отмѣчаетъ и одну мѣстную причину, говорящую за особую важность отмѣны тѣлеснаго наказанія для Уфимской губерніи. Эта губернія, благодаря своимъ бытовымъ и естественно-историческимъ условіямъ,—рѣдкость населенія, пестрый составъ его, удаленность отъ центровъ страны, недостатокъ хорошихъ путей сообщенія,—очень отстала въ дѣлѣ народнаго образованія отъ центральныхъ губерній, и сельское населеніе еще не сознаетъ въ желаемой степени пользу школы. Если теперь многіе крестьяне, желая избавиться отъ возможности подвергнуться тѣлесному наказанію, переходятъ въ другія сословія, то школа, избавляющая отъ этого наказанія, пріобрѣтетъ въ ихъ глазахъ особое значеніе. Кромѣ развитія народа, школа въ Уфимской губерніи является могучимъ орудіемъ къ сліянію съ русскимъ народомъ массы обитающихъ инородцевъ, почему для привлеченія ихъ въ школы необходимы всѣ способы.—*Губернское собраніе* въ засѣданіи 8 декабря 1895 г. согласилось съ докладомъ управы и постановило ходатайствовать объ избавленіи отъ тѣлеснаго наказанія крестьянъ, окончившихъ курсъ въ народныхъ училищахъ.

Въ Херсонскомъ земствѣ вопросъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія поднимался неоднократно. *Елисаветградское* собраніе еще въ сессію 1872 г. въ засѣданіи 19 сентября приняло докладъ училищной коммиссіи, восьмымъ пунктомъ котораго предлагалось: „просить у правительства крестьянъ, окончившихъ съ успѣхомъ образованіе въ сельской школѣ, освободить отъ тѣлеснаго наказанія и предоставить имъ какія либо права при поступленіи на службу". Въ 1881 г. то же собраніе утвердило записку гл. Н. А. Бошняка по вопросу объ улучшеніи мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій; въ этой запискѣ 12 пунктъ редактированъ такъ: „наказаніе розгами, какъ наказаніе унижающее и развращающее, должно быть отмѣнено". По тому же самому поводу высказалось и *Одесское уѣздное* собраніе, принявши предложеніе управы о представленіи правительству относительно необходимости уничтоженія тѣлеснаго наказанія вообще. Губернская управа поддержала предложеніе обоихъ уѣздныхъ земствъ, и оно было принято *губернскимъ собраніемъ* 1881 года.

Затѣмъ въ послѣднее время этотъ вопросъ снова былъ поднятъ *Елисаветградскимъ* земствомъ въ сессію 1895 г. Въ это собраніе было представлено прекрасно мотивированное письменное предложеніе гл. П. А. Зеленаго. Опуская тѣ мотивы, которые приведены уже въ предложеніяхъ другихъ земствъ, мы отмѣтимъ нѣкоторыя особенности этого предложенія. Авторъ приводитъ мнѣнія врачебныхъ обществъ о вредѣ тѣлеснаго наказанія, что подтверждается

и недавно опубликованными случаями самоубійства и сумасшествія отъ розогъ. Печать, за исключеніемъ двухъ органовъ, всегда высказывалась противъ розогъ. Славянофилы уже давно говорили противъ нихъ, и К. Аксаковъ („Русь" № 5 1883 г.) обращалъ вниманіе, что „древняя Русь не знала тѣлеснаго наказанія; въ ней грубая сила являлась, какъ случайность, но никогда, какъ законъ. Тѣлесное наказаніе —подарокъ татарскій". Оффиціальные и духовные органы также высказываются противъ тѣлеснаго наказанія, таковы: „Церковный Вѣстникъ", считающій шпицрутены, кнутъ и пр. наслѣдіемъ нѣмцевъ и татаръ и находящій, что пора отмѣнить совсѣмъ это позорное, противорѣчащее христіанству наказаніе; „Курскія Губернскія Вѣдомости" считаютъ розги „крайне несовершенною исправительною мѣрою", которая „на крестьянина, въ существѣ порядочнаго, дѣйствуетъ крайне удручающимъ образомъ: позоръ, наносимый ему, остается на всю жизнь; позоръ этотъ раздѣляетъ и семья, такъ какъ дѣтей человѣка, подпавшаго такому наказанію, сверстники не преминутъ подвергнуть осмѣянію: „твой батька, молъ, поротый!" По компетентному заявленію этого оффиціальнаго органа, бываютъ случаи, что къ розгамъ за сравнительно маловажные проступки приговариваются люди въ зрѣломъ возрастѣ, хорошіе домохозяева, отцы взрослыхъ дѣтей. Громадное большинство земствъ неоднократно высказывалось за отмѣну розогъ. Гл. Зеленый особенно останавливается на интересныхъ преніяхъ въ Чистопольскомъ собраніи. Гласный городской голова Бургеръ задалъ такой вопросъ: какъ согласовать заботы земства о народномъ образованіи съ позорнымъ наказаніемъ? „При настоящихъ условіяхъ могутъ произойти слѣдующія ненормальныя явленія: въ читальнѣ, учрежденной при волостномъ правленіи, можетъ ожидать своей очереди, чтобы подвергнуться позорной экзекуціи, грамотный крестьянинъ, и въ ожиданіи читать сочиненіе какого нибудь писателя, въ которомъ его научаютъ уважать человѣческое достоинство, даютъ понятіе о томъ, что такое есть доброе имя, а черезъ минуту... все это будетъ попрано, и человѣкъ будетъ опозоренъ на всю жизнь, иногда за легкомысленный поступокъ". Въ томъ же собраніи гласный крестьянинъ Васянинъ говорилъ, что розги въ деревнѣ часто примѣняются *совершенно зря* и противъ безусловно порядочныхъ людей. При той власти, какой пользуются въ деревнѣ старшина и писарь, часто бываютъ и такіе случаи, что старшина или другіе мѣстные воротилы подводятъ подъ розги лицъ непріятныхъ имъ, чтобы не допустить ихъ до общественныхъ должностей и избавить себя отъ конкуррентовъ. Наконецъ, приводя списокъ лицъ, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія,

гласный Зеленый указалъ, что ученики народныхъ школъ, вѣроятно, только вслѣдствіе пропуска не попали въ этотъ списокъ, такъ какъ программа этихъ школъ нисколько не ниже программы освобожденной отъ наказаній школы дома воспитанія бѣдныхъ. Въ заключеніе гл. Зеленый предложилъ два ходатайства: 1) объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для окончившихъ курсъ во всѣхъ народныхъ школахъ и 2) объ отмѣнѣ пункта 4-го 33 ст., второй половины 34 ст. и соотвѣтственной редакціи 36 ст. временныхъ правилъ о волостномъ судѣ. Къ этому предложенію Елисаветградская уѣздная управа отъ себя привела историческія справки о подобныхъ ходатайствахъ въ 1872 и 1881 гг.; если земство уже 25 лѣтъ тому назадъ находило необходимымъ отмѣнить тѣлесное наказаніе, то теперь, въ виду широкаго распространенія народнаго образованія, подобное ходатайство безусловно необходимо. По прочтеніи записки гл. Зеленаго въ собраніи, предсѣдатель заявилъ, что онъ можетъ допустить къ обсужденію только первую часть предложенія, почему собраніе, ограниченное въ своихъ правахъ предсѣдателемъ, и постановило ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для всѣхъ окончившихъ курсъ во всѣхъ народныхъ школахъ. Херсонская губернская управа въ своемъ докладѣ собранію поддержала это ходатайство Елисаветградскаго земства, и *губернское собраніе* въ засѣданіи 20 ноября 1895 г. постановило единогласно возбудить указанное ходатайство.

Въ *Черниговскомъ* земствѣ вопросъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія разработанъ очень подробно; онъ разсматривался неоднократно въ губернскомъ земствѣ и почти во всѣхъ уѣздныхъ. Въ первый разъ губернская управа представила собранію 1892 года прекрасно мотивированный докладъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для окончившихъ народныя училища. Кромѣ соображеній, приведенныхъ другими земствами, Черниговская управа указала, что само правительство постоянно стремится къ ограниченію тѣлесныхъ наказаній посредствомъ изъятія отъ него цѣлаго ряда лицъ по должности и по образованію. Желая еще болѣе ограничить примѣненіе тѣлеснаго наказанія, законъ поставилъ его подъ контроль земскихъ начальниковъ. Этой тенденціи правительства соотвѣтствуютъ и желанія земствъ, которыя уже съ начала 80-хъ годовъ начали ходатайствовать о полной отмѣнѣ этого наказанія. Однимъ словомъ, необходимость отмѣны розогъ вполнѣ назрѣла. Характерно, что и сторонники тѣлеснаго наказанія никогда не одобряли его въ принципѣ, признавали его нежелательность и всю унизительность для человѣческаго достоинства, а въ защиту его приводили: „народъ привыкъ къ тѣлесному наказанію и самъ хочетъ, чтобы его

сѣкли“, невозможность замѣнить розги другими наказаніями, грубость, дикость и необразованность крестьянъ, „розги не болѣе безнравственны, чѣмъ тюрьма“, и наконецъ „необходимость уваженія къ обычаямъ народной жизни“. Всѣ эти доводы, по мнѣнію управы, вполнѣ неосновательны; начать съ того, что народъ привыкъ къ многому дурному, и вовсе не слѣдуетъ, что эти привычки слѣдуетъ сохранять, особенно если онѣ, какъ напр., розги поддерживаютъ ту дикость, на которую жалуются защитники розги. Странно также слышать по поводу розогъ объ уваженіи къ народнымъ обычаямъ, когда эти сторонники уваженія народа являются сторонниками крайней опеки надъ народомъ, и къ другимъ его обычаямъ, болѣе почтеннымъ, относятся безъ всякаго уваженія. И наконецъ, вовсе не доказано, что народъ любитъ розги. Ни жизнь, ни наука не говорятъ въ пользу розги. Далѣе управа приводитъ рядъ соображеній противъ тѣлеснаго наказанія изъ „Элементарнаго учебника уголовнаго права“ проф. Кистяковскаго. Достаточно привести слѣдующія ссылки: „Подъ тѣлеснымъ наказаніемъ разумѣются способы причиненія мученія тѣлу человѣка; тѣлесныя наказанія имѣютъ тождественное происхожденіе со смертной казнью: они были вызваны къ жизни тѣми-же чувствами злобы, мести и устрашенія, которыя создали смертную казнь во всѣхъ ея видахъ“. „Тѣлесныя наказанія имѣютъ огрубляющее и развращающее вліяніе на духъ народный. Они укрѣпляютъ привычку къ физическому насилію, освящая его примѣромъ: менѣе развитая умственно часть народа, видя употребленіе побоевъ и истязаній именемъ закона, остается при впечатлѣніяхъ и мысляхъ о состоятельности и умѣстности грубыхъ насилій надъ тѣломъ своихъ близкихъ“. Отвергая всякую цѣлесообразность розогъ, что приведено въ мнѣніяхъ другихъ земствъ, проф. Кистяковскій опровергаетъ и экономическое оправданіе розогъ: „не должно забывать, что увѣковѣченіе грубости посредствомъ удержанія тѣлесныхъ наказаній можетъ причинить большой, хотя и невидимый вредъ всей нравственности народной. Кому неизвѣстно, что возвышеніе нравственнаго достоинства человѣка есть лучшій рычагъ улучшенія экономическаго быта народа“. Затѣмъ, сдѣлавъ ссылку на указъ сената отъ 31 мая 1884 г. № 7616, Черниговская управа находитъ, что ходатайство объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній хотя-бы для окончившихъ курсъ въ народныхъ школахъ вполнѣ своевременно, законно и соотвѣтствуетъ мѣстнымъ нуждамъ губерніи. Но предсѣдатель губернскаго собранія въ 1892 г. не допустилъ обсуждать вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, ссылаясь на указъ сената 14 марта 1873 г. № 7332. Рѣшеніе предсѣдателя оспаривалось 12 гласными, подавшими особое мнѣніе, въ которомъ

они указывали на позднѣйшее, вполнѣ ясное рѣшеніе сената 31 мая 1884 г. по поводу такого-же ходатайства Константиноградскаго земства; разъ губернаторы не имѣютъ основаній опротестовывать подобныя ходатайства, „то еще менѣе естественно было предсѣдателю собранія, его представителю, налагать veto на самое обсужденіе вопроса“.

Въ губернскомъ собраніи 1894 г. вопросъ снова былъ возбужденъ докладомъ губернской управы, которая воспроизвела свой докладъ собранію 1892 г. съ слѣдующимъ дополненіемъ. Нѣсколько учителей подали въ губернскую управу заявленіе, въ которомъ они указывали на необходимость освободить учившихся отъ тѣлеснаго наказанія, иначе „школа ставитъ своихъ питомцевъ въ ложное положеніе, возвышая ихъ человѣческое достоинство и тѣмъ невольно способствуя особенной горечи и чувствительности тѣлеснаго наказанія, въ случаѣ примѣненія его къ такимъ бывшимъ ея питомцамъ“.

Губернская управа передала это заявленіе на разсмотрѣніе уѣздныхъ собраній, изъ которыхъ 8 категорически высказались за поддержаніе ходатайства (Черниговское уѣздное, Борзенское, Козелецкое, Конотопское, Кролевецкое, Мглинское, Остерское и Сосницкое); одно Суражское воздержалось отъ подачи мнѣнія, и 6—Городницкое, Глуховское, Новозыбковское, Новгородсѣверское, Нѣжинское и Стародубское собранія, за позднимъ полученіемъ запроса губ. управы, не успѣли обсудить ходатайства объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для окончившихъ курсъ. Приводя сводку постановленій уѣздныхъ собраній, губернская управа на этотъ разъ шире и правильнѣе взглянула на дѣло, чѣмъ въ предыдущемъ своемъ докладѣ 1892 г. Принимая во вниманіе, что розги составляютъ предметъ ужаса и позора не только для грамотнаго, но и для неграмотнаго, которому также присуще чувство личнаго достоинства, и что не задача земства—учрежденія безсословнаго—создавать какой-то новый полу-привилегированный классъ населенія, изъятаго отъ розогъ, губернская управа предлагаетъ ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для всѣхъ, кто до сихъ поръ не освобожденъ. Въ подтвержденіе необходимости этой мѣры управа приводитъ мнѣнія врачебныхъ обществъ, печати, различныхъ ученыхъ учрежденій и ходатайства нѣсколькихъ губернскихъ собраній. Это предложеніе губернская управа и внесла въ XXX губернское земское собраніе 1895 г., которое въ засѣданіи 1 февраля и приняло слѣдующее осторожное заключеніе коммиссіи: „крупныя законодательныя измѣненія совершаются путемъ весьма труднымъ и медленнымъ. Много и много времени должно пройдти прежде, чѣмъ

составится непреложное убѣжденіе, что извѣстный законъ устарѣлъ и не соотвѣтствуетъ современному росту постоянно прогрессирующаго общества. Обыкновенный путь такихъ измѣненій—путь исключеній и изъятій отъ дѣйствія закона, и если число изъятій дѣлается очень значительнымъ, тогда самый законъ пріобрѣтаетъ характеръ исключенія и, утративъ почву для примѣненія, остается ненужнымъ и безвреднымъ балластомъ въ законодательствѣ, пока не будетъ выключенъ вовсе кодификаціоннымъ порядкомъ. Предлагаемое губернскою управою ходатайство объ общей отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, если бы такое ходатайство и было признано не выходящимъ изъ рамокъ компетенціи земства, даетъ слишкомъ мало надежды на скорое осуществленіе; между тѣмъ какъ ходатайство о частичномъ измѣненіи общаго закона и объ изъятіи отъ дѣйствія его отдѣльной группы лицъ, имѣющее прямое соотношеніе къ возложенной на земство задачѣ заботы о начальномъ народномъ образованіи и не потребующее сильной ломки въ законодательствѣ, имѣетъ много шансовъ успѣха, если не сразу, то, по крайней мѣрѣ, въ весьма недалекомъ будущемъ. Въ виду этого коммиссія предлагаетъ, высказавъ пожеланіе объ общей отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, ходатайствовать объ освобожденіи отъ него воспитанниковъ начальныхъ школъ, окончившихъ ученіе со свидѣтельствами объ успѣшномъ окончаніи".

На это ходатайство получился отрицательный отвѣтъ отъ министра, признавшаго, что поднятый земствомъ вопросъ имѣетъ общегосударственное значеніе. Въ то же время три уѣздныхъ земскихъ собранія въ сессію 1895 г. возбудили ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, Борзенское о полной отмѣнѣ его, а Черниговское уѣздное и Городницкое для окончившихъ курсъ въ школахъ. Докладывая объ этомъ губернскому собранію сессіи 1895 г. (бывшему 16 янв.—1 февр. 1896 г.), губернская управа снова настаиваетъ на ходатайствѣ объ общей отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія; это ходатайство, согласно утвержденному 7 іюля 1867 г. положенію комитета министровъ, должно быть представлено комитету министровъ. Этотъ докладъ управы разсматривала особая коммиссія, которая, имѣя передъ собой отвѣтъ министра и новыя ходатайства трехъ уѣздныхъ собраній, предложила слѣдующее: 1) ходатайство прошлаго губернскаго собранія сессіи 1894 г. объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія окончившихъ курсъ представить вновь министру внутреннихъ дѣлъ и просить его передать это ходатайство на разсмотрѣніе комитета министровъ; 2) ходатайство собраній Борзенскаго, Городницкаго и Черниговскаго уѣзднаго представить въ установленномъ порядкѣ министру внутрен-

нихъ дѣлъ и ходатайствовать въ томъ же порядкѣ отъ Черниговскаго губ. земскаго собранія объ общей отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для населенія Черниговской губерніи.

Въ засѣданіи губ. собранія 25 января предсѣдатель [1]), по прочтеніи заключенія коммиссіи и отвѣта министра, не разрѣшилъ вовсе говорить по существу дѣла и о второмъ предложеніи коммиссіи объ общемъ ходатайствѣ, а только по поводу перваго предложенія коммиссіи. На вполнѣ справедливыя возраженія гл. Шрага, предсѣдатель, между прочимъ, замѣтилъ: „повѣрьте, я не менѣе тѣхъ, которые писали этотъ докладъ, сочувствую отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, этому сочувствуютъ всѣ, но говорить объ этомъ не велѣно". (Этому совершенно противорѣчитъ то обстоятельство, что вопросъ объ общей отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія свободно обсуждался въ Смоленскомъ, Московскомъ, Тверскомъ, Петербургскомъ и др. собраніяхъ). Въ виду такого запрещенія предсѣдателя, не смотря на протестъ нѣкоторыхъ гласныхъ, собранію оставалось только одно—принять первое предложеніе коммиссіи—просить министра внутреннихъ дѣлъ передать прошлогоднее ходатайство собранія на разсмотрѣніе комитета министровъ. 15 гласныхъ приложили къ журналу свое особое мнѣніе о неправильности дѣйствій предсѣдателя. Въ этомъ мнѣніи, между прочимъ, указывается, что общая отмѣна тѣлеснаго наказанія составляетъ мѣстную нужду для населенія губерніи, но мѣстныя нужды и пользы часто совпадаютъ съ государственными, такъ и въ данномъ случаѣ: почти всѣ земства высказались за отмѣну тѣлеснаго наказанія, вопросъ пріобрѣтаетъ общегосударственное значеніе, но это нисколько не лишаетъ его мѣстнаго значенія для населенія Черниговской губерніи. И вообще вопросъ о томъ, на сколько данное ходатайство касается мѣстныхъ нуждъ и пользъ, можетъ быть разрѣшенъ „только компетентною властью, комитетомъ министровъ, почему всякія воспрещенія ихъ обсужденія, исходящія изъ власти предсѣдателей собраній, признаемъ крайне нежелательными, какъ основывающіяся на чисто субъективной оцѣнкѣ: въ то время, когда предсѣдатели чуть ли не всѣхъ земскихъ собраній, губернскихъ и уѣздныхъ, находили возможнымъ допускать обсужденіе вопросовъ о тѣлесномъ наказаніи, предсѣдатель нашего собранія нашелъ возможнымъ воспретить такое обсужденіе, „что является неправильнымъ въ виду высочайше утвержд. 7 іюля 1867 пол. комит. министровъ и рѣш. прав. сената 1884 г. № 7616".

---

[1]) Не тотъ, который былъ въ XXX собраніи.

Такимъ образомъ, большинство губернскихъ земствъ и очень многія уѣздныя возбуждали вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній; одни земства имѣли въ виду только окончившихъ курсъ въ народныхъ школахъ, но другія смотрѣли на вопросъ болѣе правильно и цѣлесообразно и просили полнаго уничтоженія позорнаго тѣлеснаго наказанія. *Земскія ходатайства сдѣлали очень многое*: примѣненіе розогъ во всей Россіи уменьшилось въ значительной степени. Нужно думать, что остальныя земства послѣдуютъ примѣру перечисленныхъ и также возбудятъ соотвѣтственныя ходатайства, а тѣ земства, которыя не получили еще отвѣта, снова повторятъ свои ходатайства.

Дворянство. Такъ какъ уѣздныя и особенно губернскія земскія собранія по составу своему являются преимущественно дворянскими, то отношеніе земскихъ собраній къ тѣлесному наказанію указываетъ въ тоже время, что и дворянство также смотритъ отрицательно на розгу и признаетъ необходимымъ ея упраздненіе. Но нѣкоторыя дворянскія собранія самостоятельно поднимали вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Въ Петербургскомъ дворянскомъ собраніи [1]) въ январѣ 1896 года этотъ вопросъ былъ поднятъ и для окончательнаго рѣшенія и мотивировки переданъ въ коммиссію. Въ Полтавскомъ дворянскомъ собраніи [2]) бывшій губернскій предводитель дворянства П. А. Устимовичъ поднялъ вопросъ о ходатайствѣ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Это предложеніе было поддержано настоящимъ губернскимъ предводителемъ С. Е. Бразолемъ, но собраніе большинствомъ голосовъ постановило, что оно не имѣетъ права на подобныя ходатайства (очевидно, это большинство было сходно съ большинствомъ Полтавскаго губернскаго земскаго собранія, которое, какъ извѣстно, тоже отклонило подобное ходатайство). Иначе взглянуло на дѣло Бессарабское дворянство, которое постановило единогласно ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія [3]). Свѣдѣній о другихъ дворянскихъ собраніяхъ мы не имѣемъ, но отдѣльные представители дворянства въ качествѣ предсѣдателей губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній принимали дѣятельное участіе въ этомъ вопросѣ. Приведемъ нѣсколько извѣстныхъ намъ примѣровъ.

Воронежскій уѣздный предводитель И. Алисовъ является горячимъ поборникомъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній; онъ неоднократно вносилъ въ уѣздное земское собраніе обстоятельно мотивированныя предложенія ходатайствовать объ отмѣнѣ розги, и эти предло-

---

1) Новое Время. 1896. 26 января.

2) Рус. Мысль. 1895, Кн. XII. Очер. пров. жиз. Стр. 188—189.

3) Кіевское Слово. 1896 г. 2 февраля.

женія принимались единогласно. Въ губернскомъ земскомъ собраніи ему также приходилось отстаивать возбужденіе подобнаго ходатайства. Недавно имъ помѣщена весьма убѣдительная замѣтка въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“: [1]) „Одинъ изъ назрѣвшихъ больныхъ вопросовъ“. Сохраненіе розогъ много зависитъ, по мнѣнію И. Алисова, отъ заѣдающей насъ рутины. Среди военныхъ битье солдатъ считается почти неизбѣжнымъ, а И. Алисовъ 25 лѣтъ тому назадъ обучалъ солдатъ безъ порки и безъ битья, и начальство солдатами оставалось довольно. Въ двухъ уѣздахъ Воронежской губ. тѣлесное наказаніе нѣсколько лѣтъ совсѣмъ не примѣняется, и въ обоихъ этихъ уѣздахъ *ничего особеннаго не случалось* и т. д. и т. д. Въ заключеніе своей замѣтки И. Алисовъ совершенно справедливо говоритъ, что многіе сторонники тѣлеснаго наказанія остаются таковыми потому, что имъ никогда не приходилось присутствовать лично при этой гнусной процедурѣ, продѣлываемой надъ взрослымъ человѣкомъ. — Маріупольскій уѣздный предводитель дворянства П. В. Каменскій внесъ въ уѣздное земское собраніе обстоятельно и горячо составленную записку объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для населенія уѣзда; это предложеніе весьма сочувственно было принято собраніемъ. Точно также иниціаторами земскихъ ходатайствъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній были уѣздные предводители дворянства Гжатскаго уѣзда Смоленской губ. и Тамбовскаго уѣзда В. М. Петрово-Соловово (см. ходатайства земствъ).

Теперь мы переходимъ къ взглядамъ *спеціалистовъ*, изъ которыхъ особенно близкое отношеніе къ данному вопросу имѣютъ представители судебнаго вѣдомства и врачебной науки.

Юристы. Всѣ представители судебнаго вѣдомства, практики и теоретики, которымъ приходилось такъ или иначе сталкиваться съ вопросомъ о тѣлесномъ наказаніи, высказывались рѣзко и опредѣленно противъ этого позорнаго наказанія. Бывшій профессоръ и оберъ-прокуроръ сената Н. А. Неклюдовъ 22 года тому назадъ высказалъ слѣд. взглядъ на тѣлесное наказаніе (Общ. часть уголов. права Н. А. Неклюдова 1875 г. [2]). „Наказанія тѣлесныя раздѣляются на членовредительныя и сѣченіе. Подъ первыми, исчезнувшими нынѣ изъ всѣхъ Европейскихъ кодексовъ, разумѣется отнятіе или изуродованіе частей человѣческаго тѣла; подъ послѣдними— простое битье не опасными сами по себѣ предметами (прутьями, розгами, палками). Достоинства ихъ: они весьма дешевы—достаточно нѣсколькихъ десятинъ лѣса для того, чтобы перепороть всѣхъ гражданъ государства; они всегда подъ рукою – наша преж-

[1]) Рус. Вѣд. 1897. № 325.
[2]) Цитир. по «Русск. Вѣд.» 1897. № 263.

няя народная юстиція наказывала просто кулаками; они *моментальны* — легъ, отсѣкся—всталъ и ушелъ". Послѣ такихъ *юмористическихъ* достоинствъ розогъ (дешевизна ихъ сомнительна, см. ниже), проф. Неклюдовъ указалъ дѣйствительные недостатки тѣлесныхъ наказаній: „1) они неровны, и со стороны нравственной, и со стороны физической; 2) они имѣютъ прискорбное вліяніе на здоровье; 3) они содѣйствуютъ огрубленію нравовъ и уничтоженію чувства стыдливости, и 4) карательная сторона ихъ зависитъ не отъ закона, а отъ произвола исполнителя или палача".

Очень сильно противъ тѣлесныхъ наказаній высказался проф. Кистяковскій [1]). Вотъ опредѣленіе ихъ: „подъ тѣлеснымъ наказаніемъ разумѣются способы причиненія физическаго мученія тѣлу человѣка; тѣлесныя наказанія имѣютъ тождественное происхожденіе со смертной казнью: они были вызваны къ жизни тѣми-же чувствами злобы, мести и устрашенія, которыя создали смертную казнь во всѣхъ ея видахъ". Эти наказанія несостоятельны и несправедливы: изобрѣтенныя для устрашенія, они не только не устрашаютъ, но еще болѣе возбуждаютъ и закаляютъ во злѣ преступную волю; они будятъ мстительные инстинкты въ наказываемомъ, даютъ ему поводъ къ окончательному разрыву съ обществомъ. Тѣлесное наказаніе незначительнымъ числомъ ударовъ розгами для настоящихъ преступниковъ лишено даже физической силы и боли, а для людей, впавшихъ въ преступленіе по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ, является только срамомъ и вреднымъ для ихъ нравственнаго бытія уничиженіемъ. Кромѣ того тѣлесныя наказанія имѣютъ огрубляющее и развращающее вліяніе на народъ, они укрѣпляютъ привычку къ физическому насилію, освящая его примѣромъ; менѣе развитая умственно и нравственно часть народа, видя употребленіе побоевъ и истязаній именемъ закона, остается при впечатлѣніяхъ и мысляхъ о состоятельности и умѣстности грубыхъ насилій надъ тѣломъ своихъ близкихъ. Поэтому будущее развитіе человѣка въ смыслѣ гуманности невозможно при дѣйствіи тѣлеснаго наказанія; насколько употребленіе физическихъ насилій надъ живой тварью противно современному человѣку, доказываютъ новѣйшіе законы, запрещающіе жестокое обращеніе съ животными. Противъ сословности тѣлесныхъ наказаній проф. Кистяковскій говоритъ: „оставленіе тѣлесныхъ наказаній для низшихъ классовъ равнялось бы удержанію ихъ въ рабскомъ состояніи, что также не безопасно и, во всякомъ случаѣ, невозможно, при признаніи политическаго прогресса за единственное условіе человѣче-

---

[1]) Элементарный учебникъ уголовнаго права. Стр. 800—805.

ской жизни“. Противъ дешевизны розогъ проф. Кистяковскій возражаетъ: „не должно забывать, что увѣковѣченіе грубости посредствомъ удержанія тѣлесныхъ наказаній можетъ причинить большой, хотя и невидимый вредъ всей нравственности народной. Кому неизвѣстно, что возвышеніе нравственнаго достоинства человѣка есть лучшій рычагъ улучшенія экономическаго быта народа“.

Противъ кажущихся дешевизны и удобства розогъ и вообще о вредѣ тѣлесныхъ наказаній высказываются и остальные юристы — проф. Таганцевъ, Фойницкій, Сергіевскій, гг. Джаншіевъ, Обнинскій, Черновъ и др. Приведемъ здѣсь еще слова извѣстнаго юриста Росси. Защитники розогъ говорятъ между прочимъ, что крестьянинъ привыкъ къ розгѣ, и она на него не производитъ никакого впечатлѣнія; вотъ что на это замѣчаетъ Росси: „если въ обществѣ развито нравственное достоинство, то оно изгоняетъ сѣченнаго изъ своей среды, и это послужитъ ему препятствіемъ для снисканія пропитанія своимъ трудомъ, сдѣлаетъ изъ него врага общества на вѣки. Но подобная страна еще счастлива, хуже тамъ, гдѣ только-что высѣченный принимается въ прежнее общество, гдѣ наказанному стоитъ только отряхнуться, чтобы изгладить послѣдствія наказанія; это свидѣтельствуетъ о грубости народа, объ его отсталости“.

Д. А. Дриль помѣстилъ въ ноябрской книжкѣ „Журнала Министерства Юстиціи“ статью „къ вопросу объ исправительномъ воспитаніи“, въ которой описываетъ одно французское исправительное заведеніе. Въ этомъ заведеніи совершенно исключены всякія тѣлесныя наказанія, тогда какъ „въ нѣкоторыхъ уставахъ нашихъ исправительныхъ заведеній, говоритъ Д. А. Дриль [1]), къ величайшему сожалѣнію, допущено употребленіе тѣлесныхъ наказаній, хотя-бы и съ разрѣшенія правленій или комитетовъ. И къ неменьшему сожалѣнію, нѣкоторые руководители этихъ заведеній высказываются за необходимость тѣлесныхъ наказаній и, повидимому, все еще вѣрятъ въ изрѣченіе, что „за битаго двухъ небитыхъ даютъ“. Ближайшее наблюденіе показываетъ, однако, что тѣлесныя наказанія обыкновенно считаются необходимыми тамъ, гдѣ уже предварительно допущены ослабленія надлежащаго порядка и дисциплины, и гдѣ поэтому отсутствуетъ и правильно поставленное воспитаніе, а воспитатели далеко не находятся на высотѣ своей задачи. Наблюденіе учитъ также, что примѣненіе въ подобныхъ случаяхъ тѣлесныхъ наказаній, этихъ будто-бы могущественныхъ средствъ нравственнаго исправленія, не приноситъ съ собой же-

---

1) Цитир. по «Смоленскому Вѣстнику» 1897. № 225.

ланныхъ результатовъ, а скорѣе, напротивъ, дѣлаетъ ихъ менѣе достижимыми...“

Противъ тѣлесныхъ наказаній высказались юристы и въ другомъ случаѣ [1]). Совѣщаніе предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ, по сообщенію оберъ-прокурора А. Ф. Кони, заявило пожеланіе, чтобы лица, избранныя въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ для исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя, пріобрѣтали тѣмъ самымъ право на освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія, унизительнаго и несовмѣстнаго съ достоинствомъ лица, призваннаго къ судейской дѣятельности.

Интересно отмѣтить одну особенность относительно тѣлеснаго наказанія: всѣ учрежденія, судебныя, административныя и земскія, считаютъ тѣлесное наказаніе на столько позорнымъ, что пользуются всякимъ случаемъ для изъятія отъ розогъ той или другой категоріи лицъ. Подобно тому какъ юристы желаютъ освободить отъ розогъ бывшихъ присяжныхъ засѣдателей, министерство финансовъ создаетъ новую группу лицъ, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія [2]): мѣщане и крестьяне, состоящіе почетными смотрителями во вновь учреждаемыхъ сельскихъ ремесленныхъ учебныхъ мастерскихъ, а также пробывшіе въ этой должности не менѣе трехъ лѣтъ сряду, равно какъ окончившіе обученіе въ этихъ мастерскихъ освобождаются отъ тѣлеснаго наказанія.—Московская губернская земская управа, разсматривая проектъ нормальнаго устава сельскихъ пожарныхъ дружинъ, также высказалась за необходимость изъятія отъ тѣлеснаго наказанія старосты дружины и почетнаго попечителя. Управа находитъ, что староста пожарной дружины, имѣющій въ своемъ распоряженіи печать и сносящійся по дѣламъ дружины съ различными мѣстами и лицами, не можетъ по своему положенію быть ниже сборщика податей и смотрителя хлѣбнаго магазина, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній. Подобное-же ходатайство возбуждаетъ и Харьковское губернское земство относительно крестьянъ, прослужившихъ извѣстное число лѣтъ въ должности пожарнаго старосты [3]).

„Юридическій Вѣстникъ“ въ послѣдніе годы своего существованія помѣстилъ рядъ статей [4]), доказывающихъ съ разныхъ сто-

---

[1]) Саратовская Земская Недѣля. 1895. № 8. Стр. 165.

[2]) Рус. Вѣд. 1897. № 132.

[3]) Сынъ Отечества. 1898. № 263.

[4]) *П. Н. Обнинскій.* Въ области суевѣрій и предразсудковъ 1890 г. № 11.—*П. Н. Обнинскій.* Розга какъ карательная мѣра 1891 г. № 5—6.—*В. Л. Бинштокъ.* Матеріалы для исторіи отмѣны тѣлесныхъ наказаній въ Россіи 1892. № 7—8. *П. Дашкевичъ.* Волостной судъ и кассаціонная инстанція. 1892. № 12.

ронъ вредъ тѣлеснаго наказанія и необходимость полной отмѣны его. Мы уже дѣлали ссылки на эти статьи и здѣсь остановимся только на нѣкоторыхъ соображеніяхъ, высказанныхъ П. Н. Обнинскимъ въ его статьѣ „Розга какъ карательная мѣра". Авторъ приводитъ рядъ возраженій противъ новыхъ *цивилизованныхъ юристовъ*, только-что учрежденныхъ земскихъ начальниковъ, между которыми нашлись большіе любители порки. Розга не устрашаетъ и не исправляетъ, а напротивъ развращаетъ и озлобляетъ наказуемыхъ; не проходитъ тѣлесное наказаніе безслѣдно и для назначающихъ его. Все это было вполнѣ опредѣленно указано на международномъ Стокгольмскомъ конгрессѣ 1878 года. Когда разбирался вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ тюрьмахъ, (эти наказанія въ то время существовали въ инструкціяхъ, но рѣдко примѣнялись на практикѣ въ тюрьмахъ Англіи, Пруссіи и Даніи), то одинъ изъ делегатовъ, директоръ тюрьмы Мазанти, заявилъ, „что, если имъ подвергаютъ нерѣдко людей свободныхъ въ арміи и флотѣ, то какже обойтись безъ нихъ съ острожниками, ослушниками всякой дисциплины? „Едва кончилъ говорить г. Мазанти, какъ зала огласилась почти единодушнымъ взрывомъ протеста, и слово было предоставлено главному начальнику бельгійскихъ тюремъ г. Бердену. „Мы только что выслушали, воскликнулъ онъ, печальный отчетъ о практикуемыхъ еще кое-гдѣ возмутительныхъ репрессіяхъ, которымъ подвергаютъ несчастныхъ арестантовъ. Трудно выразить весь ужасъ, внушаемый подобными порядками и всю настоятельность желанія, чтобы всѣ цивилизованныя націи отказались-бы, къ чести человѣчества, отъ этого наказанія, столько-же варварскаго, сколько противнаго достоинству человѣка!" По свидѣтельству всѣхъ дальнѣйшихъ ораторовъ, спеціалистовъ въ вопросѣ, тѣлесныя наказанія унижаютъ и развращаютъ заключенныхъ и еще болѣе чиновниковъ, которые примѣняютъ ихъ. Путемъ опыта въ австрійскихъ тюрьмахъ установлено, что онѣ и не нужны и безполезны; уже 11 лѣтъ, какъ онѣ отмѣнены въ нихъ, а дисциплина стала лучшею, нежели была когда либо, и заключенные, хотя-бы лишенные всякой культуры, ощутили-бы свое униженіе, испытавъ ихъ теперь.

Въ Швейцаріи, гдѣ федеральное правительство отмѣнило тѣлесныя наказанія, въ тюрьмахъ еще остаются арестанты, подвергнутые ему въ прежнее время; съ ними, по отзыву тюремной администраціи, гораздо труднѣе управляться, нежели съ остальными заключенными, и въ ихъ поведеніи то и дѣло проявляется чувство ненависти и озлобленія. Въ Англіи, въ Бирмингамской тюрьмѣ, не смотря на инструкціи, еще ни разу не примѣнялось тѣлесное наказаніе, а въ дисциплинарномъ отношеніи тюрьма эта является

образцовою. Равнымъ образомъ, въ Пруссіи большинство директоровъ никогда не пользуется регламентомъ, допускающимъ тѣлесное наказаніе. Такой-же порядокъ существуетъ и въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, гдѣ тюремное начальство пришло къ убѣжденію, что нельзя подобною мѣрою унижать человѣка, уже униженнаго своимъ преступленіемъ. „Бить человѣка, сказалъ французскій делегатъ Мишонъ, значитъ развращать его, не исправляя. Физическая боль, причиняемая однимъ человѣкомъ другому, заключаетъ въ себѣ нѣчто отвратительное для чувства француза; гнусность подобнаго насилія отнимаетъ въ глазахъ наказываемаго и наказывающаго то уваженіе и достоинство, которыми необходимо долженъ отличаться актъ правосудія, каковъ-бы онъ ни былъ. Авторитетъ надзирателя, прибѣгающаго къ этой дисциплинарной мѣрѣ, падаетъ во мнѣніи заключенныхъ; она вредитъ его нравственному вліянію и поселяетъ въ душѣ бичуемаго озлобленіе, которое въ свою очередь вредитъ его возрожденію. Я даже сомнѣваюсь, могли-бы мы найти въ рядахъ нашей доблестной арміи, проникнутой чувствомъ чести и сильной имъ, достаточное количество людей, готовыхъ хладнокровно бить человѣка, лишеннаго возможности защищаться". Докладчикъ, г. Тауфферъ, резюмируя пренія, заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: „Трудно вообразить себѣ наказаніе унизительнѣе и развратнѣе розги; она должна быть вычеркнута изъ всякой тюремной инструкціи. Могу по собственному опыту удостовѣрить, что отмѣна этого наказанія въ Венгріи съ 1866 г. значительно сократила количество случаевъ нарушенія дисциплины; ихъ средняя цифра съ 1865 г. 65% пала въ 1866 до 30%, а въ 1876 до 18%. Я прибавлю къ этому, и опять по собственному опыту, что *примѣненіе тѣлесныхъ наказаній ослабляетъ власть* надъ самимъ собою даже и у лицъ, его назначающихъ; мы, директоры тюремъ, склонны къ тѣмъ-же слабостямъ, какъ и всѣ люди, и податливы къ увлекающимъ впечатлѣніямъ".— *Конгрессъ единодушно высказался за безусловную отмѣну тѣлесныхъ наказаній въ тюрьмахъ.* Для насъ очень важно это мнѣніе тюремныхъ инспекторовъ и прочихъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ тюремной жизнью, привычками, дисциплиной и пр. преступниковъ. Какъ мы уже видѣли, нѣкоторые изъ нашихъ администраторовъ по тюремной части (Сипягинъ, С. П. М.) тоже и высказываются и ведутъ дѣло управленія въ тюрьмахъ безъ тѣлесныхъ наказаній.

Врачебные съѣзды и общества. Здѣсь нами собранъ обширный матеріалъ: врачамъ часто приходится имѣть дѣло съ наказуемыми до и послѣ наказанія, почему врачи въ послѣдніе годы и обратили особое вниманіе на изслѣдованіе этого *больного* вопроса. Если по

другимъ отдѣламъ нашъ матеріалъ имѣетъ большіе или меньшіе пропуски, то въ данномъ отдѣлѣ намъ, повидимому, удалось собрать все главнѣйшее, причемъ часть данныхъ изъ этой главы пришлось перенести въ пятую главу, гдѣ говорится о вредѣ тѣлесныхъ наказаній.

Изъ врачебныхъ обществъ первое *Саратовское Санитарное общество* [1]) въ засѣданіи 29 декабря 1894 г. постановило возбудить ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія и избрало особую коммиссію для выработки редакціи этого ходатайства. Затѣмъ общество вторично собралось 4 января 1895 года для выслушанія редакціи, которая содержала приблизительно слѣдующее. Медициной вполнѣ установлены связь и взаимодѣйствіе психическихъ и физіологическихъ процессовъ человѣка. Угнетенное душевное настроеніе нарушаетъ правильное теченіе жизни организма, вызываетъ значительныя уклоненія, которыя предрасполагаютъ ко всевозможнымъ заболѣваніямъ и нерѣдко угрожаютъ опасностью для жизни. Помимо физическаго страданія и развращающаго вліянія на наказываемаго и на окружающихъ, позорное и унизительное тѣлесное наказаніе вызываетъ то подавленное и приниженное состояніе духа, которое нарушаетъ правильное функціонированіе органовъ дыханія, пищеваренія и всей сосудистой системы и дѣйствуетъ разрушительнымъ образомъ на здоровье организма. Деморализующее вліяніе тѣлеснаго наказанія отражается также на положеніи наказанныхъ въ ихъ семьяхъ и въ окружающей средѣ: жены, дѣти и однообщественники не могутъ относиться съ должными чувствами и уваженіемъ къ ихъ сѣченнымъ мужьямъ, отцамъ и домохозяевамъ. Не смотря на постоянное стремленіе правительства уменьшить примѣненіе тѣлеснаго наказанія, оно и до сихъ поръ остается еще въ Россіи для крестьянъ, примѣняется оно и въ Саратовской губерніи. Общество Саратовскихъ санитарныхъ врачей имѣетъ своей цѣлью, какъ изслѣдованіе мѣстныхъ условій, нарушающихъ вообще правильное развитіе и отправленіе человѣческаго организма, такъ и содѣйствіе улучшенію общественнаго здоровья, а потому считаетъ необходимымъ возбудить ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, тѣмъ болѣе, что оно ожесточаетъ нравы и создаетъ громадное препятствіе для проведенія въ жизнь санитарныхъ мѣропріятій.—Собраніе общества приняло редакцію коммиссіи и постановило: возбудить въ установленномъ порядкѣ ходатайство, копію съ него представить въ Саратовское губернское земское собраніе съ просьбой присоединиться къ этому ходатайству, и, наконецъ обратиться къ медицинскимъ обществамъ

[1]) Писанные протоколы этого Общества.

и къ Московскому психологическому съ предложеніемъ высказаться по вопросу о вліяніи на здоровье психическихъ состояній, вызываемыхъ тѣлеснымъ наказаніемъ.

При обсужденіи этого предложенія д-ръ *С. И. Штейнбергъ* указалъ на нецѣлесообразность тѣлеснаго наказанія, какъ устрашающей мѣры: 1) исходя изъ того психологическаго закона, что сила впечатлѣній ростетъ значительно медленнѣе силы раздраженій, необходимо при повторныхъ наказаніяхъ увеличивать число ударовъ для полученія впечатлѣнія первоначальной силы,—а такъ можно дойти до засѣканія; 2) жестокія наказанія вообще не достигаютъ цѣли, такъ изъ 100 казненныхъ въ Англіи 96% когда либо присутствовали при смертной казни, слѣдовательно, даже это самое страшное наказаніе не оказало никакого вліянія.—*Д. И. Соловьевъ* подтвердилъ указанія С. И. Штейнберга такимъ фактомъ: прежде въ Англіи казнили за обыкновенное воровство, и во время самой казни полиціи нерѣдко приходилось въ толпѣ ловить воровъ, слѣдовательно, ихъ не устрашала смертная казнь даже во время ея производства. Эти факты, между прочимъ, послужили сильнымъ орудіемъ въ рукахъ противниковъ смертной казни.

Въ Обществѣ врачей при Казанскомъ университетѣ [1]), въ засѣданіи 20 января 1895 г., было прочитано проф. И. М. Гвоздевымъ краткое сообщеніе—„Нѣсколько словъ о наказаніи розгами съ медицинской точки зрѣнія“, которое мы приводимъ здѣсь дословно: „Уже во многихъ мѣстностяхъ нашего отечества высказывается потребность исключить розги совсѣмъ изъ принятыхъ закономъ мѣръ наказанія. Мы не можемъ не содрагаться, если въ нашемъ воображеніи нарисуемъ или отца, или брата, или друга, или вообще лично намъ знакомаго, лежащаго подъ розгами! Чего-бы мы не сдѣлали, не предприняли, чтобы избавить ихъ отъ такого позора, ниже котораго нѣтъ другого! Даже самый загрубѣлый взрослый человѣкъ въ первый разъ его не выноситъ. Оно подаетъ поводъ даже къ самоубійству!—Это наказаніе, въ извѣстномъ возрастѣ, не только унижаетъ, но даже очерствляетъ и озвѣряетъ человѣческую натуру и тѣмъ подавляетъ развитіе общечеловѣческихъ понятій, такъ необходимыхъ для общественнаго строя! Притомъ какъ-бы ни было легко наказаніе розгами, оно всегда сопровождается краснотою, т. е., приливомъ крови къ истязаемому мѣсту и нерѣдко потерею на немъ кожицы, т. е., ссадинами и даже разрывомъ кровеносныхъ сосудовъ—при болѣе жестокихъ наказаніяхъ. Но, какъ-бы ни были ничтожны поврежденія нашего тѣла

---

[1]) Дневникъ Общества врачей. Вып. I. 1895, стр. 23 и 24.

при наказаніяхъ розгами, они, всетаки, благопріятствуютъ моменту вхожденія въ потокъ крови губительныхъ микробовъ. Кто изъ товарищей-врачей много видѣлъ и наблюдалъ, у того никогда не исчезнетъ изъ памяти, какъ иногда пустяшная ссадина, царапина, отъ попавшихъ на нее микроскопическихъ организмовъ, приводила къ роковому исходу!

Такимъ образомъ, наказаніе розгами дѣйствуетъ видимымъ образомъ—на тѣло, а невидимымъ на душу! О дѣйствіи розогъ на душевный складъ врачъ говорить какъ-бы не компетентенъ; но онъ, всетаки, ежедневно наблюдаетъ, какъ подавленное состояніе духа подавляетъ и ослабляетъ крѣпость тѣла, что, въ свою очередь, способствуетъ нерѣдко развитію и, во всякомъ случаѣ, ухудшенію всякаго болѣзненнаго процесса. Поэтому врачу болѣе, чѣмъ кому-либо другому, слѣдуетъ всѣми силами и всѣми зависящими отъ него средствами споспѣшествовать исключенію наказанія розгами изъ постановленій законодательства.

При обсужденіи этого предложенія всѣ высказались за ходатайство. Проф. *Капустинъ* вполнѣ согласился съ докладчикомъ, что съ медицинской точки зрѣнія розги недопустимы: кромѣ зараженія ссадинъ, онѣ могутъ повести къ роковымъ послѣдствіямъ, напр., при страданіяхъ сердца, при атероматозномъ перерожденіи сосудовъ. Такія совершенно побочныя и крайне опасныя послѣдствія сѣченія розгами нарушаютъ и основной принципъ уголовнаго права—не причинять преступнику ни малѣйшаго сторонняго вреда, кромѣ того наказанія, какое налагалось по закону. Поэтому проф. Капустинъ предложилъ занести въ протоколъ общее постановленіе о желательности полной отмѣны тѣлесныхъ наказаній.

Проф. *Феноменовъ* замѣтилъ, что, безъ сомнѣнія, всѣ члены общества будутъ противъ розогъ не только съ гуманитарной и медицинской точекъ зрѣнія, но и съ чисто профессіональной. Достаточно указать на тотъ прискорбный фактъ, что врачу приходится иногда выдавать свидѣтельство о томъ, можно-ли подвергнуть наказанію такого-то, и сколько розогъ онъ можетъ вынести.

Общество приняло предложеніе проф. Капустина.

Въ *Смоленскомъ Обществѣ врачей*, въ засѣданіи 28 февраля 1895 г. [1]), *И. С. Грѣховъ* прочелъ сообщеніе „О наказаніи розгами съ медицинской точки зрѣнія“. Авторъ сначала указалъ, что наказаніе розгами и теперь часто примѣняется среди крестьянъ; такъ въ 1892 г. волостные суды Тверской губерніи постановили 879 приговоровъ съ тѣлеснымъ наказаніемъ; изъ нихъ не утверждено

---

[1]) Протоколы Общества еще не напечатаны.

земскими начальниками только 270—менѣе трети всѣхъ. Въ Тамбовской губерніи изъ 724 приговоровъ не утверждено только 154 около $^{1}/_{5}$ всѣхъ. Судя по даннымъ этихъ двухъ губерній, многія тысячи наказываются ежегодно во всей Россіи. Между тѣмъ, тѣлесное наказаніе является не только не безразличнымъ, но и крайне вреднымъ. Произведенныя розгами пораненія—ссадины, царапины, кромѣ боли, могутъ повести, при нечистоплотности нашего крестьянина, и къ болѣе серьезнымъ заболѣваніямъ; вѣроятно, всякому врачу приходилось наблюдать, какъ ничтожные порѣзы и уколы были причиной обширныхъ нагноеній, рожистыхъ процессовъ и омертвѣній. У людей съ болѣзнями сердца, склерозомъ сосудовъ и вообще повышенной возбудимостью сосудодвигательной системы, наказаніе усилитъ болѣзненные припадки и можетъ даже окончиться гибелью. Равновѣсіе нервныхъ и впечатлительныхъ людей такимъ ужаснымъ наказаніемъ легко можетъ быть нарушено, въ результатѣ чего наблюдаются случаи душевныхъ разстройствъ и даже самоубійства. Такимъ образомъ сѣченіе розгами причиняетъ боль не только во время наказанія, но угрожаетъ и потомъ опасностью серьезнаго заболѣванія. Наконецъ, позоръ и униженія, которымъ подвергается наказуемый, не могутъ быть забыты во всю жизнь и сильно измѣняютъ нравственное настроеніе человѣка и его отношеніе къ окружающимъ. Это наказаніе несовмѣстимо съ достоинствомъ человѣка, почему представители судебнаго вѣдомства и высказали пожеланіе, чтобы лица, исполнявшія нѣсколько разъ обязанности присяжнаго засѣдателя, пріобрѣтали право на освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія, унизительнаго и несовмѣстимаго съ достоинствомъ лица, призваннаго къ судебной дѣятельности. Въ виду вреда розогъ для всѣхъ сторонъ человѣческой жизни, докладчикъ предложилъ присоединиться къ старшимъ собратьямъ—обществамъ Саратовскому и Казанскому и возбудить ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія.

Д. Н. Жбанковъ, предсѣдатель Общества, прочелъ письмо *Н. П. Энгельгардта*, которое заканчивалось слѣдующими словами: „Я вообще противникъ тѣлеснаго наказанія; поэтому прошу присоединить и мой голосъ ко всякой редакціи постановленія Общества, въ смыслѣ признанія безусловнаго вреда для человѣка тѣлеснаго наказанія“. Затѣмъ *Д. Н. Жбанковъ* поддерживалъ предложеніе *И. С. Грѣхова*, указалъ на отрицательное отношеніе къ этому наказанію со стороны земства и всего русскаго общества, на рядъ опубликованныхъ случаевъ, доказывающихъ вредъ тѣлеснаго наказанія. Недавно изъ этой залы вышло постановленіе Смоленскаго губернскаго земскаго собранія—ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣ-

леснаго наказанія: не можетъ быть иного рѣшенія вопроса и со стороны Смоленскихъ врачей.

Собраніе единогласно постановило возбудить въ соотвѣтственномъ порядкѣ ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія.

На VI Пермскомъ Губернскомъ Съѣздѣ [1]) *земскихъ врачей* въ засѣданіи 7 ноября 1895 г. женщина-врачъ покойная *Е. П. Серебренникова* внесла предложеніе „О возбужденіи ходатайства объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія“. Серьезные уроки послѣднихъ холерныхъ и голодныхъ годовъ вызвали единодушное стремленіе у всего русскаго образованнаго общества поднять образованіе и культуру народныхъ массъ; въ связи съ другими мѣрами выдвигается на сцену и вопросъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, играющаго видную роль въ поддержаніи грубости и дикости нашего народа. Этотъ вопросъ настолько назрѣлъ и наболѣлъ въ душѣ каждаго просвѣщеннаго человѣка, что объ немъ теперь говорятъ и пишутъ вездѣ: въ земскихъ собраніяхъ, ученыхъ общихъ и медицинскихъ обществахъ и въ литературѣ самыхъ разнообразныхъ спеціальностей— общей, медицинской, юридической, духовной и даже военной. Тѣлесное наказаніе вліяетъ на душевное и тѣлесное здоровье человѣка, почему этотъ вопросъ близко касается и врачей. Такъ взглянуло на дѣло и Казанское общество врачей, гдѣ профессора-медики съ различныхъ сторонъ высказались противъ этого наказанія. Ознакомивъ врачей съѣзда съ мнѣніями Казанскихъ товарищей, Е. П. Серебренникова заявила, что тѣлесное наказаніе отжило свой вѣкъ, и предложила членамъ съѣзда ходатайствовать передъ губернскимъ земскимъ собраніемъ отъ имени съѣзда врачей о возбужденіи ходатайства объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія.

А. А. Тимофеевъ заявилъ, что онъ уполномоченъ сдѣлать такое же предложеніе отъ Шадринскаго Врачебнаго Совѣта.—Послѣ нѣкоторыхъ дополненій со стороны присутствовавшихъ, съѣздъ единогласно (кромѣ предсѣдателя—врачебнаго инспектора) принялъ предложеніе Е. П. Серебренниковой возбудить предложенное ходатайство.

Въ *Обществѣ врачей Новгородской губерніи*, въ годовомъ засѣданіи 30 декабря 1895 г., врачъ *В. И. Михайловъ* прочелъ докладъ „О вредѣ тѣлесныхъ наказаній въ общественно-медицинскомъ отношеніи“. Авторъ сначала нарисовалъ картину тѣхъ ненормальныхъ условій, при которыхъ воспитываются или вѣрнѣе выростаютъ безъ всякаго воспитанія очень многіе, и благодаря которымъ

[1]) Труды VI съѣзда врачей Пермской губерніи 1—11 ноября 1895. Пермь, 1896 Стр. 22 и 24 и 306—308.

вырабатываются пьяницы и даже преступники. „Пожалѣть мы ихъ должны, а не бросать камнями!.. Что вышло бы изъ насъ, если-бы мы съ самаго дѣтства попали въ такія-же условія? „Были бы мы лучше преступника, и, пусть, тотъ, кто считаетъ себя лучшимъ, броситъ въ него камень!“ Законъ имѣетъ цѣлью исправить человѣка или сдѣлать его безвреднымъ, если онъ неисправимъ, а отнюдь не истязать его, и „справедливо-ли истязать преступника, если онъ составляетъ продуктъ ненормальныхъ общественныхъ условій?“ Замѣтивъ, что тѣлесныя наказанія теперь изгнаны изъ школы, и что вообще въ дѣлѣ воспитанія онѣ только озлобляли ребенка, вызывали съ его стороны хитрость, лукавство и ложь, *В. И. Михайловъ* тѣлесное наказаніе для взрослыхъ прямо называетъ варварскимъ, возмущающимъ чувство человѣчности. Гдѣ справедливость, что крестьянъ подвергаютъ позорному наказанію за невзносъ податей или за такія небольшіе проступки, за которые мы отдѣлываемся денежнымъ штрафомъ или простымъ арестомъ? Воспитаніе дѣлаетъ чувства тоньше и сильнѣе, но и крестьяне имѣютъ честь и совѣсть и чувствуютъ боль и стыдъ. Къ тому же школы теперь развиваютъ и крестьянскихъ мальчиковъ, и что должны испытывать они, если всенародно позорятъ ихъ душу и надругаются надъ ихъ человѣческой природой? „Какое воспитательное зрѣлище представляетъ собой высѣченный отецъ, возвращающійся въ свою семью? Какими глазами онъ посмотритъ на своихъ дѣтей, и какое глубокое душевное страданіе возникнетъ въ душѣ этихъ дѣтей, смотрящихъ на поруганнаго и опозореннаго отца!“ „Одна мысль, что насъ могли бы высѣчь (напр., за то, что мы подрались), залила бы краской наши щеки, и многіе изъ насъ скорѣе бы согласились покончить съ собой, чѣмъ вытерпѣть тѣлесное наказаніе!“ Не нужно забывать, что наши волостные суды не совершенство, и могутъ пострадать невинные. Сколько погибшихъ, искалѣченныхъ жизней, сколько слезъ, сколько страданій! Задача общества врачей—указывать на условія, вызывающія болѣзни, а „тѣлесныя наказанія калѣчатъ умъ и душу людей, приводятъ ихъ къ ненормальному душевному состоянію; долгъ нашъ указать на это и на порогѣ двадцатаго вѣка возбудить ходатайство объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній!“

Общество единогласно постановило „ходатайствовать черезъ врачебное отдѣленіе объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, какъ мѣры, сопряженной съ разстройствомъ физическаго и психическаго состоянія человѣка и безъусловно недостигающей цѣли нравственнаго исправленія личности“.

Въ *Обществѣ врачей Восточной Сибири въ г. Иркутскѣ*, въ засѣ-

даніи 12 марта 1896 г. [1]) была прочитана присланная д-ромъ *Н. В. Кириловымъ* статья „О роли врача въ присужденіи тѣлеснаго наказанія“. Эта прекрасная статья со справками и фактами доказываетъ пагубное вліяніе тѣлеснаго наказанія для подвергающихся ему и ту невыносимую роль, которую приходится играть Сибирскому врачу въ этомъ дѣлѣ. Вотъ вкратцѣ содержаніе статьи. Сибирскимъ полицейскимъ врачамъ приходится испытывать „тяжелое чувство двусмысленной роли“, „подавлять въ себѣ лучшія эмоціи“ при отправленіи служебныхъ обязанностей. Для рецидивистовъ — преступниковъ изъ ссыльно-поселенцевъ широко присуждается тѣлесное наказаніе, то плетьми, то розгами, и врачамъ приходится свидѣтельствовать этихъ несчастныхъ для рѣшенія вопроса, могутъ-ли они вынести это наказаніе (не рѣдки случаи, что врачу приходится въ теченіи мѣсяца ежедневно свидѣтельствовать по 3—4 человѣка для этой цѣли). Согласно суровой статьѣ 464 Устава о ссыльныхъ, собственно говоря, никто не можетъ быть освобожденъ вовсе отъ тѣлеснаго наказанія, и слѣдуетъ дать хотя бы одну или двѣ лозы, но на практикѣ уже давно врачами и юристами и къ поселенцамъ примѣняется 88 статья Уложенія о наказаніяхъ, въ которой идетъ рѣчь объ изъятіяхъ отъ тѣлеснаго наказанія по болѣзни. Приложеніе къ этой статьѣ гласитъ: „неизлѣчимыми болѣзнями, въ коихъ преступники безъ явной опасности для жизни не могутъ быть подвергаемы тѣлесному наказанію, почитаются: 1) падучая болѣзнь; 2) приросшія грыжи; 3) внутреннія и наружныя аневризмы; 4) грудная жаба (angina pectoris); 5) весьма затруднительное дыханіе, происходящее отъ окрѣплостей и нарывовъ легкихъ, также отъ частаго кровохарканія, грудной водяной болѣзни или отъ великаго искривленія позвоночнаго канала; 6) наступающіе приступы кровяного апоплектическаго удара съ продолжительною явною наклонностью къ онымъ“. Эта статья даетъ возможность облегчать участь многихъ ссыльно—поселенцевъ, но все-таки, не рѣдки случаи, что во время экзекуціи у наказываемаго развивается припадокъ падучей, и даже были случаи смерти подъ розгами отъ паралича сердца. (Авторъ говоритъ, что, если потребуется, можетъ назвать имена и указать точное время и мѣсто такихъ случаевъ въ Забайкальѣ). Подобные прискорбные случаи заставили многія полицейскія управленія приводить въ исполненіе наказанія чисто формальнымъ образомъ. Врачи же, ознакомившись съ подобными архаическими сторонами своей службы, „понимаютъ свою роль въ дѣлѣ присужденія тѣлеснаго наказанія, какъ обязан-

---

[1]) Протоколъ очередного засѣданія Общества врачей Восточной Сибири, 1896, № 5.

ность возможно шире вносить начало гуманности". Многие стѣсняются утверждать способность освидѣтельствованнаго вынести наказаніе, не принимаютъ на себя отвѣтственности за послѣдствія и даютъ подобныя заключенія: а) „освидѣтельствованный оказался, по видимому, здоровымъ (не заявляетъ особыхъ жалобъ), но вслѣдствіе легкой возбудимости сосудистой системы наказаніе плетьми должно быть для него замѣнено розгами". Или: б) „вслѣдствіе такого-то страданія (изъ перечисленныхъ въ ст. 88) не можетъ быть подвергнутъ тѣлесному наказанію". Или: в) „вслѣдствіе такого-то страданія (болѣзнь не указанная въ статьѣ 88) не можетъ вынести болѣе одного слабаго удара розгою (потому что освободить отъ наказанія вовсе нѣтъ законныхъ (?) основаній" [1]).

Далѣе, Н. Кирилловъ сообщаетъ очень странный фактъ, что въ Сибири всѣ остальные непривиллегированные находятся еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ ссыльно-каторжные и ссыльно-поселенцы, такъ какъ они лишены даже и этой чисто фиктивной помощи врача: „лица же непривилегированныхъ сословій, но не лишенныя права гражданства, присужденныя къ сѣченію волостными и имъ равными судами, предварительному медицинскому осмотру не подлежатъ". И, по словамъ автора, широко примѣняется наказаніе розгами, въ иныхъ волостяхъ до 100 человѣкъ въ годъ! Въ заключеніе авторъ приводитъ изъ своей практики 5 случаевъ печальнаго исхода тѣлеснаго наказанія въ Забайкальѣ: 1) раскольникъ оскорбилъ старосту въ праздникъ; сейчасъ же назначили судъ; судьи приняли виновнаго за пьянаго и порѣшили высѣчь. Авторъ видѣлъ его черезъ 4 дня послѣ экзекуціи и нашелъ сыпной тифъ; на 9 день болѣзни больной умеръ. 2) Бурятъ-ламаитъ за разсказы о „темныхъ поборахъ" съ бурятъ былъ подвергнутъ „нещадному" наказанію розгами, послѣ котораго и слегъ. Авторъ видѣлъ больнаго на 4

---

1) Какъ тяжела обязанность и отвѣтственность врача, пишущаго подобные отзывы! Къ сожалѣнію, и среди врачей находятся такіе, которые считаютъ, по видимому, тѣлесное наказаніе полезнымъ даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ и законъ отвергаетъ его. Городовой врачъ города Себежа В. А. Орловъ сообщаетъ, („Врачъ" 1897 г. № 49), что уѣздный врачъ И. К. Германъ выдалъ медицинское свидѣтельство крестьянину Шумихинской волости Иванову, имѣющему 60 лѣтъ отъ роду и правостороннюю, мошоночную грыжу съ дѣтскую головку и приговоренному къ 20 ударамъ розогъ. Это свидѣтельство приблизительно такого содержанія: «въ сводѣ законовъ не нахожу статьи, воспрещающей подвергать его (Иванова) тѣлесному наказанію по имѣющейся у него болѣзни грыжѣ, а по сему «*совѣтую*» примѣнить наказаніе, но съ нѣкоторой осторожностью». Былъ-ли высѣченъ Ивановъ, и что произошло изъ этого—автору письма неизвѣстно.—Впрочемъ въ отвѣтномъ письмѣ («Врачъ» № 2 1898 г.) Ив. Германъ отвергаетъ пользу розгосѣченія, но въ тоже время признаетъ, что вышеупомянутое свидѣтельство Иванову имъ выдано.

мѣсяцѣ послѣ наказанія: на ягодицахъ и бедрахъ были рубцы—слѣды наказанія и сильно выраженное страданіе сѣдалищнаго нерва, такъ что больной, весьма истощенный, не могъ отъ боли даже сидѣть для принятія пищи. Едва оправился черезъ полгода. 3) Тучный крестьянинъ за буйство былъ высѣченъ и во время сѣченія сильно кричалъ. Послѣ наказанія у него была отдышка и „колотье въ груди"; на четвертый день авторъ нашелъ у больнаго обоюдостороннюю плейропневмонію въ нижнихъ доляхъ. 4) У новорожденнаго ребенка богатаго торговца низъ живота былъ пораженъ рожистымъ процессомъ; случайно отыскалась причина заразы: на кухнѣ лежалъ высѣченный за пьянство и грубость работникъ съ незажившими ссадинами на ягодицахъ и съ разлитымъ рожистымъ воспаленіемъ въ области половыхъ органовъ. 5) Молодой крестьянинъ, хорошій мастеръ-кузнецъ, былъ присужденъ къ розгамъ, но увѣренный въ своей правотѣ, обжаловалъ приговоръ и ждалъ отмѣны его. Вдругъ черезъ недѣлю послѣ свадьбы его высѣкли. Послѣ сѣченія, наказанный захирѣлъ, сталъ импотентомъ и былъ приведенъ къ автору отцомъ въ тяжелой формѣ меланхоліи. Конечно, подобныхъ случаевъ гораздо больше, но наказанные „стыдятся, не показываютъ, угрюмо молчатъ... обыкновенно терпятъ все, не зовутъ врача до крайности. Сколько же прививается сознательно путемъ розогъ—органическихъ мучительныхъ разстройствъ?! Сколько ожесточается сердецъ?!".. заканчиваетъ авторъ свой докладъ и предлагаетъ Обществу присоединиться къ Саратовскому и другимъ обществамъ, ходатайствующимъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія.

Этотъ докладъ вызвалъ очень оживленныя пренія, которыя, благодаря статьѣ въ мѣстной общей печати, отнесшейся къ постановленію общества укоризненно, повторялись кромѣ этого раза еще въ двухъ засѣданіяхъ.

Предсѣдатель Общества д-ръ *Маковецкій* находитъ, что вопросъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія не входитъ въ компетенцію Общества, и обсужденіе такихъ вопросовъ не составляетъ его прямой задачи. Но общество въ правѣ указать на то ненормальное положеніе, что люди полноправные, несомнѣнно больные, подвергаются тѣлесному наказанію безъ предварительнаго осмотра врача.

Д-ръ *Зисманъ* считаетъ необходимымъ высказаться по этому вопросу и даже присоединиться къ общему ходатайству объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для всѣхъ. Д-ръ *Маковецкій* полагаетъ, что по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для людей полноправныхъ среди членовъ Общества не можетъ быть двухъ мнѣній. Наше законодательство очень человѣчно относительно преступни-

ковъ и позволяетъ врачу освидѣтельствовать ихъ для рѣшенія вопроса, можетъ ли данный человѣкъ безъ вреда для своего здоровья перенести наказаніе. На вопросъ д-ра Брауна, можетъ ли врачъ предвидѣть серьезное заболѣваніе или умопомѣшательство отъ тѣлеснаго наказанія, д-ръ Маковецкій отвѣтилъ, что это дѣло совѣсти врача въ каждомъ данномъ случаѣ. Затѣмъ онъ продолжалъ: „Но едва ли удастся вовсе устранить тѣлесное наказаніе. Возьмите напр., закоренѣлыхъ преступниковъ или убійцъ, которымъ терять нечего; для такихъ озвѣрѣлыхъ людей угроза тѣлеснаго наказанія, можетъ быть, служитъ единственнымъ средствомъ держать ихъ въ дисциплинѣ [1]).

Д-ръ *Зисманъ*. А, все-таки, лучше не бить людей, когда даже животныхъ запрещено бить, и мужика, бьющаго лошадь, тащатъ въ участокъ и наказываютъ.

Д-ръ *Браунъ* поддерживаетъ мнѣніе д-ра Маковецкаго.

Д-ръ *Болотовъ* (тюремный врачъ) заявляетъ, что „тѣ арестанты, которые знаютъ, что ихъ по болѣзни нельзя сѣчь, дѣлаются наиболѣе дерзкими: они говорятъ дерзости прямо въ глаза смотрителю“.

Но въ другомъ засѣданіи (5 апрѣля) того-же Общества, д-ръ *Цѣхановскій* высказалъ, что онъ былъ 11 лѣтъ тюремнымъ врачемъ, за это время смѣнилось 6 смотрителей; къ тѣлеснымъ наказаніямъ не прибѣгали, и, однако, онъ со стороны арестантовъ не замѣчалъ никакого ожесточенія.

(Въ подтвержденіе словъ д-ра Цѣхановскаго можно привести слѣдующее сообщеніе изъ „Сибирскаго Вѣстника“ (1896 г. № 113). Въ 70 верстахъ отъ Иркутска есть Александровская центральная каторжная тюрьма, въ которой число каторжанъ доходитъ временами до 2500. Тѣлесныя наказанія въ этой тюрьмѣ за послѣдніе три года, въ качествѣ тюремно-дисциплинарной мѣры, не примѣняются вовсе. Начальникъ тюрьмы Сипягинъ и помощникъ его Лятосковичъ предприняли отмѣну розогъ на свой рискъ и страхъ,

---

[1]) Свои положенія д-ръ Маковецкій подтверждалъ, между прочимъ, указаніемъ на статьи *Л. Мельшина* «Въ мірѣ отверженныхъ».—Л. Мельшинъ въ «Восточномъ Обозрѣніи» № 153 1896 г. рѣзко протестуетъ противъ этого: «мнѣ думалось, что защитники тѣлесныхъ репрессалій не могутъ найти въ моей книгѣ никакихъ доводовъ въ свою пользу; если бы мнѣ доказали, что, напротивъ, книга эта должна явиться источникомъ тѣхъ выводовъ, какіе дѣлаетъ изъ нея предсѣдатель Общества врачей Восточной Сибири, то я, конечно, горько пожалѣлъ бы о томъ, что взялся когда-либо за перо»... Далѣе Л. Мельшинъ говоритъ, что и среди преступниковъ нѣтъ звѣрей, окончательно утратившихъ человѣческій образъ, и потому нуждающихся только въ палкѣ; большинство преступниковъ душевнобольные, причемъ-же тутъ палка? Наука и общество «обязаны подумать объ улучшеніи жизненныхъ формъ и условій, создающихъ преступниковъ, а не о возмездіи для этихъ несчастныхъ».

и результатъ 3-лѣтняго опыта превзошелъ ожиданія: дисциплина и порядокъ не только не понизились, но тюремный бытъ въ этомъ отношеніи значительно повысился. Чувство человѣческаго достоинства и вытекающее изъ него желаніе добропорядочно вести себя среди арестантовъ со времени отмѣны розогъ настолько повысились, что даже необходимость прибѣгать къ карцеру значительно сократилась. Въ послѣдніе 2 года 500 каторжанъ этой тюрьмы, раскованные и при самомъ незначительномъ конвоѣ, дружно и успѣшно проработали на желѣзной дорогѣ, при крайне незначительномъ числѣ побѣговъ и полномъ отсутствіи какихъ либо жалобъ на арестантовъ со стороны мѣстнаго населенія.)

Д-ръ *Ячинскій* замѣтилъ, что засѣдатели сѣкутъ безъ всякихъ освидѣтельствованій, а, по словамъ д-ра *Брониковскаго*, ротный командиръ имѣетъ право наказать штрафованныхъ солдатъ 15 розгами также безъ врачебнаго осмотра.

Д-ръ *Маковецкій* спросилъ, слѣдуетъ ли печатать статью д-ра Кирилова въ протоколахъ, такъ какъ она прямого отношенія къ цѣлямъ Общества не имѣетъ.

Д-ра *Браунъ* и *Болотовъ* высказываютъ сомнѣніе въ убѣдительности сообщенныхъ случаевъ. Однако послѣ справедливыхъ указаній д-ра Зисмана рѣшено статью напечатать.

Д-ръ *Маковецкій* предложилъ ходатайствовать черезъ медицинскій департаментъ о предварительномъ врачебномъ осмотрѣ полноправныхъ лицъ, подвергаемыхъ тѣлесному наказанію, при чемъ было высказано, что необходимо точно ознакомиться съ существующими законоположеніями. „Предложеніе это ни замѣчаній, ни возраженій не вызвало; оно тоже не было подвергнуто какой-либо баллотировкѣ, и никакого постановленія по этому вопросу не сдѣлано".

Въ *Обществѣ врачей Енисейской губерніи*, въ засѣданіи 3 мая 1896 г., прочитанъ докладъ о тѣлесномъ наказаніи д-ромъ *П. Н. Коноваловымъ*. Это сообщеніе озаглавлено „Роль и душевное состояніе врача въ назначеніи и при исполненіи тѣлесныхъ наказаній" и сообразно этому заглавію разсматриваетъ ту сторону этого дѣла, которая имѣетъ соприкосновеніе съ врачами. Одному изъ членовъ названнаго Общества пришлось по должности быть при исполненіи смертной казни и „пережить ужасныя минуты какъ-бы какой-то прикосновенности къ этому роду наказанія"; а затѣмъ участіе врачей, какъ экспертовъ, при назначеніи и выполненіи тѣлесныхъ наказаній, и заставляетъ докладчика разобрать вопросъ съ врачебно-бытовой точки зрѣнія. Въ прежнія времена дикости и жестокости смертная казнь и тѣлесныя наказанія признавались нормальными и совершались даже наиболѣе почетными лицами: жре-

цами, судьями, консулами, большими вельможами и даже царями. Но съ развитіемъ народовъ должность палача становилась все болѣе противной, и нашему правительству пришлось даже издать приказъ „ловить изъ числа зрителей подлыхъ разнаго состоянія людей“. Но, какъ эти люди, такъ и различные преступники отказывались быть палачами, не смотря на большое жалованье, и предпочитали тяжелое наказаніе и ссылку въ Сибирь. На Западѣ борьбу противъ смертной казни и жестокихъ наказаній началъ извѣстный Цезарь Беккарія, который уже въ 1764 г. доказалъ, что такія наказанія безнравственны и не уменьшаютъ преступность, а ожесточаютъ нравы, развращаютъ общество и, слѣдовательно, дѣлаютъ людей болѣе воспріимчивыми въ смыслѣ преступности. Прекрасное сравненіе сдѣлалъ по этому поводу и Робеспьеръ, говорившій за отмѣну смертной казни: „побѣдитель, убивающій плѣннаго врага,—варваръ, человѣкъ-же, убивающій дитя, — чудовище. Преступникъ-же, пойманный и осужденный обществомъ, является передъ этимъ обществомъ несравненно болѣе слабымъ, чѣмъ дитя передъ взрослымъ. Зрѣлища казней, совершаемыхъ государствомъ съ такимъ торжествомъ во имя справедливости и правосудія,— суть лишь низкія убійства, явныя преступленія, совершаемыя не лицемъ, а цѣлымъ народомъ при соблюденіи законныхъ формъ“. Сто лѣтъ тому назадъ говорено все это и... смертная казнь и тѣлесныя наказанія продолжаютъ существовать.--Всѣ русскіе юристы давно осудили тѣлесныя наказанія, какъ отжившія свое время, нецѣлесообразныя, несправедливыя, имѣющія огрубляющее и развращающее вліяніе на народъ. „Менѣе развитая умственно и нравственно часть народа“, говоритъ проф. Кистяковскій, „видя употребленіе побоевъ и истязаній именемъ самого закона, остается при впечатлѣніяхъ и мысляхъ о состоятельности и умѣстности грубыхъ насилій надъ тѣломъ своихъ ближнихъ“. Туже совершенно вѣрную мысль проводитъ и К. Аксаковъ: „Тѣлесное наказаніе есть возведеніе побоевъ въ законъ, есть узаконеніе грубой силы... Побои, возведенные въ законъ, становятся явленіемъ положительно безнравственнымъ, ибо этотъ взглядъ ихъ оправдываетъ и утверждаетъ,—здѣсь уже слышится, чувствуется принципъ“. Послѣ общихъ соображеній о непригодности тѣлесныхъ наказаній, П. Н. Коноваловъ вкратцѣ перечислилъ указанные врачами и обществами вредныя стороны этихъ наказаній въ медицинскомъ отношеніи. Но, не смотря на все это, тѣлесныя наказанія продолжаютъ существовать, и врачамъ приходится играть при нихъ довольно видную роль, которая опредѣляется статьями 521, 523 и пунктомъ 4 статьи 963 тома XVI, части II Свода Законовъ. Прежде всего врачъ долженъ

освидѣтельствовать приговореннаго и рѣшить, можетъ ли онъ безъ вреда для здоровья вынести присужденное наказаніе? Не говоря уже о томъ, что эта задача противорѣчитъ назначенію врача, врачъ, стоя на строго научной почвѣ, не можетъ разрѣшить предложеннаго вопроса или долженъ отвѣтить всегда отрицательно. Хотя изслѣдованный преступникъ, по видимому, вполнѣ здоровъ, но, все-таки, врачъ не можетъ отвѣтить, что тѣлесное наказаніе не принесетъ ему вреда, такъ какъ совершенно нѣтъ данныхъ для врача сказать: будутъ-ли у наказуемаго раны и не заразятся ли онѣ? не сдѣлается ли у него ударъ или падучая? не впадетъ ли онъ отъ боли и позора въ состояніе аффекта и не совершитъ ли новое болѣе тяжелое преступленіе (брань или побои должностныхъ лицъ)? не покончитъ ли съ собой самоубійствомъ или не сдѣлается-ли душевно-больнымъ“? Такимъ образомъ получается непримиримое противорѣчіе: государство, въ лицѣ суда, назначаетъ наказаніе, но не беретъ на себя отвѣтственность за исходъ его, а взваливаетъ ее на врача, который, въ свою очередь, или долженъ поступиться своими убѣжденіями и своею совѣстью и удостовѣрить то, чего онъ самъ не знаетъ, или дать единственно вѣрный отрицательный отвѣтъ и косвенно наложить veto на самый приговоръ суда, т. е. „врачъ въ послѣднемъ случаѣ присвоилъ бы себѣ право прекратить дѣйствіе цѣлаго ряда статей закона, на что имѣетъ право только высшая власть въ государствѣ“. Далѣе, слѣдующая статья гласитъ, что если подвергаемый наказанію плетьми или розгами не будетъ въ состояніи, вслѣдствіе внезапно приключившейся ему болѣзни или слабости, выдержать опредѣленное ему число ударовъ, то призывается врачъ, который, освидѣтельствовавъ тщательно преступника, долженъ дать обстоятельное заключеніе о томъ, можно ли продолжать наказаніе или же это будетъ опасно, и поэтому должно быть отмѣнено впредь до излеченія или облегченія болѣзни. При второмъ случаѣ преступникъ препровождается въ больницу, и врачъ начинаетъ его лечить, но не для того, чтобы онъ по выздоровленіи могъ наслаждаться здоровьемъ и жизнью, а для того чтобы снова подвергнуться мученіямъ и заболѣванію. Если же врачъ будетъ умышленно замедлять выздоровленіе, то это и безцѣльно и проступокъ противъ долга службы. „Загляните въ душу врача въ тотъ день, когда онъ, выписывая этого больного изъ больницы какъ бы говоритъ: я подкрѣпилъ его моимъ леченіемъ, моими заботами настолько, что теперь вновь можно терзать его спину и его душу. Нормально ли это положеніе, и отвѣчаетъ ли оно назначенію врача“?!

Наконецъ, послѣдняя статья обязываетъ врача быть при смертной казни и опредѣлить время, когда казненнаго можно вынуть изъ петли. Такимъ образомъ законъ заставляетъ врача быть ненужнымъ зрителемъ самаго варварскаго истязанія человѣка розгами и плетьми или еще хуже искусственнаго, грубаго и безжалостнаго уничтоженія жизни—того дара природы, который врачъ привыкъ всячески беречь и охранять. Какъ-бы ни чувствовалъ себя врачъ, онъ не имѣетъ права уйдти отъ этого позорнаго и ужаснаго зрѣлища, „онъ обязанъ тутъ присутствовать по закону, онъ представитель этого закона и, какъ таковой, по сути долженъ-бы испытывать чувство нравственнаго удовлетворенія отъ исполненія акта правосудія, потому что всякій таковой актъ долженъ основываться на нравственныхъ началахъ, и тогда только онъ можетъ разсчитывать на успѣхъ и сочувствіе всѣхъ слоевъ народонаселенія. Въ такомъ положеніи при всякой казни и тѣлесномъ наказаніи находятся прокуроръ, секретарь суда, врачъ, священникъ, офицеръ, смотритель тюрьмы и солдаты“. Не удовлетвореніе, а нравственное мученіе испытываютъ всѣ эти лица; оно можетъ выразиться въ крайне острой и сильной формѣ и даже повести хотя-бы къ временному нервному и психическому заболѣванію. (П. Н. Коноваловъ видѣлъ, какъ одинъ впечатлительный офицеръ, зажавъ уши, бросился бѣгомъ отъ мѣста, на которомъ наказывали розгами штрафованнаго солдата; этотъ офицеръ былъ тутъ не обязательно и потому могъ убѣжать; всѣ же перечисленныя лица убѣжать не могутъ, такъ какъ это составитъ крупное дисциплинарное преступленіе). А если вспомнить такія сцены, что казненный умираетъ не сразу, разрывъ веревки, и прочіе ужасы, которые приходится испытывать и переживать врачу, то возникаетъ ясный и опредѣленный вопросъ: „Имѣетъ-ли государство нравственное право требовать не только отъ врача, но и вообще отъ своихъ служащихъ исполненія такихъ задачъ, противъ которыхъ возмущается ихъ нравственное чувство, ихъ совѣсть? Я полагаю, что оно такого права имѣть не можетъ и ни на чемъ его не обоснуетъ; трудно подъискать тѣ нравственные мотивы, тѣ логическія основанія, которыя дали-бы государству право требовать отъ врачей такой тяжелой жертвы, такой расплаты своимъ душевнымъ покоемъ, своимъ здоровьемъ“.

П. Н. Коноваловъ заканчиваетъ свою статью пожеланіемъ, чтобы тѣлесныя наказанія и смертная казнь были совершенно уничтожены въ Россіи. Общеизвѣстное положеніе: „тѣлесное наказаніе да не коснется благороднаго“ должно быть замѣнено: „тѣлесное наказаніе да не коснется никого въ Россіи“, такъ какъ благородство

не зависитъ отъ принадлежности къ кастѣ, а присуще всѣмъ. Относительно-же смертной казни нужно вернуться къ завѣту глубокой старины—Владимира Мономаха: „не убивайте ни праваго, ни виноватаго, и не повелѣвайте убивать таковаго, хотя-бы кто и былъ повиненъ смерти, не губите христіанской души!"

Всѣ присутствовавшие въ засѣданіи [1]) отнеслись вполнѣ сочувственно къ докладу и его основной мысли о необходимости полной отмѣны тѣлесныхъ наказаній всегда и вездѣ. Нѣкоторые члены высказали пожеланіе возбудить по этому поводу отъ Общества соотвѣтственное ходатайство, но вопросъ объ этомъ былъ отложенъ до ближайшаго административнаго засѣданія. При обсужденіи этого доклада нѣкоторыми врачами былъ указанъ между прочимъ слѣдующій любопытный фактъ, опять-таки говорящій противъ тѣлеснаго наказанія: „при медицинскомъ освидѣтельствованіи арестантовъ, присужденныхъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ, нерѣдко встрѣчаются дѣйствительно серьезно—больные, которымъ врачъ и даетъ удостовѣреніе въ этомъ, освобождающее ихъ отъ тѣлеснаго наказанія, замѣняющагося въ такихъ случаяхъ болѣе продолжительной высидкой. Нерѣдко такіе больные арестанты убѣдительно просятъ врача не выдавать имъ такого свидѣтельства и не освобождать ихъ отъ плетей и розогъ, потому что палачъ, только сдѣлаетъ видъ, что сѣчетъ, а въ дѣйствительности почти и не коснется; тогда какъ если отмѣнится тѣлесное наказаніе, то придется 1—2 мѣсяца сидѣть лишнихъ. Такимъ образомъ, по сути жестокій, актъ правосудія превращается тутъ въ какую-то фикцію, въ насмѣшку надъ правосудіемъ, а не проявленіе его".

Въ Воронежскомъ медицинскомъ обществѣ д-ръ *А. С. Грейденбергъ* сдѣлалъ сообщеніе „Случай гнойнаго воспаленія подкожной клѣтчатки послѣ тѣлеснаго наказанія" у заключеннаго въ Воронежскомъ дисциплинарномъ батальонѣ М. П., который 12 ноября 1896 г. былъ наказанъ 100 ударами розогъ. Подробно этотъ случай описанъ въ V главѣ. Этотъ фактъ, по справедливому мнѣнію А. С. Грейденберга, еще разъ доказываетъ невозможность для врача отвѣчать на предлагаемый ему вопросъ: можно-ли подвергнуть такого-то тѣлесному наказанію и перенесетъ-ли онъ это наказаніе безъ вреда для здоровья? Приводя еще рядъ другихъ соображеній о вредномъ вліяніи розги на душевный складъ человѣка, А. С. Грейденбергъ соглашается съ проф. Гвоздевымъ, что врачъ больше всѣхъ другихъ долженъ способствовать всѣми средствами уничтоженію наказанія розгами.

---

[1]) Протоколы 13—17 засѣданій Общества врачей Енисейской губерніи $18^{95}/_{96}$ г.

Намъ неизвѣстно, сдѣлало-ли Воронежское медицинское общество какое-либо постановленіе по поводу этого доклада.

Протестъ противъ тѣлесныхъ наказаній со стороны врачей и врачебныхъ обществъ и съѣздовъ постоянно продолжается, и въ настоящемъ году снова появилось нѣсколько статей по этому вопросу, и два съѣзда земскихъ врачей XI Смоленскій и XIV Московскій и первый съѣздъ Витебскихъ сельскихъ врачей возбудили соотвѣтственныя ходатайства.

На Смоленскомъ съѣздѣ, при обсужденіи вопроса о популяризаціи среди народа гигіеническихъ свѣдѣній, женщина-врачъ *В. П. Якобсонъ* внесла слѣдующее предложеніе:

„Въ настоящее время всѣ врачебные съѣзды особенно указываютъ на необходимость самаго широкаго просвѣщенія народа, поднятія его культуры и самосознанія, безъ чего положительно не мыслимы борьба съ народными предразсудками и проведеніе въ жизнь санитарныхъ требованій. Для поднятія народной культуры и развитія народнаго самосознанія, однимъ изъ важнѣйшихъ тормазовъ является существованіе позорнаго тѣлеснаго наказанія, примѣняемаго и до сихъ поръ, какъ въ войскахъ, такъ и въ значительныхъ размѣрахъ въ крестьянскомъ населеніи. До тѣхъ поръ, пока примѣняется это позорное наказаніе, ни одинъ крестьянинъ не можетъ чувствовать себя совершенно свободнымъ и самостоятельнымъ человѣкомъ, отвѣчающимъ за всѣ свои поступки. Кромѣ того тѣлесное наказаніе оказываетъ весьма пагубное вліяніе на физическую и психическую стороны наказуемаго и на нравственную наказывающихъ и окружающихъ. Все это было указано во врачебныхъ обществахъ, на всероссійскомъ Пироговскомъ съѣздѣ и на VI Пермскомъ съѣздѣ земскихъ врачей, гдѣ, согласно предложенію покойной Е. П. Серебренниковой, было возбуждено ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Губернскія земскія собранія, а въ томъ числѣ и Смоленское также въ яркихъ краскахъ отмѣтили всю ненормальность существованія въ настоящее время тѣлесныхъ наказаній и возбудили соотвѣтственныя ходатайства объ уничтоженіи ихъ. При обсужденіи настоящаго доклада о популяризаціи среди народа гигіеническихъ свѣдѣній и вообще о всестороннемъ просвѣщеніи народныхъ массъ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ и намъ, какъ близко стоящимъ къ народной жизни вспомнить объ этомъ вопіющемъ наказаніи, давно отжившемъ свой вѣкъ, и послѣдовать примѣру Смоленскаго губернскаго земства, Смоленскаго общества врачей и наконецъ *родственнаго* намъ Пермскаго земскаго врачебнаго съѣзда и возбудить ходатайство черезъ губернское собраніе объ отмѣнѣ этого позорнаго бича конца XIX столѣтія“.

Это предложеніе было встрѣчено весьма сочувственно дружными рукоплесканіями.

Д. Н. Жбанковъ замѣтилъ, что это предложеніе особенно своевременно и желательно теперь, какъ напоминаніе, потому что до сихъ поръ не получается желаемаго отвѣта на земское ходатайство; вѣроятно, губернское собраніе не откажетъ поддержать ходатайство съѣзда врачей и такимъ образомъ ускорить полученіе благопріятнаго отвѣта.—Съѣздомъ предложеніе ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для крестьянъ было принято единогласно.

На XIV съѣздѣ Московскихъ земскихъ врачей точно также при обсужденіи доклада секціи о распространеніи среди народа „здравыхъ понятій" *Вл. И. Яковенко* сказалъ слѣдующую рѣчь: „Только что выслушанныя нами предложенія секціи по существу своему весьма симпатичны и вполнѣ цѣлесообразны, а потому нѣтъ сомнѣнія, что съѣздъ присоединится ко всѣмъ заключеніямъ секціи. Но я считаю необходимымъ обратить вниманіе съѣзда на одно весьма существенное упущеніе, сдѣланное секціей. Знакомясь съ массой крестьянства, мы видимъ, что у ней *отсутствуютъ* здравыя понятія о сохраненіи своего и чужого здоровья и въ то же время *присутствуютъ* понятія нелѣпыя, вредныя для личнаго и общественнаго здоровья. Такимъ образомъ наша задача двоякая: съ одной стороны внѣдрять въ сознаніе массы понятія, выработанныя современной наукой, съ другой—устранять, искоренять понятія нелѣпыя. Въ числѣ послѣднихъ имѣется одно въ высокой степени нездоровое, нелѣпое понятіе, которое, пока оно не исчезнетъ изъ сознанія народа, всегда будетъ служить громаднымъ тормазомъ при всѣхъ попыткахъ поднять умственный уровень народныхъ массъ.

Я говорю о понятіи, уже много столѣтій угнетающемъ общественную мысль, общественное чувство, *о понятіи приниженности человѣческой личности; я говорю о тѣлесныхъ наказаніяхъ.* Всѣмъ намъ врачамъ прекрасно извѣстно, на сколько эта форма наказанія вредно вліяетъ на здоровье не только физическое, но и моральное какъ отдѣльнаго лица, такъ и всего общества; намъ извѣстно, что вредъ этотъ касается не только лицъ, подвергающихся этому наказанію, но и въ особенности тѣхъ, кто наказываетъ, и наконецъ той интеллигенціи, которая является равнодушной свидѣтельницей этого дикаго и нелѣпаго явленія. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній я предлагаю съѣзду сдѣлать постановленіе: *просить Губернское Земское Собраніе возбудить ходатайство объ отмѣнѣ тѣлесныхъ*

наказаній. Я предвижу слѣдующее возраженіе противъ моего предложенія: недавно въ губернскомъ земскомъ собраніи былъ поднятъ вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, но онъ не получилъ надлежащаго хода, слѣдовательно, безполезно повторять одно и тоже. Но такое возраженіе не выдерживаетъ критики. Тѣлесныя наказанія настолько нелѣпы, настолько вредны для общественнаго здоровья, что объ отмѣнѣ ихъ слѣдуетъ при всякомъ удобномъ и не удобномъ случаѣ говорить, просить, настаивать, ходатайствовать. Я напомню слова, сказанныя много столѣтій тому назадъ: „просите и дастся вамъ, толцыте и отверзится". Наша мысль, наше чувство не могутъ, не должны успокоиться до тѣхъ поръ, пока существуетъ это позорное наказаніе. Всякій разъ, когда мы говоримъ о поднятіи умственнаго уровня народныхъ массъ, мы должны начинать и кончать наши рѣчи одними и тѣми-же словами: Delenda est Carthago!"

Послѣ громкихъ рукоплесканій многочисленнаго собранія предсѣдатель губернской управы Д. Н. Шиповъ горячо поддержалъ предложеніе и высказалъ увѣренность, что губернское собраніе сочувственно отнесется къ высказанному ходатайству.

Съѣздъ единогласно принялъ сдѣланное предложеніе ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.

На первомъ Витебскомъ съѣздѣ сельскихъ врачей, бывшемъ въ началѣ января 1899 года, присутствовавшій на послѣднемъ засѣданіи инспекторъ народныхъ училищъ указалъ на всю ненормальность существованія тѣлесныхъ наказаній и предложилъ возбудить ходатайство объ уничтоженіи ихъ, что и было принято съѣздомъ при равнодушныхъ рукоплесканіяхъ.

Чтобы покончить со взглядами врачей, приведемъ здѣсь отзывы ихъ въ печати и въ присланныхъ намъ письмахъ о тѣлесномъ наказаніи.

П. Г. Розановъ и *П. П. Крыловъ* касаются вопроса о тѣлесномъ наказаніи съ врачебно-бытовой точки зрѣнія. П. Г. Розановъ помѣстилъ въ „Русской Медицинѣ" (1890, V 17) статью подъ заглавіемъ „Лишняя отвѣтственность", въ которой указывается на ложное положеніе врача, какъ эксперта при назначеніи тѣлесныхъ наказаній. Въ особомъ, присланномъ намъ, письмѣ онъ заявляетъ, что на всѣ вопросы волостныхъ правленій, о томъ можно-ли высѣчь такого-то, онъ всегда отказывался давать отвѣтъ и всю отвѣтственность за послѣдствія сѣченія возлагалъ на назначающихъ это наказаніе.

П. П. Крыловъ помѣстилъ во „Врачѣ" (1892, № 40) письмо, въ которомъ онъ обращаетъ вниманіе на оставшійся незамѣченнымъ

приказъ Нижегородскаго губернатора Баранова, которымъ бывшій Лысковскій санитаръ А. Усовъ приговоренъ „къ наказанію въ селѣ Лысковѣ 150 ударами розогъ въ присутствіи доктора“... По мнѣнію автора письма, докторъ въ данномъ случаѣ попалъ въ обстановку, чуждую цѣлямъ своей науки, въ виду опасности наказанія для жизни приговореннаго. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о жизни или смерти человѣка, не можетъ быть предположеній и вѣроятія, а должна быть полная увѣренность; стало быть, и Барановъ, и присутствовавшій врачъ должны были быть вполнѣ увѣрены, что для наказуемаго нѣтъ никакой опасности отъ 150 розогъ. Оставляя въ сторонѣ нравственную и юридическую сторону дѣла, П. П. Крыловъ ставитъ съ научной точки зрѣнія вопросъ: „имѣетъ-ли право врачъ, какъ представитель науки, брать на себя отвѣтственность за жизнь наказываемаго лица при упомянутыхъ условіяхъ, можетъ-ли онъ, на основаніи самаго строгаго изслѣдованія по всѣмъ правиламъ врачебной науки, придти къ безъусловной увѣренности, что имѣющій быть наказаннымъ перенесетъ благополучно наказаніе?“ По мнѣнію автора статьи, въ настоящее время отвѣтъ можетъ быть только отрицательный: 1) мы такъ еще плохо діагносцируемъ, что даже грубыя органическія измѣненія ускользаютъ отъ нашего вниманія, а небольшія аневризмы аорты и сердца могутъ повести къ смерти во время сѣченія; 2) намъ совершенно недоступны для распознаванія просовидныя аневризмы мозговыхъ артерій, а розги могутъ вызвать разрывъ ихъ и смерть; 3) возможность внезапной смерти отъ боли и шока; 4) случаи смерти отъ душевныхъ потрясеній, къ числу которыхъ относится тѣлесное наказаніе. На предложенный вопросъ П. П. Крылова, по мнѣнію В. А. Манассеина, „со стороны науки и врачебной этики“ можетъ быть только одинъ отрицательный отвѣтъ.

Наконецъ, вопросъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія былъ поднятъ и на VI съѣздѣ русскихъ врачей въ Кіевѣ въ 1896 году, результатомъ чего и явилась настоящая работа. Въ засѣданіи 25 апрѣля отдѣла общественной медицины *П. И. Глушановская-Яковлева*, какъ предсѣдательница, прочла докладъ Комиссіи по школьной гигіенѣ и распространенію гигіеническихъ знаній въ народѣ. *Д. Н. Жбанковъ*, признавая всю громадную важность работъ Комиссіи и всѣхъ деревенскихъ врачей, являющихся не только лечителями, но и учителями, для просвѣщенія народа и поднятія его развитія, что, по мнѣнію всего съѣзда, безусловно необходимо для борьбы съ сифилисомъ и другими заразными болѣзнями, въ тоже время настаивалъ на необходимости устранить и всѣ отрицательныя стороны, изъ которыхъ на первомъ планѣ стоитъ позорное тѣлесное наказаніе. Весь

вредъ его въ медицинскомъ и нравственномъ отношеніяхъ уже прекрасно доказанъ въ ходатайствахъ медицинскихъ обществъ; и здѣсь, по недостатку времени, было-бы совершенно излишне повторять все сказанное и написанное по этому поводу; достаточно отмѣтить одно: человѣкъ не можетъ быть истинно развитымъ, если его каждую минуту могутъ подвергнуть грубому и позорному надругательству. Многія медицинскія общества уже возбудили соотвѣтственныя ходатайства, и съѣздъ русскихъ врачей, объединяющій всѣ мѣстныя общества, долженъ выполнить свою нравственную обязанность и единодушно поддержать эти общества. Поэтому Д. Н. Жбанковъ предложилъ возбудить черезъ общее собраніе съѣзда ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для всѣхъ крестьянъ безъ исключенія. *Н. И. Долгополовъ* въ горячей рѣчи поддержалъ это ходатайство и находилъ необходимымъ для Съѣзда содѣйствовать устраненію одной изъ причинъ психическихъ и другихъ заболѣваній народа и снять позорное клеймо съ нашего крестьянина, послѣдній остатокъ бывшаго рабства. Это ходатайство было принято отдѣломъ Съѣзда бурными и продолжительными рукоплесканіями.

Но такъ какъ всѣ постановленія отдѣловъ передъ докладомъ Общему Собранію должны разсматриваться на распорядительныхъ засѣданіяхъ, то предложенное ходатайство и обсуждалось на второмъ распорядительномъ засѣданіи, гдѣ возникли очень горячія и продолжительныя пренія. Ф. Ф. Эрисманъ, П. И. Морозовъ и М. С. Уваровъ высказались противъ ходатайства, Д. Н. Жбанковъ, А. В. Корчакъ-Чепурковскій, Б. Н. Синани, В. И. Долженковъ, Д. Е. Гороховъ, Н. И. Долгополовъ, П. П. Розановъ и др. высказались за возбужденіе ходатайства: объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія такъ много писали и говорили; земства, врачебныя общества и печать такъ прекрасно доказали весь позоръ и вредъ этого наказанія, что Съѣздъ едва-ли можетъ добавить что либо существенное, но во всякомъ случаѣ обосновать ходатайство легко, воспользовавшись указанными данными. Вопросъ о тѣлесномъ наказаніи всецѣло входитъ въ задачи врачей и съѣзда, такъ какъ психіатры, хирурги и бактеріологи могутъ привести теоретическія соображенія и практическія данныя, доказывающія вредъ тѣлеснаго наказанія для здоровья и жизни. Въ послѣднее время газеты сообщили рядъ случаевъ психическихъ разстройствъ, покушеній на самоубійство и даже самоубійства послѣ этого позорнаго наказанія. Наконецъ, если мы стараемся устранить боль даже при нормальныхъ процессахъ,—родахъ, то развѣ не обязанность вра-

чей устранить и ненормальные случаи нанесенія боли физической и нравственной.

Предсѣдатель поставилъ вопросъ на баллотировку, и распорядительное засѣданіе громаднымъ большинствомъ высказалось за возбужденіе ходатайства; затѣмъ это засѣданіе избрало особую Коммиссію изъ Д. Н. Жбанкова, М. Я. Капустина, С. С. Корсакова и В. И. Яковенко для составленія обстоятельно обоснованнаго ходатайства, которое и должно быть представлено Правленію Общества русскихъ врачей для дальнѣйшаго движенія. На второмъ общемъ собраніи Съѣзда, на которомъ окончательно утверждаются всѣ постановленія и ходатайства отдѣловъ, ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія было принято восторженными и продолжительными рукоплесканіями. О томъ, что сдѣлано избранной коммиссіей, сказано въ предисловіи настоящей книги.

Другія общества. Изъ обществъ, кромѣ врачебныхъ, вопросъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія поднимался только въ двухъ [1]). Петербургскій комитетъ грамотности, согласно поданному въ него письменному заявленію 24 народныхъ учителей, постановилъ ходатайствовать объ отмѣнѣ розогъ для кончившихъ курсъ въ начальныхъ школахъ, но Вольно-экономическое общество въ засѣданіи 28 сентября 1895 года взглянуло шире на этотъ вопросъ и единогласно заявило ходатайство объ освобожденіи отъ тѣлесныхъ наказаній всего крестьянскаго населенія вообще. Относительно компетентности общества въ этомъ дѣлѣ *Н. Ф. Анненскій*, по словамъ „Новост.", замѣтилъ слѣдующее: „Что такое тѣлесное наказаніе, какъ не остатокъ крѣпостнаго права, противъ котораго Императорское вольно-экономическое общество такъ ратовало до благодѣтельной реформы 1861 года. Заботясь о подъемѣ производительныхъ силъ страны, мы должны имѣть въ виду, что одними техническими улучшеніями цѣль не можетъ быть достигнута. Для роста сельскаго хозяйства положительно необходимо, чтобы послѣднее, дѣйствительно, зиждилось на принципѣ свободы, составляющемъ краеугольный камень крестьянской реформы. Такимъ образомъ, возбуждая ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для крестьянскаго сословія, наше Общество не выходитъ изъ предѣловъ своей компетенціи. Крестьяне должны быть поставлены въ положеніе сознательныхъ людей. „Совѣтъ Общества возложилъ на *В. И. Семевскаго* составленіе проекта ходатайства объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній; результаты изученія этого вопроса В. И. Се-

---

[1]) Рус. Мысль 1895. Кн. XII. Очерки провин. жизни. Стр. 188.—Сарат. Зем. Недѣля 1895 г. № 40.

мевскій и изложилъ въ прекрасной, обстоятельной статьѣ „Необходимость отмѣны тѣлесныхъ наказаній“ (Рус. Мысль 1896 г., кн. II и III).

Печать. Въ предыдущемъ изложеніи намъ уже много разъ приходилось дѣлать ссылки на различныя изданія и здѣсь намъ придется добавить немногое. Кромѣ двухъ извѣстныхъ изданій, вся русская печать единогласно высказывалась и высказывается противъ тѣлесныхъ наказаній. Въ числѣ противниковъ розогъ мы встрѣчаемъ духовныя и военныя изданія, всѣ частныя и нѣкоторыя оффиціальныя газеты, юридическіе и медицинскіе органы, столичную и провинціальную печать, ежедневные листки и ежемѣсячные журналы, однимъ словомъ вся печать сражается съ этимъ позорнымъ остаткомъ крѣпостнаго права. Кромѣ вышеприведенныхъ многочисленныхъ ссылокъ на различные печатные органы, приведемъ еще нѣкоторые отзывы о розгахъ изъ печати.

Духовные органы. „Духовный Вѣстникъ Грузинскаго Экзархата“ [1]) горячо высказывается противъ тѣлеснаго наказанія въ частномъ случаѣ въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, но слова этого духовнаго органа одинаково могутъ быть отнесены и къ наказанію взрослыхъ. „Тѣлесное наказаніе, какъ самое грубое изъ всѣхъ наказаній, по принципу вовсе несогласно съ духомъ Евангельскаго ученія, проповѣдующаго любовь къ дѣтямъ и внимательное отношеніе къ потребностямъ ихъ духовной природы. Тѣлесное наказаніе есть своего рода мщеніе за проступки младенческіе. Со зломъ совершенно не долженъ знаться христіанинъ, а месть—одно изъ проявленій зла“ и т. д. Конечно, все тоже можно сказать и о наказаніи взрослыхъ.

Точно также неоднократно высказывался противъ розогъ и другой духовный органъ „*Церковный Вѣстникъ*“. Такъ по поводу отклоненія ходатайства Черниговскаго земства объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія „Церк. Вѣстн.“ полагаетъ [2]), что отказъ по формальнымъ причинамъ свидѣтельствуетъ о томъ, что правительство считаетъ ходатайство по существу заслуживающимъ уваженія. „Защитникамъ розогъ можно-бы, наконецъ, убѣдиться, что эта мѣра не заключаетъ въ себѣ никакихъ нравственно-воспитательныхъ элементовъ. А когда она примѣняется къ крестьянамъ-отцамъ въ присутствіи дѣтей, то производитъ прямо деморализующее впечатлѣніе и ведетъ къ подрыву семейной власти“. Въ другой разъ по поводу ходатайствъ многихъ земствъ „Церк. Вѣст.“ говоритъ [3]), что земству ближе знакомы народныя нужды, чѣмъ людямъ, „ра-

[1]) Смолен. Вѣстн. 1897. № 3.

[2]) Саратов. Земская Недѣля 1895. № 34. Стр. 662.

[3]) Саратов. Земская Недѣля 1895. № 40. Стр. 820.

тующимъ съ ревностью, достойной лучшей участи, за удержаніе для крестьянъ тѣлеснаго наказанія—этого безнравственнаго остатка варварскихъ временъ". Земскія ходатайства не встрѣтили въ правительственныхъ сферахъ принципіальнаго возраженія, а лишь формальное затрудненіе, и потому можно надѣяться на удовлетвореніе ихъ и отмѣну тѣлесныхъ наказаній, которыя, кромѣ другихъ соображеній, имѣютъ противъ себя и то практическое указаніе, что въ послѣднее время являются орудіемъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей въ рукахъ денежной аристократіи деревни, т. е. *міроѣдовъ* и такимъ образомъ служатъ главною причиною деморализаціи деревни. Кромѣ того за отмѣну розогъ „громко вопіетъ одна частность". Въ льготный разрядъ освобожденныхъ отъ тѣлесныхъ наказаній попали крестьяне, лишенные по суду особыхъ правъ и преимуществъ, такъ какъ они, по объясненію сената 18 мая 1873 г., изъемлются отъ подсудности волостному суду, а слѣд. и отъ розогъ, такъ какъ никакой другой судъ къ нимъ не можетъ приговорить. „Такимъ образомъ для того, чтобы избавиться отъ позорнаго наказанія, надо совершить преступленіе, подсудное общимъ судебнымъ установленіямъ, которыя своимъ приговоромъ даютъ крестьянину преимущество передъ его неопороченнымъ по суду сочленомъ. Справедливо-ли это и согласно-ли со здравымъ смысломъ?" занчиваетъ свою горячую статью противъ розогъ „Церков. Вѣстникъ".

О статьяхъ *военной* газеты „Развѣдчикъ" мы упоминали выше, когда приводили отзывы о розгѣ административныхъ лицъ.

Губернскія Вѣдомости. Не менѣе рѣзко и опредѣленно высказываются противъ розогъ и нѣкоторые административные органы печати, а именно *Губернскія Вѣдомости*. Такъ напр. въ „Гродненскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" [1]) помѣщены замѣтки и наблюденія волостнаго писаря, который рѣзко нападаетъ на розги. Онѣ не только не полезны, но безусловно вредны; вредъ этотъ проявляется, между прочимъ, и въ томъ, что сельскія власти нарочно подводятъ подъ розги непріятныхъ имъ лицъ и такимъ образомъ устраняютъ ихъ отъ возможности быть выбранными на общественныя должности. Такъ было поступлено съ двумя грамотными крестьянами, защищавшими интересы крестьянъ противъ самоуправства властей. Изъ крестьянъ защитниками розогъ, по словамъ этого писаря, являются только старики, а вся молодежь противъ.

Не менѣе отрицательно относятся къ розгамъ и „Курск. Губ. Вѣд." [2]).

---

1) Русск. Мысль. 1895. Кн. IX. Стр. 161—162.

2) Цитир. по запискѣ гласнаго П. А. Зеленаго. Журн. Херсонск. губ. земскаго собранія 1895 г.

Вотъ ихъ мнѣніе: „Тѣлесное наказаніе вообще является крайне несовершенною исправительною мѣрою; порочнаго крестьянина оно не исправитъ, а только скорѣе озлобитъ; на крестьянина-же, въ существѣ порядочнаго, оно дѣйствуетъ крайне удручающимъ образомъ: позоръ, наносимый розгами, остается на всю жизнь; позоръ этотъ раздѣляетъ и семья, такъ какъ дѣтей человѣка, подпавшаго такому наказанію, сверстники не преминутъ подвергнуть осмѣянію: „Твой батька, молъ, поротый!“ Далѣе эта газета указываетъ, что „къ розгамъ за сравнительно маловажные проступки приговариваются люди въ зрѣломъ возрастѣ, хорошіе домохозяева, отцы взрослыхъ дѣтей“...

Въ „Архангельск. Губернск. Вѣдом.“ [1]) приводится отзывъ относительно тѣлеснаго наказанія одного волостнаго писаря, крестьянина Кольскаго уѣзда Степана Михайлова; этотъ отзывъ изложенъ имъ въ запискѣ, поданной въ коммиссію для пересмотра законоположеній о крестьянахъ. „Осмѣлюсь доложить коммиссіи нѣсколько словъ о тѣлесномъ наказаніи. Въ теченіе болѣе 20 лѣтъ моего служенія волостнымъ писаремъ не въ одной, а въ разныхъ 7 волостяхъ, изъ-подъ моего пера не вышло ни одного рѣшенія суда о наказаніи розгами и, однако-же, ни ходъ дѣла въ крестьянскихъ учрежденіяхъ, ни сама крестьянская жизнь, словомъ, ничто ни малѣйшимъ образомъ не вызывало этого сколько противоестественнаго, столько-же и позорнаго наказанія! Не говоритъ-ли этотъ фактъ о ненужности розги, объ отмѣнѣ ея?“

Изъ *общей печати* мы многократно дѣлали ссылки на большинство нашихъ органовъ; приведемъ здѣсь нѣсколько выписокъ изъ другихъ газетъ за послѣднее время. Обозрѣватель провинціальной жизни въ *Биржевыхъ Вѣдом.* [2]) г. Далинъ отмѣчаетъ, что въ послѣднее время высказались противъ тѣлеснаго наказанія земскія собранія, всѣ органы нашей печати (кромѣ двухъ, трехъ), ежедневной и ежемѣсячной, столичной и провинціальной. Горячій протестъ противъ розогъ заявили нѣкоторыя оффиціальныя изданія— „Губернскія Вѣдомости“ и духовный органъ „Церковный Вѣстникъ“. „Будемъ-же надѣяться“, кончаетъ свою замѣтку г. Далинъ, что голосъ общества, столь единодушный и громкій, будетъ услышанъ, и что тѣлесное наказаніе будетъ, наконецъ, изъято изъ нашей народной жизни безъ малѣйшаго остатка“.

Газета „*Свѣтъ*“ [3]) останавливается на двухъ вопросахъ, особенно занимающихъ земскія собранія, и находитъ тѣсную связь

---

[1]) Цитир. по «Медиц. Бесѣдѣ» 1897. № 21. Стр. 643.

[2]) Саратовская Земская Недѣля 1895 г. № 8. Стр. 165.

[3]) Саратовская Земская Недѣля 1895 г. № 38. Стр. 768.

между всеобщимъ обученіемъ и отмѣной тѣлесныхъ наказаній, такъ какъ освобожденіе отъ этихъ наказаній грамотныхъ послужитъ для родителей сильнымъ толчкомъ для отдачи ихъ дѣтей въ школы. Отмѣчая единодушіе земствъ въ ходатайствѣ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній и въ заботахъ о всеобщемъ обученіи, эта газета высказываетъ надежду, что работы земства въ данныхъ вопросахъ скоро придутъ къ намѣченной цѣли, и черезъ 2—3 десятка лѣтъ *весь уже грамотный* русскій народъ, освобожденный отъ позора тѣлеснаго наказанія, снова „осѣнитъ себя крестнымъ знаменіемъ", какъ это сдѣлалъ по воззванію незабвеннаго манифеста 19 февраля 1861 года.

„*Новое Время*" [1]) высказывается рѣшительно противъ тѣлеснаго наказанія въ замѣткѣ о назначеніи Воронежскимъ вице-губернаторомъ А. М. Чернова—автора прекрасной брошюры „Изъ волостной юстиціи", въ которой онъ опредѣленно опровергаетъ de facto и de jure необходимость розги (см. выше). Заканчиваетъ эта газета свою замѣтку указаніемъ, что если можно обойтись безъ розогъ въ уѣздѣ съ отхожимъ промысловымъ населеніемъ, вкусившимъ отрицательныхъ плодовъ городской культуры, то значитъ „и все крестьянство достойно того-же".

„*Новости*", говоря о статьѣ „Церковн. Вѣстн."противъ тѣлеснаго наказанія, заканчиваютъ свою замѣтку словами, что о деморализующемъ дѣйствіи тѣлеснаго наказанія свидѣтельствуютъ всѣ наблюдатели народной жизни, которые „съ отвращеніемъ относятся къ позорному наказанію, которое тѣшитъ воображеніе свирѣпыхъ розгофиловъ въ тиши ихъ кабинетовъ" [2]).

„*Южный Край*" — Харьковская газета, которую по словамъ „Русскихъ Вѣдомстей" [3]) вовсе нельзя заподозрить въ приверженности къ „либеральнымъ" идеямъ, горячо высказывается противъ розогъ. Тѣлесное наказаніе, отжившее свой вѣкъ, унижающее нравственность и посягающее на физическую неприкосновенность человѣка, до сихъ поръ имѣетъ еще широкое распространеніе: кромѣ волостнаго суда сѣкутъ штрафныхъ солдатъ, въ военномъ быту тѣлесное наказаніе не ограничивается тѣсными предѣлами; сохраняется незаконный обычай высѣкать розгами недоимки. „Чтобы прекратить эти азіатскія привычки и замашки", говоритъ „Южный Край", „нужно не ограниченіе тѣлесныхъ наказаній, а упраздненіе ихъ въ самомъ *принципѣ*; надо, чтобы эти наказанія совсѣмъ перестали позорить нашу страну. Только рѣшительное упраздненіе розги во всѣхъ видахъ и слу-

---

[1]) Смолен. Вѣст. 1896. № 234.

[2]) Саратовская Земская Недѣля. 1895. № 34.

[3]) Русс. Вѣд. 1897 г. № 326.

чаяхъ, во всякомъ быту, можетъ положить конецъ безобразіямъ, злоупотребленіямъ и простору дурныхъ нравовъ. Только тогда исчезнутъ сомнѣнія для каждаго отдѣльнаго случая—можно-ли сѣчь или нельзя?“ Къ этому *„Рус. Вѣд.“* прибавляютъ отъ себя: „число сторонниковъ розги, повидимому, съ каждымъ днемъ уменьшается“.

„Юридическая Газета“ много разъ говорила противъ розогъ и приводила весьма основательные доводы противъ этого позорнаго наказанія. Такъ напр. она [1]) опровергаетъ дешевизну и удобство порки для наказуемыхъ; крестьянамъ, проживающимъ внѣ предѣловъ волости и заочно приговореннымъ къ розгамъ, приходится претерпѣть массу мытарствъ, что видно изъ слѣд. факта. „Крестьянинъ Смоленской губ. Кадетовъ, проживающій въ С.-Петербургѣ, былъ заочно приговоренъ волостнымъ судомъ Рязанской губ. къ 19 ударамъ розогъ, для исполненія каковаго приговора Кадетовъ долженъ былъ быть отправленъ въ Рязанскую губ., но онъ пожелалъ отбыть наказаніе на родинѣ въ Смоленской губ., и слѣд. долженъ былъ быть заключенъ въ тюрьму до перваго отходящаго этапа; затѣмъ долженъ былъ отсидѣть въ тюрьмахъ по дорогѣ слѣдованія этапнымъ порядкомъ на родину, куда онъ могъ прибыть только черезъ три мѣсяца. Полицейское управленіе и уѣздный съѣздъ, на обязанности которыхъ лежало приведеніе даннаго приговора въ исполненіе, затруднились найдти выходъ изъ положенія и представили этотъ случай на благоусмотрѣніе начальства. Выходъ, дѣйствительно, указать нелегко: нельзя-же поручить городской полиціи, по мѣсту пребыванія осужденнаго, исполненіе надъ нимъ позорной экзекуціи! Остается одно: уничтожить самое наказаніе розгами“, заканчиваетъ газета свою замѣтку.

Славянофильская печать въ свое время также отвергала тѣлесныя наказанія; К. Аксаковъ былъ горячимъ противникомъ розогъ и возставалъ противъ нихъ въ различныхъ издаваемыхъ имъ журналахъ [2]). Прежде всего онъ доказываетъ ошибочность утвержденія, что розги и плети русское изобрѣтеніе; это подарокъ Татарскій; „древняя Русь не знала тѣлеснаго наказанія, въ ней грубая сила являлась какъ случайность, но никогда какъ законъ“. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „что это за наказаніе, столь оскорбляющее честь и достоинство однихъ (сословій или лицъ) и не оскорбляющее чести и достоинства другихъ? Здѣсь скрыта та мысль, что по закону не предполагается ни чести, ни достоинства въ сословіяхъ, подвергнутыхъ тѣлесному наказанію... Тѣлесное нака-

---

[1]) Цитир. по «Рус. Вѣд.» 1897 г. № 260.

[2]) Русь. 1883. № 5.—День. 1862. № 45.

заніе или можетъ быть допущено для всѣхъ, или вовсе не можетъ быть допущено... Тѣлесное наказаніе есть возведеніе побоевъ въ законъ, есть узаконеніе грубой силы .. Побои, возведенные въ законъ, становятся явленіемъ положительно безнравственнымъ, ибо этотъ взглядъ ихъ оправдываетъ, утверждаетъ; здѣсь уже слышится, чувствуется принципъ":

На вопросъ о тѣлесномъ наказаніи откликнулся и *Л. Н. Толстой:* въ „Биржев. Вѣд." [1]) помѣщена его горячая и глубоко справедливая статья „Стыдно". Офицеры Семеновскаго полка еще въ 1820-хъ годахъ отмѣнили у себя въ полку тѣлесное наказаніе, и тѣмъ не менѣе полкъ оставался образцовымъ, гуманное обращеніе исправляло самыхъ испорченныхъ солдатъ. Прошло 75 лѣтъ, и внуки этихъ офицеровъ въ качествѣ земскихъ начальниковъ утверждаютъ приговоры о поркѣ, а болѣе передовые внуки въ земскихъ собраніяхъ ходатайствуютъ о томъ, чтобы въ виду „гигіеническихъ и педагогическихъ цѣлей" избавили отъ розогъ кончившихъ курсъ въ народныхъ школахъ. Если „высшіе классы такъ огрубѣли и нравственно понизились", то среди сѣкомыхъ крестьянъ произошло повышеніе умственнаго и нравственнаго уровня, и они считаютъ розги не только физической, но и нравственной пыткой. Въ подтвержденіе этого приводятся факты ужаснаго угнетающаго дѣйствія порки на крестьянъ, въ результатѣ чего иногда бываетъ самоубійство". Между прочимъ разсказывается одинъ случай, смутившій даже все волостное начальство и исполнителей наказанія, когда крестьянинъ, имѣющій уже женатаго сына, за ссору со старостой былъ приговоренъ къ поркѣ, умолялъ старшину не позорить его, но мольбы были не уважены..." Петровичъ раздѣлся и легъ со словами „Христосъ терпѣлъ и намъ велѣлъ".—„Какъ разсказывалъ мнѣ присутствовавшій писарь", пишетъ Л. Н. Толстой, „у всѣхъ тряслись руки, и всѣ не смѣли смотрѣть въ глаза другъ другу, чувствуя, что они дѣлаютъ что-то ужасное. И вотъ этихъ то людей считаютъ необходимымъ и, вѣроятно, полезнымъ для кого-то, какъ животныхъ—да и животныхъ запрещаютъ истязать—сѣчь розгами. Для блага нашего христіанскаго и просвѣщеннаго государства необходимо подвергать нелѣпѣйшему, неприличнѣйшему и оскорбительнѣйшему наказанію не всѣхъ членовъ этого христіанскаго просвѣщеннаго государства, а только одно изъ его сословій, самое трудолюбивое, полезное, нравственное и многочисленное.

„Въ огромномъ христіанскомъ государствѣ, 19 вѣковъ послѣ

1) Биржевыя Вѣдомости. 1895 г. № 355.

Христа, ничего не нашлось болѣе полезнаго, умнаго и нравственнаго для противодѣйствія нарушеніямъ законовъ, какъ-то, чтобы людей, нарушившихъ законы,—взрослыхъ и иногда старыхъ людей, оголять, валить на полъ и бить прутьями по зад...

„И люди нашего времени, считающіе себя самыми передовыми, внуки тѣхъ людей, которые 75 лѣтъ тому назадъ уничтожили тѣлесное наказаніе, теперь почтительнѣйше и совершенно серьезно просятъ о томъ, чтобы поменьше сѣчь взрослыхъ людей русскаго народа, потому что доктора находятъ, что это нездорово, и не сѣчь, тѣхъ, которые кончили курсъ.

„Но развѣ можно объ этомъ просить... Про такія дѣла нельзя почтительнѣйше просить. Дѣла, такія дѣла можно и должно только обличать. Обличать-же такія дѣла должно потому, что дѣла эти, когда имъ приданъ видъ законности, позорятъ всѣхъ насъ, живущихъ въ томъ государствѣ, въ которомъ дѣла эти совершаются. Вѣдь если сѣченіе крестьянъ—законъ, то законъ этотъ сдѣланъ и для меня, для обезпеченія моего спокойствія и блага. А этого нельзя допустить. Если уже говорить про тѣлесное наказаніе, совершаемое только надъ однимъ крестьянскимъ сословіемъ, то надо не отстаивать правъ земскаго собранія или жаловаться на губернатора, опротестовавшаго ходатайство о несѣченіи грамотныхъ, министру, а на министра сенату, а на сенатъ еще далѣе, какъ это предлагаетъ Тамбовское земство, а надо, не переставая, кричать, вопить о томъ, что такое примѣненіе дикаго, переставшаго уже употребляться для дѣтей наказанія къ одному лучшему сословію русскихъ людей есть позоръ для всѣхъ тѣхъ, кто прямо или косвенно участвуетъ въ немъ. Петровичъ, который легъ подъ розги, перекрестившись и сказавъ: „Христосъ терпѣлъ и намъ велѣлъ", простилъ своихъ мучителей и послѣ розогъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ. Одно, что произвело въ немъ совершонное надъ нимъ истязаніе,—это презрѣніе къ тѣмъ, которые совершаютъ такія наказанія. Но на многихъ молодыхъ людей не только самое наказаніе, но часто одно сознаніе того, что оно возможно, дѣйствуетъ, понижая ихъ нравственное чувство и возбуждая иногда отчаянность, иногда звѣрство. Но не тутъ еще главный вредъ этого наказанія. Главный вредъ въ душевномъ состояніи тѣхъ людей, которые устанавливаютъ, разрѣшаютъ, предписываютъ это наказаніе, для тѣхъ, которые пользуются имъ, какъ угрозой, и всѣхъ тѣхъ, которые живутъ въ убѣжденіи, что такое нарушеніе всякой справедливости и человѣчности необходимо для хорошей, правильной жизни. Какое страшное нравственное искалѣченіе должно проис-

ходить въ умахъ и сердцахъ такихъ людей, часто молодыхъ, которые, я самъ слыхалъ, съ видомъ глубокомысленной практической мудрости говорятъ, что мужика нельзя не сѣчь и что для мужика это лучше. Вотъ этихъ то людей больше всего жалко за то озвѣрѣніе, въ которое они впали и въ которомъ коснѣютъ. И потому освобожденіе русскаго народа отъ развращающаго вліянія тѣлеснаго наказанія, со всѣхъ сторонъ, — дѣло огромной важности. И освобожденіе это произойдетъ не тогда, когда будутъ изъяты отъ тѣлеснаго наказанія кончившіе курсъ или еще какіе-нибудь изъ крестьянъ или даже всѣ крестьяне, за исключеніемъ хотя-бы одного, а только тогда, когда всѣ признаютъ свой грѣхъ и смиренно покаются въ немъ".

Крестьяне. Такимъ образомъ правительство въ лицѣ министерствъ, отдѣльные представители власти-администраторы, судебные, военные, крупные и средніе, далеко стоящіе отъ народа и живущіе среди него,—земство и дворянство, общество и печать, близко стоящіе къ наказуемымъ врачи,—всѣ и все противъ тѣлеснаго наказанія... и всетаки оно не уничтожено въ законѣ и примѣняется на практикѣ. Чѣмъ-же объяснить это непонятное явленіе, отъ чего или отъ кого зависитъ существованіе розогъ наперекоръ всему русскому обществу? Обыкновенно ссылаются на безотвѣтную массу—крестьянство, которое само-де любитъ розги, само назначаетъ ихъ и предпочитаетъ сѣченіе всякому другому наказанію; приводятся даже факты такой любви, гдѣ крестьяне умоляютъ о замѣнѣ имъ ареста или штрафа розгами. Можетъ быть, это и было когда-то, но только очень давно въ доброе старое время, когда *всѣ русскіе* безъ различія сословій *любили* это наказаніе, но начиная съ 60-хъ годовъ эта *любовь* прекращается.

Вотъ что по этому поводу писалъ [1]) еще кн. Н. Орловъ въ 1861 году: „Многіе скажутъ, что русскій народъ не можетъ обойтись безъ розогъ, съ коими сроднился вѣками. Подобнымъ *розголюбамъ* можно-бы отвѣтить, что тѣлесныя наказанія принесены на Русь татарами и узаконены бюрократіей. Тамъ-же, гдѣ русскій человѣкъ развивался внѣ прямаго вліянія монголовъ и чиновниковъ, тамъ вовсе не было тѣлесныхъ наказаній. На Дону, на Запорожьи, въ Сибири не было въ прежнее время ни кнута, ни плетей, ни розогъ". Тоже отвращеніе русскаго народа къ тѣлеснымъ наказаніямъ доказывалось и слѣд. фактами: 1) во время составленія записки кн. Орловымъ не было возможности пріискать желающихъ

---

[1]) Юридич. Вѣстн. 1892 г. т. 7—8. Стр. 412, 420 и 405.

поступить въ палачи, не смотря на то, что преступники, осужденные къ ссылкѣ на поселеніе или къ отдачѣ въ арестантскія роты, при поступленіи въ палачи освобождались отъ наказанія; 2) при каждомъ публичномъ наказаніи палачу бросали деньги, чтобы онъ легче наказывалъ преступника; бывали даже случаи, что съ этой цѣлью старались подкупить палача. Особенно сильно бывало негодованіе народа противъ публичнаго наказанія женщинъ; сожалѣніе къ послѣднимъ нерѣдко доходило до того, что крестьяне приходили въ земскій судъ и просили выдать замужъ за нихъ присужденныхъ къ плетямъ женщинъ, предполагая этимъ избавить ихъ отъ наказанія рукою палача. (Такъ между прочимъ въ Петербургѣ поступили нѣсколько крестьянъ относительно совершенно незнакомой имъ крестьянской дѣвушки, осужденной къ плетямъ за убійство незаконнорожденнаго ребенка). Вѣроятно, были и другіе факты, доказывающіе отвращеніе крестьянъ къ розгамъ, но кто-же интересовался этими фактами. Чѣмъ дальше отъ крѣпостнаго права, тѣмъ рѣзче сказывается враждебное отношеніе крестьянъ къ розгѣ. О 70-хъ годахъ имѣются уже оффиціальныя свѣдѣнія. *Труды коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ*, о которыхъ мы говорили уже выше, содержатъ между прочимъ взгляды волостныхъ судей, старшинъ и крестьянъ на тѣлесное наказаніе. Хотя въ этотъ періодъ, т. е. въ самомъ началѣ 70-хъ годовъ, народъ былъ гораздо болѣе неграмотенъ, чѣмъ теперь, а волостными заправилами были старики, воспитанные крѣпостнымъ правомъ, и всетаки оказались волости совсѣмъ безъ примѣненія тѣлесныхъ наказаній, и многіе судьи, крестьяне и старшины высказывались за полное уничтоженіе розогъ, находя ихъ позорными и вредными во всѣхъ отношеніяхъ. Интересны нѣкоторые отзывы волостныхъ судовъ: „худого человѣка розгой не исправишь, а хорошаго, пожалуй, испортишь"; „розги на многихъ только конфузъ производятъ, а дѣйствія полезнаго не имѣютъ, пожалуй, еще пуще озлобляютъ"; „хорошо-бы это наказаніе совершенно уничтожить, чтобы розогъ и въ заводѣ не было"; „много биты были при помѣщикахъ, а пользы мало было, только худоба отъ битья, и битьемъ человѣка не выправишь" и т. д., и т. д.—За 25 лѣтъ развитіе и образованіе народа значительно подвинулись впередъ, отвращеніе къ розгамъ и протесты противъ нихъ усилились. Хотя близко стоящіе къ народу лица мало интересовались до послѣдняго времени этимъ вопросомъ, а самимъ крестьянамъ печать была недоступна, однако мы имѣемъ уже рядъ опубликованныхъ фактовъ крестьянскаго протеста противъ розогъ [1]). Этотъ протестъ выразился въ нѣкоторыхъ случаяхъ

въ рѣзкихъ формахъ: съ одной стороны болѣе слабые не выносили позора и послѣ наказанія оканчивали свою жизнь самоубійствомъ, а съ другой—болѣе смѣлые и сильные не допускали совершить надъ собой наказаніе, и оказывали сопротивленіе властямъ въ одиночку и цѣлой толпой, или наконецъ совершали болѣе тяжелыя преступленія, чтобы только избавиться отъ розогъ. Узнавши значеніе медицинскихъ свидѣтельствъ, приговариваемые къ розгамъ стали обращаться къ врачамъ за свидѣтельствами. Наконецъ крестьяне мало по малу знакомятся съ печатью, узнаютъ ея силу и начинаютъ переходить къ болѣе дѣйствительному, мирному протесту противъ розогъ: въ печати начинаютъ появляться изрѣдка отзывы самихъ крестьянъ о розгахъ. Факты перваго рода будутъ приведены нами въ главѣ V, а здѣсь мы отмѣтимъ найденные нами разнообразные случаи мирнаго протеста.

Въ газетѣ „Крымъ“ [2]) разсказывается слѣдующая характерная исторія изъ Мелитопольскаго уѣзда. Въ одной крестьянской семьѣ возникъ обыденный семейный разладъ между невѣсткой и свекровью, причемъ сынъ обидѣлъ словами мать. На волостномъ судѣ онъ призналъ себя виновнымъ, просилъ у матери прощенья, кланялся въ ноги ей, но мать не простила. Тогда судъ приговорилъ виновнаго къ 20 ударамъ розогъ. При словѣ „розга“ подсудимый поблѣднѣлъ, нѣсколько секундъ стоялъ съ открытымъ отъ удивленія ртомъ и какъ будто не вѣрилъ услышанному; еще нѣсколько секундъ онъ, повидимому, что-то соображалъ и обратившись къ судьямъ сказалъ: „лучше-бы вы, господа старики, порѣшили мою голову, чѣмъ переносить мнѣ такой стыдъ“. Дальше газета справедливо прибавляетъ отъ себя: „безконечно проста, безконечна трогательна и назидательна эта короткая фраза крестьянскаго парня! Сильнѣе всякихъ краснорѣчивыхъ разсужденій фраза эта должна ударить въ самое сердце всѣхъ, не потерявшихъ стыда“...

Въ Ростовскомъ округѣ, по словамъ „Приазовскаго Края“, [3]) возникло нѣсколько дѣлъ объ оскорбленіи волостныхъ судей и главнымъ образомъ по винѣ того-же тѣлеснаго наказанія, которое крестьяне совсѣмъ не переносятъ. Волостные судьи сплошь и рядомъ рѣшаютъ дѣла согласно своимъ собственнымъ взглядамъ.

---

[1]) На сколько невѣдѣніе въ этомъ отношеніи можетъ быть возмутительнымъ, достаточно привести въ примѣръ одного врача, который прожилъ въ деревнѣ около 9 лѣтъ и съ вопросомъ о розгахъ столкнулся только тогда, когда къ нему обратился съ просьбой молодой крестьянинъ—выдать ему медицинское свидѣтельство, что онъ по болѣзни не можетъ быть подвергнутъ тѣлесному наказанію.

[2]) Цитир. по «Смол. Вѣст.» 1896. № 260.

[3]) Рус. Вѣд. 1897 г. № 152.

„Всякіе протесты со стороны тяжущихся, несогласныхъ съ такими взглядами, принимаются за непочтеніе къ судьямъ, за грубость, дерзость, и протестующіе за это именно часто приговариваются къ позорнѣйшему наказанію розгами. Злоупотребленія этимъ наказаніемъ и вызываютъ, глав. обр., тѣ печальные инциденты въ волостныхъ судахъ, которые констатируются и нашими крестьянскими присутствіями".

Крестьянинъ Гдовскаго уѣзда, Петербургской губерніи, Михаилъ Дмитріевъ помѣстилъ въ „Сельскомъ Вѣстникѣ" письмо о нуждахъ русской деревни, въ которомъ, между прочимъ, указываетъ на необходимость отмѣны тѣлеснаго наказанія [1]).

Прекрасно рисуется отношеніе крестьянъ къ розгамъ въ слѣдующей корреспонденціи [2]), гдѣ авторъ описываетъ случайно выслушанную на станціи Лозово-Севастопольской жел. дор. оживленную бесѣду четырехъ уже не молодыхъ крестьянъ: „Нахмуренныя лица, строго сосредоточенный видъ всѣхъ собесѣдниковъ, прорывающаяся изрѣдка въ отдѣльныхъ словахъ и фразахъ нотка затаенной горечи ясно показывали, что собесѣдники не праздно „калякаютъ", а высказываютъ наболѣвшія думы о наболѣвшемъ вопросѣ невеселаго жизненнаго обихода. „Какъ посѣкли, такъ и померъ", говоритъ одинъ изъ собесѣдниковъ. „Ну, это ужъ все одно: померъ-ли или нѣтъ, а погибъ человѣкъ" отвѣчаетъ другой крестьянинъ. „Вѣрно твое слово, Акимъ Петровъ", заговариваютъ въ одинъ голосъ два другихъ собесѣдника, видимо, односельчане, „вотъ, може, помнишь Прокопа Смирдина; работный былъ мужикъ, тихій да покойный, а какъ случился съ нимъ грѣхъ, да и посѣкли его, такъ не узнаешь ты прежняго Прокопа... пьетъ и бабу свою лупитъ. Такъ и кричитъ на все село: въ гробъ вколочу бабу, потому никто, какъ она, проклятая довела до гибели, за нее, за ея грѣхи заслужилъ розгу. А гдѣ ужъ тамъ у жинки грѣхи: одно слово помѣшался Прокопъ... А все же ноньче у насъ куды какъ меньше розги"... „Да меньше-то оно меньше, а все вотъ въ позапрошломъ году на сѣченіе-то присудили 80 душъ въ нашей губерніи", возразилъ тотъ изъ крестьянъ, котораго собесѣдники называли Акимъ Петровымъ. Я не удержался и спросилъ у Акима Петрова, изъ какихъ источниковъ получены имъ свѣдѣнія о томъ, что въ 1896 г. въ Таврической губ. было приговорено къ тѣлесному наказанію 80 человѣкъ. Послѣ минутнаго раздумья, Акимъ, не говоря ни слова, вытащилъ изъ кармана сильно потертый кусокъ бумаги,

---

1) Смол. Вѣсти. 1896. № 234.

2) «Сынъ Отечества» 1898. № 190.

крупнымъ почеркомъ исписанной рядомъ такого рода данныхъ. „Въ 1896 г. присуждено къ сѣченію розгами 80 человѣкъ, 72 приговора замѣнены арестомъ, 3 приговора отмѣнены, 5 человѣкъ высѣчены". Затѣмъ идетъ точное распредѣленіе всѣхъ уѣздовъ нашей губерніи по числу приговоровъ къ тѣлесному наказанію въ томъ-же году. Акимъ заявилъ, что „бумажка переписана съ газеты" (какой, не помнитъ), а на мой вопросъ, для чего понадобилось ему это переписываніе, коротко отвѣтилъ, что бумажку эту онъ „съ собой завсегда носитъ".

Одинъ изъ волостныхъ судовъ Области Войска Донскаго замѣнилъ тѣлесное наказаніе, которому подлежалъ подсудимый, арестомъ въ виду того, что „въ послѣднее время многими земствами и печатью возбужденъ вопросъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, какъ позорящаго человѣчество", а также въ виду пожилыхъ лѣтъ и семейнаго положенія подсудимаго [1]).

Въ Черниговской губерніи вся крестьянская молодежь считаетъ розги страшнымъ позоромъ, почему всегда даже не судившіеся задабриваютъ судей и писаря водочкой, чтобы они, въ случаѣ какого-либо дѣла, не приговорили къ розгамъ. Лица, наказывающія розгами, всѣми презираются и носятъ ругательную кличку *катъ* (палачъ), поэтому въ деревняхъ теперь трудно найти крестьянина, который взялся-бы быть экзекуторомъ [2]). „Рус. Богат." [3]) сообщаетъ, что въ одной волости тѣлесное наказаніе вывелось потому, что никто не хотѣлъ приводить его въ исполненіе. Состоялся-было одинъ приговоръ послѣ введенія положенія о земскихъ начальникахъ, но сторожъ волост наго правленія отказался пороть, говоря, что онъ не палачъ и нанимался не для этого; другихъ охотниковъ пороть не нашлось. Знатокъ крестьянской жизни А. М. Черновъ говоритъ, что существованіе порки для крестьянъ производитъ на нихъ удручающее впечатлѣніе; они никакъ не могутъ считать себя равноправными съ остальными сословіями: „знамо мы, мужики! нешто насъ за настоящихъ людей считаютъ; насъ и судятъ не по ровну" [4]). При такомъ взглядѣ на розгу вполнѣ понятно, что одни выпоротые при первой-же возможности уходятъ изъ дому на сторону, гдѣ ихъ позоръ неизвѣстенъ, а другіе отправляются въ кабакъ: „теперь ребятишки засмѣютъ; тяжко, людямъ показаться стыдно... Выпить надо! безъ водки не стерпѣть позора... а тамъ уже и пошло, и

---

1) Вѣстникъ Европы 1895. кн. X. Стр. 813.
2) Вѣстникъ Европы 1890. кн. XII. Стр. 843—844.
3) Рус. Богат. 1892. № 8.
4) L. cit. Стр. 87.

пропалъ человѣкъ". И такимъ образомъ часто человѣкъ пропадаетъ ни за что и даже за вину самого волостнаго начальства. Мы уже указывали на нѣсколько фактовъ мести старшины и старосты; приведемъ здѣсь еще одинъ недавно сообщенный случай [1]). Въ Чернскомъ уѣздѣ Тульской губ. одинъ сельскій староста воровалъ заповѣдный крестьянскій лѣсъ; крестьяне явились съ обыскомъ и нашли краденый лѣсъ у старосты. Видя, что дѣло плохо, староста надѣлъ свой знакъ и очутился при исполненіи служебныхъ обязанностей. Послѣ крупнаго разговора и перебранки съ обѣихъ сторонъ, возникло дѣло по обвиненію одного крестьянина въ оскорбленіи старосты. Волостной судъ приговорилъ этого крестьянина къ розгамъ, земскій начальникъ немедленно утвердилъ приговоръ, и только по жалобѣ приговореннаго, съѣздъ нашелъ рѣшеніе неправильнымъ и отмѣнилъ его.

А вотъ еще фактъ, указывающій, что не только крестьяне, но сами власти считаютъ розги позоромъ. Въ Суджинской волости Томской губерніи изъ 215 дѣлъ, разобранныхъ волостнымъ судомъ до 1898 года, къ тѣлесному наказанію приговорены обвиняемые только по тремъ дѣламъ. Но эти три приговора и до настоящаго времени не исполнены, такъ какъ волостное и сельское начальство отказывается отъ приведенія ихъ въ исполненіе [2]). Газета „Владивостокъ" [3]) приводитъ еще болѣе интересный фактъ отказа со стороны арестантовъ исполнять обязанности палача: „явившись однажды неожиданно въ Александровскую тюрьму на Сахалинѣ, Д. А. Дриль наткнулся на сцену, когда помощникъ Ч. наказывалъ розгами арестанта. Д. Дриль, остановивъ экзекуцію, обратился къ арестанту съ вопросомъ, за что его наказываютъ. Къ немалому изумленію своему, почтенный ревизоръ получилъ отвѣтъ, что его наказываютъ за то, что онъ отказался другихъ наказывать, за отказъ, словомъ, исполнять обязанности палача.—„Какъ, обратился ревизоръ къ Ч.,—вы наказываете человѣка за то, что у него сохранились добрыя чувства?" Оказывается, что въ этой Александровской тюрьмѣ всѣ 2000 арестантовъ поголовно отказались отъ исполненія обязанности палача, не смотря на выгодность этой должности, и въ настоящее время порка выполняется нижними военными чинами. Газета весьма справедливо говоритъ: „этотъ фактъ отказа арестантовъ отъ роли палачей краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что въ эту падшую среду

---

[1]) Сынъ Отечества. № 12.

[2]) Сынъ Отечества. 1898. № 51.

[3]) Цитир. по «Рус. Вѣд.» 1898. № 61.

уже проникло смутное чувство омерзенія къ системѣ, на которую они еще очень недавно смотрѣли, какъ на фатально неизбѣжное и потому терпимое". Это-ли не *лучшее доказательство, что розги всюду во всѣхъ областяхъ отжили свое время!*

Гл. V. Вліяніе тѣлесныхъ наказаній на физическое и психическое здоровье человѣка.

Ненормальное положеніе врачей, обязанныхъ присутствовать на экзекуціяхъ и давать свои заключенія.—Вредное вліяніе тѣлесныхъ наказаній на физическое здоровье наказуемыхъ.—Вредное вліяніе тѣлесныхъ наказаній на психическое здоровье наказуемыхъ.—Совершеніе другихъ, иногда тяжелыхъ преступленій съ цѣлью избѣжанія тѣлеснаго наказанія. Самоубійства. Психическія разстройства.—Примѣненіе тѣлесныхъ наказаній къ душевно-больнымъ.—Вліяніе тѣлесныхъ наказаній на половую сферу въ смыслѣ извращенія половаго чувства.—Вредное вліяніе тѣлесныхъ наказаній на психическое здоровье наказывающихъ, свидѣтелей и всего общества.

Факты, удостовѣряющіе вредное вліяніе тѣлесныхъ наказаній на здоровье человѣка, по весьма понятной причинѣ очень рѣдко попадаютъ въ печать: обстановка экзекуціи (волость, тюрьма и т. п.), люди, приводящіе ее въ исполненіе (волостные сторожа, палачи и т. п.), а также люди, являющіеся ex officio свидѣтелями (чиновники, изрѣдка врачи-чиновники) этой гнусной операціи,—все это вмѣстѣ взятое даетъ слишкомъ мало шансовъ на то, чтобы вредъ для здоровья, послѣдовавшій за экзекуціей,—былъ преданъ гласности. Единственное лицо, которое было-бы въ этомъ отношеніи вполнѣ компетентнымъ,—а именно врачъ (въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ присутствуетъ при наказаніи) очень рѣдко рискнетъ опубликовать свои наблюденія, такъ какъ такое опубликованіе было-бы равносильно доносу на самого себя. Передъ экзекуціей или во время ея врачъ обязанъ дать заключеніе, что преступникъ можетъ безъ вреда для здоровья перенести наказаніе; если врачъ ошибся, и послѣдовала тяжелая болѣзнь или смерть у наказуемаго, то вѣдь въ сущности онъ является если не юридически, то нравственно отвѣтственнымъ лицомъ: почему онъ не предусмотрѣлъ опасности?

Отсюда ясно, насколько ложно положеніе врача, какъ эксперта при назначеніи тѣлесныхъ наказаній, о чемъ мы говорили уже выше. Лишь немногіе врачи поступали въ этомъ случаѣ такъ, какъ поступалъ д-ръ П. Г. *Розановъ* [1]): на всѣ вопросы волостныхъ прав-

---

[1]) См. «Русская Медицина» 1890 г. № 17.

леній о томъ, можно-ли высѣчь такого-то, онъ *всегда* отказывался давать отвѣтъ и всю отвѣтственность за послѣдствія сѣченія возлагалъ на назначающихъ это наказаніе.—Д-ръ П. П. *Крыловъ* [1]), обращая вниманіе на приказъ Нижегородскаго губернатора Баранова, которымъ бывшій Лысковскій санитаръ А. Усовъ приговоренъ „къ наказанію въ селѣ Лысковѣ 150 ударами розогъ *въ присутствіи доктора*", высказываетъ мнѣніе, что докторъ въ данномъ случаѣ попалъ въ обстановку, чуждую цѣлямъ своей науки въ виду опасности наказанія для жизни приговореннаго. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о жизни или смерти человѣка, не можетъ быть предположеній и *вѣроятія*, а должна быть полная *увѣренность*; стало-быть, и Барановъ [2]), и присутствовавшій врачъ должны были быть вполнѣ увѣрены, что для наказуемаго нѣтъ никакой опасности отъ 150 розогъ.

Особенно печально положеніе врача въ войскахъ, гдѣ онъ привлекается присутствовать при экзекуціи и гдѣ его голосъ, его мнѣніе имѣютъ значеніе лишь тогда, когда у наблюдающаго за сѣченіемъ явится *сомнѣніе въ здоровьи* или въ *силахъ* осужденнаго,— другими словами, когда явится боязнь, какъ-бы не засѣчь [3]). В. Ф. *Бушуевъ* совершенно справедливо полагаетъ, что законъ о врачебномъ контролѣ имѣетъ въ виду интересы наказывающаго, а не наказуемаго,—онъ „заботится о томъ, чтобы наказаніе было доведено благополучно до конца, и чтобы наказывающій не получилъ непріятности засѣчь на мѣстѣ осужденнаго". Далѣе, онъ вполнѣ соглашается съ П. Н. *Коноваловымъ*, что врачъ никогда не можетъ

---

1) «Врачъ» 1892 г. № 40.

2) Въ литературѣ (*П. Обнинскій*, Юридич. Вѣстникъ, 1891, май и іюнь, стр. 56) имѣется указаніе на единственный въ своемъ родѣ случай, когда лицо, во власти котораго было назначать и разрѣшать розги, рѣшилось испытать этотъ видъ наказанія на самомъ себѣ; «Былъ во времена оны губернаторъ въ Калугѣ, гр. Толстой, Николаевскій генералъ, безукоризненно честный, очень богомольный, добрый и прекрасный старикъ, но за нимъ водились кое-какія странности, и въ мѣстномъ обществѣ онъ слылъ поэтому за чудака. Просматривая на ревизіи дѣлопроизводство разныхъ судебныхъ мѣстъ, онъ былъ пораже́нъ количествомъ приговоровъ, присуждающихъ къ розгѣ, и чрезвычайною щедростью въ назначеніи ея ударовъ». «Можетъ-ли человѣкъ столько вынести»? спросилъ онъ своего правителя дѣлъ и, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, задумался надъ вопросомъ; думалъ день, думалъ два, и на третій отправился въ баню. Тамъ онъ велѣлъ баньщику принести розогъ, раздѣлся и приказалъ себя высѣчь. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ онъ закричалъ «довольно, будетъ!» всталъ, одѣлся, далъ баньщику на чай и, очень довольный, вернулся домой. «Теперь—знаю!» объявилъ онъ своему правителю, и съ тѣхъ поръ не пропускалъ ни одного приговора, предписывавшаго розгу свыше предѣловъ его собственнаго опыта».

3) «Врачъ» 1897 г. № 41.

отвѣтить точно, вынесетъ-ли осужденный наказаніе, хотя-бы и незначительное; прежде всего слѣдуетъ помнить о возможности смерти отъ shock'а, для развитія котораго имѣются всѣ благопріятныя условія при тѣлесномъ наказаніи: страхъ, боль и стыдъ. Поэтому вездѣ, гдѣ спрашиваютъ врача (при наказаніяхъ въ дисциплинарномъ порядкѣ, а также по постановленію волостныхъ судовъ,—обыкновенно врача не спрашиваютъ),—слѣдуетъ широко пользоваться правомъ veto.

Не менѣе печально и безвыходно, какъ мы видѣли, положеніе врача, при каторжныхъ тюрьмахъ. Д-ръ Н. С. *Лобасъ* [1]) говоритъ слѣдующее: „законъ запрещаетъ наказывать тѣлесно людей одержимыхъ: 1) падучей болѣзнію; 2) приросшей грыжей; 3) наружной и внутренней анейризмами, 4) грудной жабой; 5) весьма затруднительнымъ дыханіемъ, происходящимъ отъ окрѣплостей и нарывовъ легкихъ, отъ частаго кровохарканія, грудной водяной болѣзни или великаго искривленія позвоночнаго канала; 6) частыми приступами апоплексическаго удара съ продолжающеюся явною наклонностью къ онымъ.—Просматриваешь перечень болѣзней, дающихъ право врачу наложить veto на тѣлесное наказаніе и невольно думаешь, какъ мало въ прежнее время было недуговъ, избавлявшихъ человѣка отъ наказанія... Какой сѣдой стариной вѣетъ отъ всѣхъ этихъ „приросшихъ грыжъ“, „окрѣплостей легкихъ“ и т. п. Итакъ, приросшая (вѣроятно, нужно понимать: неподвижная, невправимая) грыжа избавляетъ отъ тѣлеснаго наказанія, а какъ быть, встрѣчаясь съ грыжей подвижной, о которой ничего не сказано въ законѣ и о которой König говоритъ такъ: „подвижная грыжа представляетъ для одержимаго ею больного постоянно грозящую опасность въ томъ отношеніи, что она во всякое время можетъ ущемиться“... По пункту 3-му перечня не могутъ быть наказываемы страдающіе анейризмами. Найдти анейризму, если она не велика и сидитъ глубоко, дѣло большой трудности, а въ громадномъ числѣ случаевъ, дѣло прямо таки невозможное. На Сахалинѣ мнѣ пришлось производить судебно-медицинское вскрытіе арестанта, скоропостижно умершаго. Вскрытіе показало, что смерть въ данномъ случаѣ послѣдовала отъ разрыва небольшой анейризмы брюшной аорты, находившейся на срединѣ этого сосуда тотчасъ по выходѣ его изъ грудной полости. *Прошу войдти въ положеніе врача, если ему представится такой случай для заключенія по поводу тѣлеснаго наказанія и если ему выпадетъ на долю присутствовать при смерти*

[1]) «Врачъ» 1898 г. № 26.

отъ перваго-же удара плети или розги. Нужно признаться, что пунктъ 3-й ставитъ врача въ безвыходное положеніе... Мнѣ скажутъ, что я могу выйдти изъ затрудненія, если не точно буду придерживаться статьи закона, а буду дѣйствовать, примѣняясь къ ней,— но нѣкоторые законовѣды говорятъ не такъ: мнѣ пришлось давать заключеніе въ двухъ случаяхъ, изъ которыхъ въ одномъ, опредѣливъ затяжное воспаленіе легкихъ, а въ другомъ органическій порокъ сердца, я призналъ больныхъ неспособными къ перенесенію тѣлеснаго наказанія. Заключеніе мое было направлено къ моему медицинскому начальству, какъ не подходящее къ статьѣ закона... Говоря объ устарѣлости и несостоятельности перечня болѣзней, освобождающихъ отъ тѣлеснаго наказанія, я, въ тоже время, не вижу никакихъ средствъ, могущихъ поставить дѣло правильно въ этомъ отношеніи. *Никакой перечень болѣзней, какъ-бы онъ ни былъ полонъ, не можетъ охватить всѣхъ тѣхъ состояній человѣка, при которыхъ тѣлесное наказаніе можетъ быть для него опасно.....* Сказаннымъ ясно опредѣляется роль врача при назначеніи тѣлесныхъ наказаній: *жалкая, тяжелая роль*".

Изъ вышеизложеннаго мы видимъ, что нельзя разсчитывать найдти въ литературѣ обширнаго матеріала со стороны врачей по поводу опасныхъ послѣдствій тѣлесныхъ наказаній для наказуемыхъ. Еще менѣе мы можемъ разсчитывать найдти подобный матеріалъ по отношенію къ тѣмъ лицамъ, которыя назначаютъ тѣлесное наказаніе или бываютъ свидѣтелями и исполнителями его. Однако, не смотря на это, собранные по этому вопросу факты настолько краснорѣчивы, настолько вопіющи, настолько способны угнетать чувство и совѣсть всякаго культурнаго человѣка,—что малочисленность ихъ теряетъ свое значеніе: non multa, sed multum!

Изложеніе относящихся сюда фактовъ [1]) мы разобьемъ на три группы, а именно: вредное вліяніе тѣлесныхъ наказаній на *физическое здоровье наказуемыхъ*, *на психическое здоровье наказуемыхъ*, *а также на психическое здоровье наказывающихъ, свидѣтелей и всего общества.*

А. **Вредное вліяніе тѣлесныхъ наказаній на физическое здоровье наказуемыхъ.** Защитники розогъ, доказывая безвредность для здоровья тѣлесныхъ наказаній, часто указываютъ на то, что по приговорамъ волостныхъ судовъ можетъ быть назначаемо не болѣе 20 ударовъ

---

[1]) Всѣ факты, которыми мы пользуемся, касаются новѣйшаго времени, когда тѣлесныя наказанія значительно смягчены закономъ.

и что такое количество ударовъ по своей малочисленности не можетъ принести вреда. Но это соображеніе невѣрно. Во первыхъ, иногда волостные суды одновременно приводятъ въ исполненіе до 4 приговоровъ къ розгамъ одного и того-же лица, что составитъ уже не 20, а 80 ударовъ [1]). Во 2-хъ, бываютъ злоупотребленія: если вопреки закону иногда сѣкутъ женщинъ, то что значитъ для исполнителей—дать большее число ударовъ? При исполненіи приговоровъ волостныхъ судовъ обыкновенно присутствуетъ только волостное начальство; если послѣднее озлоблено противъ наказуемаго (а иногда и подъ хмѣлькомъ), то наказаніе по числу и силѣ ударовъ обращается въ настоящее истязаніе, на что неоднократно и указывалось въ печати. Въ 3-хъ, волостной судъ приводитъ въ исполненіе свой приговоръ безъ всякаго врачебнаго осмотра, а потому въ числѣ наказуемыхъ всегда могутъ оказаться и такіе больные, для которыхъ безусловно опасенъ всякій ударъ (порокъ сердца, аневризмы и т. п.). Въ 4-хъ, не нужно забывать, что кромѣ сѣченія по приговорамъ волостныхъ судовъ, сѣкутъ еще въ административномъ и дисциплинарномъ порядкѣ, причемъ назначаютъ иногда до 300 ударовъ: помимо всякаго суда бывшій губернаторъ Барановъ, на что мы уже ссылались, приговорилъ одного санитара къ 150 ударамъ; д-ръ В. Ф. Бушуевъ [2]), говоритъ, что *почетное званіе солдата* не избавляетъ его, въ случаѣ перевода въ разрядъ штрафованныхъ, отъ наказанія 15 до 300 ударами розогъ.

Но особенно много достается плетей и розогъ содержащимся въ каторжныхъ тюрьмахъ [3]). Къ наказанію плетьми судъ обыкновенно приговариваетъ преступниковъ повторныхъ и бродягъ изъ Сибири. „Многіе изъ этихъ людей, говоритъ д-ръ *Лобасъ*, въ разное время получили по 400—500 и болѣе плетей. У меня подъ руками curriculum vitae одного стараго бродяги, который въ заключеніе своего жизнеописанія, пишетъ: „итого мною получено: 1400 палокъ (надо полагать—шпицрутеновъ), 600 плетей, розогъ не считалъ“... Далѣе, д-ръ *Лобасъ* говоритъ: „Страшна плеть и нежелательна, но она сравнительно рѣдкій гость на каторгѣ... другое дѣло розга, представляющая изъ себя альфу и омегу исправительныхъ мѣръ, примѣняемыхъ къ арестантамъ. Розга широкой рукой примѣняется на каторгѣ: на нее смотрятъ какъ-то легко, а между

---

1) В. Семевскій, l. c, стр. 48.

2) «Врачъ» 1897 г. № 41.

3) См. статью Н. С. Лобаса. («Врачъ» 1898 г. № 26).

тѣмъ я, на основаніи опыта, вынесеннаго мною изъ наблюденій жизни арестантовъ, склоненъ думать, что *розга хуже плети.* Плеть предназначена для извѣстнаго только разряда преступниковъ; передъ розгой-же всѣ преступники равны; къ плетямъ приговариваетъ судъ, розги-же назначаются по усмотрѣнію одного лица; наконецъ, къ плети приговаривается преступникъ послѣ освидѣтельствованія его врачемъ, при назначеніи-же розогъ мнѣнія врача въ большинствѣ случаевъ не спрашиваютъ. Уставъ о ссыльныхъ даетъ право начальникамъ тюремъ наказать арестанта 30 ударами розогъ, а начальникамъ округовъ—100 ударами... Благодаря такому положенію вещей, *нерѣдки случаи наказанія преступниковъ несомнѣнно больныхъ*". Въ 5-хъ, опасность для здоровья наказуемыхъ при примѣненіи тѣлесныхъ наказаній въ большой степени зависитъ еще отъ произвола того лица, которое является палачемъ: удары могутъ наноситься легко и, наоборотъ, очень сильно. Д-ръ *Лобасъ* [1]) говоритъ на основаніи своихъ личныхъ наблюденій слѣдующее: „Палачъ—главное дѣйствующее лице въ арестантской драмѣ, центральная фигура... Порядочный арестантъ не захочетъ быть палачемъ, и на эту должность обыкновенно попадаетъ арестантъ, во всѣхъ отношеніяхъ уже отпѣтый, оголтѣлый человѣкъ, который находится въ полномъ презрѣніи у своей-же братіи,—человѣкъ, стоящій на самой низкой ступени паденія; и вотъ, *такому-то человѣку судъ и администрація даютъ право на жизнь и смерть ему подобнаго*; въ самомъ дѣлѣ, во всей волѣ этого человѣка-звѣря—наказать приговореннаго легко, изувѣчить его или забить до смерти... Желаетъ такой человѣкъ помиловать жертву, онъ ловко бьетъ концами плети [2]) по скамьѣ, средней частью ея едва касаясь тѣла; не желаетъ,—изувѣчитъ... Денежный арестантъ получитъ легкое наказаніе, а неимѣющій чѣмъ откупиться, будетъ наказанъ жестоко... *Случаи увѣчья* арестантовъ плетью и даже *забиванія до смерти* въ прежніе годы бывали нерѣдко; теперь такіе случаи встрѣчаются, какъ исключеніе, но *всетаки—встрѣчаются*".

Такимъ образомъ, большое количество ударовъ, частота примѣненія, отсутствіе въ большинствѣ случаевъ предварительнаго врачебнаго освидѣтельствованія и, наконецъ, зависимость силы наказанія отъ произвола палача,—все это указываетъ на *возмож-*

---

[1]) l. c.

[2]) «Плеть—это кнутъ съ толстой деревянной рукояткой, къ которой прикрѣпленъ туго свитый ремень длиною въ $1/2$ арш., а толщиною, приблизительно, въ три пальца. Этотъ ремень оканчивается тремя ремнями, изъ которыхъ каждый въ палецъ толщины и около трехъ четвертей длиною» (см. статью Лобаса).

ность во многихъ случаяхъ крайне опасныхъ для физическаго здоровья послѣдствій *и даже смерти* при экзекуціяхъ. Это предположеніе вполнѣ подтверждается слѣдующими опубликованными въ печати фактами.

Д-ръ В. Ф. *Бушуевъ* [1]) наблюдалъ въ 1890 году въ Кіевскомъ военномъ госпиталѣ „*ужасающую флегмону обѣихъ ягодицъ послѣ розогъ* у одного наказаннаго, положеннаго въ отдѣленіи въ *качествѣ тифознаго больнаго* (!)" Это даетъ поводъ д-ру *Бушуеву* высказать горькую иронію: „*если розги сохранятся у насъ и въ двадцатомъ столѣтіи, то роль врача при тѣлесномъ наказаніи значительно повысится: вѣроятно, врачамъ придется обезпложивать розги и поле операціи, обезболевать наказываемыя части, а, можетъ быть, и наркотизировать осужденныхъ передъ наказаніемъ*".

Д-ръ А. С. *Грейденбергъ* [2]) сообщаетъ, что 12 ноября 1896 года былъ подвергнутъ 100 ударамъ розогъ одинъ солдатъ дисциплинарнаго Воронежскаго батальона; черезъ три дня послѣ этого на лѣвомъ его бедрѣ появилась припухлость, которая постепенно увеличивалась, и больной 21 ноября поступилъ въ Хирургическое отдѣленіе Воронежской Губернской Земской больницы. Изслѣдованіе дало слѣдующее: средняго тѣлосложенія и питанія; на кожѣ обѣихъ ягодицъ, крестца и верхней части обоихъ бедеръ разбросано множество мелкихъ ссадинъ, покрытыхъ засохшими кровяными струпьями. Ссадины имѣютъ величину съ булавочную головку и больше въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ по нѣсколько слились вмѣстѣ; часть струпьевъ ко времени поступленія въ больницу успѣла сойти, оставивъ послѣ себя очень поверхностные рубцы. Наружная, передняя и частью внутренняя поверхности верхней части лѣваго бедра заняты обширной флюктуирующей опухолью съ истонченной, слегка покраснѣвшей кожей. На послѣдней, кромѣ массы вышеописанныхъ мелкихъ ссадинъ, замѣтно нѣсколько подкожныхъ кровоподтековъ въ видѣ поперечно расположенныхъ, параллельно другъ другу—полосъ. 22 ноября безъ наркоза гнойникъ вскрытъ тремя отвѣсными разрѣзами, черезъ которые выдѣлилось большое количество жидкаго, смѣшаннаго съ омертвѣвшей клѣтчаткой гноя. Гнойная полость—по изслѣдованіи ея—оказалась расположенной въ подкожной клѣтчаткѣ: вверху достигала она до паховаго сгиба, внизу немного не доходила до границы верхней

---

1) l. С. «Врачъ» 1897 г. № 41.

2) «Случай гнойнаго воспаленія подкожной клѣтчатки послѣ тѣлеснаго наказанія» докладъ въ Воронежскомъ Медиц. Обществѣ.

трети бедра со средней; снаружи и снутри доходила до задней поверхности бедра. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ *вызванныя наказаніемъ ссадины подверглись зараженію* и послужили непосредственной причиной довольно обширнаго нагноенія въ подкожной клѣтчаткѣ. Этотъ фактъ, по мнѣнію д-ра А. С. *Грейденберга*, еще разъ доказываетъ невозможность для врача отвѣчать на предлагаемый ему вопросъ: можно-ли подвергнуть такого-то тѣлесному наказанію, и перенесетъ-ли онъ это наказаніе безъ вреда для своего здоровья? Зараженіе ранъ, нагноеніе и рожа, падучая, душевная болѣзнь, самоубійство и проч.—все это можетъ быть результатомъ сѣченія, повидимому, совершенно здороваго человѣка, и слѣдовательно, врачъ на вышеприведенный вопросъ никогда не можетъ дать отвѣта.

Д-ру Н. С. *Лобасу* [1]) пришлось присутствовать при наказаніи 80-ю ударами плетью арестанта Губаря: *послѣ экзекуціи получилось глубокое омертвѣніе въ области большихъ вертѣловъ, которое и свело несчастнаго въ могилу.* Здѣсь мы имѣемъ случай, когда тѣлесное наказаніе повлекло за собою смерть наказаннаго. *Это была замаскированная—смертная казнь.*

Тотъ-же д-ръ *Лобасъ* приводитъ еще слѣдующихъ два случая, въ одномъ изъ которыхъ получилось тяжелое физическое увѣчье, а въ другомъ смерть: 1) „Были такіе начальники тюремъ [2]), которые приказывали буквально увѣчить палача плетьми, если замѣчали, что онъ наказываетъ слабо. Мнѣ извѣстенъ одинъ отставной палачъ Комлевъ, который, по приказанію начальника тюрьмы, былъ такъ наказанъ другимъ палачемъ, что *лишился мягкихъ частей ягодичныхъ областей*, о чемъ краснорѣчиво говорятъ обширные глубокіе рубцы въ вышеназванныхъ областяхъ“. 2) Въ Корсаковскомъ округѣ (на Сахалинѣ) *была наказана розгами беременная женщина, которая, заболѣвъ послѣ наказанія, умерла.*

Нѣсколько случаевъ вреднаго воздѣйствія розогъ на здоровье наказанныхъ приведено выше при изложеніи статьи д-ра Кириллова.

Одно дѣло о послѣдствіяхъ отъ наказанія розгами дошло до суда и разсматривалось даже въ сенатѣ [3]). Сѣнинскій исправникъ Словецкій получилъ приказаніе отъ Могилевскаго губернатора Дембовецкаго подвергнуть тѣлесному наказанію мѣщанина Гиршу

---

1) l. c.

2) l. c.

3) «Русск. Вѣд.» 1896 г. № 354, 1897 г. № 124.

Певзнера за оскорбленіе имъ на словахъ священника. Въ этомъ предписаніи указывалось, что Певзнеру „смотря по состоянію его здоровья" должно быть дано до 50 розогъ. Не смотря на заявленіе Певзнера, что онъ „больной и калѣка", что онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ выдержать экзекуціи, Словецкій не только отсчиталъ ему сполна всю порцію, назначенную губернаторомъ, но еще прибавилъ 50 ударовъ отъ себя за строптивость нрава и симуляцію болѣзненнаго состоянія. Результатомъ явилась тяжкая болѣзнь наказаннаго, который болѣе 4 мѣсяцевъ пролежалъ въ больницѣ, и привлеченіе Словецкаго къ отвѣтственности за превышеніе власти и истязаніе. На судебномъ слѣдствіи эксперты-профессора Кіевскаго университета, осматривавшіе потерпѣвшаго Певзнера, дали заключеніе, что Певзнеръ дѣйствительно былъ боленъ, и что если-бы онъ передъ сѣченіемъ былъ осмотрѣнъ врачами, то они, по состоянію здоровья его, не могли-бы допустить сѣченія.

Кромѣ вышеприведенныхъ фактовъ, можно привести еще слѣдующее мѣсто изъ статьи *А. Афанасьева*: [1]) „Отъ 100 ударовъ розгами болѣе слабые на первыхъ порахъ лишаются чувствъ и потомъ болѣютъ печенью и легкими; послѣ 300 ударовъ *остаются въ живыхъ* только самые крѣпкіе, *большинство-же умираетъ* черезъ нѣсколько дней или нѣсколько мѣсяцевъ. Въ 1890 г. при производствѣ экзекуціи 300 ударами въ Воронежскомъ дисциплинарномъ батальонѣ, истязуемый нѣсколько разъ лишался чувствъ; тогда фельдшеръ, по приказанію доктора, давалъ возбуждающее средство, и какъ только наказываемый приходилъ въ себя и взвизгивалъ, его начинали опять стегать. Недѣли черезъ двѣ *наказанный* былъ отправленъ по этапу въ Москву, гдѣ *и умеръ*. *Другой* солдатъ, наказанный въ Воронежскомъ батальонѣ 200 ударами, *умеръ черезъ три дня*".

Всѣ вышеприведенные факты говорятъ за то, что *современныя намъ тѣлесныя наказанія могутъ имѣть послѣдствіемъ тяжелыя физическія страданія, болѣзни, обезображиванія и даже смерть*, т. е. такія послѣдствія, которыхъ законодатель при примѣненіи наказанія не имѣлъ въ виду и которыхъ онъ желалъ избѣжать, поставивъ ихъ подъ врачебный контроль. Однако факты весьма убѣдительно и краснорѣчиво доказываютъ, что контроль этотъ или фиктивенъ и съ точки зрѣнія современной медицины абсолютно невозможенъ, или-же во многихъ случаяхъ совершенно отсутствуетъ.

---

[1]) «Дисциплинарные батальоны и роты» «Военный Сборникъ» 1890 г. № 194, стр. 127—129 (цитировано по В. И. Семевскому).

Наконецъ, разъ изъ закона не изгнаны розги и плеть, онѣ легко проскальзываютъ на практикѣ и въ незаконной формѣ, т. е. назначаются администраціей незаконно (см. выше) или примѣняются въ случаяхъ, закономъ недопускаемыхъ, напр., сѣченіе женщинъ, сѣченіе беременныхъ (см. вышеприведенные факты), сѣченіе завѣдомо больныхъ. Вотъ конкретные случаи[1]): 1) ссыльно-каторжный Ручинъ былъ наказанъ розгами, имѣя нарывы въ ягодичныхъ областяхъ; 2) ссыльно-каторжный Сокольскій былъ высѣченъ, не смотря на то, что онъ страдалъ падучей болѣзью; [2]) 3) мѣщанинъ Певзнеръ (см. выше) получилъ 100 ударовъ розогъ, будучи больнымъ; 4) ссыльно-каторжный Гредягинъ, [3]) одержимый порокомъ сердца, сопровождавшимся отеками, былъ наказанъ тѣлесно и т. под. „Я могъ-бы, говоритъ д-ръ *Лобасъ*, [4]) указать на случаи наказанія розгами арестантовъ, одержимыхъ грыжами и другими болѣзнями, безъ предварительнаго освидѣтельствованіями врачемъ. Могъ-бы сказать, имѣя на то документальныя доказательства, что *бывали случаи наказанія арестантовъ, признанныхъ врачами больными*, но ограничусь приведенными примѣрами“.

Б. **Вредное явленіе тѣлесныхъ наказаній на психическое здоровье наказуемыхъ.** При примѣненіи тѣлесныхъ наказаній физическая и психическая боль, [5]) испытываемая истязуемымъ, осложняется: чувствомъ страха, чувствомъ стыда и позора, возмущеніемъ чувства личнаго достоинства, ненавистью противъ виновниковъ претерпѣ-

---

[1]) См. статью Лобаса («Врачъ» 1898 г. № 26).

[2]) ibid.

[3]) ibid.

[4]) ibid.

[5]) Объ ощущеніяхъ, испытываемыхъ наказываемыми, почти нѣтъ никакихъ свѣдѣній по очень понятной причинѣ: грамотные и интеллигентные, изъ-за стыда, не распространялись о своемъ наказаніи, а до неграмотныхъ и крестьянъ нѣтъ никому никакого дѣла, а потому они и не могутъ подробно разсказать о своихъ ощущеніяхъ. *Достоевскій* отъ всѣхъ наказанныхъ получалъ только одинъ отвѣтъ: «жжетъ, какъ огнемъ палитъ», а затѣмъ — розги въ большомъ количествѣ мучительнѣе палокъ: садче, муки «больше». Въ статьѣ «Морскаго Сборника» за январь 1861 г. (цитир. по Джаншіеву) приведенъ слѣд. разсказъ наказаннаго англійскаго солдата: «когда нанесенъ былъ третій ударъ, я сталъ чувствовать жаръ во всемъ тѣлѣ, съ головы до ногъ. Время между ударами — казалось страшно долго и походило на агонію, и вмѣстѣ—каждый новый ударъ, казалось слѣдовалъ слишкомъ скоро. Каждый новый ударъ казался страшнѣе, мученія усиливались, я чувствовалъ, что мнѣ слѣдовало смириться и просить помилованія, но я тотчасъ заглушалъ въ себѣ эту унизительную мысль».

ваемаго наказанія, желаніемъ избѣгнуть его во что-бы то ни стало, наконецъ—желаніемъ отомстить за него.

Передъ наказаніемъ, въ періодѣ приготовленія къ нему, первенствующую роль играетъ чувство страха передъ физической болью и передъ предстоящимъ позоромъ, а также инстинктивное чувство самосохраненія, возбуждающее къ акту сопротивленія, самообороны. Въ моментъ примѣненія тѣлеснаго наказанія преобладающую роль получаетъ чувство физической боли. Послѣ перенесенія наказанія на первый планъ выступаетъ сознаніе позора, чувство озлобленія и ненависти, жажда мести.

Всѣ вышепереименованныя психическія состоянія относятся къ числу самыхъ сильныхъ и могущественныхъ эмоцій; всякая изъ нихъ порознь, а тѣмъ болѣе взятыя вмѣстѣ, онѣ сопровождаются рѣзкими физіологическими нарушеніями въ организмѣ, каковы: усиленное сердцебіеніе, судорога кровеносныхъ сосудовъ (что выражается поблѣднѣніемъ лица, сжатымъ пульсомъ, расширенными зрачками и т. п.), охлажденіе конечностей, приливъ крови къ внутреннимъ органамъ, усиленное потоотдѣленіе и т. под. симптомы рѣзко нарушеннаго кровообращенія.

По характеру своему всѣ эти эмоціи, особенно доведенныя до крайняго напряженія, безусловно вредны для физическаго и, еще въ большей степени,— для психическаго здоровья даннаго индивида; ни одна изъ нихъ не можетъ быть названа полезной съ какой-бы то ни было точки зрѣнія. Возбужденіемъ такихъ вредныхъ и опасныхъ чувствованій не достигается ни педагогическая цѣль перевоспитанія, исправленія, ни цѣль—устрашенія, а слѣдовательно предупрежденія.—Послѣднее соображеніе вполнѣ подтверждается фактами. Извѣстный криминалистъ *Д. А. Дриль* на тюремномъ съѣздѣ въ Парижѣ указывалъ на то, что число бродягъ въ Сибири доходитъ до 60,000 человѣкъ! Эта цифра сама по себѣ указываетъ, что плеть не имѣетъ устрашающаго свойства и не способна порализовать бродяжничество. Не только плеть и розга, но даже смертная казнь не можетъ достигать цѣли въ этомъ отношеніи. Наиболѣе тяжкія преступленія, по словамъ д-ра *Лобаса*, совершались на Сахалинѣ именно въ то время, когда примѣнялась и смертная казнь въ широкихъ размѣрахъ. Убійства цѣлыхъ семей, убійства начальниковъ тюремъ и надзирателей—были явленіемъ не рѣдкимъ". Зная этихъ людей (арестантовъ) близко, говоритъ д-ръ *Лобасъ* [1]), я съ полной увѣренностью говорю, что *прав-*

---

[1]) l. c.

ственный обликъ ихъ рѣзко ухудшается, благодаря розгѣ. Иное отношеніе *къ нимъ порождаетъ и иные* результаты, въ чемъ я убѣждался неоднократно. *Необыкновенно чутки эти люди къ ласковому слову, безконечно благодарны за человѣческое обращеніе*".

Ласковое слово, человѣческое обращеніе—вотъ единственный методъ, единственный путь, указываемый современной наукой для педагогическихъ воздѣйствій на преступника.

Указанныя нами выше вредныя психическія состоянія, возникающіе передъ, въ моментъ и послѣ примѣненія тѣлеснаго наказанія, такъ или иначе комбинируются между собою, достигаютъ большей или меньше интенсивности, влекутъ за собою тѣ или другія послѣдствія для нервно-психической организаціи—въ зависимости отъ индивидуальности подвергнувшагося наказанію. Въ общемъ можно разбить всѣхъ, приговариваемыхъ къ сѣченію, на три группы.

1-я группа—люди физически и психически вполнѣ здоровые, вполнѣ уравновѣшенные, непредрасположенные (благодаря отсутствію патологической наслѣдственности или личныхъ эксцессовъ, болѣзней) къ какимъ-бы то ни было нервнымъ и психическимъ разстройствамъ. У такихъ лицъ, при совершеніи надъ ними физическаго насилія въ формѣ тѣлеснаго наказанія, возникаютъ съ особенною силою чувство позора, ненависть и желаніе мести, стремленіе во чтобы то ни стало избѣгнуть позорящаго наказанія. Такія лица, какъ указываютъ на то многочисленные примѣры, часто съ цѣлью избѣжанія тѣлеснаго наказанія — прибѣгаютъ или къ самоубійству, или къ убійству виновниковъ и исполнителей приговора, и тѣмъ навлекаютъ на себя еще болѣе тяжелую кару.

2-я группа—люди неуравновѣшенные, отягощенные патологическою наслѣдственностью или съ расшатанной нервно-психической организаціей, благодаря ненормальной жизни и болѣзнямъ (пьянство, сифилисъ, травмы черепа, тяжелыя болѣзни раньше перенесенныя). Тѣ эмоціи, которыя предшествуютъ, сопутствуютъ и слѣдуютъ за тѣлеснымъ наказаніемъ, на столько гибельно дѣйствуютъ на этихъ лицъ, что зачастую приводятъ ихъ, даже въ періодѣ ожиданія тѣлеснаго наказанія, къ психическому разстройству.

Наконецъ, 3-я группа—лица несомнѣнно психически больные. Казалось-бы, что при существованіи закона, по которому душевнобольные, какъ невмѣняемые, освобождаются отъ какого-бы то ни было наказанія даже за убійство, поджогъ и т. п.—возмутительные

случаи тѣлеснаго наказанія подобныхъ субъектовъ не должны бы имѣть мѣста. Однако, какъ это доказываютъ ниже сообщаемые нами факты, — это случается гораздо чаще, чѣмъ многіе думаютъ.

Въ собранномъ нами матеріалѣ имѣются факты, которые могутъ иллюстрировать каждую изъ вышеприведенныхъ группъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, сообщаемыхъ въ печати или письменно слишкомъ сжато, нельзя точно установить, появилось-ли, наприм., психическое разстройство вслѣдствіе примѣненія розогъ, или былъ высѣченъ человѣкъ, уже страдавшій психозомъ, и т. п., Мы изложимъ всѣ извѣстные намъ факты, распредѣливъ ихъ на слѣдующіе отдѣлы: I) Совершеніе другихъ, иногда тяжелыхъ преступленій (убійство и т. п.) съ цѣлью избѣжать тѣлесное наказаніе—или съ цѣлью мести послѣ такого наказанія. II) Самоубійства; III) Психическія разстройства подъ вліяніемъ страха передъ экзекуціей или вслѣдъ за ней; IV) Тѣлесныя наказанія въ примѣненіи къ душевно-больнымъ. V) Вліяніе тѣлесныхъ наказаній на половую сферу въ смыслѣ извращенія половаго чувства.

Совершеніе другихъ, иногда тяжелыхъ преступленій, съ цѣлью избѣжать тѣлесное наказаніе или съ цѣлью мести послѣ такого наказанія. В. Ф. Бушуевъ [1]), на основаніи своихъ наблюденій въ войскахъ, говоритъ, что солдаты, за рѣдкими исключеніями, всѣ боятся или стыдятся розогъ и потому прибѣгаютъ ко всякимъ средствамъ, чтобы избавиться отъ этого наказанія, предпочитая ему даже ссылку въ Сибирь. Заключенные стремятся поступать въ лазаретъ, никто изъ нихъ не просится на выписку, и, если врачъ рѣшится выписать подобнаго солдата, то можетъ иногда подвергнуться съ его стороны оскорбленію. Другіе идутъ дальше и совершаютъ новыя преступленія, чтобы снова подвергнуться суду и ссылкѣ въ Сибирь; „преданіе говоритъ даже, будто подсудимые обнажали передъ судьями свои исполосованныя спины и ягодицы въ отвѣтъ на вопросъ о причинѣ, побудившей къ преступленію“. Бывали случаи оскорбленія суда, присуждавшаго къ розгамъ, или офицеровъ при исполненіи судебныхъ приговоровъ. Подобные случаи извѣстны изъ самыхъ различныхъ мѣстностей.

Въ 1890 году въ с. Витимѣ (на Ленѣ [1]) въ кабакѣ произошла обыкновенная драка. Двое обиженныхъ пожаловались въ волостное правленіе, но дѣло кончилось примиреніемъ и было прекращено. Вскорѣ послѣ этого производство по этому дѣлу попало въ руки

---

[1]) Врачъ. 1897. № 41.

мѣстнаго земскаго засѣдателя Заруденко, который порѣшилъ высѣчь всѣхъ виновныхъ и выслать ихъ изъ Витима; *въ число виновныхъ онъ включилъ и свидѣтелей*, въ томъ числѣ нѣкоего Котлярова. Чтобы избавиться отъ розогъ, Котляровъ, подобно другому свидѣтелю, далъ взятку письмоводителю засѣдателя и тотъ обѣщалъ ихъ избавить отъ розогъ. Вполнѣ увѣренный въ избавленіи отъ розогъ, Котляровъ на другой же день собрался уѣхать изъ Витима къ своей семьѣ, какъ вдругъ его потребовали въ волостное правленіе для сѣченія. По показаніямъ свидѣтелей, Котляровъ въ правленіи „проситъ, умоляетъ, бросается на колѣни“, проситъ отпустить его къ засѣдателю, чтобы упросить его объ отмѣнѣ наказанія. Волостное начальство отпускаетъ его съ десятскими на квартиру, чтобы онъ передъ сѣченіемъ и отправкой въ путь пообѣдалъ и разсчитался съ хозяиномъ. На квартирѣ Котляровъ усадилъ десятскихъ за закуску, а самъ незамѣтно отъ нихъ побѣжалъ къ засѣдателю; здѣсь онъ сначала умолялъ писцовъ, а потомъ, по ихъ совѣту, вошелъ къ самому засѣдателю. Жена послѣдняго слышала, какъ Котляровъ „о чемъ-то умолялъ“ ея мужа, но тотъ грубо отказалъ и пошелъ къ дверямъ. Тогда Котляровъ выхватилъ изъ кармана револьверъ и выстрѣлилъ въ засѣдателя. Засѣдатель упалъ и черезъ часъ умеръ, а Котляровъ былъ судимъ Иркутскимъ военно-окружнымъ судомъ по законамъ военнаго времени, былъ приговоренъ къ смертной казни и... повѣшенъ. Такимъ образомъ розги стоили жизни двоимъ; двѣ семьи остались безъ кормильцевъ!..

Во Владимірскомъ уѣздѣ [2]) крестьянинъ, 50 лѣтъ, по интригамъ старшины, былъ приговоренъ къ тѣлесному наказанію. Онъ обжаловалъ этотъ приговоръ, но безуспѣшно. Нѣсколько лѣтъ приговоръ оставался неисполненнымъ, пока о немъ не напомнилъ въ 1892 г. Владимірскій уѣздный съѣздъ, потребовавшій его исполненія. Крестьянинъ ссылался на свои лѣта, на то, что „онъ не мальчишка, что теперь и мальчишекъ въ школахъ не велятъ сѣчь“, и, наконецъ, *сталъ обороняться ножемъ*; но онъ всетаки былъ наказанъ; однако возникло дѣло о вооруженномъ сопротивленіи властямъ, и онъ былъ арестованъ, просидѣлъ въ тюрьмѣ цѣлый годъ, заболѣлъ здѣсь, и его отвезли въ больницу, какъ душевно-больного. Тамъ у него нашли сыпной тифъ, отъ котораго онъ выздоровѣлъ. На вопросъ о состояніи умственныхъ способностей этого крестьянина

---

[1]) Сибир. Вѣстн. 1896 № 114. Всѣ обстоятельства и подробности этого дѣла выяснились во время суда.

[2]) Сборникъ правовѣд. и обществен. знаній, т. V, стр. 181—184.

въ моментъ совершенія преступленія, одинъ земскій врачъ далъ заключеніе, что, принимая во вниманіе легкую возбудимость нервной системы этого крестьянина (на что указывали рѣзко выступающія мозговыя явленія при лихорадочныхъ процессахъ), можно заключить, что обвиняемый находился въ состояніи аффекта и не отдавалъ себѣ отчета въ своемъ дѣяніи; аффектъ могъ наступить тѣмъ легче, что дѣло шло о наказаніи, затрогивавшемъ честь обвиняемаго. Но другіе врачи не признали его ненормальнымъ ни въ моментъ сопротивленія наказанію, ни позднѣе, и онъ былъ приговоренъ къ лишенію особыхъ правъ и къ арестантскимъ ротамъ на годъ.

Въ селѣ Привольномъ [1]), Самарской губерніи, содержался подъ арестомъ въ волостномъ правленіи Гейнрихъ Триппель, который былъ приговоренъ къ тѣлесному наказанію. Триппель обжаловалъ этотъ приговоръ волостного суда въ присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ, но послѣднее оставило жалобу безъ послѣдствій. 19 января 1890 года пріѣхалъ въ волостное правленіе старшина для приведенія приговора въ исполненіе, при чемъ взялъ съ собой сельскихъ властей и другихъ свидѣтелей, такъ какъ до него доходили слухи, что друзья Триппеля рѣшили не допускать силою сѣченія. Триппель заперся изнутри арестантской и, когда стали взламывать дверь, онъ выбилъ кирпичемъ окно и крикнулъ о помощи собравшейся толпѣ. Всего сбѣжалось до 300 человѣкъ и нѣкоторые съ криками, кольями и полѣньями бросились въ правленіе, чтобы помѣшать экзекуціи. Послѣ большихъ усилій, властямъ удалось вывести Триппеля изъ арестантской, объявить ему приговоръ присутствія, но о сѣченіи нечего было и думать, такъ что подсудимаго снова пришлось запереть въ арестантскую. Толпа не расходилась до вечера и успокоилась только тогда, когда явилась полиція и дала обѣщаніе, что Триппеля не будутъ наказывать. Вообще жители села Привольнаго нисколько не были противъ наказанія арестомъ и не думали освобождать Триппеля изъ арестантской; они были исключительно противъ позорнаго тѣлеснаго наказанія и шли на все, такъ какъ они хорошо знали, что за сопротивленіе властямъ имъ придется сильно поплатиться. Въ результатѣ получился такой приговоръ Саратовской судебной палаты: Триппеля и трехъ обвиняемыхъ—въ арестантскія роты, а одного—въ тюрьму. И все это изъ-за розогъ!..

---

[1]) Вѣстн. Евр. 1890. Дек., стр. 844 и 845.

Одинъ гласный въ Тверскомъ губернскомъ земскомъ собраніи привелъ случай, гдѣ крестьянинъ, приговоренный къ розгамъ, оказалъ сопротивленіе, не дался высѣчь; когда его за это приговорили къ высшему наказанію, онъ заявилъ удовольствіе, такъ какъ и хотѣлъ этимъ путемъ избавиться отъ сѣченія.

Въ Ростовскомъ округѣ по словамъ „Приазовская Края"[1]) возникло нѣсколько дѣлъ объ оскорбленіи волостныхъ судей: „Злоупотребленія тѣлеснымъ наказаніемъ и вызываютъ, главнымъ образомъ, эти печальные случаи въ волостныхъ судахъ".

Одинъ интеллигентный арестантъ, содержавшійся въ Петербургѣ въ домѣ предварительнаго заключенія, былъ высѣченъ въ концѣ 70-хъ годовъ по приказанію градоначальника; такая позорная расправа вызвала со стороны одной знакомой пострадавшаго реакцію въ видѣ покушенія на жизнь градоначальника. Процессъ по этому поводу вызвалъ въ свое время сильную сенсацію во всемъ обществѣ и окончился оправданіемъ подсудимой.

П. А. *Чеховъ* разсказываетъ [2]), что поручикъ Евфроновъ на Сахалинѣ былъ такъ жестокъ въ наказаніяхъ, что одинъ изъ преступниковъ, желая избавиться отъ неумѣреннаго количества розогъ, убилъ надзирателя передъ наказаніемъ. Этотъ случай особенно поучителенъ: Сахалинцы уже привычны къ розгамъ, и тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ нихъ рѣшаются на убійство, за которое неизбѣжно слѣдуетъ смертная казнь, лишь-бы избѣгнуть розогъ.

Протестъ противъ розогъ со стороны русской деревни нашелъ себѣ откликъ и въ беллетристикѣ.

Въ очеркахъ Ив. *Соколова* „Дома" [3]) разсказывается, какъ крестьяне изъ-за сѣченія бѣгутъ изъ деревни въ городъ, чтобы не подвергнуться этому позору и не быть лишенными всѣхъ правъ на всю жизнь; одинъ парень передъ приведеніемъ приговора въ исполненіе упалъ въ глубокій обморокъ, а когда изъ-за пустяковъ, благодаря строгому старшинѣ, нѣсколько молодыхъ парней были приговорены къ розгамъ, то вся деревня встала на ихъ сторону: вскорѣ до приведенія приговора въ исполненіе, послѣдовало таинственное убійство старшины...

Ѳ. М. *Достоевскій* [4]) говоритъ, что даже въ описываемое имъ болѣе грубое и жестокое время многіе арестанты боялись и избѣгали розогъ и палокъ; причиной была боязнь позора или боли: „чтобы отдалить минуту наказанія, рѣшаются иногда подсудимые

---

[1]) Рус. Вѣд. 1897 г. № 152.

[2]) Сахалинъ, стр. 468.

[3]) Вѣстн. Евр. 1896. Сент.

[4]) Записки изъ Мертваго дома, стр. 172.

на страшныя выходки: пырнетъ ножемъ наканунѣ наказанія кого-нибудь изъ начальства или же своего брата арестанта; его судятъ по новому, отдаляется наказаніе еще мѣсяца на два и цѣль его достигается. Ему нужды нѣтъ до того, что его будутъ наказывать черезъ два же мѣсяца вдвое, втрое суровѣе; только-бы теперь-то отдалить грозную минуту хоть на нѣсколько дней, а тамъ что бы ни было, — до того иногда бываетъ упадокъ духа у этихъ несчастныхъ". Другіе причиняли себѣ различныя болѣзни (наприм., растирали глаза известкой и проч.), чтобы дольше лежать въ больницахъ и оттянуть время наказанія.

В. И. *Немировичъ-Данченко* [1]) въ одномъ изъ своихъ разсказовъ описываетъ крестьянина Егора, который до 40 лѣтъ былъ прекраснымъ работникомъ и семьяниномъ и къ тому же совершенно непьющимъ. Волостной старшина, личный врагъ Егора, всячески притѣснялъ его и довелъ до того, что онъ обругалъ старшину. Волостные судьи, получившіе хорошее угощеніе отъ старшины, порѣшили высѣчь Егора; послѣдній стоялъ на колѣняхъ, умолялъ спасти его отъ срама, но старики не простили. Въ результатѣ— Егоръ сдѣлался безпробуднымъ пьяницей, забросилъ свое хозяйство, постоянно билъ свою жену и дѣтей и, наконецъ, *сжегъ домъ своего врага-старшины*.... Но какъ хороша была натура этого несчастнаго, доказываетъ тотъ фактъ, что онъ съ опасностью жизни бросается въ горящій домъ и спасаетъ грудного ребенка старшины, а затѣмъ признается въ поджогѣ; оправданный на судѣ, онъ уходитъ въ монастырь.

Всѣ вышеприведенные факты доказываютъ, насколько дальновиденъ былъ князь Н. Орловъ, который еще въ 1861 г. въ своей запискѣ противъ тѣлесныхъ наказаній [2]) писалъ: „Для общества русскаго существованіе тѣлесныхъ наказаній есть не только зло, но и великая опасность. Просвѣщеніе, болѣе чѣмъ думаютъ, проникло во всѣ слои общества и *мы не далеки отъ того времени, когда наказанія тѣлесныя будутъ приводить къ открытому сопротивленію или самоубійству*. Это страшная, но неминуемая крайность".

Какъ мы видимъ, это пророчество сбывается на нашихъ глазахъ. Чувство позора, связанное съ тѣлеснымъ наказаніемъ, ощущается современнымъ намъ крестьяниномъ съ такой силой, что оно выводитъ его нервную систему далеко за предѣлы нормальныхъ колебаній и вводитъ въ область патологическаго аффекта. У крѣпкихъ и здоровыхъ людей возможенъ еще возвратъ къ ду-

---

[1]) «Міръ Божій», 1897. Апрѣль. «Встрѣчи».

[2]) Юридич. Вѣстн. 1892. Кн. 7—8, стр. 410.

шевному равновѣсію и здоровью, хотя и относительный, такъ какъ позорное клеймо тяготѣетъ надъ нимъ всю жизнь; но у людей неуравновѣшенныхъ подобные аффекты влекутъ тяжкія и непоправимыя послѣдствія для психическаго здоровья или для жизни, въ чемъ читатели легко убѣдятся изъ нижеслѣдующихъ фактовъ.

Самоубійства подъ вліяніемъ тѣлесныхъ наказаній. Для краткости и въ виду излишества въ данномъ случаѣ всякихъ коментарій, мы ограничимся простымъ перечисленіемъ относящихся сюда фактовъ:

Крестьянинъ Минской губ.[1]), Игуменскаго уѣзда, дер. Перевоза, К. К—ковъ, 21 года, красавецъ, атлетъ по сложенію; въ 1896 году присужденъ къ 15 ударамъ розогъ. Еще приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе, какъ онъ получилъ повѣстку въ въ волостной судъ по другому дѣлу, которое снова грозило розгами; въ тотъ же день онъ найденъ въ *своей избѣ повѣсившимся*, при чемъ въ рукахъ его найдена злополучная повѣстка...

Въ с. Столповѣ[2]), Житомірскаго уѣзда, Волынской губерніи, жилъ крестьянинъ Никифоръ Соплякъ, 25 лѣтъ, съ женою Маріанной; жили они, подобно всѣмъ крестьянскимъ семьямъ, безъ особаго разлада, но и не какъ голубки. Послѣдній годъ Маріанна стала жаловаться сосѣдямъ на охлажденіе къ ней мужа; по совѣту сосѣдей она пожаловалась старостѣ, а тотъ порѣшилъ самолично сдѣлать внушеніе Сопляку. Съ сотскимъ и 7-ю крестьянами староста явился въ домъ Сопляка и объявилъ послѣднему, что онъ—староста находитъ нужнымъ подвергнуть его наказанію розгами—15 ударами. Соплякъ сначала принялъ это за простое желаніе припугнуть его, такъ какъ къ розгамъ приговариваютъ только въ волости. Но староста тутъ же на мѣстѣ доказалъ ему, что съ нимъ не шутятъ; Соплякъ оказалъ отчаянное сопротивленіе и *получилъ только два удара.* Послѣ этого сѣченія Соплякъ затосковалъ, сталъ пропадать изъ дому и вообще проявлять признаки крайне угнетеннаго состоянія; черезъ нѣсколько дней онъ забрался во дворъ своего брата и намѣревался повѣситься, но братъ замѣтилъ и предотвратилъ самоубійство. Однако, Соплякъ не ограничился одной попыткой: черезъ нѣсколько дней онъ улучилъ удобную минуту и *повѣсился въ собственной хатѣ.*

---

[1]) «Биржевыя Вѣдомости», 1897 г., 20 октября, № 266.

[2]) «Смоленскій Вѣстникъ», 1897 г., № 3, перепечатано изъ газеты «Волынь». Повидимому, тотъ же фактъ перепечатали и «Русск. Вѣдомости» (1897 г. № 264) въ слѣдующемъ видѣ: «Крестьянинъ села Сколобова, Красносельской вол., Никифоръ С. за какую то неважную провинность былъ по требованію громады высѣченъ публично розгами *(получилъ всего два удара).* Эта расправа такъ повліяла на С., что онъ, не вынеся позора, на второй же день лишилъ себя жизни, повѣсившись на перекладинѣ въ собственной клунѣ».

Переяславскій уѣздный врачъ *Вл. К. Шиллъ*—письменно сообщаетъ слѣдующій случай изъ своей судебно-медицинской практики: одинъ крѣпкій и здоровый крестьянинъ, 35—40 лѣтъ, былъ приговоренъ къ наказанію розгами за неплатежъ какихъ то денегъ. Наканунѣ приведенія приговора въ исполненіе, этотъ крестьянинъ *удавился*, желая избавиться отъ позорнаго наказанія.

Въ 1893 году въ с. Порзовѣ, Петровскаго уѣзда [1]), Саратовской губерніи *повѣсился* крестьянинъ, 40 лѣтъ, зажиточный хозяинъ. Онъ былъ приговоренъ волостнымъ судомъ къ тѣлесному наказанію за замѣченное въ послѣднее время пьянство и мотовство. Поданная имъ жалоба въ съѣздъ не была принята по формальному упущенію, и *страхъ передъ позорящимъ наказаніемъ заставилъ его наложить на себя руки.*

Докторъ *П. А. Соломинъ* описываетъ слѣд. случай самоубійства послѣ тѣлеснаго наказанія. Въ февралѣ 1888 года въ Омскую дисциплинарную роту одновременно поступило изъ разныхъ частей войскъ два солдата—татаринъ, 22 лѣтъ, и русскій Ф. И., 23 лѣтъ, и по правиламъ на первые 14 сутокъ посажены были въ одиночные карцеры. Не прошло и $1^1/_2$ недѣли, какъ И., обыкновенно неразговорчивый и угрюмый, подговорилъ своего товарища по заключенію уничтожить казенныя вещи; имъ удалось сжечь въ топившихся печахъ бѣлье, халатъ и проч. Такъ какъ преступленіе это было выдающееся, то начальникъ роты не рѣшился самъ наказать виновныхъ и передалъ ихъ суду при мѣстномъ резервномъ батальонѣ. Судъ назначилъ каждому по 250 ударовъ розгами. Отношеніе обоихъ къ наказанію было различное: татаринъ кричалъ отъ боли, визжалъ, вертѣлся, рвался, кусался; мрачный же и блѣдный какъ смерть И., стиснувъ зубы, лежалъ во время наказанія совершенно неподвижно, (конечно, будучи удерживаемъ крѣпкими руками), и не издалъ ни одного звука. Оба были лечены потомъ въ госпиталѣ около недѣли. По возвращеніи въ роту наказанные были размѣщены въ разныхъ взводахъ съ тою цѣлью, чтобы И. не вліялъ и дальше на слабохарактернаго татарина. Послѣдній скоро освоился съ своимъ положеніемъ и былъ, кажется, недурнымъ товарищемъ. И.—же ни съ кѣмъ не разговаривалъ, глядѣлъ изъ подълобья, имѣлъ мрачный, угрюмый видъ. Въ началѣ марта, вскорѣ послѣ наказанія, одинъ изъ кадровыхъ унтеръ-офицеровъ подмѣтилъ, какъ И. спряталъ въ укромный уголъ (въ нетопившуюся печь) пращу, сдѣланную изъ длиннаго узкаго холщеваго мѣшка съ положеннымъ на дно камнемъ (полъ-кирпича). Пойманный съ

[1]) В. Семевскій «Необходимость отмѣны тѣлесныхъ наказаній», стр. 49.

поличнымъ, И. упорно молчалъ на всякіе вопросы и до выясненія дѣла вновь былъ заключенъ въ одиночный карцеръ. Черезъ недѣлю въ одно утро онъ найденъ былъ *повѣсившимся* на связанныхъ полотенцахъ изъ разодранной простыни, привязанныхъ къ рѣшеткѣ окна. Врачи дали заключеніе, что И. могъ лишить себя жизни только подъ вліяніемъ временнаго умопомѣшательства.

Д-ру *В. Ф. Бушуеву*[1]) въ 1897 году пришлось вскрывать осужденнаго рядового, который *предпочелъ смерть черезъ самоповѣшеніе*— дисциплинарному батальону съ его розгами.

Въ Александровскомъ округѣ (на Сахалинѣ)[2]) былъ наказанъ тѣлесно ссыльно-каторжный Д., который послѣ этого *застрѣлился.*

Мальчикъ 15 лѣтъ *повѣсился* отъ страха быть наказаннымъ розгами[3]).

На разсмотрѣніи Вятскаго врачебнаго отдѣленія было судебное дѣло: *повѣсилась* 13-лѣтняя дѣвочка изъ боязни тѣлеснаго наказанія[4]).

Въ газетѣ „Вятскій Край", два года тому назадъ былъ опубликованъ случай, что крестьянинъ послѣ сѣченія розгами *бросился въ колодезъ*[5]).

Уже 30 лѣтъ, какъ отмѣнено тѣлесное наказаніе для женщинъ, и за этотъ періодъ у крестьянокъ воспиталось до извѣстной степени чувство собственнаго достоинства, сознаніе позорности сѣченія, а къ тому же и чувство женской стыдливости въ деревняхъ не оскорбляется теперь такъ, какъ въ былое крѣпостное время, когда крестьяне и крестьянки третировались какъ рабочій скотъ. Разъ тѣлесное наказаніе женщинъ закономъ воспрещено, подобныхъ приговоровъ волостного суда не бываетъ, и сельскія власти продѣлываютъ изрѣдка подобныя незаконныя дѣла только подъ вліяніемъ водки и по особой просьбѣ родственниковъ, обыкновенно мужей (подобные случаи отмѣчались на нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ, когда шелъ вопросъ о возбужденіи ходатайствъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній). Чаще мужья и родители расправляются сами или при помощи сосѣдей. Но оказывается, что крестьянки и мѣщанки не выносятъ теперь и такой домашней расправы. Таковы факты, сообщенные *С. Южаковымъ*[6]).

Въ селѣ Каменскомъ, Екатеринославской губерніи, мѣщанинъ

---

[1]) «Врачъ» 1897, № 41 «По поводу тѣлесныхъ наказаній въ войскахъ».

[2]) Д-ръ *Н. С. Лобасъ*. «Островъ Сахалинъ. Къ вопросу о тѣлесныхъ наказаніяхъ», «Врачъ» 1898 г., № 26.

[3]) Сборникъ сочиненій по судебной медицинѣ, 1875 г. Т. II, стр. 82.

[3]) [4]) и [5])—приведено согласно письменному сообщенію д-ра Целеритскаго.

[6]) «Русское Богатство», 1894 г., № 11. Хроника внутр. жизни, стр. 169, 170.

Дудкевичъ вознамѣрился высѣчь свою взрослую дочь Софью; чтобы избѣгнуть этого позора, дѣвушка *отравилась* уксусной кислотой.

Въ С.-Петербургскомъ уѣздѣ одна крестьянская дѣвушка, высѣченная отцомъ, *утопилась* со стыда.

Въ Иркутской губерніи недавно женившійся крестьянинъ заподозрилъ свою жену въ невѣрности; по соглашеніи съ ея отцемъ, онъ призвалъ жену въ волостное правленіе, угостилъ предварительно тестя и старшину и затѣмъ высѣкъ жену. Возвратившись домой, молодая женщина *всадила себѣ ножъ въ животъ*; будучи отвезена въ больницу, она вылѣчилась, но навсегда осталась калѣкой, неспособной къ труду.

Психическое разстройство подъ вліяніемъ страха передъ экзекуціей или вслѣдъ за ней. Такъ какъ въ большинствѣ случаевъ въ психіатрическія больницы [1]) помѣщаютъ больныхъ не родственники, а администрація, сельскія власти и т. п., то обыкновенно врачи-психіатры не имѣютъ свѣдѣній о прошломъ больныхъ, а потому только самая ничтожная часть случаевъ, гдѣ психозъ былъ вызванъ розгами, попадаетъ въ печать, въ отчеты. Мы можемъ привести слѣдующія наблюденія:

Крестьянинъ [2]) Московской губ., Дмитровскаго уѣзда, Рогачевской волости, А. Я. М—нъ, 30 лѣтъ, женатъ, имѣетъ 3 дѣтей; отецъ его былъ пьяница и страдалъ душевнымъ разстройствомъ; самъ М—нъ злоупотреблялъ спиртными напитками и перенесъ бѣлую горячку весною 1895 года; спустя 1—1½ мѣсяца послѣ этого, „за нетрезвый образъ жизни и разстройство своего имущества“—онъ былъ приговоренъ волостнымъ судомъ 13 іюля 1895 г. къ 10 ударамъ розогъ; но не успѣлъ еще этотъ приговоръ войдти въ законную силу, какъ 27 іюня того же года „за произведенное въ публичномъ мѣстѣ буйство и за появленіе въ публичномъ мѣстѣ въ пьяномъ до безпамятства видѣ“ онъ былъ вторично приговоренъ къ 15 ударамъ розогъ. По вытрезвленіи, узнавъ объ ожидающихъ его розгахъ, М-нъ сталъ употреблять всѣ усилія, чтобы избавиться отъ такого позора,—но наслѣдственно-предрасположенный и ослабленный личными эксцессами его нервно-психическій организмъ не выдержалъ этихъ тягостныхъ эмоцій: 12-го

---

[1]) За исключеніемъ Московской и С.-Петербургской губ., гдѣ практикуются особенные способы пріема, въ остальныхъ губерніяхъ, судя по отчетамъ, въ сложности ⅔ больныхъ доставляются администраціей, судомъ и проч., и только ⅓—родственниками.

[2]) Личные наблюденія д-ра В. И. Яковенко; предварительныя свѣдѣнія о больномъ собраны на мѣстѣ его жительства д-ромъ Харизоменовымъ.

сентября 1895 г. М-нъ вдругъ заболѣлъ психическимъ разстройствомъ въ очень бурной формѣ и по настоящее время (1899 годъ) онъ находится въ психіатрической болницѣ Московскаго губернскаго земства. 2-го ноября 1895 г. *оба приговора* волостнаго суда *были отмѣнены* земскимъ начальникомъ (съ замѣною 7-дневнымъ арестомъ), но было уже поздно: за проступокъ, для котораго было вполнѣ достаточно 7-дневнаго ареста, М-нъ, благодаря приговору къ розгамъ, даже не приведенному въ исполненіе, заплатилъ потерею разсудка!

Крестьянинъ [1]) Кирсановскаго уѣзда, Тамбовской губ., с. Ржаксы, С. П-въ, 37 лѣтъ, поступилъ въ Тамбовскую психіатрическую лѣчебницу въ 1896 году для испытанія умственныхъ способностей, такъ какъ обвинялся въ „оскорбленіи святыни“. Его прошлое таково: два родныхъ его дяди были душевно-больные; въ 1884 году, т.-е. когда П-ву было 25 лѣтъ отъ роду, онъ былъ подвергнутъ тѣлесному наказанію розгами, *послѣ чего* рѣзко измѣнился: изъ трудолюбиваго работника сталъ юродивымъ, забросилъ хозяйство и т. п. При наблюденіи въ больницѣ оказалось, что онъ страдаетъ первичнымъ помѣшательствомъ съ религіознымъ бредомъ.

Въ концѣ 70-хъ годовъ одинъ [2]) интеллигентный арестантъ, содержавшійся въ домѣ предварительнаго заключенія и подвергнутый тѣлесному наказанію по распоряженію С.-Петербургскаго градоначальника, заболѣлъ послѣ этого психическимъ разстройствомъ и окончилъ свое существованіе въ окружной Казанской психіатрической больницѣ.

Крестьянинъ деревни [3]) Варьки, Мокринской волости, Гжатскаго уѣзда, Смоленской губ,, Иванъ Матвѣевъ, 40 лѣтъ, былъ когда-то уважаемымъ односельцами хозяиномъ и служилъ старостой; у него семья, состоящая изъ жены и двухъ дѣтей, 13—15 лѣтъ. Во время службы онъ чѣмъ то не угодилъ старшинѣ и былъ удаленъ отъ должности за „нетрезвость“. Чувствуя себя обиженнымъ, Матвѣевъ сталъ тосковать и пить больше обыкновеннаго и однажды, въ пьяномъ видѣ, упрекнулъ старшину за прежнюю „хлѣбъ-соль“. Старшина разсердился и скоро припомнилъ этотъ упрекъ Матвѣеву. Послѣдній оскорбилъ чѣмъ-то крестьянку; дѣло перешло въ волостной судъ, который, подъ вліяніемъ старшины, и приговорилъ Матвѣева къ 20 ударамъ розогъ. Приговоренный жаловался земскому начальнику, прося о замѣнѣ розогъ арестомъ, но начальникъ раз-

---

[1]) Медицинскій отчетъ за 1896 г. по Тамбовской лѣчебницѣ для душевно-больныхъ, стр. 48.

[2]) См. *Семевскій*, Русская Мысль, 1897 г., кн III, стр. 45, примѣчаніе.

[3]) Смоленскій Вѣстникъ, 1896 г. № 154.

рѣшилъ высѣчь. Послѣ сѣченія, Матвѣевъ отправился домой, но послѣдній показался ему не роднымъ, жена и дѣти чужими, не милыми. Онъ сталъ избѣгать встрѣчи съ сосѣдями и большую часть времени проводилъ въ уединеніи. „Терзаемый стыдомъ и скорбью о потерѣ чести и всѣхъ преимуществъ крестьянина, Матвѣевъ сталъ задумываться, говорить несвязныя слова, бушевать, драться съ женой, а потомъ и совсѣмъ лишился разсудка. Теперь онъ не знаетъ ни жены, ни дѣтей, покинувъ ихъ на произволъ судьбы, и самъ скитается, гдѣ день, гдѣ ночь, питаясь чѣмъ придется".

Въ мартѣ 1895 года [1]) въ Самарскую земскую больницу для душевно-больныхъ былъ доставленъ съ признаками буйнаго помѣшательства крестьянинъ села Русскихъ Липяговъ, Иванъ Никитинъ Дубровинъ, заболѣвшій за 5 дней до поступленія въ больницу. При выясненіи причинъ, вызвавшихъ заболѣваніе, оказалось, что двѣ недѣли тому назадъ Дубровинъ былъ приговоренъ къ наказанію розгами. Этотъ приговоръ повліялъ роковымъ образомъ на его душевную дѣятельность и послужилъ, по заключенію больничныхъ врачей, единственною причиной болѣзни.

Въ одномъ селѣ [2]) Екатеринославской губерніи жилъ крестьянинъ Х., лѣтъ 50-ти, отецъ довольно многочисленнаго семейства (женатые сыновья жили съ нимъ вмѣстѣ); онъ пользовался довѣріемъ почти у всѣхъ, принадлежалъ къ числу почетныхъ лицъ, 15 лѣтъ былъ смотрителемъ общественнаго магазина и 2-3 трехлѣтія сборщикомъ податей. Г-нъ *Возіановъ* (сообщающій объ этомъ случаѣ) лично зналъ этого крестьянина и характеризуетъ его, какъ честнаго, въ высшей степени симпатичнаго, деликатнаго и интереснаго собесѣдника; но и у него были враги, въ числѣ которыхъ называли старшину. Самое дѣло, поведшее къ печальному исходу, состояло въ слѣдующемъ: сынъ сосѣда, думая осенью раздѣлиться съ отцемъ, предполагалъ у него предварительно взять тайно нѣсколько мѣшковъ пшеницы и просилъ спрятать эти мѣшки крестьянина Х. Послѣдній отказалъ ему въ этой просьбѣ, но черезъ недѣлю къ нему являются съ обыскомъ и находятъ въ его дворѣ въ соломѣ пшеницу сосѣда и, къ тому же, въ общественныхъ мѣшкахъ, бывшихъ, въ это время, у Х., какъ у сборщика. Привлекаютъ его къ суду за кражу и въ результатѣ приговоръ — къ тѣлесному наказанію розгами, такъ какъ Х. не удалось доказать своей невиновности. Вышелъ онъ изъ суда до такой степени потрясенный происшедшимъ, униженный, убитый, что немедленно же заболѣлъ и слегъ въ постель. Уже

[1]) Журналъ Херсонскаго губернскаго земскаго собранія, 1895 г., записка гласнаго П. А. Зеленаго „объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія".

[2]) Сообщено письменно ветеринарнымъ врачомъ П. Возіановымъ.

послѣ суда, въ виду тяжелой болѣзни Х., объявился и настоящій виновникъ [1]) кражи — сынъ сосѣда и во всемъ сознался, но было уже поздно: не прошло и мѣсяца, какъ Х. *умеръ*, и приговора надъ нимъ не привели въ исполненіе.

Хотя *П. Возіановъ* и не сообщаетъ, какая форма болѣзни была у Х., но, судя по этіологіи и исходу, можно заподозрить, что въ данномъ случаѣ имѣлась глубокая психическая депрессія, далеко выходящая за предѣлы нормы.

Въ своемъ сообщеніи *П. Возіановъ*, совершенно справедливо говоритъ: „весь ужасъ закона и доказывается съ особенною ясностью приведеннымъ и подобными ему случаями; не было бы закона о тѣлесномъ наказаніи, не было-бы приговора, и не было-бы этой смерти. Часто важно не примѣненіе закона, не физическая боль, а то мученіе нравственное, тотъ ужасный стыдъ, униженіе и позоръ, которые приходится испытывать человѣку и при томъ иногда, какъ въ данномъ случаѣ,—человѣку съ сильно развитымъ нравственнымъ чувствомъ“.

Въ с. Каинкахъ, Саратовской губерніи, [2]) молодая крестьянка, Марфа Чуплыгина давала показанія передъ судебнымъ слѣдователемъ по дѣлу объ убійствѣ и скомпрометирова двухъ крестьянъ. Показанія Марфы вызвали брань и угрозы въ деревнѣ; однажды, когда она топила баню, къ ней явилось нѣсколько крестьянокъ, накинули ей на голову платье и отстегали. *Послѣ этой расправы Марфа тотчасъ же лишилась разсудка*, бросилась къ себѣ въ избу, схватила своего спящаго ребенка и начала его „крестить“ въ ключѣ, затѣмъ дико хохотать, плакать, безсвязно говорить. Привезенная въ больницу, Чуплыгина была найдена врачами душевно-больной.

Ссыльно-каторжный Букасовъ [3]) подвергался неоднократно тѣлеснымъ наказаніямъ за упорный отказъ отъ работъ и кончилъ жизнь въ отдѣленіи для душевно-больныхъ, страдая тяжелой формой ипохондрическаго бреда!

Ссыльно-поселенецъ Красюковъ [4]) за упорное нерадѣніе къ домообзаводству и за праздношатательство нѣсколько разъ подвергался тѣлеснымъ наказаніямъ (одинъ разъ получилъ 50 розогъ) и

---

[1]) Въ данномъ случаѣ приговоръ надъ *невиннымъ* еще не успѣли привести въ исполненіе; но бываютъ случаи когда *сѣкутъ невинныхъ*: „18-ти-лѣтній крестьянинъ былъ высѣченъ по приговору волостного суда; между тѣмъ спустя нѣкоторое время онъ былъ признанъ уѣзднымъ съѣздомъ невиновнымъ“. (См. Юридическая Газета, 1895 г. № 8, „наказаніе розгами невиновнаго“).

[2]) Русское Богатство. 1894 г. № 11. Хроника внутр. жизни, стр. 169—170.

[3—4]) *Н. С. Лобасъ*. „Островъ Сахалинъ. Къ вопросу о тѣлесныхъ наказаніяхъ“, „Врачъ“ 1898 г. № 26. „Не стану утверждать, говоритъ д-ръ Лобасъ, что причина душевныхъ разстройствъ нѣкоторыхъ арестантовъ (Букасовъ, Красюковъ, Коробейни-

въ настоящее время находится въ отдѣленіи для душевно-больныхъ съ діагнозомъ первичнаго помѣшательства.

Ссыльно-каторжный Смычковъ [1]), подвергавшійся тѣлеснымъ наказаніямъ за проматываніе казенныхъ вещей, находится въ отдѣленіи для душевно-больныхъ.

Ссыльно-поселенецъ Коробейниковъ [2]), находящійся нынѣ въ отдѣленіи для душевно-больныхъ, подвергался тѣлеснымъ наказаніямъ.

Въ Александровскомъ округѣ (на Сахалинѣ) [3]) тѣлесно былъ наказанъ ссыльно-каторжный М., что повлекло за собою тяжелое нервное разстройство, отъ котораго несчастный, наказанный нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и до сихъ поръ еще не оправился.

Ссыльно-каторжный Т. послѣ наказанія [4]), по мнѣнію людей, близко его знающихъ, сдѣлался въ высшей степени страннымъ.

Ссыльно-каторжный Д. [5]), вставъ со скамьи послѣ наказанія, нанесъ оскорбленіе дѣйствіемъ начальнику тюрьмы и съ тѣхъ поръ, не проявляя рѣзкой формы душевнаго разстройства, остался, тѣмъ не менѣе, психически ненормальнымъ человѣкомъ.

Ссыльно-каторжный Василій Васильевъ [6]), наказанный по приговору суда 80-ю ударами плети, заболѣлъ послѣ наказанія острымъ психозомъ съ бредомъ преслѣдованія.

Крестьянинъ Вятской губерніи [7]), Нолинскаго уѣзда, Я. О-въ, будучи подвергнутъ тѣлесному наказанію (за неплатежъ податной недоимки—основаніе вполнѣ незаконное!) осенью 1887 года, вскорѣ послѣ этого (той-же осенью) заболѣлъ тяжелымъ психозомъ и умеръ въ Вятской психіатрической больницѣ. отъ цынги въ 1892 году. Онъ поступилъ въ больницу въ декабрѣ 1888 года въ ступорозномъ состояніи, имѣлъ угнетенный видъ, тоскливое выраженіе лица, расширенные зрачки, мышечное оцѣпенѣніе, ціанозъ покрововъ, особенно конечностей; былъ нѣмъ и неподвиженъ, какъ статуя; по временамъ оцѣпенѣлость смѣнялась жалобами на головокруженіе и головную боль, требованіемъ отпустить домой, нападеніемъ на окружающихъ. Въ одинъ изъ такихъ приступовъ больной залезъ въ печку и получилъ сильные ожоги.

Кр. Соликамскаго уѣзда, Усольской вол., Пермской губерніи, Н. В—нъ, 12 лѣтъ, у котораго [8]) отецъ—пьяница, мать имѣла

ковъ и др.) были именно розги, *но не смѣю этого и отрицать*. Сомнѣніе въ такомъ дѣлѣ вещь великая, и, разъ оно является, то уже это одно служитъ достаточнымъ основаніемъ признать тѣлесное наказаніе мѣрой нецѣлесообразной, чтобы не сказать больше".

[1]) [2]) [3]) [4]) [5]) и [6]) См. Н. С. Лобасъ. L. cit.

[8]) Письменное сообщеніе д-ра *Целеритскаго*.

[7]) Сообщено д-ромъ *Мейеромъ*, завѣдующимъ Психіатрической больницей Пермскаго губернскаго земства.

трехъ мертворожденныхъ дѣтей — былъ подвергнутъ 14 іюня 1898 г. истязанію крапивой и ремнемъ однимъ изъ сосѣдей;— вскорѣ послѣ этого онъ сталъ „какъ-бы остолбенѣлымъ“, пересталъ отвѣчать на вопросы и т. п., а 13 августа - былъ принятъ въ психіатрическую больницу, какъ душевно-больной.

Тѣлесныя наказанія въ примѣненіи къ душевно-больнымъ. Отсутствіе медицинскаго контроля при приведеніи въ исполненіе приговоровъ волостныхъ судовъ, а также при административныхъ и дисциплинарныхъ назначеніяхъ розогъ, служатъ причиной, почему такъ часто примѣняется къ душевно-больнымъ вопіющая, глубоко нарушающая законъ и возмущающая общественную совѣсть — мѣра, а именно тѣлесныя наказанія. Вотъ факты:

Душевно-больной крестьянинъ [1]) Мытищенской волости, Московскаго уѣзда и губерніи, деревни Пушкино, С. Д. О—въ, 47 лѣтъ, съ начинающимся прогрессивнымъ параличемъ помѣшанныхъ, былъ приговоренъ къ 20 ударамъ розогъ, „за то, что перепуталъ полосы ржи и переломалъ чужую рожь“.

Душевно-больной [2]) крестьянинъ деревни Степаньково, Троицкой волости, Московскаго уѣзда и губерніи, З. В. З—овъ, 35 лѣтъ, былъ высѣченъ за то, что потопталъ рожь, находясь въ состояніи эпилептическаго безпамятства.

Душевно-больной [3]) крестьянинъ деревни Лашино, Ильинской волости, Богородскаго уѣзда, Московской губерніи, М. К. Б—новъ, 37 лѣтъ, страдающій хроническимъ первичнымъ помѣшательствомъ, былъ высѣченъ „за побои снохи“.

Недавно [4]) (въ апрѣлѣ 1898 г.) заболѣвшій психозомъ крестьянинъ деревни Кабаново, Васильевской волости, Клинскаго уѣзда, Московской губерніи, В. И. С—ковъ, 20 лѣтъ, приговоренъ волостнымъ судомъ къ 10 ударамъ розогъ за то, что на словахъ грозилъ убить другого крестьянина. Поступленіе больного въ психіатрическую больницу спасло его отъ приведенія въ исполненіе этого приговора.

Въ Смоленскую [5]) психіатрическую больницу въ 1896 году поступилъ изъ тюремнаго замка арестантъ со свѣжими слѣдами тѣ-

---

[1]) [2]) [3]) Эти факты извлечены д-ромъ *В. Яковенко* изъ матеріаловъ статистическаго изслѣдованія душевно-больныхъ Московской губерніи въ 1893 г.; при этомъ изслѣдованіи врачами-психіатрами были осмотрѣны на мѣстахъ жительства всѣ душевно-больные, остающіеся въ деревняхъ. Если-бы подобное изслѣдованіе было произведено во всѣхъ губерніяхъ, то, конечно, число аналогичныхъ фактовъ возрасло-бы до громадной цифры.

[4]) Предварительныя свѣдѣнія о больномъ на мѣстѣ его жительства собраны земскимъ врачемъ Н. И. *Скаткинымъ*.

[5]) Сообщено д-ромъ Н. И. *Поповымъ*.

леснаго наказанія (многочисленныя полосы на заднихъ частяхъ тѣла), которому онъ былъ подвергнутъ по распоряженію тюремной администраціи. Наблюденіе показало, что это—душевно больной, страдающій острой спутанностью (Amentia).

Ссыльно-каторжный[1]) Власовъ (онъ-же Гусевъ), дегенерантъ съ рѣзкимъ слабоуміемъ, за буйство и нежеланіе работать подвергался тѣлеснымъ наказаніямъ, получая иногда по 100 розогъ.

Тѣлеснымъ наказаніямъ[2]) подвергался душевно-больной изъ ссыльно-каторжныхъ—Помякишевъ.

Тоже самое[3]) много разъ испытывалъ другой душевно-больной изъ ссыльно-каторжныхъ—Речиновъ, который самъ про себя говоритъ: „всякія испытанія я перенесъ: испытывали меня розгами, испытывали плетями и прикладами, испытывали кулаками, связывали веревками, но я исполнился духа, испытанія перенесъ, веревки разорвалъ" и т. д.

Въ цитированной уже нѣсколько разъ статьѣ д-ра *Лобаса*[4]) указывается на существованіе среди ссыльно-каторжныхъ людей, если и не душевно-больныхъ въ клиническомъ смыслѣ слова, то во всякомъ случаѣ—*ненормальныхъ*, *дефектныхъ*. Эти несчастные очень часто подвергаются тѣлеснымъ наказаніямъ: „въ каторжныхъ тюрьмахъ можно встрѣтить не малое число арестантовъ, питающихъ неудержимую, болѣзненную страсть къ картежнымъ играмъ. Эти люди проигрываютъ одежду, обувь, свою скудную пищу, даже мѣсто на нарахъ. Истощенные, полураздѣтые, вѣчно голодные, эти несчастные производятъ удручающее впечатлѣніе. Натуры несомнѣнно дефектныя, ко всему на свѣтѣ, кромѣ картъ, относящіяся съ полнымъ равнодушіемъ; эти нищіе духомъ чаще другихъ арестантовъ подвергаются тѣлеснымъ наказаніямъ, къ которымъ тоже относятся съ полнымъ равнодушіемъ. Ссыльно-каторжный Сахроновъ, бывшій солдатъ, пришедшій на каторгу за убійство своего начальника, человѣкъ необыкновенно тихій и скромный, какимъ я его знаю почти пять лѣтъ, весьма часто подвергался тѣлеснымъ наказаніямъ изъ-за страсти къ картежной игрѣ, мѣшавшей ему работать: „не могу отстать" говорилъ онъ мнѣ, „лучше буду розги принимать, я къ нимъ привыкъ". Розгамъ этотъ человѣкъ потерялъ счетъ и, дѣйствительно привыкъ, какъ къ чему то вполнѣ естественному и неизбѣжному. Офицеровъ, Бурлаковъ, Фомиченко, Трушинъ, Рузановъ и другіе—родные братья Сахронова по страсти къ игрѣ и равнодушію къ розгамъ, которыхъ они перенесли огромное количество. Вотъ про кого можно сказать словами Некрасова: „прошли лѣса дубовые".

---

[1])—[4]) См. статью д-ра Н. С. *Лобаса*. «Врачъ» 1898 г. № 26.

Въ мартѣ[1]) 1893 года, въ Полянскую больницу Тверскаго уѣзднаго земства поступилъ крестьянинъ того же уѣзда Василій В—въ, 19 лѣтъ, съ отмороженіемъ обѣихъ стопъ 2-й и 3-й степени. Отмороженіе произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Василій В--въ — *дегенерантъ*, очень вспыльчивый, часто ссорился съ родными. Однажды онъ побилъ свою мать. По жалобѣ отца его должны были подвергнуть тѣлесному наказанію за непочтеніе къ родителямъ. Когда пришли взять его для экзекуціи, онъ выбѣжалъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ изъ избы (дѣло было зимою) въ лѣсъ, причемъ заявилъ, что онъ скорѣе готовъ замерзнуть, чѣмъ подвергнуться тѣлесному наказанію. Изъ лѣса онъ былъ взятъ и доставленъ въ больницу съ отмороженными ногами. Въ больницѣ В—въ проявлялъ большую раздражительность, плакалъ, кричалъ, бранился—особенно при перевязкахъ. Во время отбыванія воинской повинности В—въ внезапно заболѣлъ душевнымъ разстройствомъ (манія) и былъ помѣщенъ въ Нижегородскую психіатрическую больницу.

Вліяніе тѣлесныхъ наказаній на половую сферу въ смыслѣ извращенія полового чувства у наказываемыхъ. Изучая психическое состояніе лицъ, подвергаемыхъ тѣлесному наказанію, необходимо обратить вниманіе еще на одно обстоятельство, играющее важную роль въ нѣкоторыхъ патологическихъ случаяхъ. Профессоръ *Эйленбургъ*[2]) говоритъ: „нѣкоторыя формы перенесенныхъ истязаній и поврежденій способны дѣйствовать непосредственно возбуждающимъ образомъ на нервный половой аппаратъ, вызывая приливъ крови и эрекцію". Вредъ въ этомъ отношеніи касается, главнымъ образомъ, лицъ еще не сформировавшихся, т. е. дѣтей и юношей: „у дѣтей сѣченіе можетъ вызвать преждевременныя явленія полового раздраженія"—продолжаетъ *Эйленбургъ*.

Жакъ-Жакъ Руссо въ своей „исповѣди" говоритъ о томъ, что *сѣченіе*, которое онъ претерпѣвалъ изъ рукъ дѣвицы Ламберсье, *имѣло слѣдствіемъ непреодолимое желаніе къ тому, чтобы и другія женскія особы, возбуждавшія его интересъ, третировали его такимъ же манеромъ.*

Эти факты должны служить предостереженіемъ особенно для педагоговъ, вѣрящихъ въ воспитательное значеніе розги. Быть можетъ, многіе онанисты обязаны своимъ порокомъ розгамъ, примѣнявшимся къ нимъ въ дѣтствѣ.

Исторія болѣзни[3]) одного душевно-больного (монаха, 70 лѣтъ)

---

[1]) Сообщено д-ромъ Н. И. *Поповымъ*.

[2]) Практическая медицина 1897 г. № 4, стр. 116, 124.

[3]) Сообщено д-ромъ В. И. *Яковенко*.

показываетъ, что, будучи въ 50-хъ годахъ въ бурсѣ, онъ перенесъ за все время пребыванія въ ней,—въ сложности 500 ударовъ розгами; съ бурсы же онъ вынесъ непреодолимое влеченіе къ онанизму, которое удержалось у него до глубокой старости.

Такимъ образомъ, розга въ рукахъ педагога можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ (вѣроятно, довольно часто) имѣть послѣдствіемъ у наказываемыхъ тяжелую психическую аномалію въ формѣ онанизма, извращенія полового чувства, преждевременнаго его возбужденія и т. п.

Что касается пробужденія подобныхъ аномалій у свидѣтелей и исполнителей экзекуціи надъ другими, то объ этомъ см. ниже.

В. *Вредное вліяніе тѣлесныхъ наказаній на психическое здоровье наказывающихъ, свидѣтелей и всего общества.* Чтобы представить себѣ, какое вліяніе могутъ производить тѣлесныя наказанія на всѣхъ лицъ, являющихся участниками этой гнусной процедуры, достаточно привести описаніе картины экзекуціи, какъ рисуютъ ее очевидцы.

А. П. *Чеховъ* [1]) рисуетъ слѣдующую картину: „У Прохорова—волосы прилипли ко лбу, шея надулась; уже послѣ 5—10 ударовъ тѣло, покрытое рубцами еще отъ прежнихъ плетей, побагровѣло, посинѣло; кожица лопается на немъ отъ каждаго удара. Послѣ 20—30 удара Прохоровъ причитываетъ, какъ пьяный или точно въ бреду: я человѣкъ несчастный, я человѣкъ убитый... За что-же это меня наказываютъ?.. Вотъ уже какое-то странное вытягиваніе шеи, звуки рвоты... Прохоровъ не произноситъ ни одного слова, а только мычитъ и хрипитъ. Кажется, что съ начала наказанія прошла цѣлая вѣчность, но надзиратель кричитъ только „сорокъ два!“ „сорокъ три!“ до девяносто далеко. Я выхожу наружу. Кругомъ на улицѣ тихо, и раздирающіе звуки изъ надзирательской, мнѣ кажется, проносятся по всему Дуэ. Вотъ прошелъ мимо каторжный въ вольномъ платьѣ, мелькомъ взглянулъ на надзирательскую и на лицѣ его и даже въ походкѣ выразился ужасъ. Вхожу опять въ надзирательскую, потомъ опять выхожу, а надзиратель все еще считаетъ. Наконецъ, девяносто. Прохорову быстро распутываютъ руки и ноги и помогаютъ ему подняться. Мѣсто, по которому били, синебагрово отъ кровоподтековъ и кровоточитъ. Зубы стучатъ, лице желтое, мокрое, глаза блуждаютъ... Когда ему даютъ капель, онъ судорожно кусаетъ стаканъ“...

---

[1]) «Сахалинъ» стр. 466—467.

А вотъ описаніе другого очевидца, д-ра Н. С. *Лобаса* [1]) „Темный, мрачный корридоръ 10-го № Александровской тюрьмы съ бревенчатыми, почернѣвшими стѣнами, сильный запахъ хвои, вѣтки которой разбросаны по полу „для духа“. На одномъ концѣ корридора столъ и нѣсколько табуретовъ для присутствующихъ при наказаніи прокурора, начальника тюрьмы и врача, а на другомъ — странной формы скамья, каторжная „кобыла“, и за ней зловѣщая фигура исполнителя судебныхъ приговоровъ. Костюмъ этого главнаго лица предстоящей драмы бьетъ на впечатлѣніе: на головѣ бѣлый колпакъ, на ногахъ не то туфли, не то опорки; красная рубаха, засученные рукава и плеть дополняютъ портретъ заплечнаго мастера. У стѣнъ, съ одной стороны,—рядъ бритыхъ головъ, сѣрыхъ халатовъ,—съ другой—цѣпь надзирателей, вооруженныхъ револьверами... Мертвая, гнетущая тишина изрѣдка нарушается позвякиваніемъ кандаловъ, робкимъ покашливаніемъ, да шелестомъ бумаги за начальническимъ столомъ... „Кому-то первому?“ написано на блѣдно-сѣрыхъ арестантскихъ лицахъ... „Сидоровъ“ вызываетъ начальникъ тюрьмы ровнымъ, покойнымъ голосомъ. Изъ кучки сѣрыхъ халатовъ нерѣшительно, медленно, гремя кандалами, выходитъ арестантъ. Я вижу побѣлѣвшія губы, глаза затравленнаго звѣря... „Ложись“, говорятъ арестанту: онъ торопливо крестится и ложится на скамью, къ которой его крѣпко привязываетъ палачъ ремнями. Руки приговореннаго обнимаютъ скамью и связываются подъ ней. „Сколько?“ спрашиваетъ надзиратель, обязанный вести счетъ. Шестьдесятъ!—отчеканиваетъ начальникъ тюрьмы... „Берегись!“ (иногда „берегись, ожгу!“—иногда „поддержись!“) и слышится свистъ плети, глухой шлепокъ по обнаженному тѣлу и жалобный, хватающій за душу крикъ... Разъ, два, три... считаетъ надзиратель. Счету вторятъ свистъ и удары плети. Отрывистые крики наказываемаго превращаются въ сплошной вой и ревъ...“

Если читатель содрогается при чтеніи этихъ строкъ; если у каторжника, проходившаго мимо, „на лицѣ и въ походкѣ выразился ужасъ“, то что-же долженъ испытывать врачъ, прокуроръ и т. п., являющіеся зрителями, а отчасти — косвенно — и виновниками подобнаго истязанія человѣка—человѣкомъ, если только у нихъ не огрубѣло сердце, если сохранилась въ ихъ душѣ хотя капля человѣколюбія и состраданія, если завѣты Христа не позабыты ими по оставленіи школьной скамьи!.. Намъ думается, что, если-бы судьи, приговаривающіе къ плетямъ и розгамъ, обя-

---

[1]) loc. cit.

заны были-бы сами-же приводить въ исполненіе свои приговоры, обязаны были-бы взять въ руку плеть палача и наносить ею удары по тѣлу истязуемаго,—то можно было-бы быть вполнѣ увѣреннымъ, что ни одинъ судья не рѣшился-бы произносить подобнаго приговора. Не даромъ-же экзекуція плетьми не производится въ предѣлахъ Европейской Россіи; эта процедура продѣлывается по закону тогда, когда осужденный перешагнетъ границу Сибири: на такомъ разстояніи не слышно уже воплей жертвы правосудія!.. „Ради какой-то воображаемой справедливости, говоритъ Ф. И. *Достоевскій* [1]), воплощаемой въ истязаніяхъ, врачъ долженъ былъ испытывать *сильныя нравственныя мученія*, отъ которыхъ наиболѣе впечатлительные не могли отдѣлаться всю жизнь“.

Въ очеркѣ „На Покоѣ“ [2]) Д. *Маминъ-Сибирякъ* описываетъ врача, рѣшившагося отдохнуть отъ службы и оставшагося безъ дѣла. Онъ постоянно вспоминаетъ свою прошлую жизнь и службу въ Сибири; мрачныя картины тѣлесныхъ наказаній, истерзанныхъ преступниковъ—встаютъ передъ глазами доктора, не даютъ ему покоя днемъ и будятъ ночью. По ночамъ отъ страха призываетъ онъ своего племянника и слугу и разсказываетъ имъ про ужасы, которые онъ видалъ во время своей службы: „Но всего ужаснѣе, когда приходилось выписывать изъ лазарета для слѣдующей порціи палокъ. Выигрываешь каждую недѣлю, каждый день, каждый часъ. Боже мой, какая мука!.. Въ первое время мнѣ самому дѣлалось дурно, а потомъ и привыкъ, т. е. не привыкъ, а отупѣлъ, какъ человѣкъ тупѣетъ отъ физической боли“. Попробуетъ докторъ заснуть, а ему грезится прошлое въ самыхъ яркихъ картинахъ: „онъ обходилъ тюремные лазареты, гдѣ находились на излеченіи исполосованные преступники; потомъ онъ провожалъ на эшафотъ, потомъ залѣчивалъ наказаннаго для новой экзекуціи. Какія слова мольбы ему говорили, какими полными отчаянія глазами на него смотрѣли, сколько смертной муки въ каждомъ движеніи...“ При этомъ онъ снова просыпался и шепталъ своему слугѣ: „А я хотѣлъ отдохнуть? Развѣ можно думать объ отдыхѣ, когда страшно жить?..“

Д-ръ *Коноваловъ* [3]) говоритъ: „нравственное мученіе, которое, можетъ испытывать каждый изъ этихъ лицъ (т. е. свидѣтелей экзекуціи), можетъ выразиться *въ крайне острой формѣ и даже повести хотя-бы къ временному нервному и психическому заболѣванію*“. Онъ

---

[1]) «Записки изъ мертваго дома» стр. 172.

[2]) Русск. Вѣдомости 1897 г. № 159.

[3]) „Роль и душевное состояніе врача въ назначеніи и при исполненіи тѣлесныхъ наказаній“ 1896 г. стр. 13.

приводитъ примѣръ офицера, который не могъ выдержать зрѣлища наказанія плетьми штрафного солдата и, зажавши уши, бросился бѣжать.

А. П. *Чеховъ* [1]) приводитъ описаніе смертной казни 11-ти человѣкъ и указываетъ на то мучительное состояніе, въ которомъ находились нѣкоторые изъ невольныхъ участниковъ ея.

У современнаго культурнаго, психически здороваго человѣка иной реакціи при видѣ истязанія и мученій другаго, кто бы онъ ни былъ, и не можетъ быть; это вполнѣ нормальная, здоровая реакція. Современная намъ семья и школа, современная наука—имѣютъ въ основѣ идеи любви къ человѣку, состраданіе къ павшему и слабому; эти идеи закрѣпляются съ дѣтства христіанскимъ ученіемъ тоже о любви къ ближнему, а потому на какіе бы софизмы ни опирался законъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, — совѣсть и все внутреннее существо человѣка, воспитаннаго на вышеуказанныхъ основахъ,—не могутъ примириться съ подобнымъ противорѣчіемъ. Итакъ, люди, которыхъ мы должны считать нормальными, вполнѣ стоящими на уровнѣ современной культуры, будучи свидѣтелями тѣлесныхъ наказаній, являются страдальцами, мучениками, а нѣкоторые, быть можетъ, платятся даже полнымъ разстройствомъ своей психики. Но на ряду съ этими людьми, существуетъ много такихъ, которыхъ культура и нравственное ученіе о любви къ ближнему коснулись только съ внѣшней стороны; грубые, животные инстинкты, жестокость къ ближнему и т. п. не проявляются у нихъ, только благодаря усвоеннымъ культурнымъ *привычкамъ*; наконецъ, въ нашемъ обществѣ имѣются еще и люди съ глубокими нравственными дефектами и врожденными патологическими уклоненіями въ психической сферѣ; отъ проявленія патологическихъ инстинктовъ—ихъ сдерживаетъ единственно страхъ передъ закономъ и наказаніемъ. И вотъ, эти двѣ послѣдніе категоріи людей, если случай или служебное положеніе даетъ имъ право назначать тѣлесное наказаніе или приводить въ исполненіе соотвѣтственные приговоры, получаютъ закономъ санкціонированную почву для проявленія своихъ антисоціальныхъ чувствованій. Тѣ инстинкты и тѣ чувствованія, противъ которыхъ религія, культура и наука борются не безъ успѣха уже тысячелѣтія, вдругъ призываются правосудіемъ для выполненія закона!

У людей съ слабымъ развитіемъ человѣколюбія и гуманности, разъ въ ихъ распоряженіе даны розги и плеть, очень быстро атрофируются и эти зачатки; они дегенерируютъ, вырождаются въ людей

---

[1]) „Сахалинъ" стр. 472.

болѣе низкой культуры, болѣе низкой нравственности. Съ точки зрѣнія общественнаго прогресса — это громадный шагъ назадъ, это—болѣзнь общественнаго организма. Что же касается лицъ съ врожденными психическими уродствами, то, получивъ право примѣнять розгу надъ другимъ человѣкомъ, они сразу вскрываютъ свою истинную, болѣзненную природу; подъ покровомъ закона, они даютъ просторъ своимъ болѣзненнымъ инстинктамъ, наприм., извращенному половому чувству и т. п.

Факты, могущіе освѣтить вышеприведенныя соображенія, немногочисленны по весьма понятнымъ причинамъ: психологическіе мотивы, въ силу которыхъ то или другое лицо находитъ для себя удовольствіе, подвергая другихъ тѣлеснымъ истязаніямъ, заложены слишкомъ глубоко въ тайникахъ души, и только въ исключительно благопріятныхъ случаяхъ могутъ стать достояніемъ гласности, печати. Однако такіе факты имѣются, какъ въ литературѣ, такъ и въ наукѣ.

А. П. Чеховъ [1]) на основаніи своихъ наблюденій надъ жизнью каторжниковъ говоритъ: „отъ тѣлесныхъ наказаній грубѣютъ и ожесточаются не одни только арестанты, но и тѣ, которые наказываютъ и присутствуютъ при наказаніи. *Исключенія не составляютъ даже люди образованные*... Иные до такой степени привыкаютъ къ плетямъ и розгамъ и такъ грубѣютъ, что, въ концѣ концевъ, даже *начинаютъ находить удовольствіе въ драньѣ*". Про одного смотрителя тюрьмы Чеховъ разсказываетъ, что когда при немъ сѣкли, онъ насвистывалъ. Другой, старикъ, говорилъ арестанту съ злорадствомъ: „что ты кричишь, Господь съ тобой! Ничего, ничего, поддержись! Всыпь ему, всыпь! Жигани его!" Третій велѣлъ привязывать арестанта къ скамьѣ за шею, *чтобы тотъ хрипѣлъ*; давалъ 5—10 ударовъ и уходилъ куда нибудь на часъ—другой, потомъ возвращался и давалъ остальные.

Одинъ *врачъ*, во время осмотра преступника передъ наказаніемъ плетьми, *позволялъ себѣ издѣваться надъ несчастнымъ* и очень хладнокровно пробылъ все время экзекуціи. Описывая видѣнную имъ сцену наказанія, *А. П. Чеховъ* упоминаетъ о военномъ фельдшерѣ, который „проситъ умоляющимъ голосомъ, точно милостыни: „ваше высокоблагородіе, позвольте посмотрѣть, какъ наказываютъ", и затѣмъ, по окончаніи экзекуціи выражаетъ свой восторгъ, радостно говоря: „люблю смотрѣть, какъ ихъ наказываютъ!.. Люблю! Это такіе негодяи, мерзавцы!"...

---

[1]) «Сахалинъ», стр. 463—467.

Д-ръ *Н. С. Лобасъ* [1]) говоритъ: „правда, человѣчный начальникъ тюрьмы не допуститъ, чтобы палачъ истязалъ приговореннаго, но *много ли найдется такихъ начальниковъ тюремъ на нашихъ сибирскихъ окраинахъ*". Кто изъ служившихъ на каторгѣ не знаетъ стереотипной начальнической фразы, обращаемой къ палачу: „не мажь, крѣпче, рѣже!" (мазать—легко наказывать). Если начальникъ при наказаніи и не говоритъ этихъ словъ, то палачи видятъ ихъ въ глазахъ его... Одинъ начальникъ тюрьмы говорилъ про себя: „я у себя наказываю такъ: положу арестанта на „кобылу", закуриваю папиросу и начинаю ходить отъ одной стѣны помѣщенія, гдѣ наказываются арестанты, до другой. Палачъ знаетъ свое дѣло: какъ только я дошелъ до стѣны—„разъ", вернулся обратно—„два", сдѣлалъ тотъ же путь—„три" и т. д.". Другой начальникъ тюрьмы, котораго я лично знаю, замѣтивъ, что палачъ „мажетъ", беретъ самъ розгу и на арестантѣ показываетъ, какъ нужно сѣчь".

На Стокгольмскомъ международномъ конгрессѣ криминалистовъ (авг. 1878 г.) многіе ораторы высказали слѣдующую, вполнѣ справедливую мысль: „*тѣлесныя наказанія унижаютъ и развращаютъ* заключенныхъ и еще болѣе *чиновниковъ, которые примѣняютъ ихъ*".

Великій знатокъ человѣческой души *Ѳ. М. Достоевскій* [2]) говоритъ: „я не знаю, какъ теперь, но въ недавнюю старину были джентльмены, которымъ возможность высѣчь свою жертву доставляла нѣчто, напоминающее маркизовъ де-Сада и Бренвилье. Я думаю, что въ этомъ ощущеніи есть нѣчто такое, отъ чего у этихъ джентльменовъ замираетъ сердце, сладко и больно вмѣстѣ. Есть люди, какъ тигры, жаждущіе лизнуть крови. Кто испыталъ разъ эту власть, это безграничное господство надъ тѣломъ, кровью и духомъ такого же, какъ самъ человѣка, также созданнаго брата по закону Христову; кто испыталъ власть и полную возможность унизить самымъ высочайшимъ униженіемъ другое существо, носящее на себѣ образъ Божій, тотъ уже по неволѣ какъ то дѣлается невластенъ въ своихъ ощущеніяхъ. *Тиранство* есть привычка; оно одарено развитіемъ, оно *развивается*, *наконецъ*, *въ болѣзнь*. Я стою на томъ, что *самый лучшій человѣкъ можетъ огрубѣть и отупѣть* отъ привычки *до степени звѣря*. Кровь и власть пьянятъ: развиваются загрубѣлость, развратъ; уму и чувству становятся доступны и, наконецъ, сладки самыя ненормальныя явленія. Человѣкъ и гражданинъ гибнутъ въ тиранѣ навсегда, а возвратъ къ человѣческому достоинству, къ раскаянію, къ возрожденію становится для него

---

[1]) loc. cit.

[2]) «Записки изъ мертваго дома», стр. 184 и слѣд.

уже почти невозможенъ. Къ тому же примѣръ, возможность такого своеволія дѣйствуютъ и на все общество заразительно: такая власть соблазнительна. *Общество, равнодушно смотрящее на такое явленіе, уже само заражено въ своемъ основаніи.* Однимъ словомъ, право тѣлеснаго наказанія, данное одному надъ другимъ, есть одна изъ язвъ общества, есть одно изъ самыхъ сильныхъ средствъ для уничтоженія въ немъ всякаго зародыша, всякой попытки гражданственности и полное основаніе къ непремѣнному и неотразимому его разложенію".

Самые добрые люди развращаются видомъ крови и наказаній; нѣкоторые изъ нихъ дѣлаются жестокими, если не слышатъ обыкновенной мольбы о пощадѣ и проч. *Достоевскій* приводитъ нѣсколько примѣровъ развращающаго вліянія тѣлесныхъ наказаній на исполнителей. Поручикъ Жеребятниковъ — до страсти любилъ сѣчь и наказывать палками, когда назначили его экзекуторомъ; онъ былъ „чѣмъ-то въ родѣ утонченнѣйшаго гастронома въ исполнительномъ дѣлѣ. Онъ любилъ, онъ страстно любилъ исполнительное искусство и любилъ единственно для искусства. Онъ наслаждался имъ и, истаскавшійся въ наслажденіяхъ, изобрѣталъ себѣ разныя утонченности, разныя противоестественности, чтобы сколько нибудь расшевелить и пріятно пощекотать свою заплывшую жиромъ душу". Прежде всего, передъ наказаніемъ Жеребятниковъ издѣвается надъ преступникомъ, устраиваетъ съ нимъ одну изъ своихъ любимыхъ *штучекъ*. Одна изъ штучекъ состояла въ *игрѣ въ милосердіе*: преступникъ молитъ о пощадѣ, о болѣе легкомъ наказаніи; Жеребятниковъ съ чувствительнымъ видомъ отвѣчаетъ, что ему самому очень жаль преступника, но наказуетъ не онъ, а законъ. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ или вѣрнѣе надругательствъ надъ преступникомъ, Жеребятниковъ какъ бы уступаетъ и хочетъ помиловать его ради его сиротскихъ слезъ. Арестантъ утѣшенъ и въ полной надеждѣ на легкое наказаніе. Но вотъ грозная процессія тронулась, повели; загремѣлъ барабанъ, замахали первыя палки... „Катай его!" кричитъ во все свое горло Жеребятниковъ, „жги его! Лупи — лупи! Обжигай! Еще ему, еще ему! Крѣпче сироту, крѣпче мошенника! Сажай его, сажай!" И солдаты лупятъ со всего размаха, искры сыплются изъ глазъ бѣдняка, онъ начинаетъ кричать, „Жеребятниковъ бѣжитъ за нимъ по фронту и *хохочетъ, хохочетъ; заливается, бока руками подпираетъ со смѣха*, распрямиться не можетъ, такъ что даже жалко его подъ конецъ станетъ сердешнаго. И радъ то онъ, и смѣшно то ему, и только развѣ изрѣдка перервется его здоровый, звонкій, раскатистый смѣхъ, и слышится опять: „лупи его, лупи! Обжигай его мошенника, обжигай сироту!"

Типъ Жеребятникова, несомнѣнно развратнаго и больного человѣка, вводитъ насъ непосредственно въ область психопатологіи.

Въ медицинской наукѣ твердо установленъ фактъ связи физическихъ истязаній и полового чувства у людей извращенныхъ, ненормальныхъ, съ врожденными или пріобрѣтенными дефектами въ сферѣ нравственнаго чувства. Эта категорія лицъ всецѣло принадлежитъ вѣдѣнію психіатровъ. *Достоевскій*, какъ глубокій психологъ, также подмѣтилъ этотъ патологическій типъ и совершенно вѣрно выразился, что для этого рода людей „нужны наказанія и кровь для подогрѣванія угасающихъ страстей".

Въ сочиненіи проф. *Эйленбурга* [1]), въ главѣ о такъ называемомъ „Садизмѣ", приводится рядъ наблюденій надъ патологическими субъектами, у которыхъ „акты кровожадности, совершаемые мужчиной на тѣлѣ женщины, являются... въ качествѣ удовлетворенія извращенной половой жизни. „*Существуютъ субъекты, которые съ цѣлью достигнуть полового возбужденія, ищутъ случая наблюдать, любоваться зрѣлищемъ насильственнаго дѣйствія одного человѣка надъ другимъ*".

У подобнаго рода извращенныхъ, ненормальныхъ людей—физическая боль, причиняемая другому лицу, обусловливаетъ или усиливаетъ половое наслажденіе. „Этимъ путемъ, говоритъ Эйленбургъ, находитъ себѣ наиболѣе полное выраженіе чувство собственнаго превосходства: чувствовать себя деспотомъ по отношенію къ слабѣйшимъ.... поистинѣ сладострастное наслажденіе для варварски грубаго или болѣзненно огрубѣвшаго чувства".

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ у извращенныхъ лицъ половому акту предшествуетъ бичеваніе по обнаженнымъ ягодицамъ жертвы своего сладострастія. Екатерина Медичи любила собственноручно наказывать розгами наиболѣе красивыхъ изъ своихъ придворныхъ дамъ—исключительно изъ похотливыхъ мотивовъ.

Наблюдались случаи, гдѣ половое возбужденіе наступало у извращенныхъ лицъ даже при *одномъ только представленіи о бичеваніи, совершаемомъ другими на другихъ*. Проф. *Крафтъ-Эбингъ* [2]) указываетъ на то, что при извращеніи полового чувства у стариковъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ *эквивалентомъ половаго акта служитъ для нихъ сѣченіе дѣтей*.

Кто можетъ поручиться за то, что среди лицъ, въ рукахъ которыхъ находится у насъ въ настоящее время власть примѣнять розги, нѣтъ такихъ, для которыхъ эта отвратительная процедура является

---

[1]) Практическ. медицина, 1896 г. № 4. Апрѣль, стр. 110—127. См. также «Половая психопатія» Крафтъ-Эбинга, стр. 41—52.

[2]) «Половая психопатія» стр. 31.

наслажденіемъ и именно—половымъ наслажденіемъ? Что это вопросъ не праздный, доказывается слѣдующими фактами.

Самчевскій [1]), въ своихъ воспоминаніяхъ о Черниговской гимназіи, разсказываетъ о педагогѣ, инспекторѣ гимназіи — Китченко, который былъ величайшимъ любителемъ розогъ. Ежедневно онъ наказывалъ не менѣе 50 учениковъ; вопль и плачъ дѣтей оглашалъ все зданіе гимназіи. Китченко всегда самъ присутствовалъ при сѣченіи, которое производилось его любимымъ сторожемъ Миной". Сѣченіе учениковъ для Китченко было *истиннымъ наслажденіемъ;* это его единственный трудъ на педагогическомъ поприщѣ. Кромѣ сѣченія Китченко ровно ничего не дѣлалъ. Надо было только видѣть, съ какимъ *плотоядным выраженіемъ* на лицѣ разговаривалъ Китченко съ новичкомъ, только что поступившимъ въ гимназію. Однажды поступилъ въ общую квартиру ученикъ 2-го класса Джогинъ, лѣтъ 12, розовый, кругленькій и красивый—кровь съ молокомъ, и отлично выдержанный. Китченко придрался къ нему уже на третій день поступленія и такъ высѣкъ, что когда наказанный явился обратно, лица на немъ не было; нѣсколько дней мальчикъ плакалъ съ утра до вечера, ночи не спалъ изъ страха. „Если мама узнаетъ, она непремѣнно умретъ"—говорилъ товарищамъ Джогинъ. Всѣ успокаивали его, принимая участія въ его горѣ. Послѣ этого случая Китченко такъ *привязался* къ Джогину, такъ сѣкъ его за всякую мелочь, что къ концу перваго года отъ Джогина осталась только тѣнь; полнота и розовый цвѣтъ лица были съѣдены Китченкомъ. Когда въ началѣ іюня пріѣхала мать Джогина и увидала въ общей залѣ блѣднаго, замученнаго своего сына, съ нею сдѣлался обморокъ; она такъ рыдала, глядя на него, что всѣ ученики прослезились. Это была такая сцена, которая на всю жизнь осталась въ памяти присутствовавшихъ, всѣ дѣти понимали и раздѣляли ужасъ и отчаяніе матери. И никто изъ родителей не жаловался на этого мучителя, который потомъ былъ переведенъ директоромъ Житомирской гимназіи.

Анализируя этотъ случай, мы неизбѣжно должны прійдти къ выводу, что подъ педагогическимъ флагомъ — розги въ рукахъ Китченко служили совершено инымъ—низменнымъ цѣлямъ, ничего общаго съ педагогикой неимѣющими.

Совершенно аналогичный фактъ сообщается еще въ воспоминаніяхъ „Стараго кадета" [2]), который разсказываетъ о ротномъ командирѣ З—нѣ слѣдующее: онъ присутствовалъ при сѣченіи

---

[1]) «Кіевская Старина» 1894 г. (цитировано по Джаншіеву. «Эпоха великихъ реформъ»).

[2]) Напечатано въ «Развѣдчикѣ», цитир. въ «Смоленск. Вѣстникѣ» 1897 г. № 251.

кадетъ и при этомъ издавалъ „шипящіе звуки“, *захлебываясь отъ удовольствія* при видѣ истязаній, которымъ подвергались мальчики. Мало того, экзекуціями онъ пользовался для невѣроятныхъ оргій; про одну изъ нихъ „Старый кадетъ „разсказываетъ такъ“: оскорбленный однажды „дерзостью“ кадетъ, упрекнувшій воспитателя въ неисправности, З—нъ выразилъ увѣренность въ томъ, что мы и въ настоящую минуту окажемся неисправными, если насъ подвергнуть самому простому испытанію: посмотрѣть, хорошо-ли мы носимъ бѣлье и умѣемъ-ли скоро раздѣться и одѣться. Для доказательства-же вѣрности своего предположенія З—нъ приказалъ намъ раздѣться до-нага, стоя въ строю, и сложить по особенной формѣ платье и бѣлье, положивъ его передъ собою на полу. Недоумѣвая, что это значитъ, мы живо исполнили приказаніе и черезъ минуту стояли въ строю совершенно голые. Тогда З—нъ схватилъ чьи-то подтяжки и началъ ими стегать насъ направо и налѣво. Спасаясь отъ побоевъ, мы разбѣжались, бросились въ смежный залъ, но дверь оказалась предусмотрительно запертою, и мы долго бѣгали по залу, укрываясь отъ вѣскихъ ударовъ оскорбленнаго и негодующаго педагога. Натѣшившись мщеніемъ, З—нъ приказалъ намъ одѣться, пропѣть вечернюю молитву, и велѣлъ ложиться спать“.

Мержеевскій въ своей „Судебной гинекологіи“ описываетъ стараго пресытившагося помѣщика, который ради возбужденія своей угасающей страсти заставлялъ своихъ служащихъ въ своемъ присутствіи продѣлывать всевозможныя насилія надъ женщинами и дѣвушками.

Тонкій наблюдатель И. С. *Тургеневъ* [1]) подмѣтилъ особенное „*блаженное*“ выраженіе лица у одного сосѣда-помѣщика, съ которымъ онъ, тихимъ лѣтнимъ вечеромъ, распивалъ на балконѣ чай въ то время, когда на конюшнѣ драли провинившагося крѣпостного....

Проф. Н. А. *Оболонскій* [2]) въ своемъ докладѣ „объ извращеніи полового чувства“ приводитъ одинъ характерный случай: больной Г. разсказываетъ, что „у него съ 6-ти лѣтъ появилось влеченіе наносить себѣ удары розгой по задней части тѣла. Уже одно воспоминаніе о сѣченіи доставляло ему удовольствіе; *7-ми лѣтъ онъ мечталъ о томъ, какъ будетъ сѣчь своего сына*“.

Такъ какъ невѣроятно, чтобы 6-ти лѣтній Г. началъ самъ по своему почину подвергать себя сѣченію, то нужно предположить,

---

1) Заимствовано у П. *Обнинскаго*. Юридическій Вѣстникъ 1891 года, №№ 5 и 6, стр. 48—49.

2) Врачъ. 1897 г. № 48.

что неправильное, извращенное и преждевременное развитіе полового чувства у него было вызвано первоначально сѣченіемъ со стороны родителей или наставниковъ—его самого или его товарищей въ его присутствіи.

Вотъ еще аналогичный фактъ [1]). Господинъ X., происходящій изъ аристократическаго рода, получившій высшее образованіе, занимавшій въ разное время довольно видныя должности, отягощенный патологической наслѣдственностью, имѣющій въ числѣ нѣсколькихъ дѣтей сына-эпилептика—былъ крайне нервенъ и раздражителенъ. Обратившись къ врачу за совѣтомъ, онъ сообщилъ о себѣ между прочимъ слѣдующее: будучи еще мальчикомъ 10—12 лѣтъ, онъ *былъ свидѣтелемъ тѣлеснаго наказанія*, произведеннаго надъ крѣпостнымъ; *это зрѣлище вызвало у него половое возбужденіе*; для возобновленія этого ощущенія онъ сталъ затѣмъ просить, чтобы другіе сѣкли его; а будучи уже семейнымъ человѣкомъ, онъ имѣлъ лакея, на обязанности котораго лежало сѣчь своего господина по его требованію для достиженія половаго наслажденія, такъ какъ нормальная супружеская жизнь его не удовлетворяла.

Имѣются многочисленныя наблюденія, доказывающія, что пресыщенные и импотенты, а также дефектные люди, для возбужденія подвергаютъ себя добровольному сѣченію (Flagellatio [2]). Въ Турціи, по словамъ *О. Мочутковскаго* („Врачъ", 1898, № 28, стр. 823), для повышенія половой способности турокъ сѣкутъ розгами и проч. Эти факты, хотя и родственны по существу тѣмъ аномаліямъ, о которыхъ мы говоримъ,—однако не имѣютъ прямого отношенія къ изслѣдуемому нами вопросу, а потому мы не будемъ на нихъ останавливаться.

Развращающее вліяніе тѣлесныхъ наказаній не ограничивается только сферою лицъ, близко стоящихъ къ этому дѣлу: исполнителей, свидѣтелей и судей; оно разливается широко во всемъ обществѣ, отравляя его умственную и нравственную атмосферу и вредно отражаясь даже на лучшихъ представителяхъ общества.

Такіе люди, какъ Н. В. Гоголь, Н. И. Пироговъ, Н. А. Милютинъ и т. п. не могли избѣжать тлетворнаго вліянія этого общественнаго яда: окружавшая ихъ атмосфера розогъ, безправія и произвола—притупила до нѣкоторой степени и у нихъ нравственное чутье и толкнула ихъ на компромиссы.

Вотъ, напримѣръ, какимъ непростительно равнодушнымъ то-

---

[1]) Сообщено д-ромъ В. И. *Васильевымъ*.

[2]) См. работы Эйленбурга, Крафтъ—Эбинга, Тарновскаго.

номъ говоритъ Гоголь [1]) о драньѣ, совѣтуя одному помѣщику не бить крестьянъ: „Мужика не бей: съѣздить его въ рожу еще небольшое искусство; это сумѣетъ сдѣлать и становой, и засѣдатель, и даже староста; мужикъ къ этому уже привыкъ и только-что почешетъ слегка у себя въ затылкѣ. Но умѣй пронять его хорошенько словомъ; ты же на мѣткія слова мастеръ. Ругни его при всемъ народѣ, но такъ, чтобы тутъ же осмѣялъ его весь народъ; это будетъ для него въ нѣсколько разъ полезнѣе всякихъ подзатыльниковъ и зуботычекъ“.

Н. И. *Пироговъ*, будучи попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа, въ началѣ рѣзко и опредѣленно высказался противъ розогъ въ учебныхъ заведеніяхъ, но затѣмъ, подъ давленіемъ большинства кіевскихъ педагоговъ, сохраняетъ розги на практикѣ, хотя и въ сокращенномъ видѣ, и старается дать этому *разумное* (!) объясненіе.

Такое противорѣчіе повело къ крайне ложному положенію и къ ряду непослѣдовательностей, вредныхъ для развитія педагогическаго дѣла въ то время. Все это прекрасно выяснено въ горячихъ статьяхъ Н. А. Добролюбова [2]) „Опытомъ дознано“ говоритъ Н. И. Пироговъ, „что уменьшеніе числа преступленій въ обществѣ и улучшеніе нравственности зависитъ *не столько отъ строгости наказаній, сколько отъ распространенія убѣжденія*, что ни одно преступленіе не останется не открытымъ и безнаказаннымъ. Это-же убѣжденіе должно стараться распространить и между учащимися и доказывать имъ его на дѣлѣ. Имѣя это въ виду, предлагаемыя здѣсь правила о проступкахъ и наказаніяхъ и опредѣляютъ только для немногихъ, исключительныхъ случаевъ, *строгія тѣлесныя наказанія.* Извѣстно, что какъ бы наказаніе ни было жестоко и унизительно, къ нему можно привыкнуть. Человѣкъ пріучился хладнокровно смотрѣть и на смертную казнь. Такъ и розга, часто употребляемая, теряетъ свое нравственное исправительное дѣйствіе. Поэтому гораздо надежнѣе и несравненно сообразнѣе съ правилами благоразумной педагогики принять въ основаніе *не строгость, а соотвѣтственность наказанія съ характеромъ проступка.* Идеалъ справедливаго наказанія есть тотъ, чтобы оно проистекало, такъ сказать, *само собою изъ сущности самаго проступка.* Розгу изъ нашего русскаго воспитанія нужно бы было изгнать совершенно. Если для доказательства ея необходимости и пользы приводятъ въ примѣръ воспитаніе въ Англіи, но на это нужно замѣтить, что

---

[1]) Сочиненія Н. В. Гоголя, т. IV, Москва. 1889 г., стр. 121.

[2]) Сочиненія Добролюбова; т. I; Собраніе литературныхъ статей Н. И. Пирогова. Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами. Отъ дождя да въ воду.

розга въ рукахъ англійскаго педагога имѣетъ совершенно другое значеніе. Гдѣ чувство законности глубоко проникло во всѣ слои общества, тамъ и самыя нелѣпыя мѣры не вредны, потому что онѣ не произвольны. А тамъ, гдѣ нужно сначала еще распространить это чувство, розга не годится. Унижая нравственное чувство, замѣняя въ виновномъ свободу сознанія робкимъ страхомъ съ его обыкновенными спутниками: ложью, хитростью и притворствомъ, розга окончательно разрываетъ нравственную связь между воспитателемъ и воспитанникомъ; она и тамъ не надежна, гдѣ еще существуютъ патріархальныя отношенія. И, если грубое тѣлесное наказаніе и отъ рукъ родного отца дѣлается иногда невыносимымъ, то въ воспитаніи, основанномъ на административномъ началѣ, оно дѣлается унизительнымъ. Но нельзя еще у насъ вдругъ вывести розги изъ употребленія. Пока сѣченныя дома дѣти будутъ поступать въ наши воспитательныя учрежденія, трудно еще придумать что-нибудь другое для наказанія (по крайней мѣрѣ, въ началѣ) въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства. Намъ покуда ничего не остается болѣе, какъ принять за правило: употреблять это средство съ крайней осторожностью и только тамъ, гдѣ позорная вина требуетъ быстраго, сильнаго и мгновеннаго сотрясенія. Но это сотрясеніе тогда только и можетъ достигнуть своей цѣли, когда оно будетъ употреблено рѣдко, но безотлагательно, слѣдуя непосредственно за проступкомъ, очевидность котораго не подлежитъ ни какому сомнѣнію".—Здѣсь что ни фраза, то противорѣчіе, въ которое всегда впадаетъ человѣкъ, защищающій несправедливое дѣло, которому онъ самъ не сочувствуетъ. Такъ, напр. розги полезны для быстраго и мгновеннаго сотрясенія сейчасъ послѣ проступка, а между тѣмъ выработанныя Н. И. Пироговымъ „Правила" требовали созыва совѣта и рѣшенія вопроса о сѣченіи на педагогическомъ совѣтѣ, слѣдовательно, сѣченіе откладывалось надолго послѣ проступка. Не дурно также и увѣреніе, будто-бы сѣченіе не вредно тамъ, гдѣ чувство законности глубоко развито въ обществѣ. Но все это пустяки съ основнымъ противорѣчіемъ: съ одной стороны, розгу слѣдуетъ изгнать изъ нашего воспитанія, а, съ другой, отмѣнить ее нельзя, такъ какъ дѣтей сѣкутъ дома?!

Н. А. Милютинъ [1]), такъ много поработавшій на пользу освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного права, въ засѣданіи редакціонной коммиссіи 3-го августа 1860 года сказалъ по поводу тѣлесныхъ наказаній: „наша аргументація касательно *невозможности* отмѣны тѣлеснаго наказанія выходила изъ того, что оно стоитъ

1) *Семевскій*, l. c.—стр. 2.

по Уложенію въ соразмѣрности съ другими наказаніями для лицъ другихъ податныхъ сословій, не изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія. Мы это оттолкнули, такъ сказать отъ себя. Мы считали, что занимаемся спеціально крестьянскимъ дѣломъ. Я думаю, *противъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній вообще никто между нами возражать не будетъ;* но мы пришли къ заключенію, что Уложеніе о наказаніяхъ простому крестьянину будетъ непонятно" и т. д...

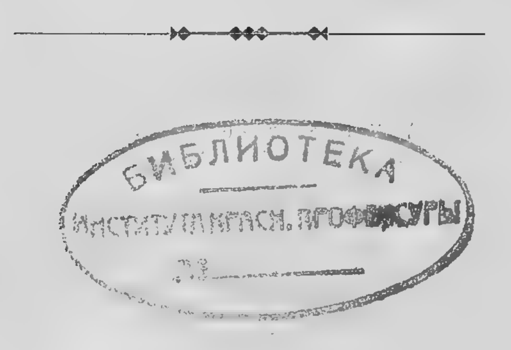
Вотъ образчики того *притупленія чувства справедливости и гуманности*, тѣхъ противорѣчій и компромиссовъ, отъ которыхъ не гарантированы самые передовые люди нашего общества, *пока въ немъ царитъ розга.*

Что же касается менѣе развитыхъ и болѣе грубыхъ по натурѣ людей, то выше мы уже говорили подробно (глава III) и привели примѣры вреднаго вліянія на нихъ тѣлеснаго наказанія, что выражается всевозможными беззаконными побоями, истязаніями и пр.

Совершенно справедливо говоритъ *Семевскій* [1]: *„нужно поспѣшить съ отмѣной розги уже изъ опасенія ея развращающаго вліянія на тѣхъ представителей дворянскаго сословія, которымъ дано право разрѣшать ея примѣненіе"*.

Мы кончили. Если наша работа будетъ одною изъ тѣхъ „капель, которыя дробятъ камень", то мы будемъ считать ее не безплодной; но мы были-бы безконечно рады, если бы она оказалась той каплей, которой суждено переполнить чашу доводовъ противъ существованія позорныхъ наказаній въ нашемъ обществѣ......

Будемъ надѣяться, что съ наступленіемъ XX столѣтія тѣлесныя наказанія у насъ всецѣло отойдутъ въ область исторіи.

[1] Русская мысль 1897 г., кн. III, стр. 52.

